

Олег Витальевич Валецкий

ВОЛКИ БЕЛЫЕ

Сербский дневник русского добровольца 1993–1999

Оглавление

Предисловие

Глава 1. Вышеград

Глава 2. Из Белграда в Сараево

Глава 3. Район Еврейского «гробля» и отряд Алексича. Операция
Тырново–Игмана

Глава 4. Октябрь 1993

Глава 5. Командировка под Олово

Глава 6. Становление 3-го Русского добровольческого отряда

Глава 7. Зимние бои в Сараево

Глава 8. Перемирие в зоне Сараево

Глава 9. Поездка в Москву (апрель – июнь 1994)

Глава 10. Весна-лето 1994 года – смерть Шкрабова и распад отряда

Глава 11. «Белые волки»

Глава 12. Русские в сербской среде

Глава 13. Начало войны в Косово и мое прибытие в Приштину

Глава 14. Дреница

Глава 15. Особенности действий Югославской армии и УЧК

Послесловие

Техническая редакция и печать: Куряшкина Ольга Сергеевна
при участии в обработке некоторых глав Владимира Нодя

Текст публикуется в авторском изложении

Издательство не может нести ответственность за личные
экспертные оценки автора, присутствующие в книге

Предисловие

К этой работе я приступил в 1996 году и рассматривал ее первоначально как дневниковые записи, сделанные по горячим следам. Но потом появилась необходимость осмыслить эти материалы. Задумывать книгу я начал еще в июне 1995 года, после возвращения из Югославии в Россию, но первые главы в относительно законченном виде были написаны в санатории под Предором. Может быть, это помогало не отупеть окончательно в бесполезных и бесплодных разговорах. Со временем работа меня увлекла, и я почувствовал, что обязан завершить начатую книгу. Публикация небольшого отрывка из нее состоялась благодаря инициативе журналиста Малеванного в газете «Патриот» в 1995 году.

Следующие отрывки были опубликованы в журнале «Солдат удачи» (5 и 6 номера за 1996 год) под редакцией Сергея Панасенко, за что я ему очень благодарен. Позднее, в 1999 году, после возвращения из Косово, я написал небольшую статью на основе своей штабной записки времен войны. Эту статью смог опубликовать в Белграде Георгий Джюричич, потомок русских эмигрантов и переводчик с русского языка. К сожалению, я лишь в 2001 году познакомился с компьютером и Интернетом и опубликовал свои записки о Косово в том же «Солдате удачи» (2 и 4 номера за 2002 год) с помощью сотрудника редакции Олега Скиры.

В 2004 году я представил пару глав из этой книги вместе с прочими моими произведениями на сайте покойного Владимира Григорьева «Art of War» (www.artofwar.ru). Поскольку я жил в Боснии и Герцеговине, большую работу по подготовке рукописи вела моя мать Наталья Николаевна на собственные средства.

Так как пересылать материалы из Республики Сербской в Сибирь было весьма непросто, лишь недавно я смог подготовить сокращенный вариант своей книги. Именно поэтому в ней не описан полностью период моего двухлетнего участия в войне в Боснии и Герцеговине как военнослужащего Войска Республики Сербской (согласно военному билету – с 15 марта 1993 до 19 января 1995). Тогда как период моего участия в войне в Косово и Метохии как военнослужащего «Югославского войска» (Армии Югославии) (6 апреля 1999 – 17 июня 1999 г.) охвачен достаточно полно. Возможно, эта работа окажется полезной, хотя бы потому, что дает какое-то оправдание непростым годам, проведенным мною в Боснии и Герцеговине – и вообще в Югославии (ныне – Союзной Республике Сербии и Черногории). Считаю, что книга может быть интересна и военным специалистам.

Вместе с тем, могу заметить на основании своего опыта, что ныне книгами народ не проймешь, и видимо, поэтому книг больше никто не запрещает. К сожалению, в России многие люди самодовольны и до чужого опыта им дела нет. Стало расхожим утверждение, что, мол, «Россия стояла и

стоять будет», хотя этот тезис представляется несколько иррациональным, – дескать, поэтому сербский опыт изучать нет смысла? Конечно, сербы тут блестящим образцом не стали, и сами в немалой мере заслужили тот разгром, который пережила Югославия. Но все же даже в преуспевающей Москве людям следовало бы задуматься, почему в бывшей Югославии, отличавшейся относительно высоким жизненным уровнем, так быстро вспыхнула война, в которой людям все-таки пришлось заняться изучением военных вопросов, уже хотя бы ради собственного выживания.

Я не предлагаю каких-то готовых ответов, но лишь по мере сил вношу свой вклад в решение подобных вопросов, и эта книга, как я считаю, ценна тем, что автор постарался с максимальной точностью передать картину прошедшей войны. Конечно, кое-что я опускал, ибо в противном случае приходилось бы вмешиваться в чью-то личную жизнь, а кое-что старался описывать, не вдаваясь в излишне драматические подробности. Но в любом случае я просто не мог выдумывать мелодрамы о любви или «боевики» с сербскими витязями, русскими «медведями» и толпами моджахедов, ибо это было бы для меня, непрофессионального писателя, – враньем. Конечно, можно было бы издать книгу и в самой Сербии, где любят такие опусы, но вообще-то никакой поддержки от различных сербских «патриотических» организаций я не получил. Однако эту книгу я писал годами не ради сомнительного права стать очередным общественным радетелем за «славянское единство». Я не отрицаю необходимости подобного единства, хотя следует все-таки определиться с идеологией: любое здание нужно строить на твердом фундаменте, а крепкую общественную инициативу – на четком представлении, каково духовное состояние общества. Война лучше всего показывает его состояние, и поэтому пенять на эту книгу – все равно, что пенять на зеркало...

Конечно, ныне подобная манера писать не в моде, почему я и выражаю свою благодарность издательству «Грифон», его шеф-редактору Роберту Робертовичу Оганяну, и главное, генеральному директору издательства, Елене Эдуардовне Будыгиной, все-таки решившимся опубликовать столь «нетипичную» книгу¹.

¹ Замечание шеф-редактора. Шеф-редактор – как литератор, переводчик и консультант по многим вопросам, – посчитал себя вправе дать краткую оценку этому литературному труду Олега Витальевича Валецкого, пусть даже описанный опыт непростых военных перипетий мало комментируется в книге с точки зрения морали – это уж дело автора. Однако профессионализм и личное мужество всегда и везде ценятся очень высоко, посему редактор, вне зависимости от обстоятельств, должен выразить автору книги свое личное уважение и отдать ему поклон.

Глава 1. Вышеград

Теплый майский день 1993 года, я сижу за столом кафе Белградского железнодорожного вокзала и пью пиво из полулитровой кружки. Со мной мои боевые товарищи по нашему русскому добровольческому отряду, находившемуся с начала марта 1993 года под Вышеградом [небольшой город на реке Дрина в Восточной Боснии. – *примеч. ред.*] в Республике Сербской (образованной в Боснии и Герцеговине). Мы уже второй день дежури́м на вокзале, чтобы встретить своих товарищей из Вышеграда. За это время мы видели двух русских добровольцев, возвращающихся домой из Республики Сербской Краины, потом еще одного русского, неведомо какими путями попавшего в Сербию – в состав специальной милиции, действовавшей в Косово. Попались нам на глаза кикбоксёры из Петербурга, но обоюдного желания продолжить знакомство у нас не возникло. Куда более приветливой и симпатичной, в отличие от героев спортивных побед, нам показалась девушка Илона из Днепропетровска. Она следовала домой не по собственному желанию, а из-за печати о депортации, поставленной ей местной полицией: Илона завершила свои обязанности танцовщицы в стриптиз-баре.

Тогда, после двух месяцев скитаний по боснийским горам, очень хотелось встретить своих земляков, но после долгожданного свидания с ними на местном базаре в Белграде ностальгия быстро улетучилась.

Впрочем, в отличие от моих товарищей, меня возвращение домой вообще не интересовало, так как никаких особых обязательств в России я не имел. Зато чувствовал глубокую неудовлетворенность, так как, провалявшись после ранения месяц в больнице города Ужице (Сербия), а до этого пробыв на фронте всего один месяц, ветераном себя назвать никак не мог. Да и эту войну я еще как следует не распробовал и поэтому очень хотел принять участие в какой-либо большой военной операции.

Не стану упоминать о предварительных переговорах, предшествовавших моей миссии на войне в Югославии.

Я воевал в составе бригады, собранной из сербов Горажде [крупнейший мусульманский анклав в Восточной Боснии. – *примеч. ред.*]. Толкового порядка там я не увидел. Наш отряд почти все время проводил в горах, лишь изредка посещая свою базу в штабе бригады, большом сербском селе Семеч: после мы опять уходили в горы.

Мой отряд состоял из сербов, казаков из-под Ростова-на-Дону, добровольцев из Москвы, Саратова и прочих городов бывшего СССР, общей численностью до 35 человек. Большая часть нашего отряда прибыла организованно из Москвы, остальные присоединились в Вышеграде (это были 8 человек из Питера, приехавшие на 2 недели раньше). Несколько человек

перешли к нам из предыдущих добровольческих отрядов: 2-го РДО [Русский добровольческий отряд. – *примеч. ред.*], ушедшего в район горного массива Маевица, и казачьего отряда, переставшего существовать в феврале 1993 года.

Мы попали в сложную ситуацию, так как положение в Вышеграде сильно изменилось с ноября 1992, когда здесь появился 2-й РДО. Тогда сербские власти ощущали потребность в обороне: противник свободно передвигался по горам, непосредственно расположенным над самим Вышеградом. Войск у местного командования было мало, и его главную силу составляла лишь «интервентная чета» (рота быстрого реагирования) под командованием местного парня Бобана Инджича, да и та – далеко не в полном составе. В этих условиях приходилось искать людей, умеющих владеть оружием и способных выполнять ответственные задачи, поэтому сюда приезжали не только отряды «специальной» милиции Сербии, но и добровольцы из Сербии и Черногории.

С одной из таких групп добровольцев мы познакомились сразу же по прибытии в Вышеград, они называли себя «скакавцы» (кузнечики).

В Республике Сербской и Республике Сербской Краине, которые являлись федерациями (а в некотором отношении, скорее, конфедерациями), местные власти были своего рода государством в государстве: даже порой самостоятельно определяли направление военных операций, разумеется, прежде всего, в интересах своих общин.

Всего за период с начала ноября по конец мая, в операциях под Вышеградом приняли участие около двухсот русских добровольцев. Действовали они в самое тяжелое для города время. Ведь части ЮНА [Югославской народной армии. – *примеч. ред.*] в лице Ужичкого корпуса, взявшего Вышеград 15 апреля 1992 года и уже почти захватившего Горажде, были в мае-июне возвращены в Сербию, и местные сербы оказались предоставлены сами себе – перед угрозой многочисленной группировки мусульман (почти двадцать тысяч человек). Опасность усиливало соседство с мусульманами из Санджака.

Впрочем, нельзя тут сербов представлять исключительно жертвами мусульман. Скорее, были они, прежде всего, жертвами собственной лени. Конечно, многие другие народы нынешнего мира могли в подобной ситуации проявить себя и хуже сербов, но оценивать кого-то по худшим примерам – все же дело неразумное. Между тем сербская власть несколько не была озабочена моральным состоянием собственного народа: скорее, наоборот, подавала ему отрицательный пример, ввергнув страну в хаос беззакония и коррупции. Тут уж явно было не до «высоких материй». Стоит ли удивляться, что войска Республики Сербской, получившие значительную часть вооружения и техники ЮНА (несколько сотен танков, а также БТР и БМП, две-три тысячи орудий и минометов различных калибров), уже в начале войны терпели поражения от фактически партизанских отрядов мусульман, плохо организованных и еще хуже вооруженных (не хватало даже карабинов и

патронов к ним). Хотя мусульманские отряды в некоторых районах зачастую действовали в полном окружении сербов.

Превосходство в вооружении сыграло отчасти и отрицательную роль, так как смелые и инициативные командиры в сербских войсках нужны не были, и все в свои руки взяла местная номенклатура, озабоченная, помимо вопросов собственного обогащения, выполнением парадоксального приказа сверху, то есть из Белграда, – «ни шагу вперед».

Почему поступил такой приказ осенью 1992 года? Почему остановили все крупные наступательные операции сербских войск? Был вопрос к дипломатам и политикам, в том числе – международного уровня. Однако было ясно, что сербы, не желая вести большие наступательные операции, часто оказывались не в состоянии проводить и малые.

Зато с большим энтузиазмом местная власть стала поощрять этнические чистки, проводившиеся как раз номенклатурным аппаратом под руководством из Белграда. Почему так произошло – вопрос не для этой работы, но сводить все дело к мести за гражданскую войну, шедшую в 1941–1945 годах, нельзя. Конечно, любое государство имеет право поступать так, как считает нужным, но тогда нужно уметь предвидеть последствия. Какие бы мусульмане ни были, а на арабов они точно не походили: иные наши добровольцы удивлялись, впервые увидев светловолосых пленных мусульман. Но если только в том же Вышеграде перебили весной-летом 1992 года свыше тысячи мусульман, причем как раз гражданских (в том числе женщин и детей), то как-то нелогично ожидать, что по соседству мусульмане в Горажде, Сребренице и Жепе не будут сопротивляться. К тому же трупы частенько выплывали по течению реки Дрины недалеко от Сребреницы и Жепы, и удивляться тому, что оттуда сербы были выгнаны, нельзя. Удивляться можно было лишь той недобросовестности, которую проявили сербы в отношении к военному делу, словно не они, а кто-то другой находился в состоянии войны.

Сформировавшаяся сербская Горажданская бригада имела в составе человек триста, а Вышеградская бригада была раза в три больше. В Руде также сформировалась бригада, по численности сопоставимая с Вышеградской. Впрочем, численность эта весьма условна, ибо у сербов были раздуты тылы, на помощь которых, как всегда, рассчитывать не приходилось. Русские же добровольцы входили в состав «интервентных» (ударных) отрядов, которые в этой войне несли главную тяжесть маневренных операций – «акций» (по-местному). Сербь могли рассчитывать, помимо интервентной четы Бобана Инджича из Вышеградской бригады, только на интервентный взвод из Горажданской бригады. Были также группы добровольцев из Сербии и Черногории. Русские добровольцы усиливали местные войска не только количественно, но и психологически, давая сербам значительную моральную поддержку, тем более, неприятельская пропаганда продолжала твердить об участии в боевых действиях тысяч русских наемников.

В этой связи напомним несостоявшееся взятие Горажде Ужичким корпусом ЮНА, в апреле 1992 года уже очистившим Вышеград от мусульманских боевиков, установивших там власть СДА [Странка демократской акции (Партия демократического действия), боснийская мусульманская партия. – *примеч. ред.*], преследовавшей сербов. Тогда же был «зачищен» соседний городок Руде. Ужичкий корпус наступал без всяких препятствий, и впереди его действовало несколько «интервентных» групп, обеспечивающих относительно безопасное продвижение техники. Многие местные сербы, бежавшие в села от власти СДА, а то и в леса, присоединялись к войскам в качестве проводников. Конечно, люди гибли. Так, в одном тоннеле оказались запертыми со стороны мусульман несколько сербских бойцов: их вызволили через девять дней, и в живых осталось двое (об этом позднее в Сербии был снят художественный фильм «Лепя села лепя горе» – «Красивые села красиво горят»).

Сами местные мусульмане Подринья (область вокруг городов Вышеград, Руде, Рогатицы, Братунца, Сребреницы) воспринимали всю эту область как свою вотчину. Но их упорство и храбрость все же были сломлены: ЮНА уже почти вошла в Горажде. Однако затем генерал Ойданич, тогдашний командир Ужичкого корпуса, а впоследствии командующий всем югославским войском, по требованию свыше приказал частям ЮНА отходить в Сербию. Заменили их местные сербы, в то время хоть и лучше вооруженные, чем мусульмане, но плохо обученные, а главное, морально неподготовленные. В конце концов, мусульмане, в большом числе согнанные в Горажде, особенно в соседние села, так и не «зачищенные», пошли в августе в контрнаступление. В результате сербы потеряли: до двухсот человек убитыми, около тысячи – пленными (в том числе гражданских лиц), а также немалое количество орудий, минометов, танков и бронетранспортеров. Мусульмане тогда дошли за месяц до самого Вышеграда, и среди местных сербов настроения были не из приятных. Многие, обвиняя власть в предательстве, вообще уезжали из Республики Сербской.

Уже после войны, в одной телепередаче генерал Манойло Милованович, бывший начальник штаба ВРС [Войска Республики Сербской. – *примеч. ред.*], обвинил четверых сербских функционеров в продаже Горажде за 27 миллионов немецких марок [по современному курсу валют это составляет примерно 17 млн евро. – *примеч. ред.*], но следствия, конечно, так никто и не начал.

Приход первых русских добровольцев еще в ноябре во многом спас Вышеград, что признавали и многие мусульмане, говорившие, однако, о тысячах «руссов» под Вышеградом. Но и сами русские добровольцы давали основания для подобных заявлений, ибо воевали, действительно, «один за десятерых». После первого русского отряда «Царские волки» или 2-го РДО, прибывшего сюда в начале ноября 1992 года и достаточно хорошо себя

показавшего (потери: один, Андрей Нименко, убит, и несколько бойцов ранено), в декабре в Вышеград прибыло пятьдесят казаков.

Одна из первых «казацких» акций в районе Вышеграда – контрудар под сербским городом Руде, где совместно с ними действовали и добровольцы 2-го РДО. Этому предшествовало нападение мусульман на позиции бригады из Руде: дело едва не закончилось взятием самого города. Во внезапной атаке мусульмане перебили десяток сербских бойцов, а еще несколько десятков взяли в плен, причем многих просто подбирали у дороги и тут же сажали в грузовики. Еще они захватили несколько единиц бронетехники, в том числе ЗСУ М-53 [зенитную самоходную установку. – *примеч. ред.*] «Прага» и до десятка орудий и минометов. Противник вклинился в сербскую территорию на глубину 20-25 километров, и в городе царил полная анархия. Сербское командование послало на помощь своих «интервентов» из Вышеградской бригады, насчитывающей, кроме десятка-другого сербов, и тридцать человек казаков, а также добровольцев 2-го РДО. Казаки под командованием Александра Загребова были главной ударной силой. Они разделились на две части, одна пошла по дороге, разбирая завалы в тоннелях, под прикрытием шедшего с ними БОВ (югославский вариант советской бронированной разведывательно-дозорной машины БРДМ-2), за которым шел «троец» (самоходная колесная зенитная установка с тремя автоматическими пушками калибра 20 миллиметров), причем в БОВе, как и в «троеце», экипажи были казачьи. Вторая часть казаков пошла по горным тропам, дабы соединиться вместе уже перед последним селом, около которого и шла передовая линия сербской обороны.

Добровольцы 2-го РДО со своим командиром частью были с казаками, а частью находились при минометах, чтобы поддерживать ударную группу, в состав которой были включены сербские «интервенты». Обошлось без особых проблем, если не считать обстрелов из снайперских винтовок и пулеметов противника: от них защищали высокая обочина дороги и броня БОВ. Казаки даже чуть было не захватили грейдер (с его помощью мусульмане, видимо, хотели делать завалы), который следовал прямо на наступавшую по дороге группу. Но тот казак, у которого была радиостанция, находился под броней, а пока до него докричались, мусульмане увидели противника и тут же сдали назад. В село входить группа не стала, так как против этого был сербский командир, шедший с нею, а связь с командованием прервалась, и, в конце концов, группа возвратилась назад. Мусульмане же удерживать позиции не стали и тоже ушли к себе.

Во время акции произошел конфликт Загребова и добровольцев 2-го РДО, что потом надолго испортило взаимоотношения с казаками, тем более что сербское командование стало куда больше внимания уделять казачьей группе, чем 2-му РДО, до этого бывшему здесь в центре внимания. В конце концов, все закончилось покушением нескольких добровольцев Аса на жизнь Загребова, но тот отделался легким ранением, а потом казаки едва не

употребляли оружие против добровольцев. Впоследствии я слышал много обвинений против казаков, и хотя в частные проблемы влезать не хочется, но все же могу заметить, что воевали казаки хорошо, и зря сербское командование их тогда толком не использовало. Кроме них, в ночные рейды, требовавшие хорошей подготовки, практически никто не ходил. Такие действия должны вестись отработанной группой: любое изменение плана чревато потерей связи, а то и открытием огня по своим.

Боевые действия ночью также требуют хороших нервов, дабы не обнаружить себя (вспышки в темноте хорошо видны) и суметь сохранить выдержку при «слепом» огне противника, который периодически постреливает очередями. Нападение должно осуществляться лишь при точном определении места расположения противника, и тут очень важно умение скрытно и бесшумно довести силы до линии развертывания в боевые порядки. Затруднено ночью и точное ведение огня, что требует более близкого контакта с противником. В этом плане хорошо помогали осадки, скрывающие звуки. Произвольное открытие огня, просто разговор или зажженная сигарета ведут нередко к разгрому группы – и здесь очень важна дисциплина и подготовка бойцов. Все они должны знать план нападения, дабы действовать быстро и решительно. От быстроты действий зависят либо полное уничтожение противника и занятие всех его позиций, либо своевременный уход, дающий большую, чем днем, безопасность, ибо противник, ошеломленный атакой, с трудом успеет собраться и решиться на преследование. Ночь лучше всего подходит для нападений на фланги и тыл небольшими группами: они парализуют движение противника, и нередко под ответный обстрел попадают его же собственные соединения.

Большое значение имеют приборы ночного видения (на светоусилении и тепловизионные), радары, в первую очередь – переносные. Югославская армия имела такой радар ИР-3 (вес в патрульном варианте – 5 кг, дальность обнаружения ползущего человека – до 300 метров, идущего – до 1500 метров), хотя он определял лишь движущиеся цели, и то вне укрытия. Естественно, важны и средства связи. Но радаров в местном сербском войске мне видеть не приходилось, уж не знаю, почему. Разработанные на предприятии «Энергоинвест» в сербском Сараево охранные системы, определявшие с помощью втыкаемых в землю штырей-датчиков уровень и направление акустического шума, обеспечивали прицельный огонь пулеметов, управляемых автоматически. Но и их не захотели принимать на вооружение. Ночью приходилось полагаться на местные приборы ночного видения, как правило, М-976 (бинокль, работавший на светоусилении), а также несколько ночных прицелов. Такой бинокль могла получить какая-нибудь интервентная группа. Все эти приборы обеспечивали при наступательных действиях нужное превосходство над противником, хотя, к сожалению, их было мало, а случалось, бинокль забывали на дневном свете, не закрыв стекло резиновой крышкой, после чего тот приходил в негодность.

Так что уже одно то, что казаки из Вышеграда ходили в ночные рейды, делает им честь. Сами рейды – дело опасное. Под Буяком одна казачья группа, возвращаясь на базу, пошла назад новым путем и натолкнулась на группу мусульман, шедших как раз к их старому маршруту. Казаки тогда первые с близкого расстояния открыли огонь, нанеся противнику урон, но тот все же успел уйти.

Не все шло у казаков успешно и они, как и всегда на войне, несли потери. Сербское командование решило организовать «акцию» по взятию мусульманского села Твыртковичи, из которого противник сделал узел обороны. Казакам по плану отводилась ключевая роль. Их разделили на две группы: одна должна была ударить по самому селу, а вторая – отсечь возможную помощь противнику со стороны села Ораховцы. С третьей же стороны сербские «интервенты» и самоходное орудие, а также добровольцы из 2-го РДО Аса, имевшие минометы, должны были вести огонь по селу. Казаки перед «акцией» тренировались на своей базе Околиште на окраине Вышеграда. Они пошли след в след затемно: нужно было выйти на исходные позиции перед рассветом, дабы напасть рано утром.

Одну группу с самого начала стали преследовать неудачи. Сначала тяжело нагруженный боец Костя Ундров (из Москвы) качнулся в сторону и, сойдя с тропы, тут же наступил на противопехотную нажимную мину. Ему бросился помогать командир группы «Мирон», но и он подорвался. Такая же участь постигла их доктора Сергея Баталина, сумевшего все же потом оказать медпомощь ребятам. Косте и Мирону в больнице ноги сохранили, а вот Баталин ногу потерял и, позднее, возвратившись под конец войны в Вышеград, здесь же и умер.

От всей той группы к селу вышло всего двое, остальные, вместе с сербскими проводниками, в суматохе до позиций не дошли. Более успешно действовала другая казачья группа, которая должна была напасть на село и поэтому имела состав более подготовленный. Ею руководили: казачий атаман Геннадий Котов из Волгодонска и майор Загребов. С ними были еще десять человек – Игорь, Стас, Борис Я., Глеб, «Сися», «дед Валентин», Вася Ганиевский, Андрей К., Женья Т. и двое сербских проводников. Эта группа, выйдя в четыре утра, дошла до исходных позиций, а так как сильный мороз загнал мусульманское боевое охранение по домам, то казаки успели поставить даже несколько взрывных устройств. Дождавшись шести утра и приведя в действие эти устройства, казаки открыли огонь в упор по выбежавшим из домов неприятельским бойцам. Так как опыта стрельбы тромблонами (винтовочными гранатами, выстреливаемыми со ствола) бойцы не имели, то пускали их только навесом через крыши домов в сторону убежавших. С другой стороны огонь открыли сербы. Минометы точно бить не могли, так как главным ориентиром была мечеть. У мусульман началась паника: ее усугубили точные попадания «деда Валентина» из снайперской винтовки. С противником было бы полностью покончено, но дело испортила мина, упавшая под ноги

Васе Ганиевскому, когда тот стрелял из «Золи» (местный вариант советской «Мухи»). Погиб не только он, но и сербский проводник Неделько, а казаку Игорю выбило глаз. Началась суматоха, в которой ударной группе было уже не до села, а резервной группы никто не предусмотрел.

Эти потери были у казаков не последними. В феврале 1993 года, попав в засаду, погиб их атаман Геннадий Котов, воевавший еще в Приднестровье, и в казачьей среде начались разлады: кому быть атаманом. Им стал Виктор З., ветеран Абхазии. Одна группа казаков тогда ушла под Церску. Отбыл в феврале из Вышеграда и 2-й РДО, за исключением самого командира Аса и двух его бойцов: Саши Кравченко и раненого Игоря Казаковского. В несколько измененном составе 2-й РДО перешел в мае 1993 года в Прачу, село в двух десятках километров от столицы Республики Сербской – Пале, где влился в состав местного батальона (штаб Подграб) 1-й Романийской бригады.

Сербские «интервенты» тоже понемногу разъезжались, так как основу их составляли тоже две добровольческие группы. Когда наш отряд приехал в Вышеград, я еще не знал, что 27 февраля 1993 года группа бойцов из состава этих «интервентов» остановила поезд Белград–Бар, проходивший как раз по территории общины Вышеград, и, выведя оттуда 21 мусульманина (естественно, живших в Сербии или Черногории), перестреляла их. Узнал я все эти подробности уже после войны, из сербской прессы, где упоминалось о двух добровольцах – вышеградских «интервентах» из отряда «Скакавцы», которых арестовала в Черногории местная милиция. Один из них, Небойша, был командиром того отряда, а главным обвиняемым, по сообщению МВД, являлся знакомый нам командир всего интервентного отряда Вышеградской бригады Бобан Инджич, с которым у добровольцев Аса отношения были натянутые. Главным же организатором был, согласно данным прессы, Милан Лукич, местный воевода, имевший весьма крепкие связи в верхах, особенно в Белграде, и он-то после подписания мирного договора в Дейтоне стал одним из главных обвиняемых в процессах Международного трибунала в Гааге, и случай с поездом был далеко не единственным пунктом обвинения.

К нашему же приезду ситуация здесь значительно изменилась. К марту 1993 года противник был отброшен значительно дальше от Вышеграда к селам Ораховцы и Джанкичи. Мы сразу же по приезду были переданы Горажданской бригаде в село или хутор под названием Семеч, а оттуда после нескольких незначительных боевых выходов нас марш-броском отправили на высоты Заглавок и Столац, разделив на две группы: далее мы должны были двинуться в наступление на Горажде.

Наступление затянулось, и мы устроились на импровизированных и плохо укрепленных позициях на горах, покрытых лесами. Сразу же открылась слабость нашей организации, вызванная отсутствием элементарной подготовки. Не знаю, как обстояли дела в группе, посланной на соседнюю гору Столац, которой руководил капитан третьего ранга Владимир Сафонов, петербургский политический активист «Русской партии». Я слышал, что

неурядицы и у них бывали. Но вот у нас число командиров превышало всякий смысл. Кстати, свою лепту внесло и сербское командование.

Еще в Москве нашим неформальным лидером стал Леша, казак с Дона, воевавший до этого в Карабахе и Приднестровье. Он стал атаманом нашей походной казачьей станицы, в которую входили примерно пятнадцать человек, считавших себя казаками. Они были из Ростова, Омска, Екатеринбурга, Ставрополя, Москвы, Саратова, Киева.

Двое молодых ребят из Киева, Юлик и Тимур, сначала провозгласили себя «космополитами», но затем согласились стать приписными казаками. Деление нашего отряда на казаков и «неказаков» было весьма расплывчато, и проблемы возникали у нас из-за личных амбиций.

В командиры, кроме Леша, стремились и другие кандидаты – Миша, казак из Саратова, назначенный сербами общим командиром, так как он раньше прибыл в Вышеград в составе первого казачьего отряда. В роли военного советника выступал бывший командир 2-го РДО, Ас, с ним был его боец – Саша Кравченко, двадцатилетний парень из Караганды.

Сначала у нас все шло, слава Богу, хорошо, хотя шли мы на Заглавок, по моему мнению, на «авось». Вроде бы организовали оборону, все три бункера (так сербы называют любое укрепление, даже грудку камней, что и было в нашем случае), были устроены по самому верху Заглавка на открытой местности на расстоянии, не больше десятка метров друг от друга. Фланги наши были открыты, и противник вполне мог пройти по заросшему лесом склону и окружить нас. Мне вообще было непонятно, почему он нас атаковал, когда мог свободно сбить с высоты артиллерией. Слева же от нас была зеленая роща, в которой лопатами и техникой можно было создать основательные укрепления, но никто ничего делать не хотел. Командование очень туманно обещало нам акцию, и когда нам в помощь пришли еще несколько сербов, то они также расположились под открытым небом. Наш правый фланг, правда, был относительно надежен, так как там расположился «интервентный» взвод воеводы Велько, усиленный бойцами других сербских чет [подразделений, аналог нашей роты. – *примеч. ред.*]. С этим воеводой у нас в дальнейшем установились хорошие взаимоотношения.

К нам Велько относился с большим уважением. Мне было жаль, когда я услышал о его смерти в мае 1993 года. Погиб же он после того, как на своем грузовике привез нам тела двух убитых на Столце – добровольцев-питерцев Диму Попова и Володю Сафонова. Возвращаясь на грузовике, Велько подрывался на противотанковой мине.

Левый наш фланг был очень слаб. Гора Заглавок была высотой свыше тысячи метров, и по поросшему лесом склону могла пройти и неприятельская чета (рота), тем более что близлежащее село Ораховцы неизвестно кому принадлежало. Мы также не имели точных данных о силах, средствах и нахождении противника. К тому же наше командование, затягивая с наступлением, допускало слишком большую концентрацию войск, делая их

уязвимыми от огня неприятельской артиллерии, тогда как позиции были плохо оборудованы, в чем я легко убедился, проходя вдоль нашей линии обороны.

Оказавшись на Заглавке, мы частенько выходили в рейды на передний откос пострелять: то тромблонами, то из снайперской винтовки и пулемета, а то из миномета. Кстати, стрельба из миномета не произвела на меня никакого впечатления. Миномет наши «спецы» толком не укопали, и он, как бык на корриде, постоянно скакал и «сбивал» прицел.

В один из таких рейдов, организованных по нашей собственной инициативе, донской казак Борис, бывший афганец, едва не погубил, стреляя из пулемета, своих «братьев-казаков», правда, не по своей вине. Тогда Леша и Валера «Казна» решили пройти от переднего края Заглавка в правую сторону для того, чтобы лучше рассмотреть позиции мусульман. Им удалось увидеть, что мусульмане в каком-то доме устраивали свои позиции. Они послали Витю Десятова из Екатеринбурга и одного казака из Омска, по кличке «Очкарик», предупредить оставшихся (радиостанции у нас не было). Неизвестно, почему посланцы не поторопились с сообщением. Неожиданно раздался крик «мусульмане!», который спровоцировал шквал огня по каким-то далеким фигурам на самом дальнем краю горы. Все стали стрелять из автоматов, как оглашенные, особо усердствовал Боря. Вскоре, минут через 15, вернулись разъяренные казаки, которые отчаянно материли своих гонцов.

Я из этого боя вышел с рассеченной губой, потому что кто-то задел пулей разбросанные камни, а каменная крошка разлеталась, как осколки. Этот случай лишний раз доказывал ненадежность бункеров из камней без внутреннего или деревянного покрытия, а это было нормой по всей линии, – как русской, так и сербской позиций.

Не знаю, какие проблемы решали сербы, и почему они не укреплялись, но у нас почему-то возможным считали только наступление. А конфликты у нас чаще всего возникали по поводу дележки консервов и воды, нежели по поводу инженерных сооружений. Конечно, я не хочу представить дело так, что мы только и делали, что ссорились по каждому незначительному поводу, но разногласий по данному вопросу вообще не было, так как он совсем не поднимался.

Вообще винить нас было тяжело – ни я, ни кто-то другой из нас не мог самостоятельно начать укреплять дисциплину, а командование такими «мелочами» не занималось и даже не интересовалось. Условия, кто и как нами должен был управлять, даже не обсуждались.

Были, конечно, и в нашей группе, и в группе на Столаце люди разные. Среди них были слабые, были честолюбивые, были интриганы, но где в мире существует войско из идеальных людей?!

Я уже тогда с грустью осознавал, что военная организация заключена именно в искусстве использования того человеческого материала, который имеется в наличии.

В крайнем случае, в отряде можно было устроить выборы атамана, затем, при необходимости, людей, согласно их желанию, поделить на две-три группы, внедрив дополнительно в каждую группу по одному-два добровольца, уже некоторое время провоевавших здесь и знавших язык и среду. Да и сербы нам могли бы оказать посильную помощь. Но было так, как было, и рассчитывать нужно было только на самого себя.

Это подтвердилось в ходе двух больших мусульманских нападений на Заглавок и Столац. И в первый, и во второй раз по нам били из всех орудий и минометов. Лишь чудом этот шквал огня не нанес серьезных потерь.

Первый удар противник нанес с помощью минометов, хотя большого смысла в этом не было, так как мы особенно не укреплялись, а с более близкой дистанции его стрельба была бы эффективнее. Теперь же мы, предупрежденные неприятельскими минами и огнем из стрелкового оружия с переднего края Заглавка, успели перераспределиться.

Втроем мы вышли на опушку, откуда Саша Кравченко сделал несколько выстрелов тромблонами, и где я убедился в нашей уязвимости. Послав Сашу с сообщением, что отправляемся на разведку, мы с Тимуром короткими перебежками рванулись вперед. Со стороны противника стрелял снайпер, но его пули шли выше наших голов. Мы же, швырнув в овраг гранату и дав очередь из автомата, начали спускаться туда. Выйдя на другую сторону оврага, попытались снять снайпера, но из-за открытой местности от этой идеи отказались. Оставив Тимура, я двинулся дальше по краю склона горы и через метров пятьдесят опять был вынужден форсировать еще один овраг, поросший лесом. Пройдя метров 20-30 и посмотрев вперед, увидел, что оказался на самом краю Заглавка, но самое неприятное было впереди. За кучей камней – две головы на расстоянии десяти метров от меня.

Я был на самой кромке Заглавка на открытом снегу, лес начинался в десяти метрах подо мной, и вряд ли противник не заметил меня, одетого в черную синтетическую куртку и брюки защитного цвета. Я до сих пор не понимаю, почему тогда меня не застрелили... Или время для меня замедлилось, или мои противники были под наркотиками, но тогда, после секундного паралича, я вскинул автомат и дал длинную очередь по этим двум головам (позднее на этом же месте наши ребята нашли много крови и бинтов).

Затем я швырнул туда ручную гранату. Возможно, после этого я пошел бы и дальше, но обнаружил, что у меня остался один рожок патронов в автомате и одна ручная граната. В горячке боя я на это не обратил никакого внимания. Нужно было бежать отсюда, тем более что моя стрельба в самом тылу неприятельских сил наделала переполох. Я же вместо этого, пройдя немного назад, высунулся из-за обрыва и увидел в небольшой ложбине в сотне метров от меня с десятков бойцов противника и открыл по ним огонь. Внезапно что-то обожгло мне бедро, и я сполз под обрыв. Выругавшись, пополз назад (позднее ребята нашли в подсымке с автоматными рожками, который я закрепил на груди, еще одну пулю, пробившую рожок наискось, что, видимо, и

спасло меня). Я позвал Тимура, но безуспешно, и уже хотел скатиться вниз и скрыться в лесу, но в это время он появился. Тимур взял мой автомат, и мы пошли в свое расположение. Каждое движение приносило невыносимую боль, штанина намокла от крови, за мной тянулся кровавый след. Один овраг мы прошли без проблем, но на дне второго пули защелкали по стволам деревьев над нами. Тимур вслух произнес: «Это конец», а я пожалел, что приехал сюда, на Балканы, но тут стрельба неожиданно прекратилась.

Мы вышли наверх оврага. Я остался лежать на земле с автоматом и гранатой, а Тимур побежал за подмогой. Наши казаки, Володя и «Казна», чередуясь, вынесли меня к роще, где недалеко от наших бункеров стоял грузовик, возле которого меня и положили. Оказывается, за мной и Тимуром шла группа бойцов противника, возможно даже, они шли для окружения наших позиций. Казак Батя из Подмосковья снял одного из них из снайперской винтовки, заставив остальных сначала залечь, а потом отступить.

Моя отправка в госпиталь задерживалась на неопределенное время, так как перед этим уже ушел грузовик с сербскими ранеными. Водителя второго грузовика с ключами нигде найти не могли, и уже когда «Казна» хотел сам сесть за руль, прибежал Ас и «обрадовал» нас, сообщив, что Заглавок окружен и путь в тыл отрезан. Уже основательно стемнело, поэтому выезжать было нельзя. Неприятель не успокаивался, мины и снаряды с воем проносились над нашими головами и разрывались неподалеку. Меня это уже не интересовало – боль заглушала все. Обезболивающих препаратов у нас, конечно, не было. До утра я вытерпел, и тогда пришел серб с местным обезболиванием – бутылкой самогона – «ракией». Выпив ракии, я почувствовал облегчение.

Как выяснилось, главное нападение шло только на Заглавок, и наши потери были на удивление невелики. Кроме меня, ранило всего вроде бы двух сербов, а противник отступил. Меня на санитарной машине отправили в госпиталь в город Ужице (Сербия).

В мое отсутствие сербское командование все же попыталось организовать наступление. На другой стороне реки Дрина, протекавшей под Заглавком, сербские «интервенты» смогли продвинуться немного вперед, затем на позиции вывели обычную пехоту, она и продолжала боевые действия. Не знаю, по каким причинам, но пехота вдруг снялась с занятых позиций, а сербские «интервенты» на бронемашинах, отправившись вперед, налетели на мины и потеряли шесть человек и одну бронемашину, после чего вынуждены были возвратиться.

Противник не дремал и готовил новое контрнаступление. Это наши поняли, когда отправились в очередную разведку и натолкнулись на разведку мусульман. Состоялся бой, в ходе которого был ранен Витя Десятов. Его сразу же отправили в госпиталь. Следующее нападение противника на Заглавок было для отряда намного тяжелее. На Заглавок они не выходили, но на Столаце приблизились вплотную к нашей второй группе из трех питерских

ребят. Остальные по непонятным причинам были переброшены на Заглавок. В том бою погибли Дмитрий Попов, Володя Сафонов и четверо сербов. Питерец Паша Петренко все же успел прикрыть отход остальных сербов, бешено паля из пулемета с рук, а сам был ранен в спину. Трупы тогда вынести было невозможно. На Заглавке от артиллерийского и минометного обстрелов погиб Костя Богословский, только что приехавший из Москвы, а Саша К. был тяжело ранен осколком в голову. Контуженными оказались Володя «Бармалей» из Одинцова и Володя «Егерь» из Ростовской области.

Большая часть «казацкой походной станицы» тогда была на отдыхе, но, узнав о нападении, они двинулись на Заглавок и даже под сильным огнем успели взобраться на него, в результате чего противник Заглавкой овладеть не сумел, но из штаба пришел приказ об отступлении, совершенно непонятный для нас.

Потом часто ругался Велько, проклиная каких-то начальников, бездарно погубивших людей, а своих детей отправляющих на войну только по безопасным тылам.

Нашему отряду повезло, что он не был собран весь вместе на горе, иначе бы потери были куда больше. Люди были распределены непродуманно, маневренные действия отсутствовали, да если и были, то, как правило, несогласованные с артиллерийским огнем, что обрекало операцию с самого начала на поражение.

Действия командования для меня были непонятны. Помню, как-то нам сообщили, что ожидается авианалет на неприятельские позиции в селе Джанкичи, которое находилось под нами.

Я тогда вместе с Асом и Сашей Кравченко устроился на краю Заглавка, с нетерпением ожидая зрелища авианалета. К моему разочарованию, прилетел какой-то сербский спортивный самолет. Противник открыл по нему огонь из зениток, но тот все же успел сбросить несколько бомб на позиции неприятеля, где раздался взрыв и поднялся высокий столб дыма, и с этим отбыл. Никакой связи с действиями пехоты вообще не было, словно кому-то не терпелось испытать самолеты. Что же касается моего ранения, то в госпитале мне дали инвалидную коляску. На ней я лихо разъезжал и иногда получал в ней же, практически не вставая, кое-какие инъекции. Кроме меня, в госпитале было немало раненых, но в основном, конечно, там находились гражданские лица, так как это была мирная Сербия.

Я успевал познакомиться с разными людьми, и ко мне, в общей массе, люди относились с уважением.

Встречались довольно интересные случаи. Одна девушка лет двадцати, так же, как и я, разъезжавшая на коляске, была одной из выживших после того, как мусульманское командование устроило под мусульманской же Сребреницей резню с поджогами в нескольких захваченных сербских селах. В физиотерапии лежал мальчишка 12-ти лет, воевавший с карабином в руках.

В больнице я познакомился с весьма радикальным и необычным для меня взглядом на курение. В одной палате со мной лежал тяжело раненый Бобан Инджич, командир интервентной четы, и как-то к нему пришли посетители, человек десять его боевых товарищей. Все они, как один, сели на кровати и задымили, благо, что не забыли открыть окно.

Прошло еще десять дней, хирург определил, что я здоров, меня посадили в машину и отправили в Вышеград, где я встретил недавно возвратившегося из Петербурга Валеру Быкова, бывшего бойца 2-го РДО. Валера в одном из боев был ранен, пуля пробила ему насквозь обе щеки, выбила зуб, за что он получил кличку «Меченый». Его помощь мне здорово пригодилась, так как костылями меня не снабдили, и от машины до казармы мне пришлось скакать на одной ноге. Нога же моя, вопреки прогнозам медиков, продолжала болеть, и мне пришлось возвратиться в Ужичкую больницу.

Меня положили в физиотерапию, где доктор Снежана после осмотра сказала, что без продолжительного лечения моя нога может отсохнуть. Такой диагноз меня не обрадовал. Этому доктору я до сих пор благодарен, как и всему медперсоналу, который относился ко мне с большим вниманием, и моя жизнь была скорее похожа на санаторную. Я периодически отправлялся на прогулки в город, который мне очень понравился.

Лечение шло успешно, хотя Снежана меня предупредила, что мне необходимы постоянные физические упражнения для того, чтобы сросся нерв, идущий от пятки до позвоночника. Этот проклятый нерв постоянно причинял мне боль.

В палате со мной лежал Костя Ундров, ростовский певец, воевавший еще в первом казачьем отряде (о нем я упоминал раньше). Костя в ночном рейде наступил на противопехотную нажимную мину, прозванную сербами «паштетамии». Стояла обычная балканская зима, а Костя зачем-то нацепил две пары теплых носков и еще великоватые по размеру ботинки. Поэтому, поскользнувшись на снегу, ткнулся ногой в «паштет» и повредил лишь пальцы на ноге. Первый раз, по его рассказам, большой палец поставили немного вкось, на что ему указали пришедшие к нему «поддатые» казаки, его боевые товарищи. Казаки решили устранить ошибку и попытались ему вставить палец на место, но тут же опять его сломали. Наконец с помощью врачей палец был поставлен правильно и на место.

После ранения я поторопился вернуться в строй. Мне было обидно, что половину времени двухмесячного контракта я провел в больнице.

На фронте ничего особенного не происходило. Противник понес в двух атаках большие потери: видимо, его пехота, шедшая на штурм, начала топтаться на месте и попала под артиллерийский обстрел сербов, а затем пошло в ход стрелковое оружие. Сербь говорили, что на той стороне потери достигали сотни человек. Если в это число включить и убитых, и раненых, то

цифра все равно была довольно значительной, так как потери понесли самые лучшие формирования противника.

Однако некоторые наши товарищи стали уезжать до окончания контракта, объяснив, что «они не ожидали того, что увидели здесь», так что группа сократилась наполовину. Мне после выхода из больницы пришлось сразу же идти в очередной рейд, хотя бы для того, чтобы группа стала насчитывать не 13, а 14 человек. Была еще одна попытка наступления сербов, для которой были приглашены бойцы отряда милиции специального назначения, причем по рассказам, им было обещано по сотне-другой немецких марок и добытые трофеи. Но это наступление закончилось ничем. После того как четыре «специальца» (так их называли сербы) были ранены у одного бункера, от наступления отказались, хотя мы предлагали комбригу свою помощь.

Возвращаясь с Ивицы, Горажданская бригада взбунтовалась против своего командира, и мы были свидетелями того, как человек 200 с оружием в руках устроили митинг.

Наше пребывание здесь подходило к концу. Сербская община в Горажде не хотела тратить деньги на нас. 400 немецких марок в месяц по существу нельзя было назвать большой зарплатой даже для тогдашней Югославии. Эти деньги служили лишь для покрытий наших насущных расходов, тем более что билеты на обратную дорогу нам оплачивать никто не собирался. Даже не заплатили положенных по контракту раненым тысячи марок. Саше Кравченко, чье состояние здоровья было особенно тяжелым (он очень плохо видел, так как осколок пробил череп и придавил зрительный центр), заплатили всего 200 марок. В результате последнюю зарплату нам пришлось требовать, угрожая бунтом.

С деньгами все выглядело так жалко, что многие были злы на всех сербов. Конечно, положение в стране тяжелое, но ведь Югославия была страной далеко не бедной... Обычный официант в кафе зарабатывал по 400 марок.

Были, конечно, неприятные инциденты и с нашей стороны. Во второй месяц двое наших казаков пустились в загул в Вышеграде и даже сумели развалить камеру в местной тюрьме. Но какое войско обходится без таких проблем? По крайней мере, они в Вышеграде не насиловали, не грабили, не убивали, а пара дебошей не в счет. На самом же деле все для сербской власти казалось привычным и спокойным, ибо война тут закончилась, и добровольцы ей просто не были больше нужны. Нас же привезли сюда по необходимости, — да Бог с ними, хотя бы простились с людьми по-доброму, но и этого не сумели сделать.

Построить нас и сказать всем «спасибо» власть вполне могла. И дело здесь не в том, что это касалось только русских, — нет. Так власть поступила со всеми, кто приезжал сюда с благими намерениями. Сербы тоже не были обделены таким отношением. Подобную «дребедень» и даже в

худшем варианте я уже наблюдал на Кавказе. И многое отношу, скорее, к глупости, чем к злонамеренности, хотя и последнее исключать не следует.

Хотя особого желания воевать за сербов у меня тогда и не было, но мне хотелось увидеть, что же такое Босния и Герцеговина, ибо, что такое Россия, я уже приблизительно знал. К тому же я считал, что и сербам, и русским противостоят общие враги, и мне, по молодости лет, захотелось повоевать и в Сербии. В этом мое желание не остановил и последний инцидент с Вышеградской властью при нашем прощании.

Когда мы начали разъезжаться из Вышеграда, конечно, без званных обедов и вечеров дружбы, я и Юра, пятидесятилетний казак из Саратова, собрались ехать вместе. Правда, был путь через Рогатицу и Зворник, которым отправился сорокалетний Константин Ершков из московского землячества казаков, но мне нужно было заехать в больницу Ужицы, поэтому мне с ним было не по пути.

Мы с Юрой отправились автобусом через пограничный пункт Добрун. Юра ворчал и был страшно недоволен, что с нами поехали «космополиты» Юлик и Тимур, в этот день прилично выпившие. В общем, все было хорошо до Добруна, пока Юлик с Тимуром лишь распевали песни в автобусе. Перед отходом автобуса я попросил водителя взять у меня мой пробитый пулей автоматный рожок, так как знал, что сербская власть запретила русским вывозить какое-либо военное имущество. Только уже потом я узнал, как лихо через границу на Добруне «незамеченными» проходят полные грузовики в обоих направлениях. Но тогда закон из-за такой ерунды нарушать не собирался, тем более форма, которую выдали нам, была обычной формой солдат ЮНА по типу советского обмундирования, т. е. далеко не престижная, и не являлась камуфляжем. Водитель автобуса согласился взять рожок, а стоящий рядом с ним какой-то молодой человек, как оказалось, словенец по национальности, что-то уважительное сказал о моем рожке.

Итак, все было хорошо до начала контрольного осмотра автобуса милицией Республики Сербской на пограничном пункте в Добруне. Вначале нас заставили только выйти из автобуса и достать из багажника свои сумки, в которых милиция бесцеремонно начала производить обыск. У меня с Юрой не нашли ничего, у Тимура же были брюки от нашей формы и ремень. Тимур тоже был недоволен таким обращением. Когда же милиционер начал хватать его за ремень, тот попытался оттолкнуть его, тогда «блюститель порядка» позвал своих коллег, которых на пункте было больше десятка, и Тимура отвели в сторону к укрытию из наполненных землею мешков. Тут в дело вступил Юлик, пытавшийся на ломаном сербском языке требовать, чтобы Тимура отпустили, попутно в раздражении вытаскивая из своей сумки какой-то военный ремень. Тимур со злостью ударил кулаком по одному мешку, который сразу же лопнул, и из него посыпалась земля. К нему подбежали милиционеры, ударили, завернули руки и надели наручники, приковав к железному столбу. Здесь я не выдержал и заорал по-сербски, чтобы они

прекратили все это безобразие. На мои слова им было плевать, они просто вчетвером окружили меня и один какой-то маленький чернявый тип, выхватив пистолет, направил его мне в голову. При таком раскладе я перестал сопротивляться, и меня наручниками приковали рядом с Тимуром.

Милиция показала себя во всей красе и уже прикованного Тимура ударила несколько раз. Подобную публику, получившую полную безнаказанность, убеждать в чем-либо было бессмысленно. Но Юлик продолжал заниматься какой-то ерундой, предлагать им свои деньги в стиле «подавитесь, гады». Я смотрел и думал, что это похоже на демонстрацию того, кто здесь хозяин, на глазах у всех пассажиров автобуса, никто из которых, однако, за «братушек» не вступился. Наконец, приехал командир милиции, и началось обычное лицемерное успокоение страстей, хотя еще два милиционера пытались напасть на Юлика и Тимура, словно видели перед собой отъявленных врагов. Фаза болтовни закончилась, нас погрузили в грузовик и вывезли на территорию Сербии. Мы с Юрой были злы на ребят за инцидент, но я помнил, что они хорошо воевали и не трусили, поэтому все остальное можно было им простить.

В Ужице мы разделились, и я позднее встретил на железнодорожном вокзале наших казаков во главе с Лешей. Те рассказали, что когда они узнали о нашем «пленении», то устроили небольшой «дебош» в Вышеграде. Сначала они вошли в здание общины Вышеграда, затеяв внутри его пальбу по стенам и потолку, в чем особенно отличились Серега из Фрязино по кличке «Отто Скорцени» и Макс, член «Памяти» из Тульской области. Затем ребята двинулись на штурм пограничного пункта Добрун, но многие уже достаточно выпили, поэтому половина растерялась по дороге, даже «Харли», тоже член «Памяти» из Тульской области, едва не утонул в какой-то речке, в которой наши бойцы предварительно ухитрились утопить свои автоматы. Все же Лехе и еще двум бойцам удалось остановить милицейскую машину с командиром местной милиции, немного пригрозив ему ножом, далее начались уверения в дружбе между народами, после чего все разошлись.

После всего этого у меня возникло устойчивое предубеждение к Вышеграду.

Единственное, что радовало меня, так это пулевые отверстия внутри здания общины, правда, тщательно замаскированные, но еще хорошо видимые. По крайней мере, было какое-то моральное удовлетворение, пусть и небольшое. Ведь по-другому добиться ничего было невозможно, а тем более, в местной среде, где лучше всего понимают язык силы.

Но и этот инцидент не остановил меня, когда в середине мая 1993 года, сидя за вокзальным столиком, я пришел к твердому решению возвратиться на эту войну...

Мое возвращение на войну из Белграда произошло не сразу, потому что я был в чужой стране и плохо знал сербский язык, а тем более, местные условия, чтобы самостоятельно отправится на фронт.

Возвращаться в Вышеград у меня никакого желания не было, а из других мест в Боснии и Герцеговине я знал лишь о Сараево, куда и решил поехать. О войне в Сараево я был достаточно осведомлен, и мне хотелось быть в самом центре событий. Кроме того, меня давно интересовала городская война, лесами и горами я был уже сыт, да и моя раненая нога давала о себе знать. Одно дело совершать перебежки от здания к зданию в условиях, когда противник под боком, и совсем другое – бродить часами в поисках этого противника по заросшим лесом горам.

Но путь из Белграда в Сараево надо было еще найти. На железнодорожном вокзале я встретил троих ребят из 2-го РДО, также знакомых мне еще по Вышеграду, куда они возвращались с Маевицы. Это были «Хохол», парень из Харькова, член УНА–УНСО [Украинская Национальная Ассамблея–Украинская Народная Самооборона, в 1990–2005 годах наиболее радикальная партия Украины антирусской направленности. – *примеч. ред.*], до этого воевавший в Приднестровье, и «Хозяин» – петербуржец, воевавший в Карабахе, и его земляк Валера Г. Последний и предложил мне поехать с ними во 2-й РДО. В то время он располагался в Праче, селе недалеко от Пале, столицы Республики Сербской, в прошлом – небольшого курортного городка в пятнадцати километрах от Сараево.

Так как я толком не знал, где эта Прача, а хотел воевать в составе сербского подразделения, да и остальные двое напустили на себя большую важность, то не захотел продолжать разговор. Поиски пути в Сараево я продолжил самостоятельно. Единственное место в Белграде, где принимали русских добровольцев свои же русские, была Русская православная церковь, построенная русскими белоэмигрантами. Эта церковь хранила память о своих основателях: подаренными ими иконы, русские знамена, большую каменную плиту с именем известного белого генерала Петра Врангеля. Был здесь и культурный центр «Русский дом», также построенный русской эмиграцией, но после Второй мировой войны «национализированный» и переданный советской власти. Сейчас же в нем «процветал» дух нового российского предпринимательства (а по сути беспринципного барыжничества), и мы в рамки официальных российско-югославских отношений никак не вписывались.

Настоятелем русской церкви тогда был ныне покойный отец Василий, который к нам относился с симпатией и, в меру своих возможностей, помогал. У меня возникли тогда проблемы с жильем, и без особой надежды я обратился к отцу Василию. Он вначале придумать ничего не мог, так как и его подвели местные «добротворы», обещавшие обеспечить жилье приезжающим русским. «Русский дом», имеющий свою гостиницу, естественно, для нас

двери бы не открыл, и я тогда пару ночей вместе с Петром Б. из Каменец-Подольского (Западная Украина), бойцом 2-го РДО, переночевал в военной казарме около Военно-медицинской академии, куда Петр приехал на лечение поврежденного глаза. В то время в казармах, хотя и нечасто, но принимали добровольцев, в том числе и русских. Однако Петр лег на лечение к ним, ребята разъехались, а я остался один. Здесь мне и помог отец Василий, по рекомендации которого одна из его прихожанок, черногорка Марина, поселила меня в квартире своего брата, уехавшего куда-то по делам.

После нескольких дней поисков я вышел на людей из руководства радикальной партии; это движение национального толка, близко связанное с Республикой Сербской Краиной и Республикой Сербской. Оно также направляло добровольцев на войну. Радикальная партия состояла, во многом, из сербов, выходцев из Боснии и Герцеговины. Ее лидер Воислав Шешель родился в Сараево, в котором во время работы в местном университете в середине восьмидесятых годов был арестован и осужден за антигосударственную деятельность и заключен в тюрьму, но, правда, был досрочно освобожден через два года. Путь в Сараево я себе обеспечил знакомством с радикалами. Первоначально я попал в их республиканский комитет, а оттуда был направлен в городской комитет, находившийся тогда рядом с белградской старой крепостью Калемегдан и французским посольством.

В республиканском комитете я встретил русского из Караганды, Сергея С., который окончил вертолетное училище, воевал в Афганистане, был военным наблюдателем в Ливане, потом жил и работал в Греции. В Республику Сербскую он попал в 1992 году, сначала был в составе «красных беретов», специальной милиции Сербии. В их составе он участвовал в битве под Враневичами, остановившей осеннее (1992) наступление мусульман, которое шло несколько дней, и противник в результате неоправданных лобовых атак потерял семьсот человек (потери же сербов – не более шестидесяти человек).

В Герцеговине Сергей женился на сербке Маре, и тогда мне показалось, что он полностью ассимилировался в местной среде, но это оказалось далеко не совсем верно.

В русский добровольческий отряд Сергей не стремился, но меня с несколькими партийными активистами радикальной партии познакомить успел. Одним из таких активистов был Чека, командир одного из сербских добровольческих отрядов, составленного большей частью из черногорцев. Этот отряд действовал в районе сербского городка Чайнич. Чека носил звание четнического майора и пользовался большой известностью, которая еще больше укрепилась после того, как он сумел защитить Шешеля от попытки покушения: в марте 1993 Чека с десятком известных командиров были провозглашены Шешелем воеводами.

В то время такие звания и новые названия отрядов звучали для меня непривычно, но на моем пути уже встречался воевода Велько (который, правда, получил это звание не от Шешеля). Я все же сделал вывод: раз эти люди воюют, значит, иметь с ними дело можно. Чека вел себя просто, и меня, незнакомого для него человека, сразу же пригласил в гости и познакомил со своей женой и детьми. Я мог, конечно, остаться у Чеки, но тогда твердо решил ехать в Сараево и отступать от решения не хотел.

В городском комитете радикалов, куда меня направили, я познакомился с еще двумя активистами. «Чича», который основательно зарос бородой, мужчина лет сорока, был председателем военного штаба радикальной партии. Второго, его помощника, звали Симо. Это был молодой светловолосый парень в очках, хромавший на одну ногу, как оказалось, получивший ранение на фронте в Хорватии. Им я опять твердо повторил свое желание воевать в Сараево, и на следующий день секретарь Биляна дала мне билет в Пале, столицу Республики Сербской, а также выписала разрешение на проезд через границу Сербии и Республики Сербской.

Здесь я встретил Сашу из Харькова, прозванного «Салоедом», воевавшего в Вышеграде, и Раду, также знакомую по Вышеграду, и мы все ехали в Сараево. Пале оказался мирным городком, но не он являлся конечной точкой нашего маршрута. На автобусной станции нас ждали высокий чернобородый мужчина, представившийся как «Лале», работник общины Ново-Сараево, и его коллега, женщина средних лет по имени Соня. Как выяснилось, автобусы в место нашего назначения не ходили, и они специально приехали на популярном здесь автомобиле «Фольксваген-Гольф». Наша поездка продолжилась недолго, около получаса, и я, наконец, увидел с дороги Сараево.

Привезли нас в штаб второго пехотного батальона, к его командиру Ацо Петровичу, хотя мы были направлены в отряд воеводы Славко Алексича. Ацо нас принял хорошо. Было приятно, что он говорил по-русски: его мать и жена были из местных русских. После разговора с ним мы получили распределение в одну чету (роту), державшую оборону по улице Озренской. В штабе нам встретился бывший офицер ЮНА, хорват по национальности. Я с нетерпением ждал, когда же мы выйдем на позиции. Чтобы сократить время, пошел прогуляться по улице, в ста метрах от которой находились неприятельские позиции. Правее, в нескольких километрах, виднелось высокое здание, по рассказам, с него иногда постреливал снайпер. Позднее я узнал, что это было здание отеля «Холидей». Впрочем, там и сейчас находились власти, только мусульманские. Сидевший в соседнем бункере серб пригласил меня внутрь, где предложил пострелять из крупнокалиберного пулемета. Я сначала сделал пару выстрелов, но мной овладело очень неприятное чувство, и тогда решил взять себе за правило: никогда не использовать оружие без надобности. Все-таки оружие – вещь опасная.

На улице Озренской нас определили едва ли не в последний дом, за которым сразу же начинались наши траншеи. Здесь нас встретили знакомые лица. Был среди них мой боевой товарищ из Горажданской бригады, которому острый на язык Юлик дал кличку «Капелька», видимо, за его стокилограммовый вес и рост 190 сантиметров. Встретил я здесь Витю, невысокого чернявого парня с золотыми зубами, и Колю, более крепкого и высокого (мы их знали еще по Вышеграду, в котором они появились почти перед самым нашим отъездом). Они входили тогда в состав добровольческого отряда из Сербии, состоящего из трех десятков человек, и назывался он «Сербская Гвардия», хотя больше напоминал отряд батьки Махно.

Таких отрядов хватало и в 1993 году, и особенно в 1992 году. Как правило, происхождение их было неизвестно, да и количественный состав не отличался постоянством. Витя и Коля были довольно оригинальными типами: разукрашенные многочисленными наколками, говорили на блатном жаргоне. Откуда они прибыли, никто не знал, но из-за географии их рассказов (от Владикавказа до Урала и Ташкента) мы их стали называть «узбеками». Следующим персонажем был Петр Б., возвратившийся из белградской Военно-медицинской академии. Наконец, последним был Леонид, высокий крупный парень из Херсона, которого я уже успел узнать за столом кафе железнодорожного вокзала в Белграде. Сначала с ним познакомились казаки, Леонида в то время одолевали духовные проблемы. Торговля, которой он занимался в Югославии, ему надоела, да и особых прибылей не давала. Дания и Германия, где он побывал, ему тоже почему-то не понравились. Казаки посоветовали ему решить свои проблемы на войне и направили его в Вышеград.

В Вышеграде и сошлись будущие бойцы «Озренской» добровольной группы. И здесь же произошло их первое боевое столкновение, но с сербской милицией (которая потрудились включить всех в список нежелательных элементов), правда, бескровное, но при взаимных угрозах применить оружие. Конечно же, им пришлось покинуть эти места.

Всех собравшихся на Озренской включили в состав Войска Республики Сербской на общих основаниях, поэтому ни о какой плате речь идти не могла. На Озренской нас поместили не случайно, так как это, наверное, был самый тяжелый участок местной сербской обороны.

Сараево состояло из пригородов, еще до войны заселенных, в основном, сербами. Илияш, Илиджа, Вогоща, Вучья Лука, Райловац находились с одной стороны неприятельского Сараево, а Пале, Луковица, Касиндол находились с другой стороны. Район, в который попали мы, был на особом положении. Он представлял собою котловину, отделенную от Пале горным массивом Требевич, а от анклава вокруг мусульманского Горажде горным массивом Яхорина, со стороны же аэродрома она ограничивалась горным массивом Игман. В этой котловине находились поселки Луковица, Касиндол, села Петровичи, Миливичи, Войковичи, Тилава, Твердымич, а также

две части сараевского олимпийского микрорайона Добриня, оставшиеся у сербов.

Сараевский аэродром с начала 1992 года был взят сербами, но в этом же году был занят войсками ООН по разрешению сербского правительства. Тем самым Касиндол и сербская Добриня оказались отрезаны от сербской Илиджи, и сербам, чтобы преодолеть десятикилометровый путь, приходилось делать объезд более чем в 100 км.

Линия фронта начиналась от аэродрома, а на Добрини граница проходила по неширокой улице. Противник же находился в соседних четырехэтажных домах. Далее сербская линия обороны шла посередине склона г. Моймило (690 м.), а верх ее был занят мусульманскими войсками, палившими оттуда по сербскому району из пулеметов и снайперских винтовок. За Моймилом сербская линия постепенно поворачивала вперед, вклиниваясь в центральную часть неприятельского Сараево, и этот-то поворот и начинался на улице Озренской. Затем линия спускалась до футбольного стадиона «Железничар», поделенного противниками, далее шла между многоэтажными зданиями вплоть до реки Миляцка, протекавшей по центру Сараево, затем опять поворачивала под прямым углом, продолжая следовать вдоль берега реки до улицы Загребачка. Оттуда опять поворачивала в обратную сторону через зону многоэтажных домов на улицах Београдска и Мишко Йовановича, пересекала транзитный автобан на мосту Вирбаня, там шла по старому, уже закрытому Еврейскому кладбищу наверх к горе Дебело бърдо (740 м.) (вообще-то, брдо – это гора, но мне уже привычнее говорить бърдо), откуда был опять поворот на 90 градусов налево, и линия обороны располагалась вдоль дороги Луковица-Пале до подножия Требевича, контролируемого тогда сербскими войсками. Дорога Луковицы–Пале в то время была единственной нормальной дорогой, дававшей выход сербам из этой котловины, если не считать объездного, грунтового пути через село Твирдымич, шедшего через крутые подъемы и повороты. В плохую погоду он непригоден для продвижения.

Конечно, тогда я всего этого еще не знал, но это знать необходимо, для понимания важности позиций на улице Озренской и на Еврейском кладбище, обеспечивающих существование единственного сербского района в городском центре Сараево. В состав этого района входили микрорайоны Гырбовица-1 и Гырбовица-2, которые вклинивались в центр неприятельских позиций. Мое желание узнать особенности городской войны здесь могло быть вполне удовлетворено. Улица Озренская была застроена частными одноэтажными домами. Неприятельские позиции проходили в нескольких десятках метров. Многие дома здесь были сожжены или полностью разрушены. Здесь за противником уже не надо было гоняться по горам, он был рядом, в «бункерах», расположенных в домах или сараях.

Мы получили позиции на самом краю улицы Озренской, за которой начинался путь в ложбину, и пятьсот метров отделяло нас от горы

Моймило. В этой ложбине находились дома, в которых жили люди, и по идее, где-то впереди должен был находиться еще один сербский бункер. Но я видел лишь чистое пространство, заросшее кустарником и деревьями, и мне, новичку, от картины такой войны было как-то не по себе. В ложбине, правда, люди копали огороды, пасли овец, и эта картина выглядела весьма идиллически. Не вызывал радости и правый фланг. Ближайший сербский бункер был от нас в метрах пятидесяти, причем траншеи до него тогда еще только оборудовались, и открытый ход был очень уязвим. Наши русские позиции состояли из двух крытых бункеров и короткого участка крытой траншеи, в которую вело два входа, так как фактически один из входов был окончанием всей траншеи и находился на самом краю холма, а его ребята, на всякий случай, завалили каким-то железом. Плюсом было то, что позиции у нас находились несколько выше противника, но с другой стороны, видимость была весьма ограничена, да и на расстоянии сотни метров местность противника опять поднималась до нашего уровня. Трудность была еще в том, что вся чужая территория была застроена частными домами, разрушенными и разграбленными, и тяжело было определить, откуда по тебе ведут огонь.

На позициях мы дежурили по одному или по два человека. На следующий день ситуация изменилась: Саша и Рада решили отправиться в Прачу в состав 2-го РДО, где тогда еще платили зарплату около 200 марок в месяц, и они прихватили с собой и Николая. Мне тоже на Озренской не совсем нравилось – жизнь в полуразрушенном доме и многое другое, однако я ожидал, что вскоре переберусь в отряд воеводы Алексича, куда, собственно, и должен был попасть согласно договору с радикалами.

Но задержался я здесь все-таки не зря. В первую ночь нас разбудила стрельба. Мы вскочили с кроватей, Леониду даже показалось, что в амбразуре видно чье-то лицо, и поэтому он сразу открыл огонь. Мы его поддержали, противник тоже не молчал, но накрыть нам никого не удалось.

Утром я с Леонидом решил прогуляться вниз к сербским домам, просто поесть черешни. Дорога, по которой мы пошли, с правой стороны была закрыта деревянным щитами и полотнищами, укрепленными на столбах, деревья вдоль дороги защищали от снайперов. В самом же низу неожиданно эта защита обрывалась, а оставалось идти метров сто. Мы же остались на открытом месте, хотя, естественно, ускорили шаг. Вдруг впереди закричала женщина, отчаянно жестикулируя, предупреждая нас о нависшей снайперской угрозе, и не напрасно, потому что сразу же над головами засвистели пули. Мы бросились бежать и скрылись за домом этой женщины.

Мы тогда не очень-то уж волновались, возможно, потому нам все-таки удалось добраться до черешни. Черешня была большая, и росла она слева от дороги, где начинался небольшой подъем вверх и, следовательно, была прекрасно видна противнику, за исключением самого ее основания, скрытого крышей дома на правой стороне дороги. Подумав немного, мы с Лешей легли под черешню, притянули к себе наиболее длинные ветви и начали с

удовольствием есть, попутно осматриваясь вокруг. Мы были хорошо скрыты, а окрестности выглядели достаточно мирно. Было это, конечно, очень близко от противника, удручающий вид производили опаленные и разграбленные дома, но это все равно не напоминало Сталинград, виденный на фотографиях. Спаленных танков не было, трупы отсутствовали, не наблюдалось и воронок от снарядов. Не слышно было и стрельбы, лишь изредка раздавались одиночные или эпизодические очереди где-то вдаль.

Город начинался за горой, на которой можно было рассмотреть вырытые линии траншей, а сады и луга вокруг настолько успокаивали, что у меня создалось впечатление, будто я в турпоходе, а не на войне.

Время шло к обеду, наступала наша очередь дежурства, и мы отправились в обратный путь. На базе, по инициативе Вити, начинались приготовления к небольшой перестрелке с врагом, так как они не хотели спускать неприятелю ночного инцидента.

Как я помню, мы взяли с собой ручной пулемет М-84 (югославская модификация советского ПК), почему-то здесь называемый «перестройкой», несколько винтовочных и ручных гранат. Гранатомета мы не брали. Нам надоело палить по противнику из нашего бункера, и мы отправились к соседям, откуда хорошо был виден неприятель, по словам сербов, постоянно ведущий тревожащий огонь. Сербский бункер помещался в подвале, и от него шла траншея, имеющая еще пару огневых точек. Леша к тому времени научился стрелять из карабина тромблону с плеча. Ему это легко удавалось, так как телосложения он был крупного, а роста высокого. На плечо при стрельбе он подкладывал какую-нибудь тряпку. Все же первый тромблон Леонида попал в тоненькое дерево в 7-8 метрах от нас, следующий попал туда же, но затем снаряды полетели в нужном направлении. Мы также вели усиленный огонь. Немного погодя выйдя в открытую траншею, я начал бросать ручные гранаты с корректировкой Вити. Мы находились от противника в десятке-другом метров, так что пара гранат вполне до него долететь. Остальные ребята тоже стали выходить из подвала, а если кто и оставался, то только в оборудованной ячейке. Хорошо, что мы покинули подвал, потому что сразу же сюда влетел неприятельский тромблон, и после взрыва все заволочло пылью. У нас потерь не было, и, постреляв еще для острастки, мы возвратились на базу.

Больше всего эта вылазка понравилась Вите, и он решил «выбить» у Ацо Петровича пару десятков килограммов взрывчатки и скатить ее прямо в бочке на позиции мусульман. Это было правильным решением, ибо нас было слишком мало, и если бы противник это почуял, то нам пришлось бы несладко.

Сербское командование тогда продолжало оборудовать позиции. Строили, однако, не сербы, а хорваты и мусульмане, жившие на сербской территории, мобилизованные в своеобразные трудовые отряды. Такие «радки водови» (рабочие взводы) существовали и у хорватов, и у мусульман.

Впоследствии я узнавал, что некоторые мои знакомые, храбро и смело воевавшие, были как хорватами, так и мусульманами. Я знал двоих близнецов с кличками «Дупли», и они были хорватами, а мусульманин Эдин был постоянным участником акций батальона 1-й Романийской бригады (со штабом в Пале), стоявшем на Требевиче, и даже имел три ранения. У мусульман же в Сараево сербов в армии было намного больше. Иные сербы же, вступающие в армию и полицию Изетбеговича, предпочитали называть себя югословенцами, как это когда-то придумал Тито, желавший слить воедино все народы Югославии. Иные представлялись «бошняками» – термином, придуманным то ли самим Изетбеговичем, то ли его западными союзниками [в русской транскрипции – «босняки» или, правильное, «боснийцы»; так во времена Австро-Венгрии официально называлось население этого края. – *примеч. ред.*]. Ни у кого из них легкой жизни не было, уже в силу психологического давления чужой среды. Позднее я познакомился со многими сербами, бежавшими из Сараево, которые даже думать не хотели о возвращении, а мечтали выехать куда-нибудь подальше от Боснии и Герцеговины. Тогда, на Озренской, мы всего этого не знали, а первое, что мы услышали и увидели, приехав сюда, – как местный охранник по кличке «Гилмор» заставлял читать вслух этих рабочих для своих друзей книгу покойного маршала Тито, что вызывало небывалое веселье у некоторых сербских слушателей и страшное раздражение у Леонида, да и у всех остальных русских.

Еще пару дней мы провели в безделье, устраивая перестрелки лишь на своих позициях – больше даже с досады, и увидев, что за мной никто не приезжает, я решил самостоятельно отправиться к Алексичу.

Добравшись до воеводы, человека роста небольшого, густо обросшего длинными волосами и бородой, я с удивлением узнал, что он ожидал пятерых русских, и мне стало как-то неловко оттого, что я был в единственном числе. Алексич отвез меня на своем зеленом «Гольфе» на Озренскую, где я сдал оружие, попрощался с ребятами, несколько ошеломленными моим уходом, и, взяв вещи, отправился в свою новую чету. Чуть позже я еще раз навещал ребят, в сопровождении пятидесятилетнего четника Мырги, имевшего не менее экзотический вид, чем воевода. Он был также с бородой, носил остроконечную меховую шапку («шубару» по-сербски) с четнической кокардой, одет в военные маскировочного цвета штаны и майку с кожаной безрукавкой. Весь этот наряд дополнялся длинным полуметровым штык-ножом. Со столь внушительным сопровождением я предстал перед ребятами, которые к тому времени поменяли свое местонахождение на частный дом, находящийся недалеко от штаба четы. Больше я к ребятам не заходил, просто не было времени. Впоследствии узнал, что они на Озренской пробыли до начала июля, а в одной акции, действуя вместе с Ацо Петровичем и несколькими местными сербами, зашли на мусульманскую территорию как раз в то время, когда сербы готовились «что-то» взорвать у мусульман. Они едва

оттуда выбрались, тем более что отличить сербов, как от мусульман, так и от хорватов и местному-то сложно, а русскому – тем более, учитывая схожесть языка и внешности.

Эта группа закончила свое существование весьма неожиданно, но в традиционном боснийском стиле. Инцидент начался из-за какой-то ерунды. Во время малозначительной вечеринки местная девушка, у которой «крыша несколько съехала» (по выражению Петра), взяла у них автомат и гуляла с ним по Гырбовице, что закончилось приходом военной полиции, которая начала будить спящих ребят обычной для них манерой – ногами. Естественно, что это не понравилось никому, и Витя отправился в полицию, раскрыв «Золую», из которой попытался выстрелить, но Леня успел ему сбить руку. Затем последовала тюрьма, в которой кто-то из них от безделья развалил решетку, но убежать не стал, а затем на БОВ (как я уже писал, это югославская версия советской БРДМ), их с вещами вывезли до Рогатицы, городка, расположенного в 150 км от Сараево, и там отпустили. Именно тогда у Лени и «Капельки» пропали паспорта, и они едва уехали домой. Их примеру последовал и Петя. Витя перешел сначала в сербский батальон на Требевиче, а затем, после короткой «командировки» в местную тюрьму, появился в составе Горажданской бригады. Петя с Леной позднее возвратились. Петр появился весной 1994 года в русском отряде (3-й РДО) у воеводы Алексича, а Леня возвратился весьма быстро. Он уже в июле 1993 года опять оказался в Республике Сербской, на этот раз – в составе отряда специальной бригады милиции, который базировался в г. Шековичи: пробыл там два с половиной месяца, участвовал в известной операции «Лукавац-93» в направлении горного массива Игман и поселка Тырново, где был ранен и контужен.

В январе 1994 года Леня появился в нашем 3-м РДО у Алексича и рассказал мне, что в Болгарии ему пришлось встретиться с каким-то сирийцем, воевавшим в мусульманском Сараево, в том числе на Озренской. Они с ним выпили пиво, разговорились, тот его даже в гости пригласил, но Леня отказался.

Глава 3. Район Еврейского «гробля» и отряд Алексича. Операция Тырново–Игмана

Район Еврейского кладбища из-за важности своего положения (как и Озренская улица) был местом особого внимания противника. Отсюда из нескольких бункеров сербской обороны открывался вид на центр неприятельского Сараево. Сюда же выходили фланги сербской обороны на Гырбовице. Сама Гырбовица оборонялась всего двумя, 2-м и 3-м пехотными батальонами – под командованием Ацо Петровича и Ковачевича

соответственно. Каждый батальон насчитывал по 600 – 700 человек списочного состава. На практике же немалое количество из них находилось в самовольных отлучках, затягивавшихся до года. Часть их лишь числилась в списках подразделений. В третий батальон входили: чета Алексича, носившая официальное название ПОЧ («противоокопна чета» – противотанковая рота) и четыре пехотные четы, которые держали оборону улицы Београдской, находившейся на Гырбовице у подножия Требевича. От «Дебелого бырдо» линия обороны держалась двумя четами вдоль пути Луковице–Пале. Второй батальон, имевший в составе столько же чет, держал оборону от улицы Загребачка на Гырбовице, вдоль реки Миляцка до улицы Озренской.

Сербские силы были не велики: 4 танка, 4 ЗСУ М-53 «Прага» (спаренные 30мм зенитными артиллерийскими установками и монтированные на бронированных грузовиках) – особо ситуацию изменить не могли.

Но на этом сербские силы не исчерпывались. Наша бригада носила название 1-я Новосараевская моторизованная бригада. В состав подразделения также входили 1-й пехотный батальон, державший фронт от горы Моймило до Добрыни и аэродрома; танковый и механизированный батальоны, стоявшие в Луковицах; зенитный и артиллерийский дивизионы; рота военной полиции и ряд подразделений. Численность нашей бригады доходила до 4–5 тысяч человек, оснащенных техникой и вооружением для ведения борьбы в данных условиях, и чего вполне хватило бы, чтобы дойти до центра Сараево или пересечь его.

Штаб нашей бригады находился в Луковице, в бывшей казарме ЮНА, носившей название «Слободан Принцип Сельо», штабной командный пункт расположился на высоте Павловац.

Все Сараево представляло сплошную линию фронта, снаряды и мины летели в обе стороны, и как следствие – были большие потери среди мирного населения. В дни праздников религиозного характера местное население собиралось на застолья, и зачастую на выстрелы в воздух расходовалось больше боеприпасов, нежели на боевых позициях.

Покинуть мусульманское Сараево было практически невозможно, единственным выходом были два подземных тоннеля под аэродромом, которые контролировались мусульманской полицией, не дававшей выхода никому без специального пропуска. Из сербской зоны выбраться было куда проще, так как отсутствовало военное положение.

В общине Ново-Сараево проживало около 15–20 тысяч сербов, что представлялось отличной мобилизационной базой. В данной войне бригады пополнялись боеспособным населением своей общины. Люди были привязаны к родным местам, что порождало поразительную «местечковость». Так, в отношениях между бойцами нашей бригады и 1-й Романийской очень часто на этой почве возникали проблемы, хотя их постоянные места проживания находились всего в 20 километрах.

Несмотря на это, сербы достойно держали оборону. «Мусульманское» Сараево с 250 тысячным населением имело 30–40 тысячное войско, а при необходимости могли быть мобилизованы дополнительные силы. Сербский же Сараево-Романийский корпус насчитывал не больше (а то и меньше) 20 тысяч человек, при населении 120 тысяч человек.

Мусульмане находились в преимущественном положении и, имея с позволения международного сообщества «свободу рук», могли нанести сокрушительный удар. Например, за 2 – 3 часа перебросить войска от фронта под Добоем на Сараевский фронт, тогда как сербам понадобилось бы для этого в 5 раз больше времени. То же относится и к Сараево, так как армия БиХ (Боснии и Герцеговины) с легкостью могла выставить против нашей бригады пять или шесть своих бригад, но наступления противника здесь не удавались, вплоть до самого Дейтонского соглашения. Даже в 1995 году сербы могли продвинуться дальше в городской зоне Сараево. Если взглянуть на район Гырбовицы, а также позиции на Озренской и Еврейском кладбище, то здесь два сербских батальона были окружены тремя неприятельскими бригадами. В сущности, эти бригады были легкопехотными, плохо оснащенные и с недостаточным снабжением. Но война шла в городских районах с многоэтажными зданиями, где танки и «Праги» сербов вряд ли играли большую роль. Пара гранат порой здесь решала намного больше. У противника, впрочем, так же было несколько танков на все Сараево. То, что мусульманская армия не могла взять Гырбовицу, говорит не о недостатке храбрости ее солдат, а скорее, подтверждает недалекость генералов и политиков. Если бы противник захватил район Еврейского кладбища и улицы Озренской, то он бы вышел на участок мемориального комплекса Враца, где сербских домов было не так уж и много, а значит, сопротивление было бы оказано слабое. Этими действиями они бы отсекали единственную асфальтированную дорогу Луковице–Пале, а сербские села Петровичи и Миливичи оказались в зоне их досягаемости, в глубоком котловане.

Сербский батальон, стоявший на Требевиче, самостоятельно не смог бы оказать помощь, а дополнительные резервы с Якорины вряд ли бы сумели преодолеть участок, проходивший вдоль неприятельских позиций. Достаточно было одного выстрела из «Малютки» по танку – и движение сразу бы остановилось. Противник же на Златиште, хоть и находился под позициями сербов, укреплен был хорошо. Кроме того, он занимал вершину Чолина Капа (966 м над уровнем моря), откуда мог покрывать огнем значительную часть района Златиште. Правда, сербы обладали еще одной линией обороны, с правой стороны дороги Луковице–Пале, но даже случайному путнику с дороги, невооруженным взглядом, было видно, что она находится в заброшенном состоянии.

В случае нападения противник имел бы преимущество, так как сербское командование в данном районе не располагало достаточным числом боевых подразделений, а собирать народ от дома к дому было долго.

Руководство мусульман, призывая свой народ к полному захвату Боснии и Герцеговины, было к этому не готово. Вся информация, что поступала с телевидения, расходилась с реальностью.

Необходимо было просто признать, что мусульманская армия воевала не так уж хорошо. В 1992 году противник совершал пехотные атаки на сербские позиции. Однажды подобное случилось и под Златиште, где мусульмане были разгромлены. В 1993 году, мусульмане бездумно пошли на Требевич, где сербы просто закидали их гранатами.

Потом в Сараево начали приглашать моджахедов, хотя по телевидению Боснии и Герцеговины политические деятели выступали с речами в защиту прав человека и демократии. Создавалось впечатление, что Алия Избетович написал не «Исламскую декларацию», а новую «Декларацию прав человека». Эта пропаганда сопровождалась постоянными угрозами против Республики Сербской и всей Югославии, которые периодически перемежались жалобами Западу на свою судьбу. Было неясно, кто же находится у власти, то ли мусульмане, то ли «бошняки», то ли сторонники Запада, то ли приверженцы исламского джихада. Все здесь смешалось, поэтому вполне закономерно, что «защитники Боснии и Герцеговины» успехами похвастаться не могли.

Прошлого не изменить, но Дейтонский мир 1995 года не покончил с враждой между хорватами, сербами и мусульманами, существующую сотни лет, только лишь загнал ее вглубь. По сути дела, в Сараево ничего не изменилось, но сербов, с помощью международного сообщества, выгнали с Гырбовице, Озренской, и из района Еврейского кладбища.

Но понимание всего этого пришло намного позже. Тогда же, в 1993 году, когда я попал в чету Алексича, я плохо понимал эту войну, и тут мне пришлось учиться многому.

Первое, что пришлось изучать – снайперскую войну. Неприятельские снайперы имели несколько излюбленных позиций – «Дебелое бырдо», где они рядом с вентиляционным выходом из подземного тоннеля выкопали свой бункер, гора Моймило, крыша отеля Холидей и еще несколько высотных зданий в неприятельском Сараево. Именно с этих позиций они простреливали значительную часть территории сербского Сараево, поэтому проезд из Луковиц до Требевича был рискованным.

Снайперы стреляли по всем видам транспорта, идущего по дороге Луковица–Пале. Особенно часто обстреливались грузовики и автобусы, хорошо видимые из-за деревянных щитов и полотнищ, установленных сербами на насыпных земляных валах вдоль обочины, высотой 1 – 1,5 метра. В этих грузовиках ехали как военные, так и мирные люди, которые нередко погибали. Сложным для проезда был и участок дороги в районе мемориального парка «Враца», который необходимо было проехать по пути в Луковицу. Здесь на протяжении нескольких сот метров дорога была открыта огню неприятельских снайперов, а то и пулеметчиков (как с «Дебелого бырдо»),

так и из неприятельской части города). Конечно, этот участок можно было объехать: спуститься по улице Охридской к штабу нашей четы, затем узкими улочками выехать на Гырбовицу, с которой можно попасть на улицу Банэ Шурбата и выехать уже на безопасный перекресток на Враца. Но на такой путь мало кто решался, так как впереди было не менее пяти-шести очень опасных участков, поэтому люди предпочитали рискнуть, «проскакивая» через Врацу.

Но и Враца не была единственно опасным местом: уже через несколько километров, на перекрестке в Луковице, начиналась зона обстрела неприятельских снайперов с Мойшило.

Левая дорога, шедшая к фабрике «Энергоинвест» и зданию факультета, простреливалась на протяжении 200–300 метров, и маскировка была плохой. От этого места до Моймило было около тысячи метров, но снайперский огонь все-таки велся постоянно, а применялись крупнокалиберные пулеметы и 12,7 мм снайперские винтовки. Здесь и погиб руководитель центра безопасности МВД Сербского Сараево, пока он ждал в своей машине, когда ему откроют ворота фабрики.

Правая дорога от перекрестка также простреливалась, сначала на участке от штаба бригады в казарме «Чича» до корпуса в казарме «Сельо», а затем и дорога до Добрыни-4. Путь в Касиндол, дорога в село Войковичи, следующая затем в сторону Тырново, тоже была опасной, так как часть села Войковичи и участок дороги на Тырново, простреливались неприятельскими снайперами с горы Крупац. Заграждения в виде деревянных щитов, земляных насыпей, порой – материи, натянутой между столбами и деревьями, бетонных плит устанавливались весьма халатно, поэтому отдельные участки были очень уязвимы. При этом не каждый участок было возможно закрыть. В таких условиях нелегко сориентироваться, какой участок более безопасный: это было особенно сложно для приезжих из других мест Республики Сербской.

Естественно, снайперский огонь не велся без остановок, можно было до десятка раз проскочить по одному месту, прежде чем пуля просвистит над головой. Но и потери здесь были не малые, как среди гражданских лиц, так и среди военных.

Не меньшую опасность представляли мины и снаряды противника, которые не разбирали людей, кто из них гражданский, а кто военный. Вообще трудно было отделить военные цели от гражданских. «Бункеры» зачастую размещались в подвалах жилых зданий, а зенитные установки били из жилых массивов, поэтому как сербы, так и мусульмане особенно в целях не разбирались.

Международное сообщество обвиняло, странным образом, только сербов в обстрелах «мирных кварталов Сараево», хотя, что это такое – никто не понимал.

Не знаю, что происходило в то время в мусульманском Сараево, но по рассказам и по информации СМИ, жизнь там тоже была не легкой, но все-таки шла свои чередом, независимо от военных действий.

Люди все же веселились, решали житейские проблемы, женились, разводились, появлялись на свет дети, но вот только умирали гораздо чаще. Нельзя сказать, что к смерти здесь привыкли, но она была неизбежностью. Тем более, воевали-то не иноязычные люди, пришедшие откуда-то издалека, а воевали и погибали представители одного, по сути, народа, жившие друг с другом в мире многие годы, породнившиеся между собой. У многих сербов жены, матери, и ближайшие родственники были мусульманами или хорватами. С началом войны одни связи разорвались, другие поддерживались по телефону или письмами, иные использовались в корыстных целях. Закономерно, что нередко были негласные договоры о взаимном неведении огня, хотя опять-таки никто не был застрахован от какого-нибудь «терминатора».

Находясь в Гырбовице, я убедился, что это не Сталинград, а скорее, Бейрут. За исключением жилых массивов Отес и Гырбовица, взятых сербами в 1992 году, в Сараево наступательных боевых действий глубокого характера не было, и почти все разрушения сосредоточились в узкой полосе линии фронта, но и то не особо значительные.

К тому же в Сараево постоянно находились миротворческие силы ООН, а главное – разнородные гуманитарные организации, которые никогда не задерживались там, где шла полномасштабная война. В обеих частях Сараево работали некоторые предприятия, рестораны. Правда, на Гырбовице до февраля 1994 года их было всего 4 или 5, и вид они имели неказистый, но все же это было признаком жизни и по сравнению с казармой в Семече, мне там понравились намного больше.

Район Еврейского кладбища несколько отличался от многоэтажной Гырбовице, бывшей до войны преимущественно сербской. Покинутые сербами, хорватами, мусульманами квартиры сразу же занимались сербами, сбежавшими из неприятельского Сараево или же других мест.

В районе Еврейского кладбища (по-сербски «кладбище» – «гробля», как в дальнейшем этот район и буду именовать) число пришлых было невелико, здесь проживало в основном сербское население. Заселялся и застраивался этот район с начала 1960-ых годов сербами – переселенцами из сел общин Пале, Ново Сараево, Калиновик. Состав чет, державших здесь оборону, состоял зачастую из родственников, знакомых или же друзей. Это, кстати, не так плохо оказалось, потому что нигде сербам, даже с помощью ЮНА, иным образом не удавалось долго удерживать территорию. Бежать местным никуда не хотелось, да и уезжать было некуда, так как их никто нигде не ждал. Многие не хотели оставлять свою землю. Им приходилось выдерживать серьезные нападения противника и постоянно опасаться снайперского огня, мин и тромблов.

Такая жизнь требовала определенного мужества, ведь тянулась она с апреля 1992 года. Так что убитых, инвалидов, раненных и пропавших без вести, было более чем достаточно. Люди гибли не только на фронте, но и у своих домов. Жестокость столкновений усиливало то, что с другой стороны Еврейского гробля жили в основном только мусульмане, строившие свои дома едва ли не один на другом: этот район отличался и до войны экстремистскими настроениями. Постепенно как-то сложилось мнение, что в районе Еврейского кладбища живут одни экстремисты, сербские «четники» и мусульманские «балии».

Процесс формирования современного четнического движения довольно сложен, поэтому коснусь его в общих чертах.

Постепенное принятие демократических ценностей в Югославии совпало с национальным подъемом. Это выразилось в создании ряда общественных движений. Сербский народ, благодаря тому, что сербское село было еще сильно, а православные и национальные ценности еще хранились в народной памяти, выбрал «национальные» организации. Самое сильное сербское оппозиционное движение СПО («Сербский покрет обнови» – Сербское движение обновления), ассоциирующее себя с четниками Драже Михайловича времен Второй мировой войны, поначалу включало в себя почти всех оппозиционеров (Воислава Шешеля, Мирко Йовича, Вука Драшковича) и действовало главным образом в Сербии. Оно было негативно настроено по отношению к власти, а Шешель впоследствии стал его противником. Ставший лидером СПО Драшкович установил хорошие связи с сербской эмиграцией, в том числе с «попом Джуичем», бывшим командиром четнической «Динарской» дивизии, воевавшей в Краине во время Второй мировой войны.

Другой, более лояльный власти лидер оппозиции, Мирко Йович, создал свою организацию СНО («Сербску народну обнову»), а затем и Воислав Шешель организовал «Сербский четнический покрет» (Сербское четническое движение) – СЧП. Позднее СЧП Шешеля объединилось с Народной радикальной странкой (партией) Николича, положивший начало радикальной партии, в которой Шешель стал лидером, а Николич его заместителем. Шешель так же сумел установить хорошие отношения с Джуичем (последнего еще Драже Михайлович назначил воеводой), от которого получил звание четнического воеводы. Шешель по четническому образцу стал вводить звания (наредник, десетар, поручник, капитан, майор, полковник, воевода), что, впрочем, не помешало ему еще более улучшить отношения с Милошевичем и его госбезопасностью.

Начало войны ознаменовало большой патриотический и национальный подъем. На фронт отправлялись многочисленные добровольцы, организованные в Сербии и Черногории силами СПО Вука Драшковича, СНО Мико Йовича, радикалов Шешеля и представителями других более мелких организаций. На фронте действовали добровольческие отряды «Сербской

гарды» во главе с Гишком (СПО), и отряд «Бели Орлови» (СНО) под руководством известного кинорежиссера Драгослава Бокана. Некоторые добровольцы самовольно присваивали себе названия или символы того или иного движения, так как добровольческое движение развивалось весьма хаотично. «Гишка» очень скоро был убит в спину снайпером, и его движение распалось. Вук Драшкович вступил в конфликт с руководством Республики Сербской и Республики Сербской Краины. Другие отряды, не имея поддержки, просуществовали недолго, и те же «Бели Орлови», начав испытывать растущее давление со стороны Республики Сербской и Республики Сербской Краины, просто прекратили свое существование.

Совершенно отдельно и особое внимание занимала СДГ («Сербска добровольческая гарда» – Сербская добровольческая гвардия), во главе с Желько Ражнатовичем, по прозвищу Аркан.

Аркан, личность незаурядная, был известен ранее органам правопорядка Югославии и многих других стран, но с началом конфликта получил поддержку во власти, точнее в госбезопасности, на которую работал и до войны. Он был довольно популярен среди молодежи, а потому в людях недостатка не испытывал. В своем движении Аркан ввел жесткую дисциплину, в отличие от других добровольческих отрядов, хотя ее цели заключались не только в выполнении боевых задач на фронте, но и в «зачистке» местности. Он организовал обучение своих бойцов на полигонах ЮНА и милиции Сербии. Позднее Аркан организовал собственную партию ССЕ («Странка сербского единства» – Партию сербского единства) и даже получил место в парламенте.

Радикалы опирались на свою политическую организацию, сеть комитетов, которую они успели создать в Сербской Краине и в довоенной Боснии и Герцеговине. Четническое движение основывалось уже на базе этих комитетов. Как раз во время моего приезда в Республику Сербскую, в марте 1993 года, в городке Соколаце, состоялся большой сбор четнических командиров радикалов. На этом сборе Воислав Шешель присвоил звание воевод более чем полутора десяткам командиров, в том числе двум сараевским четникам – нашему Алексичу и «Бырнэ» (Браниславу Гавриловичу), отряд которого находился в Илидже. Алексич до войны был юристом на почте, начал свою карьеру как председатель комитета радикалов в еще довоенном Сараево. С началом войны, в апреле 1992 года, он успел собрать вокруг себя несколько десятков местных сербов, в большинстве молодежи, с которыми и принимал участие в боях за освобождение руководства СДС [«Серпска демократска странка» (Сербская демократическая партия). – *примеч. ред.*], блокированного мусульманами в отеле «Холидей», а также в боях за школу милиции в районе Враца. Совместно действовали местные добровольческие отряды и сербские милиционеры. Тогда же сербами была взята Гырбовица, и некоторые из них начали переправляться через реку Миляцка, но сверху последовал приказ о возвращении. Последующие сербские наступления на массив Храсно

закончились неудачей из-за недостатка сил и плохой организации. В районе Еврейского гробля Алексич занял оборону у самого подножия «Дебелого бырдо», в казарме бывшей ЮНА «Босут», от которой начинался подземный тоннель в горе, где находился узел связи армии. Мусульмане организовывали нападения на этот район, но сербы его отстояли.

С началом формирования Войска Республики Сербской четническая группа Алексича объединилась с группой местных «территориальцев» в единую чету (роту), и одновременно в этом же районе, вдоль ограды Еврейского гробля до транзитного автопути, оборону приняла пехотная чета, командиром которой к моему приезду стал капитан Станич. В районе улиц Београдской и Мишки Йовановича, командиром был Велько Папич, ранее служивший в ЮНА и участвовавший еще в боевых действиях в Краине.

Ряд командиров и бойцов здесь были членами радикальной партии. Алексич имел связи в Белграде и был лично знаком с Шешелем, находился в хороших отношениях, а также с Биляной Плавшич, настроенной антикоммунистически и монархически, бывшей заместителем Караджича, а потому считался довольно влиятельным человеком. Но общая ситуация не благоприятствовала четникам, так как власти относились к ним с подозрением, и четническое движение так и не стало самостоятельной силой.

Если, еще в 1992 году, в Республике Сербской четнические отряды были самостоятельны, и в их состав входило от 50 до 100 бойцов, то в 1993 году большая часть этих отрядов была распущена. Меньшая же часть, подобно отряду Алексича и отряду воеводы «Васке» из Илияша, были включены в состав бригад и батальонов Войска Республики Сербской.

К сожалению, в условиях безвластия, в четнические отряды попадали случайные и непроверенные люди, ими совершались кражи, грабежи, убийства. Впрочем, подобные поступки совершались не по идеологическим убеждениям, а из-за низкого морального уровня: это было типично для людей всех партий и структур. Но радикалы находились на «особом» счету, так как не имели популярности и понимания даже среди сербских националистов, а об офицерах ЮНА, выросших на примерах борьбы партизан Тито с многочисленными врагами югославского народа – от нацистов Гитлера и фашистов Муссолини до хорватских усташей и сербских четников, – и говорить не приходилось.

С четниками я был знаком еще по Вышеграду. Для меня это были воевода Велько, Бобан со своей интервентной четой, добровольческая группа «Скакавцы», но тогда я даже не предполагал, что с четниками так запутанно обстоят дела. Самое интересное, что меня, а затем и других ребят, пришедших к Алексичу, многие люди во власти стали считать четниками, хотя мы тогда и понятия не имели обо всех тонкостях сербской политики.

На Гырбовице встречалось разное. Кто-то из довоенных уголовников стал называть себя четником (правда, среди них встречались

очень часто смелые, толковые и хорошие бойцы); кто-то понятия не имел о четничестве, а были и те кто «воевал» по кафе и ресторанам. «Свиней» хватало везде, к счастью, отдельного движения они не представляли.

С местными сербами я познакомился довольно быстро, так как сразу по приезду к Алексичу вступил на боевое дежурство. Позиции этой четы тянулись на протяжении двухсот метров прямой линией. У подножия «Дебелого бырдо» стояло полуразрушенное двухэтажное здание казармы «Босут», от которого в сторону противника шла неширокая асфальтированная дорога, где сербы имели два бункера «Босут – I» и «Босут – II» по углам казармы. Построены они были основательно. От одного из них шла частично крытая траншея, которая вела к двум домам, в одном из которых жил местный серб «Роко» со своей семьей, а в другом находилась столовая. Эти бункеры были очень важны для обороны: в случае их захвата противником было бы уничтожено последнее сербское сопротивление. Штаб четы, узел связи, помещение, где жили добровольцы (куда поселили и меня), находилось всего в 10 – 15 метрах от столовой. Овладей ими неприятель, то сразу бы была отрезана дорога до Враца. Справа от нас уже начиналось село Петровичи, которое прикрывал один бункер, позади – находился район «водовода», где простиралась роща и фруктовые сады. Оборону организовывать было негде и некому, потому что большая часть сербов жила намного ниже от штаба четы.

Вторым важным объектом был вход в тоннель, которых находился в 7 – 8 метрах от казармы на склоне «Дебелого бырдо». Вход был закрыт решеткой, ключи от которой находились у Алексича. Мне пришлось побывать в этом тоннеле. Алексич послал за соляжкой шестнадцатилетнего парня «Свена», и я пошел с ним. Это было внушительное сооружение: ЮНА свой узел связи так глубоко вкопала в землю, что он был защищен даже от ядерного взрыва. Ходы тоннеля были высотой 2 – 3 метра и такой же ширины, а тянулись они на сотни метров, оканчиваясь где-то на Златиште. Все ходы были перегорожены тяжелыми бронированными дверьми. Был еще один выход на мусульманском склоне «Дебелого бырдо». Противник сумел в него войти, но сербы заняли большую его часть и надежно заблокировали.

«Рашидов ров» – так называлась наша позиция – состоял из двух бункеров, находящихся с общих сторон одноэтажного частного дома, расположенного наискось в сербской линии обороны. Правый бункер состоял из крытой траншеи с пулеметным гнездом, которое находилось чуть впереди. В левом бункере пулеметное гнездо было выкопано за углом дома и обложено таким количеством ящиков с песком, что внутри этого сооружения получилась небольшая каптерка, где стоял телефон, и могли разместиться человек 6 – 7.

Вдоль пулеметного гнезда шла высокая и длинная стена из ящиков с песком, которая была хорошей мишенью для гранатометчиков. В обоих бункерах мы имели по пулемету, один – уже знакомый М-84, а другой – югославский М-53 калибра 7,92, хороший, но быстро загрязняющийся. Чистку оружия никто не любил, поэтому без особой надобности из нашего «гарони»

(как мы называли М-53) предпочитали не стрелять. Люди во втором бункере появлялись только при нападении неприятеля, добежать до него было нетрудно, так как находился он в десятке метров. К нему была прокопана траншея вдоль каменной ограды, да и дом был высотой 5–6 метров. К моему удивлению, в одном из окон этого дома периодически появлялась пожилая женщина, кажется, полька по национальности.

Наш же бункер был достаточно защищен, обзор обширен, так что при малейших «телодвижениях» противника, наш М-84 разражался длинной очередью.

Левее от нас, метрах в десяти, находился высокий двухэтажный дом, торец которого был вровень с нашим бункером. Между бункером и домом проходила асфальтированная дорога, которая шла в сторону неприятеля. От противника нас отделяло расстояние в 100 метров, и его линия обороны шла параллельно нашей. Левая сторона дороги была застроена частными домами, но там уже начиналась зона ответственности четы Станича. Конечно, сплошной линии обороны здесь не было. На мой взгляд, было бы нелишним создать бункер в доме, расположенном слева от нас, а еще дополнить бы это несколькими пулеметными гнездами, наблюдательным пунктом, соединить все траншеями! В результате мы получили бы огневую позицию (в форме буквы «Г»), которая давала бы возможность маневрировать, открывая огонь по противнику не только в лоб, но и сбоку, блокируя возможность пройти по склонам «Дебелого бырдо». Для очистки совести я предложил этот план, но ни у кого желания рыть траншеи не было, а настаивать я не стал.

Все-таки люди держали здесь оборону уже больше года. К тому времени в чете было уже несколько убитых. Мусульманам, по рассказам местных ребят, иногда удавалось прорваться на сербские позиции. В один из таких моментов произошел случай из ряда вон выходящий: мусульмане, обнаружив в доме молодую женщину, начали ее насиловать, предварительно позвонив по телефону сербам, приглашая их все это послушать.

Сербь в октябре 1992 года тоже пытались штурмом овладеть неприятельскими позициями, отделенными от нас поляной. Во главе группы из 15 человек был Алексич. Они вошли в расположение противника, но поддержки не получили, поэтому понесли большие потери. Алексич был ранен, и их группа едва выбралась.

За день до моего приезда мусульмане еще раз пошли в атаку, как всегда – в лоб сербской обороне и при хорошей видимости. Сербь, естественно, их накрыли: пришлось убираться восвояси, вытаскивая своих раненных и убитых. По этому поводу район Еврейского кладбища посетило несколько иностранных и местных журналистов. С одним из них я познакомился. Это был Огги Михайлович, постоянный гость Алексича. Среди них находился и один японский журналист, который приехал в сопровождении работника местной безопасности по имени Момир. Японец, в отличие от большинства других западных представителей прессы, плотно экипированных

в бронежилеты, был без него и даже принялся прогуливаться по передней линии обороны, рискуя получить пулю, чем вызвал у многих сербов определенную симпатию.

К тому времени организация обороны была устроена следующим образом. Чета Алексича была разделена на три пехотных взвода и взвод поддержки. Последний имел в вооружении безотказное орудие, 20-ти миллиметровую автоматическую пушку, два миномета 82 мм, несколько гранатометов М-57 (местный югославский гранатомет калибра 44 мм) и «Осу» (калибра 90 мм), пару снайперских винтовок 7,92 мм, станковый пулемет 12,7 мм калибра «Бровингер». Кроме того, рядом со штабом четы, где жил Алексич с женой Верой, находился батальонный узел связи. Каждый пехотный взвод был ответственен за один из трех бункеров, в которых мы дежурили по 4–5 часов, в составе 4–5 человек, с отдыхом по 12 часов. Часто из-за этих дежурств возникали разногласия, но самыми дисциплинированными были бойцы 50–60-тилетнего возраста: поэтому командование чет противилось снятию с боевого учета этой категории. Они отлично подходили для таких дежурств, в которых по существу, ничего сложного не было. Противник постреливал редко, а сербы предпочитали его зря не тревожить. Жилые дома начинались зачастую в десятке метров от позиций, а на расстоянии 50 метров пустых домов почти не было. Поэтому никто не хотел стрелять, так как могли пострадать чьи-то семьи. Свободное время сербы часто проводили за сигаретой и чашечкой кофе, приготовленного по-турецки. Кофе пили, как правило, в обязательных разговорах, в чем сербы большие мастера.

Многие меня расспрашивали о России, сторонниками которой, по их же словам, они являлись. Как правило, кляли Горбачева, высказывали предположение, что Ельцин является хорватом. Уверяли, что к Западу, чье влияние в местной среде было весьма заметным, симпатий не испытывали. Раздраженно говорили о вмешательстве Запада в «югославские дела», особенно возмущались его экономической и военной помощью хорватам и мусульманам. Некоторые надеялись, что Россия поможет им выйти из этого конфликта. Я же не хотел их разочаровывать и эту тему дипломатично обходил. Мой приезд для них был приятен, так как многие их друзья и родные остались в неприятельской части «у балии», другие – уехали в Сербию, Черногорию, а то и на Запад, так что у меня ни каких проблем, ни с кем не возникало. А если я кому-то не нравился, то это проявлялось весьма безобидно, по сравнению с той средой, откуда я приехал. Честно говоря, большое внимание к своей персоне мне не очень нравилось, тем более, я считал, что не заслужил такое отношение.

В сербскую среду я собственно потому и отправился, чтобы лучше узнать сербов, познакомиться с их бытом. Я помнил «Хохла», который пробыл среди сербов чуть больше двух месяцев и уверял, что они воюют только потому, что им ежемесячно выплачивают по 200 – 300 марок. Мне вообще действовали на нервы некоторые наши ветераны, всем недовольные, словно они приехали сюда из Парижа или Нью-Йорка, а не из охваченной всеобщим

кризисом страны, где не слишком нуждались в военных героях, а на улицах погибало людей больше, чем во всей югославской войне за то же время.

Сербов я не идеализировал, но и понять их можно. Ведь я для них был человек посторонний, а, следовательно, непригодный для всех их интриг, которые меня не интересовали. В Наполеоны попасть я не стремился, но некоторые вещи меня не устраивали с самого начала. Тогда я старался больше присматриваться к местной среде, и моими первыми товарищами стали сербы, с которыми я нес службу бок о бок.

Среди них были: Владо К., человек невысокого роста, плотного телосложения, лет сорока с лишним, чей дом находился в сотнях метров от нашего бункера на нашей стороне; Раде Б., высокий чернобородый тип, лет тридцати, неведомо каким образом попавший к Алексичу откуда-то из Краины; Неделько М., лет сорока, со шрамом на лице и руке, оставшимися после ранения по время октябрьской попытки взятия мусульманских позиций. До начала войны у Неделько была квартира и магазинчик в центре Сараево, откуда он едва успел выбраться с женой и сыном, поселившись на даче под Соколом. Был среди них и Златко Новкович, по прозвищу «Зак», серб, родившийся в Нью-Йорке, в семье сербских эмигрантов, молодой парень, немного старше меня. Зак для меня был интересной фигурой. Он поведал мне, что из рядов сербской эмиграции на эту войну прибыл, кроме него, еще только один серб. Я неплохо тогда уже говорил по-сербски и мог вести с ним длительную беседу. Зак был типичным американцем с характерными особенностями в поведении и разговоре, поэтому вписаться в местную сараевскую среду ему было не сложно. Он был полон высоких идей, не особенно нужных здесь. От него я узнал, чем живет сербская эмиграция, что происходит во всей Америке. Значительная часть сербской эмиграции полностью приняла американский образ жизни, и югославская война ее вообще не интересовала.

Но были среди эмигрантов все-таки и те, которые искренне хотели помочь Югославии. Именно благодаря таким людям Зак и оказался на этой войне. Он принадлежал к среднему классу, и денег у него лишних не было, дорогу и проживание оплатили сербские эмигранты. Зак привез с собой медикаменты для местной больницы и финансовую помощь четникам. Особенно хорошо он отзывался о Николе Кавайе, бывшем офицере ЮНА, сбежавшем в Америку в 1950-ые годы. В США он стал членом СОПО, эмигрантской организации, которая боролась с режимом Тито, под руководством которого и при попустительстве американских властей организовывались убийства сербско-эмигрантов и поджоги сербских эмигрантских организаций. После неудавшегося покушения на убийство Тито ФБР арестовало почти всех участников покушения благодаря двум завербованным сербам, Кавайа попытался освободить своих товарищей, угнав самолет. Его попытка закончилась провалом, он получил 20 лет тюрьмы строгого режима (окончил свой срок в 1997 году). Кавайа в американской

тюрьме не желал раскаиваться, так как считал себя военнопленным, а не террористом. Рассказывали, что он, назвав себя националистом и расистом, даже оказался от помилования, потому что судья был негром.

В 1996–1997 годах американцы обвиняли Кавайю в том, что он отправлял добровольцев в Республику Сербскую.

Согласно словам Зака, по мнению многих американских сербов, большая часть неудач этой войны была следствием политики властей Республики Сербской. Они даже не имели понятия, как вести пропаганду, и часто свои обращения к американцам начинали со слова «другови» (товарищи). Вряд ли сербская эмиграция изъявила желание помочь новоиспеченным защитникам сербского народа, которые все еще сохранили верность режиму Тито. Значительная же часть помощи, как это обычно бывает, попадала не участникам войны, а в руки чиновников. В Америке даже собирали помощь русским добровольцам, которую мы никогда не получали.

Видимо, в США информация о положении дел в Югославии была недостаточна, поэтому Зак решил восполнить этот пробел. Он приехал за полмесяца до моего приезда, но уже успел снять три или четыре сюжета на сербском и английском языках о воеводе Алексиче, о местной жизни, и отправить их в Америку. Несколько раз, я побывал с ним на телевидение в Пале, и смог оттуда позвонить в Россию. Зак тогда дружил с Неделько, который нас пару раз свозил на своей машине в Гырбовицу, где Зак повадился ходить в какое-то небольшое кафе на паланчики, блинчики с медом. Неделько со своей семьей не был в восторге от жизни под Соколацем.

Упомянутая страсть к общению распространялась и на мусульман, и я однажды присутствовал при такой сцене. Раде и Неделько начинали переключаться с мусульманами, а когда те отвечали оскорблениями, то Неделько начинал палить из стоящего в бункере карабина, а Раде – из пулемета. Однажды и я, по просьбе Барышича, кажется, поприветствовал противника, прокричав какую-то глупость, но дискуссии у нас тогда не получилось.

Спальное место я получил в доме через дорогу. Поселили меня с добровольцем сорока пяти лет по имени Станое, который по отцу или по матери принадлежал к цыганам. Дома он бывал редко, почти все время проводил на улице Београдской у своих друзей. Как-то раз он притащил большой тридцатисантиметровый железный крест, больше похожий на католический, и торжественно водрузил его себе на шею.

Кроме него, в чете было еще двое добровольцев: «Кикинда», кучерявый черноволосый парень, откуда-то из Воеводины, и Милан, здоровый крепкий парень, занимавшийся дзю-до в Сербии и до войны работавший где-то в Западной Германии. С Миланом у меня сложились хорошие отношения, и он мне оставил свой домашний адрес и телефон, правда, оказавшиеся неточными.

Наша «санаторная» жизнь была прервана неприятельским нападением. Началось оно ночью внезапными очередями, и нашими, и

мусульманскими. Вся линия фронта противника заговорила огнем, а сербы сразу же ответили. Начали падать тромбланы и мины. В бункерах места были заняты, и я начал вести огонь из-за угла одного из них. На склоне «Дебелого бырдо» я увидел вспышки огня, и мне сразу стало понятно, что противнику необходимо совсем не много времени, чтобы занять позицию над бункером. Окликнув кого-то из наших, кажется, Неделько, я вместе с ним начал вести огонь по склону. Опасность была серьезная, так как противнику сверху ничего не стоило закидать «Босут» ручными гранатами и захватить его.

В это время к нам присоединились воевода и несколько человек, пришедших из штаба. Воевода вызвал поддержку минометной батареи, с Гырбовицы нас поддержала «Прага» и вся операция закончилась очень быстро, а главное – без потерь. Окажись противник быстрее и овладей Босутом, то нас ожидали большие неприятности.

На следующий вечер к штабу четы пришли двое ребят из взвода поддержки – Младен Савич, по прозвищу Аркан, и Ранко. Они притащили фабричные противопехотные нажимные мины и импровизированные мины, которые состояли из ящиков наполненных взрывчаткой и всевозможными кусками железа. Вечером пошел мелкий дождь, и они вместе с воеводой и Неделько часов в 22–23 выползли по-пластунски устанавливать мины. Взрыватели импровизированных мин были связаны тонкой проволокой, конец которой находился в одном из бункеров «Босута». Действовать они должны были при первом серьезном нападении, как дистанционные осколочные мины. Судьба этих мин была трагикомична: в конце декабря 1993 года один шестидесятилетний «дедушка», Машо Тушевяк, придя на дежурство, решил скоротать время в бункере тем, что начал делать метлу для домашнего хозяйства. Видимо, пытаясь найти подходящую проволоку, он обратил внимание на проволоку имеющуюся в бункере и, не зная ее предназначения, просто потянул за нее. Этим он привел в действие три или четыре самодельные мины, переполошив как сербов, так и неприятеля.

Однажды находясь в Пале, я услышал, что в местной больнице лежит русский, и решил его навестить. Парня звали Женя, приехал он из Одессы. Ему повезло, ведя огонь, лежа из-за дерева, он всего лишь краем стопы задел противопехотную нажимную мину и врачи сумели сохранить ему ногу.

Женя сообщил мне о несчастье, которое постигло их отряд: 7 июня, в одном из боев погиб их командир, бывший капитан спецназа в Афганистане, Миша Трофимов, уроженец Виницкой области, но живший в Одессе. Пропал без вести Гена Типтин из Перми. Никаких особых подробностей Женя мне тогда не сообщил, и я, взяв два свободных дня, собрался съездить в Прачу. Эту поездку я хотел совместить с посещением Белграда, куда 20 июня меня пригласил отец Василий, планировавший церковную службу по поводу торжественного открытия памятной доски с именами и фамилиями погибших русских добровольцев, о которых ему тогда удалось узнать.

Договорившись без всяких проблем с воеводой, я взял в штабе батальона подтверждение о пересечении границы (эта бумага также давала право на бесплатный проезд до Белграда). Людей в русской церкви собралось достаточно, хотя российского посла я так и не заметил. Были здесь камеры одного из белградских телеканалов и даже каких-то иностранных компаний. Я и русский доброволец Вадим Баков по плану отца Василия, должны были быть главными в этой церемонии. На мемориальной доске были нанесены имена погибших русских добровольцев: Котова, Нищенко, Ганиевского, Сафонова (на доске Шашанов), Попова, Богословского погибших под Вышеградом, Александрова, погибшего под Хрешом (Сербское Сараево), Чекалина, погибшего на Маевице, Мележко, погибшего в Герцеговине, хотя его фамилия, мне кажется, была Мережко, Виктора Гешатова, погибшего где-то в Краине. Доску поместили рядом с белой мемориальной мраморной плитой в честь белого генерала Врангеля в самой церкви. После службы я познакомился с Вадимом, который раньше состоял в ОМОНе города Риги. Он со своими товарищами организовал отряд и воевал в районе Герцеговины. Одно время они обучали местных бойцов, одновременно участвуя в боях, в одном из которых, в районе Гацко, погиб их друг Сергей Мережко, находясь в БТРе который наехал на противотанковую мину. Постепенно местные власти потеряли интерес к отряду, и ребята разъехались по домам. Вадим тогда задержался в Белграде, пытаясь организовать какой-то союз русских добровольцев, но поговорить толком я с ним не успел, потому что одна дама, Симонида Станкевич, принадлежавшая к местной интеллектуальной среде, точнее к ее немногочисленной части, настроенной национально, утащила его на встречу с американским журналистом. Больше Вадима я не видел, после войны узнал, что он умер в Белграде. В церкви я увидел двух русских журналистов, они ходили с загадочно-скупающим видом.

Позднее я узнал, что один из таинственных журналистов был Сергей Грызлов, собственный корреспондент то ли газеты «Известия», то ли «Российской газеты». Моим товарищам и мне смешно было читать его обличительную статью, направленную против русских добровольцев, где он очень настойчиво писал о своем хорошем знакомстве с русскими добровольцами, с которыми он якобы делил пачку сигарет и бутылку водки на фронте.

Конечно, всех корреспондентов нельзя равнять под одну гребенку, как-то ко мне подошел один российский гражданин, лет пятидесяти, собственный корреспондент ИТАР-ТАСС, и пригласил меня в гости к себе домой. Он жил в Белграде, но уже собирался возвращаться в Россию, в Ростов-на-Дону, где купил квартиру, переехав из Риги. Он жил с дочерью, которая училась в Белградском университете, а жена к тому времени вернулась в Россию. О сербах он отзывался хорошо, но недоумевал, почему русские должны оставаться всегда на сербской стороне. Ведь он помнил, что когда-то югославские войска стояли на венгерской границе, нацеленные против

Советской армии. Спорить я с ним не стал, тем более, истина в его словах была. Его дочь против сербов тоже ни чего не имела, но очень раздражалась по поводу приехавших в Сербию проституток из России, Украины и Молдавии, видя в этом основание для падения престижа русских. Как раз в это время журналист отправлял свои вещи в Россию с гастролирующим цирком из Ростова-на-Дону. Я помог ему внести вещи в автобус, и он взялся меня подвезти в центр города, куда вез своих циркачей, с которыми я решил поговорить. Сначала я им рассказал о своих боевых товарищах – казаках из Зеленограда, но они сразу же ответили, что там казаки не живут. Возражать я не стал. Про себя же подумал, что нельзя считать себя казаком только потому, что твой дед махал шашкой. Они так уверенно, со знанием дела обо всем говорили, словно приехали в Сербию с дипломатической миссией, и у меня пропало всякое желание продолжать с ними беседу.

Куда интереснее мне было говорить с отцом Василием, хорошо знавшим историю русской эмиграции. Как оказалось, в Югославию приехало много белых эмигрантов в 1920-е годы. Они пользовались покровительством короля Александра. Однако, у многих в Югославии, в том числе и у сербов, они вызывали раздражение. Попытка всех эмигрантов устроиться в пограничную стражу на албанской границе не удалась, так как вскоре пограничников заменили финансовой полицией. Землю в Косово им не дали, хотя тогда здесь активно селились албанцы, и их процент уже достигал пятидесяти. Финансовые средства у русских закончились, тем более «Петербургскую кассу», вывезенную Врангелем, к тому времени по требованию большевиков арестовало югославское правительство. Кстати, многие эмигранты из России и раньше вспоминали о своих правах на ценные бумаги из этой кассы. В эмигрантской среде началась шумиха, требовали установить финансовый контроль, и все это выносилось в прессу. Большевики же вовремя вспомнили о праве государства на эти средства. Антирусская кампания в прессе лишь увенчала дело, несмотря на все усилия Врангеля, скорее всего, позднего отравленного. Его сподвижники стали разъезжаться, в основном во Францию. Король, конечно, оказывал большую помощь и защиту, но он в стране был не полновластный хозяин. К тому же король Александр в 1933 году был убит в Марселе хорватскими и македонскими террористами. Сразу же начались нападки на белую эмиграцию, прежде всего исходившие от местных коммунистов: мол, она сидит на шее у сербского народа. Все-таки число белых эмигрантов в 1941 году, когда пришли немцы, было еще значительным. Они решили продолжить свою борьбу с коммунистами и создали охранный корпус в составе немецких войск, не желая идти на Восточный фронт.

Та гражданская война, что велась в Югославии, унесла больше жизней, чем иностранная оккупация. Партизаны Тито убивали и русских эмигрантов (погибло около 250 человек, в том числе и гражданских лиц). Русский охранный корпус насчитывал десять тысяч человек и действовал лишь

на территории Югославии. При необходимости корпус пополнялся людьми из Бессарабии, Черновицкой и Одесской областей, находившихся под румынской оккупацией. Русский корпус все же успел уйти в Австрию до прихода советских войск, избежав судьбы русских казаков, сербских четников и добровольцев, депортированных англичанами обратно. Поэтому после войны число эмигрантов стало незначительным, особенно после чисток советского Смерша и югославской ОЗНЕ (Госбезопасности). Окончательно с ними покончил террор, начавшийся после того, как Сталин и Тито окончательно рассорились (в 1948 году): в Югославии принялись истреблять или «перевоспитывать» всякую просоветскую оппозицию.

Все же некоторые русские в Сербии остались, многие из них породнились с местными жителями. Одного я видел в сербском войске. Родился и вырос он в Сараево. С другим таким русским я познакомился в Белграде в русской церкви, звали его Олег Орлов. Он сразу же меня пригласил на обед. Его жена, черногорка, приготовила еду. Олег меня встретил очень дружелюбно и предложил в дальнейшем свою помощь. Познакомился я и с его товарищем Джуро, человеком лет сорока, тренером по карате, который, имея двоих детей, добровольно отправился на войну в Краину в состав СДГ Аркана.

Задерживаться в Белграде я не хотел, и через несколько дней вернулся автобусом в Пале. Оттуда автостопом отправился до Праги. Один молодой серб подбросил меня до Подграба – села в нескольких километрах от Праги, где находился штаб местного батальона. Дальше я пошел пешком, по дороге встретил двух, хорошо выпивших русских добровольцев, с которыми и добрался до двухэтажного дома, где располагался 2-й РДО.

Здесь я встретил старых знакомых: Витю Десятова, питерских Валеру Г. и Игоря «Хозяина», харьковского Володю «Хохла», Сашу «Салоеда» с Радой, Николая «Узбека» и Валеру «Меченого». А из новых были Андрей (старый боец 2-го РДО, родом из Подмосковья) и Петя Малышев из Москвы (член РНЕ и приписной казак, которым он стал в Вышеграде и поэтому носил казачью фуражку). Петя не раз появлялся в средствах массовой информации и не только в связи с войной, как в Республике Сербской, так и в Преднестрожье, где он тоже успел повоевать. В Москве он был тренером верховой езды и поселил в своей московской квартире лошадь, о чем бригада телевизионной передачи «Взгляд» даже сняла передачу. Да и его дружба с одним из основателей «Памяти», ныне покойным Смирновым – Осташвили, характеризовала его как личность весьма незаурядную. Правда, он тогда пил, и у него по этому поводу начинались проблемы, вроде бросания гранат в реку. Но позднее он совершенно перестал пить и я, познакомившись с ним поближе, узнал от него куда больше интересной информации, чем от многих наших «знатоков» жизни. Еще одним новым лицом для меня был высокий парень, Толик Астапенков, родом из Перми. Как я узнал, он и пропавший без вести Гена Типтин были друзьями еще в Перми, где вместе тренировались карате, и вдвоем отправились поступать во французский иностранный легион. Однако

соответствующей визы у них не было, и они оказались в 1993 году в Республике Сербской. Здесь они сначала были в штурмовом отряде во Власенице, затем перешли в русский отряд под командованием Александрова, который погиб на минном поле, а Толик и Гена перебрались во 2-й РДО.

В то время командиром 2-го РДО был Миша Трофимов, родом из Винницы; он в последнее время жил в Одессе. В советской армии он был капитаном спецназа и три года провоевал в Афганистане. За Афган он получил орден «Красной Звезды», но был тяжело ранен в голову. Врачи закрыли ему трещину в черепе пластмассовой пластиной. В Одессе он начал работать начальником охраны какого-то казино, но дома ему не сиделось, и он решил ехать во Францию. Не знаю, пытался ли и он поступить в иностранный легион, но туда бы его все равно не взяли, так как людей с большими шрамами на теле в легион не принимали.

В Республику Сербскую Миша попал весной 1993 года – и сразу во 2-й РДО. «Афганец» Эдик – майор-артиллерист, бывший командир отряда, тогда уехал, и за ним последовало еще четверо или пятеро ребят, и Миша стал командиром, притом очень хорошим. Его отряд часто ходил в акции. 7 июня отряд пошел в рейд в тыл врага с целью захвата пленных. Они окружили дом на окраине села, Миша вошел в него. В одной комнате были женщины, и пока Миша принимал решение, из незамеченной им двери в соседнюю комнату в коридор подбросили ручную гранату, от взрыва которой он получил осколок в горло. Пока его вытаскивали, из окна выскочили двое мужчин. Одного успели застрелить, но второй скрылся. Что было с Типтиным, так никто и не узнал. Уже после войны кто-то из сербов говорил, что какой-то русский после боя с группой мусульман погиб как раз в районе Горажде.

Ребятам я рассказал об Алексиче, а «Хохол» сообщил, что к ним приезжал Валера «Крендель» и со спутником по имени Борис, и они сразу же их отправили ко мне. Задерживаться здесь не было смысла, и я отправился к себе на базу.

Приехав домой, я обнаружил в своей комнате полный беспорядок, словно Мамай прошел. Было очевидно, что у меня в комнате хорошо погуляли. Я отправился к воеводе, который мне и рассказал, что ко мне в комнату подселили двоих русских, по его мнению, коммунистов. Разумеется, это были Валера и Борис. Видимо, они решили пошутить с четниками, расхваливая коммунизм и Брежнева, советский строй, а Борис еще продемонстрировал свои знания ругательств на английском языке.

Таким обстоятельствам я не очень обрадовался, но ругаться не стал, так как оба сразу начали все опровергать. Поводом же для застолья в моё отсутствие послужил приезд какого-то кинорежиссера из Москвы. Ребята начали водить его по Гырбовице, которую сами толком не знали. Режиссер, пробыв три дня, уехал в Москву, оставив им свой фильм о Преднестрове. Фильм неплохой, но сербы хотели увидеть бои, которых в нем не было,

поэтому картину они даже не досмотрели. Также я узнал, что готовится новая акция, притом большая, и, прибрав комнату, отправился спать.

В последних числах июня воевода Алексич собрал в столовой нашей четы десятка три людей. Кроме командиров взводов и ближайшего его окружения, здесь присутствовали молодые ребята, 20–25 лет, составлявшие своеобразную «интервентную» группу, которую он решил использовать в этой операции. По всем признакам, похоже, затевалось что-то серьезное. Воевода торжественно сообщил, что начинается большая акция по захвату поселка Тырново, а он назначен командиром сводного отряда нашего 3-го батальона. Был прочитан список участников этой акции. Кроме воеводы, были названы Горан «Чуба», майор Вучетич, а также Вера в качестве медицинской сестры, все русские и сербские добровольцы. Из связистов с нами отправился Милан, парень лет двадцати, «Панда», невысокий парень, лет двадцати шести, и Биляна, девушка лет двадцати, но имевшая уже ранение в бедро.

Все, кто оставался в чете, должны были усилить боевое дежурство и при необходимости быть готовыми выслать подкрепление.

Сборы были недолгие. Мне тогда здорово пригодился «лифчик», который мне сшил местный портной из маскировочной куртки. Застегивался он спереди, как обычная куртка, слева и справа находились два вертикальных кармана для одиночных автоматных рожков. Еще по одному такому карману – за правым и левым плечами. На спине – один широкий карман, который заменял рюкзак, в котором не было ничего, кроме боеприпасов. Спереди «лифчика» для ручных гранат было три кармана с застежками на липучках. Позднее я немного реконструировал застежки, заменив их пуговицами, так как липучки от сырости ослабевали. На кожаном ремне было два кожаных же футляра для ручных гранат и длинный штык-нож от «Маузера», который мне дал из каптерки Неделько. Таким образом, я был хорошо экипирован. Правда, тяжеловато, но страх остаться без патронов и гранат был сильнее. К тому же, в случае необходимости, например, выхода в разведку или неожиданном неприятельском нападении, я всегда мог обойтись и без «лифчика» – двойным рожком в автомате и двумя ручными гранатами, разумеется, если бы не пришлось вести долгий бой.

На следующее утро, мы построились в колонну по два, двинулись к штабу батальона, который находился селе Милевичи. Впереди колонны шел Раде с черным флагом, на котором были изображены череп с костями. Если к этому прибавить черную бороду Раде и красный платок, повязанный вокруг головы, то вид у него был бы впечатляющим. Нам же с Валерой он напоминал «пирата Южных морей». Вид воеводы, шедшего рядом, с еще более основательной черной бородой, в черной высокой шубаре, был не менее колоритным. Многие из местной молодежи, «попавшие под влияние Запада», носили длинные волосы до плеч: такой вид имели «Звезда» и Любиша, и понятно, что стрижку требовать от них было бесполезно. У некоторых была серьга в ухе. Миро Чамур обмотал синий платок вокруг головы, а «мистер Зак»

был в своих перчатках, солнцезащитных очках и с двумя автоматами – румынским Калашниковым и югославской версией «Шмайссера» (МР-40), прозванного здесь «Пикавцем». Впечатление он производил такое, как будто только что спустился с парашютом с американского самолета. «Кикинда» и Милан водрузили на головы сербские народные головные уборы, «шайкачи», что-то вроде пилоток с широким верхом. Неделько тоже нацепил какую-то повязку на голову, так что вся наша колонна имела вид довольно лихой.

У штаба батальона мы сошлись с не менее лихими бойцами четы Папича и четы Вукоты. Папич, высокий блондин, лет тридцати, носил черную широкополую шляпу с черепом и костями. Многие его бойцы, тоже носили всевозможные виды платков, шапок, повязок, никто не хотел уступать друг другу в разнообразии внешнего колорита. Среди них я встретил своего знакомого «Мыргу».

Отдельной группой держались семь или восемь бойцов из сербского молодежного союза «Сокол», организованного еще перед войной, которые теперь входили в чету Вукоты. В чету Папича входила группа местных добровольцев «Бели анжео» (Белый ангел), один из которых, Миро, был командиром взвода у Папича, а двое других, Младжо и Ацо Шешлия, были одними из разведчиков нашего свободного интервентного отряда. Кроме Веры и Биляны, среди нас было еще две женщины. Одна молодая светловолосая снайперша, она была с Папичем, а другая медсестра третьего батальона Светлана, которую звали по-местному «Цеца». Запомнить всех сразу было сложно, и я перестал обращать внимание на окружающих и начал ждать грузовики, которые прибыли довольно быстро. Разместилась в них наша веселая компания и понеслась напрямик через Враца, над каждой машиной развевались различные яркие национальные сербские флаги. После асфальта, вскоре началась грунтовка, и когда нас основательно растрясло, мы прибыли на исходное место. Сюда нам подвезли дополнительное количество боеприпасов – патронов, ручных гранат, тромблов. Были здесь и плащ-палатки, одеяла, продукты. Особенного ажиотажа вокруг боеприпасов я не наблюдал. Наш воевода взял для нашей четы коня, на которого мы водрузили одеяла, продукты питания, боеприпасы и миномет с двумя ящиками мин.

Валера сильно нагружаться не стал, оставив свой подсумок с четырьмя рожками и двумя тромблами, но зато уговорил их взять Бориса, который обвешался десятком тромблов и стал похож (из-за белых пластмассовых крылышек тромблов) на экзотическую бабочку.

У отряда был один пулемет М-84, который носил «Кикинда», и один гранатомет М-57 (его приходилось таскать Милану, над которым, как над «сербиянцем», местные сербы подсмеивались). Вес у этого оружия был приличный, желающих подхватить эстафету не было, и Милан пожалел, что взял его, особенно при дальнейшем марш-броске. Мы сделали привал, кто-то решил перекусить, кто-то прилег отдохнуть. Валера улегся на спину, сложив руки на груди, а Вера, шутя, спела над ним, как над покойником: «Господи,

помилуй». Шутка не была принята, и Валера, мгновенно подскочив, громко выругался, чем вызвал громкий смех сербов.

Наконец, к нам приехала делегация из штаба, в которой был командир бригады Стоянович, не помню, был ли среди них командир корпуса Милошевич, так как я плохо знал наших «полководцев», и они произнесли традиционные речи. Официально наша операция называлась «Лукавац-93». Важность ее усугублялась близостью Сараево и не случайно, что ей руководил лично генерал Младич. Непосредственной нашей задачей было взятие поселка Тырново и установление связи между сербским Сараево и сербской Герцеговиной. Первая часть операции – взятие Тырново – осуществлялась сводными формированиями нескольких бригад нашего и Герцеговинского корпусов, а также бригадой гвардии Главного штаба ВРС, которая формировалась на основе всеобщей воинской повинности восемнадцатилетними солдатами, призванными на один год. Во второй этап операции входило взятие горного массива Игман, тогда в кольцо попадал сараевский аэродром, мусульманский поселок Храсница, который являлся последним каналом снабжения мусульманского Сараево, проходящего через подземный тоннель под аэродромом. В случае успеха операции неприятель был бы обречен.

Командиры закончили выступление, и мы несколькими колоннами со знаменами впереди стали уходить в горы.

Моя неуверенность из-за ранения в ногу быстро прошла. Занятия спортом, опыт боевых действий и сила воли не давали расслабиться, тем более что рассчитывать на чью-либо помощь не приходилось.

Марш-бросок сразу же обнаружил что мои «горцы» к войне были неподготовлены. К тому же сказывалась любовь к сигаретам и алкоголю. Все же, хоть и с привалами, но люди шли, да и спешки особой от нас не требовали. Мы с Валерой вырвались вперед и присоединились к разведчикам Младжо и Ацо (не из-за желания что-то доказать, а просто было проще первыми узнать, где противник, нежели слышать звук снарядов, не зная их источника). В пути у меня лопнул кровяной сосуд в глазу, но особых неприятностей это не доставило. Наконец-то мы дошли до откоса, под которым рос лес. Здесь мы и расположились, разместившись вдоль склона. Я, Валера и Борис остались наверху, недалеко от нас разместились воевода, Вера, Горан, «Чуба» и Вучетич. Я все-таки решил не устраиваться в шалаше, а выкопать себе хотя бы небольшое укрытие в земле, из которого можно было бы отстреливаться, пусть и лежа. Мы с Валерой и Борисом сумели, даже без саперных лопаток, соорудить укрытие, замаскировать его под елью и огородить бруствером из камней.

Внизу мы заметили костры. Валера отметил, что это по уставу запрещено. Позднее мы узнали, что сербы варили кофе, без которого не могла обойтись ни одна «акция». Противник жил по тем же законам, так как вдаль мы увидели столбики дыма, но никто даже и не думал о стрельбе друг в друга.

Но для кофе требовалась вода, которой не хватало, и нас выручил конь, на котором Раде привез от родника несколько резиновых емкостей с водой. Выпив кофе, большинство улеглось спать. Любо все же поставил перед своей позицией дистанционную мину «МРУД» (типа советского МОН-50). У Бориса возник конфликт с Кикиндой, но воевода его быстро погасил, сделав последнему выговор.

Командиры были рядом, и нам приходилось дежурить попеременно, тем более, с нашей позиции был хороший обзор противника. Через пару дней, в колонне по одному, мы двинулись вниз по склону, входя постепенно в густой лес. Дистанция между нами была 5 – 6 метров, постепенно она увеличивалась, конь шума не создавал и замыкал колонну.

Мы дошли до лесной дороги. Воевода отправил меня с Миро Чамуром вперед. Перейдя дорогу и не обнаружив ничего подозрительного, мы позвали остальных, отряд возобновил движение. Не знаю, где были другие отряды, вероятно, мы шли первыми, но нервы у всех были напряжены, и лишняя суматоха просто мешала бы. Не раз бывало, что отряды одного и того же войска, не разобравшись, открывали огонь друг в друга или, что еще хуже, отряды противоборствующих сторон принимали ошибочно противников за своих. Позднее, уже в Сараево, Леонид рассказывал, что какое-то подразделение ХВО [Хорватско вече отобранны. – *примеч. ред.*] налетело на отряд сербской специальной милиции во время наступления на Игман – с плачевными для себя результатами, так как с пленными здесь не церемонились.

Определить же, к какой стороне принадлежит встреченное в лесу войско, было сложно, да и ходить по лесу с автоматом достаточно тяжело, этому необходимо учиться. Особенно важно внутренне единство отряда, как по парам, тройкам, так и всего в целом. Люди все же обладают разными физическими способностями. Они не всегда умели вести себя в боевых условиях. Одни шли очень осторожно, ступая с пятки на носок, ничего не ломая, держа автомат в одной или обеих руках. Другие, обманутые ложной безопасностью, которую они ощущали от впереди идущего человека, начинали расслабляться, вешали автоматы на ремень, шли не пригибаясь, ломая все на своем пути. Мне же было безопаснее идти впереди самому, потому что я мог слышать, что происходит вокруг меня, не отвлекаясь на разговоры, давая простор интуиции. Наш отряд совместного обучения не проходил, но все же в нем были уже обкатанные участники боевых действий.

Следующая наша остановка произошла довольно быстро. Мы с Валерой и Борисом оказались на нашем правом фланге перед небольшой поляной.

Сначала мы никого не видели, но потом нам показалась на глаза группа сербских бойцов из Касиндольского батальона. Они по местному обычаю материли горы, солнце, дни недели и уж не помню что еще. От хождения по лесу они устали, к тому же один из них наступил на противопехотную нажимную мину ПМА-2 («паштет», по-местному), которая, к

счастью, не сработала. «Касиндолыцы» разместились недалеко от нас. Мы тоже начали устраиваться, я и Валера поставили на правой опушке от поляны две ручные гранаты на растяжку между двумя деревьями, используя взятую мной изолирующую ленту. Свою позицию мы оборудовали в глубине леса, метрах в восьми от поляны, которая была нам хорошо видна. Слева от нас расположились ребята из Босута, к которым присоединился и Зак. Спали мы в весьма некомфортных условиях. Ночью пошел дождь, и плащ-палатка рухнула на нас, окатив водой. У других ситуация была не лучше, слышалась ругань, кто-то не выдержал, закутался в плащ-палатку, а я просто сел под деревом.

Кое-как мы дождались зари, дождь прекратился, и многие из нас смогли выспаться. Просохнув, я решил прогуляться вдоль позиций. Завтрак был умеренным: консервы «Икар», содержащие не очень вкусное мясо, видимо, предназначались итальянской мафией для собак, так что желудок я особенно не перегрузил, и ждать, пока утрясется еда, не было необходимости.

На позициях наши бойцы обсыхали и уже кое-где были разложены костры. Воеводу я не нашел, но зашел к Любо узнать новости. Любо закончил до войны школу взрывников и отслужил сапером в ЮНА, являясь одним из лучших специалистов нашего отряда. Он уже пришел в себя после ночи, но ничего особенного сказать не смог. Меня занимала проблема мин, и пойдут ли перед нами саперы, на что тот ответил отрицательно. Впрочем, его ответ меня не слишком удивил: в отряде саперного подразделения или хотя бы офицера инженерных войск, я не видел. Об артиллерии ничего известно не было. Об авиации я спрашивать не стал, так как резолюция ООН запретила сербам ее использовать. В общем, мы были пехотой и должны были так или эдак идти вперед, моля Бога, чтобы не налететь на мину, чтобы нас не расстреляли из своих же танков или неприятельских бункеров, а в конце концов не накрыла бы чья-нибудь артиллерия. Одним словом, надо было быть начеку.

Возвратившись к Валере и Борису, я узнал, что в мое отсутствие они успели познакомиться с польским добровольцем, шедшим с одним из подразделений. Впрочем, поляк исчез также неожиданно, как и появился. Вновь пришел приказ, и мы снова в колоннах по одному отправились дальше. Впереди меня шли бойцы Папича, одного из которых я запомнил по каске с белой полосой. Я же тогда, как и большинство бойцов, ее не носил, тем более без нее лучше был обзор, да и слышно тоже. Эти каски напоминали старые советские металлические, от которых начинала болеть шея. Не было у нас тогда и бронежилетов. Не знаю, сколько прошло времени, ощущение его невольно теряешь, когда идешь в постоянном напряжении, только я услышал приказ о том, чтобы развернуться цепью. Местность, на которую мы вышли, была ровной, только кое-где небольшие ложбинки. Где противник – никто определить не мог, и перед нами была цель – держать линию наступления. Окажись противник перед нами, мы невольно нарвались бы на него.

Естественно, что люди в большинстве не знавшие местности, сбивались и начинали передвигаться небольшими группами. Наша группа, в

количестве 10–15 человек, заблудилась. Дороги никто не знал, а ориентироваться в горах не так уж просто, начались споры, куда идти. Неожиданно до нас донеслись звуки стрельбы, и я предложил направиться в сторону перестрелки, так как все равно мы выходили в спину нашим же войскам. Мы вышли на небольшую поляну, через которую шла грунтовая дорога в сторону противника. Здесь уже были наши, как оказалось, успевшие понести первые потери. Группа из Касиндольского батальона вышла на противника, вырвавшись случайно вперед. Неприятель их обстрелял, в результате погиб один боец. Погибший остался на территории противника, тело тогда не сумели взять, но и неприятель его не тронул и даже не взял автомат. Забрать тело погибшего мы смогли только через два дня.

Воевода был раздражен, что не выполняют его приказы, и объявил об этом всем. Взяв меня и Милана, воевода отправился вперед по дороге. Через метров двести мы встретили наших разведчиков, те тоже нарвались на неприятеля, а Младжо еле-еле успел вырваться из-под огня. Следовательно, противник был вблизи, его от нас отделяла неровная лесистая местность. Мы же находились на краю плоскогорной высоты Орловац. Справа от нас начинался крутой обрыв: внизу, в нескольких метрах от нас, лежал путь на Тырново, до которого было недалеко. По Орловцу проходила главная линия обороны этого населенного пункта.

Когда мы с воеводой вернулись, Папич с чьей-то помощью начал устанавливать миномет, и здесь не обошлось без дискуссий, так как Валера был минометчиком в Приднестровье. Валера гордо расхаживал в американском бронежилете Чубы: у последнего здоровье было неважное, и при марш-броске ему было тяжело в амуниции. На привале я решил проверить бронежилет на прочность и несколько раз потыкал ножом, но Валера, возмущившись, быстро снял его. Здесь собирались сербы, среди которых был и Зак; на подкладке его бронежилета мы прочитали надпись о защитных возможностях. Я решил в этом еще раз убедиться и на этот раз сделал в нем дырку. Развеселившись, Валера начал подшучивать над американским снаряжением. После этого случая Валера перестал носить «броник».

Веселиться, конечно, повода не было, так как бронежилет был бы не лишним. Если бы дело дошло до боя в траншеях, то бронежилет с каской, хоть как-то мог бы защитить от взрыва ручной гранаты. С другой стороны, необходимо было соблюсти равновесие между защищенностью и подвижностью. По-моему, подвижность и бесшумность давала большую защиту. От автомата и пулемета бронежилет защищал плохо, особенно в условиях ближнего боя. Тем более, у Чубы был облегченный вариант бронежилета. Отказываться же от пары рожков, нескольких ручных гранат и нескольких пачек патронов в пользу бронежилета я не хотел. Если бы я был уверен, что позади нас всегда находятся ящики с патронами, то поступил бы иначе. Нападавшие в этих условиях всегда в более невыгодном положении, нежели обороняющиеся. Ведь если в обороне, да еще в укреплении с хорошим

обзором, ты палишь точно по цели, то нападающий палит по любому шороху, чтобы не позволить поднять голову противнику из-за бруствера и взять на прицел или же швырнуть гранату. Подсумок с четырьмя рожками при настоящем бое сохранить тяжело, так что бронежилет брать я не стал.

Совершенно неожиданно нам сообщили новости. Во-первых, наши взяли село Киево, во-вторых, среди оборонявшихся находятся египетские моджахеды. Я тогда подумал, что в Тырново нас ждет серьезное сопротивление, тем более, Киево пало не сразу. Впрочем, рассуждать не стоило, нужно было устраиваться спать, у многих сербов были спальные мешки югославского производства, очень удобные в эксплуатации. В свернутом состоянии они свободно помещались в ремни, пришитые ко дну военного ранца. Я был бы не против иметь такой мешок. Перед сном последовал традиционный кофе или по-сербски «кафа», а по-мусульмански «кахфа». Не обошлось и без стычек. На этот раз она возникла между Чубой и бойцом из четы Вукоты, Тришей, чья команда (человек десять) имела еще более «четнический» вид, чем наша. Причин не помню, но рев стоял страшный. Все же Тришу и Чубу сдержали их товарищи, и все окончилось перебранкой.

К тому времени я уже начал привыкать к подобным инцидентам, к тому же они возникали по всяким пустякам и зачастую оканчивались драками.

Утром нас разбудило урчание наших танков. Некоторые из них выехали к повороту дороги, где находились разведчики и принялись палить по противнику. Танки были наши, советские Т-55, нареканий в их адрес я никогда не слышал.

Так что вышли мы при поддержке советских танков, вооруженных, преимущественно, оружием советского образца, против противника, вооруженного таким же образом.

Наш отряд вышел к самому правому флангу и двинулся участком между обрывом и шедшей параллельно с ним грунтовой дорогой. Здесь мы, как и наши соседи слева, развернулись в цепь. Меня не оставляла мысль: «Лишь бы не встать на мину». Инвалидность меня пугала больше, чем смерть, но у противника минного поля не было, и мы, выйдя в небольшую ложбину, заняли ближайший откос, шедший от обрыва к дороге. Какое расстояние было до противника, никто не знал, но он был рядом – сомневаться не приходилось. Пальба слышалась все явственнее. Воевода после небольшой паузы приказал всем одновременно открыть огонь, а затем запеть четнические песни. Когда песни стихли, Борис что-то прокричал по-русски. Ответа противника я не помню, но огонь не заставил себя долго ждать. Постреляв из автоматов, Миро, я и еще кто-то из ребят, бросили несколько гранат в сторону противника, затем Горан Моро и Неделько, находившиеся на самом краю обрыва, спустились под его кромку и, пройдя метров 5 – 6 вперед стали приближаться к позициям противника. Я с ребятами приготовился идти за ними, но пришел приказ на

отход, так как огонь должны были открыть танки. Дождавшись Горана и Неделько, мы отошли на метров 20 – 30.

Возвращаясь, я увидел воеводу и стоявшего рядом с ним Ацо Петровича, поздоровался с ними, хотел было завести разговор, но не успел, так как танк, стоявший вровень с нами, начал бить из своего орудия. К нему присоединились еще несколько танковых орудий. Стоял такой грохот, что было не до разговоров. Я устроился на обрыве, где наблюдал за дорогой в Тырново. Здесь мы с ребятами увидели, что по этой дороге идут десятка два мусульманских автомобилей и несколько подвод, они шли не торопясь, в направлении на Игман. Было очевидно, что Тырново на грани падения.

Танки закончили стрельбу через час, Валера с Борисом попытались в это же время выпустить через просвет в деревьях 2 – 3 тромблona в сторону противника, и они полетели вертикально. В эффективность такого огня я сомневался, но он позволял держать противника прижатым к земле. До нас дошло известие, что взята ключевая позиция «Цырни вырх», которую не могли взять, и топтались перед ней два дня бойцы 1-й Романийской бригады. Наконец, пришел новый приказ о продвижении вперед. Как только мы заняли первоначальные позиции, подошел Неделько и сообщил, что на левом фланге у ребят с Гырбовицы есть раненые из неприятельской «Золи». Мы с Неделько на этот раз заняли позицию у самого края обрыва и приготовились идти вперед. Казалось, что все уже закончилось, осталось только занять неприятельские траншеи. Многие стали перешучиваться, и мы последовали тому же примеру.

В это время к нам подполз Станое, который носил полученную от Веры медицинскую сумку защитного цвета, но с белым кругом и красным крестом на ней. Станое тогда должен был находиться в тылу, и с какой целью он появился у нас, я так и не узнал. Мы с Неделько лежали на земле, опершись на локти. Станое сел на землю, положив на грудь медицинскую сумку, и прислонился к небольшому дереву. Он был обращен лицом к противнику. Мы перекинулись несколькими словами, я посмотрел вверх и увидел, что верх дерева, на которое облокотился Станое, колыхается, это заметил и противник.

Я даже не успел ничего сказать: просто внезапно ощутил удар в спину, после которого упал, как парализованный, на землю. Боли не чувствовал, но перед глазами все поплыло, и я стал задыхаться. В полуметре перед собой видел Станое, лежащего на земле с окровавленным лицом, потом оказалось, что моей кровью. Станое прохрипел: «Я ранен», но глаза его уже закатывались. Я почувствовал, что Неделько тянет меня за лодыжку ноги. Над головой увидел, как несколько ребят бьют из автоматов в сторону неприятеля, кто-то бил с колена. Метров двадцать меня протащил Неделько, «Звезда», Любиша и еще кто-то на плащ-палатке.

Затем меня положили на землю, и тут лес словно поплыл надо мной. У меня мелькнула мысль, что со зрением можно попрощаться. Появился воевода, начал что-то говорить, потом несколько раз дал мне пощечину, пытаясь привести меня в сознание. Откуда-то издалека я услышал,

что Станое убит. С меня сняли «лифчик» и с помощью медсестры Цецы, водителя и санитаря, положили на носилки лицом вниз. Ощущение был такое, как будто из спины вырывается воздух, которого мне так не хватало. Машина тряслась, я материл всех и вся, но голоса своего не слышал. О том, что я матерился, мне потом рассказала медсестра. Меня привезли в больницу в Пале. Смутно помню, как везли в операционную. Наркоз еще не начал действовать, а хирург уже давил на ребра, и хотя я не мог пошевелиться, но тут едва не подпрыгнул с кушетки, после чего потерял сознание. Очнулся уже в реанимации. Из правой и левой груди у меня торчали резиновые трубки, соединенные с бутылками, стоящими над кроватью. Медсестра, сидевшая рядом, обрадовалась, увидев, что я пришел в сознание. Рассказала: когда увидела меня, подумала, что «рус готов», а он, видишь ли, жив остался.

В этот день о событиях, происходящих в Тырново, я ничего не услышал, но на следующий день привезли еще двух раненных, а под окнами реанимации я услышал салют в честь взятия Тырново. Палили тогда из всех видов оружия. Не скажу, что я был счастлив, скорее зол на себя – за неосторожность, стоившую мне второго ранения.

В больнице меня посетили «Шиле», наш заместитель по тылу, Вера, сообщившая, что наши в Тырново, воевода с Вучетичем и «Чубой». Они рассказали, что наш батальон в Тырново вошел первым, но командование заслуги приписало «Гарде». Противник ушел через Игман. Сербь по непонятным причинам, преследовать его не стали, хотя вполне могли накрыть артиллерией. Из Тырново ушли и гражданские. Наш батальон получил благодарность от генерала Младича, а после этого возникла перепалка из-за бороды воеводы. Генерал приказал сбрить ее, но воевода ответил отказом. Младич приказал посадить его в тюрьму, что впрочем, не было сделано, так что и воевода, и борода остались на месте. После отъезда воеводы меня навестили Валера с Борисом, и с их помощью я восстановил всю картину боя.

Оказывается, мы были в 10–15 метрах от неприятельских позиций, которые находились в земле и были хорошо оборудованы. Было просто чудом, что они не забросали нас гранатами. Станое, видимо, заметили по красному кресту, когда он подползал к нам. Неприятельский боец вышел из траншеи чуть вперед и дал очередь в нашем направлении. У Неделько пули прошли перед лицом, Станое получил пулю в горло, меня же пуля зацепила за нос, откуда и оказалась кровь на лице Станое. Вторая пуля ударила в самый край автоматного рожка, который находился у меня за левым плечом: не будь этого рожка, пуля вошла бы прямо в сердце. Эта пуля была разрывной, не знаю вот только, фабричной или самодельной, с надпиленной или надсечной головкой. Ударившись о рожок, она прошла меня веером осколков. После того, как меня отправили в тыл, все принялись готовить кофе. На следующее утро снова было наступление, в траншеях ребята нашли много крови, ящики с консервами, несколько спальных мешков и даже комбинезон, изготовленный в Германии. Все это было быстро разобрано. Наши вошли в Тырново. Единственным

пленным стал начальник местной полиции, вернувшийся за какими-то бумагами. Его привезли к Младичу, вид он имел испуганный, потому что в 1992 году взятие Тырново сопровождалось убийствами и пожарами. Местная церковь была сожжена мусульманами, а священник убит. В тюрьме у мусульман тогда находился родной дядя Младича, Михайло, человек лет пятидесяти. Пленного отправили в тюрьму, а позднее обменяли.

Что касается конфликта Младича и воеводы, то мне затруднительно разобраться во внутрисербских взаимоотношениях, хотя постороннего подстрекательства не исключаю. Знаю один случай, когда генерал накричал на одного из наших ребят и сорвал с него шапку с четнической кокардой, хотя тот был его племянником.

Валера с Борисом в этом ничего не поняли, а Младич, узнав, что это русские добровольцы, приказал им выдать по две бутылки вина.

В больнице ничего веселого не было. В палате со мной лежали еще трое, двое раненых в Тырново и шестидесятилетняя старушка, жившая как беженка в Яхорине, зимнем горном курорте. Ее ранило шальной пулей во время разборок ее соседа с женой, который сначала то ли ранил жену, то ли убил ее, а потом застрелился сам.

Меня интересовали военные события. Сербское телевидение ничего не сообщало, кроме победных тирад. Репортажи о взятии Тырново не содержали толковых съемок. Единственным источником информации для меня были раненые. Запомнился один парень, откуда-то из Боснийской Краины. Его группа на Игмане была обстреляна из неприятельского «Бровингера» 12,7 мм калибра, и пуля, ударив ему в ногу, просто оторвала ее. Раненых продолжали привозить: так, одна бригада, прибывшая на Игман откуда-то из Краины, сразу же после выгрузки попала под огонь минометов противника и потеряла более двух десятков человек убитыми и ранеными. Не только наша больница «Коран», но и больницы в Касиндоле, и в Соколаце были полны ранеными. Даже в Белграде, в Военно-медицинскую академию везли раненых. В больнице я встретил хорвата из ХВО, лечившегося после ранения в боях с мусульманами. Уже тогда хорваты начали войну с мусульманами, а под Соколацем были размещены хорватские беженцы, бежавшие на сербскую территорию от своих вчерашних «союзников» — мусульман.

Поправился я быстро, и когда ко мне приехал командир взвода, то мы отправились на кладбище, где справляли поминки по Станое. Наша чета в то время была на Игмане, но потерь не понесла, так как противник в основном бежал. Правда, раза два наши попали под артобстрел, но все закончилось благополучно. Наконец, сербские войска и наш отряд почти без боев вошли на Игман. Мусульманская Храсница была уже накануне падения, и оттуда начиналось бегство. Паника началась и в Сараево. Сербское наступление продолжалось, наша группировка шла на соединение с войсками корпуса, шедшего со стороны Игман. Наш отряд к тому времени несколько поменял

состав. На место погибших пришла новая смена, в том числе Аркан и Драгиша Никич. Драгиша, невысокий молодой человек, с черной бородой, живой и разговорчивый, как оказалось, был в составе сербских добровольцев, живших в лагере Околиште под Вышеградом.

Приехал к Алексичу еще один доброволец из Белграда (на мерседесе со своей женой) и сразу же попал в группу, шедшую как пополнение нашему отряду на Игман (но наш отряд после занятия отеля «Игман» действовал недолго).

На марше, когда люди растянулись в колонну по одному, впереди шли воевода, Драгиша Никич и доброволец из Белграда. Они-то и напоролись на мусульман. Началась стрельба, в ходе которой воевода был ранен в бедро, а двое добровольцев получили по пуле в ноги. Их успели вытащить, хотя «шубара» воеводы осталась лежать на земле. Мусульманское телевидение показывало ее, хвалясь, что армия Боснии и Герцеговины убила четнического воеводу. В этот день у добровольца из Белграда был день рождения и лучшим подарком для него, думаю, было то, что он остался жив.

Я тогда уже выписывался из больницы и успел съездить к нашим раненым в Касиндольскую больницу. Те чувствовали себя нормально, хотя воевода ходить еще не мог, но Драгиша расхаживал, несмотря на рану в ногу.

Мое состояние ухудшилось, и я был вынужден вернуться в больницу, где познакомился с местным сторожем Момиром Шиповцем, родственником нашего Чубы. До войны Момир жил с отцом, матерью и двумя сестрами в районе Еврейского гробля. С началом войны он приехал в Пале, ему было двадцать восемь лет, но к военной службе он был не пригоден. Еще до войны, прыгая с трамплина, он сломал бедро. Момир пригласил меня в гости, и мы подружились. От него я узнал о жизни в Пале, где, несмотря на наступление, немало боеспособных людей скрывалось от военной службы под различными благовидными причинами. В этом мире я чувствовал себя некомфортно, мне было лучше на нашей базе, где я имел обязанности и права.

Позднее Момира все-таки мобилизовали в 1994 году и отправили на позиции на Требевиче в состав батальона 1-й Романийской бригады. В 1995 году Момир попал в сводную группу, направленную на горный массив Маевицы, и там был тяжело ранен осколками мины из миномета. Я его тогда посетил в Военно-медицинской академии и надеялся, что он выкарабкается, но в следующий мой приезд медсестра сообщила, что Момир Шиповец умер.

В больнице я серьезно занялся сербским языком, используя грамматику, подаренную Валерой Быковым, приехавшим ко мне из Праги. Меня навещали и другие наши ребята. При первой возможности я решил их тоже посетить. Случай представился очень скоро, в лице Огги Михайловича, который до войны работал журналистом в Сараево и уже тогда считал себя убежденным четником, что для Сараево было необычным. Причислял он себя и к «летичевцам» (сторонникам покойного Дмитрия Летчица), что было необычным уже для всей Республики Сербской, так как Летич был

руководителем сербского национального движения «Збор» во время Второй мировой войны (поддерживало правительство Милана Недича, сформированного под давлением немцев в Сербии). Конечно, об Огги говорили разное, но я привык спокойно реагировать на всевозможные местные сплетни

Именно Огги стал одним из редких авторов репортажей о русских добровольцах, хотя руководство телевидения из-за каких-то соображений блокировало эту информацию. Меня уже тогда поражало сербское телевидение. По мусульманскому телевидению я не раз видел съемки боев, хотя, как правило, действовал закон «честного рыболова»: из одного убитого серба делали десять убитых «сербочетников», а пятеро русских добровольцев на Озренской превращались в несколько сот русских наемников. Сербское же телевидение репортажи с мест боев показывало очень редко, создавалось впечатление, что войны вовсе не было, а происходят какие-то мелкие провокации «бандитов Изетбетовича», которых сербское войско неизбежно разбивает. А уж то, что репортаж о 2-м РДО вышел на экран, просто удивительно.

Началось все с того, что я уговорил Огги отвезти меня на служебной машине в Прачу, а закончилось отправкой туда телевизионной группы из трех человек. Мы тогда застали последние дни существования отряда в Праче. Правда, 2-й РДО еще несколько раз сходил в акции. Русские добровольцы для дежурств сербам были не нужны, и в отряде тогда начались споры, кому быть командиром.

Новых людей не было, кроме Влада из Москвы, а старые добровольцы начали разъезжаться по домам. Но Огги застал их еще в полном составе. Главной темой Огги выбрал черно-желто-белое знамя 2-го РДО, и Валера Быков по-сербски рассказал об истории этого знамени. Далее была показана могила Миши Трофимова с комментариями Валеры, затем сняли местного священника, хорошо отзывавшегося о русских добровольцах. Не обошлось и без упоминания о казачестве, для чего Петя нацепил казачью фуражку, а камера показала несколько трофейных комплектов американской формы с гербами мусульманской Боснии и Герцеговины (голубой щит с тремя золотыми лилиями), так что репортаж получился неплохой. Большинство ребят скрывались от телевидения, но потом все желали иметь видеокассету с этим репортажем. Некоторые бойцы 2-го РДО часто навевывались на нашу базу, и для одного из них это посещение закончилось больницей, а могло быть и хуже. Произошло это так: Валера Г. задержался на нашей базе, празднование его приезда в компании Бориса и «Кренеля» стало затягиваться (в связи с большим количеством алкоголя). Валера и Борис в разгар веселья решили выйти на разведку. «Крендель» же поддержать компанию был уже не в состоянии. Они пошли самостоятельно на улицы Београдскую и Мишки Йовановича, где немногие сербы знали расположение позиций. Заблудиться же среди высотных домов и хаоса гаражей, киосков, стен из мешков с песком,

спаленных автомобилей было нетрудно. Кто уж им показал позиции противника, неизвестно, но они вошли вглубь неприятельской территории метров на двадцать. К тому времени алкоголь стал выветриваться и, сообразив что к чему, они стали возвращаться. Неожиданно из какого-то дома раздалась автоматная очередь, пуля прошла Борису руку, и он присел. К нему подбежал неприятельский боец. На счастье, Валера оторвался от Бориса и его не заметили. Валера дал очередь по противнику, тот осел, а затем они с Борисом бегом, под пулями, выбрались на свои позиции. Валере все же слегка оцарапало голову, в общем, они оба попали в Касиндольскую больницу, где я их и навестил. Особенно они не переживали, Борис успел познакомиться с местной молодежью, проводившей ночи под памятником партизанским героям в различных увеселениях, в том числе и довольно интимных с местными девицами. Воевода был недоволен этим происшествием, но изменить уже ничего было нельзя. Да и таких случаев было немало. Однажды подвыпивший серб, заблудившись, попал к мусульманам, которые хотели сначала его расстрелять, но, увидев, что затвор его автомата можно было открыть только ногой и стрелять из него невозможно, отправили его на три года в тюрьму.

В конце июля операция на Игмане закончилась весьма неожиданно, не только для меня, но и для большинства местных сербов. Даже Младич был изумлен таким поворотом событий. Он уже успел полетать на вертолете со своей женой над Игманом, когда Караджич и Милошевич потребовали вывести сербские войска с Игмана и передать позиции миротворческим силам ООН.

Даже непосвященному, было понятно, что такие горные массивы как Игман, Белашницу и Трескавицу, было не под силу контролировать двум или трем батальонам миротворческих сил, шефы которых явно потворствовали мусульманам.

Несмотря на все протесты, операция была остановлена и на Игман пришли сначала миротворцы, а затем и мусульмане. Сербы потеряли в этой операции несколько десятков человек убитыми и еще больше ранеными.

Так закончилась операция Тырново–Игман. Все же взятие Тырново было ощутимым приобретением для Республики Сербской, ибо это дало связь с югом, а Тырново осталось сербским и после подписания мира в Дейтоне.

Глава 4. Октябрь 1993

Так как мое появление, затем появление Валеры и Бориса, а в середине августа – и Саши Шкрабова, сделало наличие русских в отряде Алексича известным событием, то воевода получил возможность, не прилагая никаких усилий, принимать разнообразных «руссов», которые хотели воевать,

и требовали, что бы их отправили к «руссам» Алексича. Естественно, местные сербы, на которых Алексич постоянно оглядывался, были довольны прибытием «боевиков», и мы встречали более чем радушную встречу, правда, если только дело не касалось материальной помощи.

Прошедшая акция в октябре 1993 года, на высоте «Дебелое Бырдо», сплотила наш отряд, он стал по-настоящему боеспособным. Стало очевидно, что в чужой среде действовать по одиночке сложно. Воевода Алексич не мог и не имел времени поддерживать порядок в русском отряде, поэтому нашим командиром должен был быть русский. Я тогда имел печальный опыт командования, поэтому категорически отказался от этого предложения. Но против выборов ничего не имел. В качестве кандидата я всем нашим предлагал человека, имевшего определенные заслуги и высокую внутреннюю культуру, а также дисциплинированность. Но так как наши люди только-только собрались вместе, то командира, по моему мнению, должна была выявить полномасштабная акция. На мой взгляд, более подходящей фигурой был Шкрабов. Выборы все же состоялись, голоса разделились между мной и Сашей, а один (мой голос) получил Крендель. Особого значения мы выборам не придавали, так как необходимости в командире тогда не возникало: на выполнение боевых задач воевода сам брал людей по желанию, и каждый из нас занимался своим делом.

К нам приехал боец из 2-го РДО, своеобразный «последний из могикан» Прачи, Саша Т., невысокий парень с черными кучерявыми волосами, родом из Харькова, но который в Югославии уже жил с конца 1980-х годов. После распада 2-го РДО Саша проводил время один в двухэтажном доме, выходя с сербами по графику на дежурство. Он получил прозвище «Прачинский» и уверял всех, что абсолютно не хочет переходить в русский отряд. Но как-то, изрядно выпив, ему взбрело в голову пострелять по сербскому автобусу на стоянке, и тут уж ему невольно пришлось перейти к нам. У нас он этими глупостями не занимался, так как автобусов в отряде не было. Саша любил говорить часами обо всем, его призванием было быть ведущим развлекательной телепрограммы. Но вакантных мест для этого не нашлось, и ему сразу же по приезду пришлось принять участие в «акции» на Гырбовице. Главными организаторами ее были воевода, Мишо Чолич и командир одной из рот нашего батальона – Вукота. Мы тогда получили гранатометы. Сначала мы пришли в штаб четы Вукоты, находившийся в центре Гырбовицы, в бывшем управлении фирмы под названием «Дырворека». Здесь я увидел больше десятка человек с гранатометами М-57 и «Оса», с ручными пулеметами М-84 и со снайперскими винтовками и автоматами. Мы разделились. Я, Саша «Прачинский» и Витя Десятов оказались на крыше какого-то высотного здания в районе улиц Загребачкой и Люблянкой, рядом со зданием, носившим название «Металика». С этого то места мы и начали огонь, ребята успели пострелять, мой же гранатомет отказал, и не помогла замена заряда к гранате с помощью «Прачинского».

Целью нашего огня были позиции противника в районе здания «Юнионинвеста», в том числе какие-то стены сооружения из кирпичей и мешков с песком, обеспечивающие безопасность прохода бойцам противника к своим позициям. Тогда по всей Гырбовице стоял такой грохот, и кто откуда бил, разобраться было невозможно. Интересно, что воевода стрелял из своего гранатомета без наушников, объясняя это тем, что его уши предохраняют длинные густые волосы, и еще он открывает рот. Открывать рот рекомендуется при стрельбе из «Золи», тем более что маленькие резиновые затычки для ушей зачастую терялись. Произошли и курьезы. Витя зачем-то решил пострелять с крыши, находясь в двух–трех метрах от стеклянной ограды, которую он в темноте не видел. В результате осколки стекла посекали ему подбородок.

Затем мы спустились вниз, пересекли Гырбовицу и пошли к зданию, находившемуся недалеко от реки Миляцка. На другой стороне реки был расположен парк, по которому шла линия обороны неприятеля. Мы опять открыли огонь. Из гранатомета стрелял высокий стриженный парень, муж медсестры из «Корана». Мой гранатомет упорно продолжал молчать, меня это злило, но научило больше никогда не пользоваться чужим оружием. Впоследствии я получил гранатомет М-57 (и к нему пару ящиков гранат), который уже меня не подводил.

Саша Шкрабов после этой «акции» притащил откуда-то гранатомет РПГ-7 с трофейными снайперскими китайскими осколочными – фугасными и кумулятивными – гранатами к нему. Позднее еще один РПГ-7 нам дал на временное пользование Ацо Пандуревич, офицер нашего батальона, ответственный за безопасность. Заряды мы хранили в сухих местах, а отсыревшие – осторожно подсушивали вблизи батарей. Качество трофейных гранат часто хромало, а один РПГ-7 пришлось отнести в ремонт мастеру Мише, потому что его ударная игла не поднималась достаточно высоко: орудие давало осечку каждый раз, когда боец выскакивал из-за угла здания для выстрела. Получалось как в фильмах, только пулю в лоб можно было получить мгновенно, поэтому я предпочитал стрелять из гранатомета в темноте. В копейку попадать необходимости не было, а бункер был виден и ночью.

Со временем наша каптерка потихоньку стала пополняться боеприпасами – и не только ручными гранатами и патронами, но и дистанционными минами МРЧД и даже 82 мм минометами. Источник нашего снабжения был очень прост: перед каждым боем завозилось большое количество боеприпасов. Немало сербских бойцов обходилось ограниченным запасом. Наши пытались следовать этому примеру, но, как правило, срабатывало общественное мнение отряда. Таких бойцов по-русски хорошо обругивали, и им приходилось нагружаться максимально, что иногда становилось впоследствии обузой на марше. После любой неуспешной акции мы подбирали оставшиеся боеприпасы, вплоть до гранат к гранатомету. Количество собираемого ограничивалось нашими физическими

возможностями. Так что каптерку мы свою укомплектовали собственными усилиями, хотя у нашей четы был собственный склад, доступа к которому у нас не было. Каптерка же нам здорово пригодилась, так как с октября 1993 года у нас началась более интенсивная жизнь, связанная с новыми вспышками боевых действий в районе Сараево.

Сербы развернули городскую войну с точечными ударами. Это было правильно: уступая противнику в силе, сербы держали его в постоянном напряжении, пользуясь также близостью политических центров неприятеля к сербской линии обороны на Гырбовице. Уйди тогда сербы в глухую оборону, то противник почувствовал бы себя увереннее и мог организовать нападение, которое имело бы все шансы на успех. У сербов были весьма плохо подготовленные позиции, которые они улучшать не стремились. В середине 1993 года по сербскому телевидению показывали репортаж с Гырбовицы, в котором один из командиров сербской четы, по фамилии Шешель, родственник известного Воислава Шешеля заявил: «Нам не нужны укрепления, так как противник труслив, и мы с ним всегда сможем покончить». На мой взгляд, противник все-таки большой трусостью не отличался, тогда как у сербов на Гырбовице тогда сохранилось лишь 200 – 300 человек, причем уже готовых воевать и имеющих хороший боевой опыт. Уже к 1995 году многие из них погибли, другие уйдут, иные просто уедут. Война, шедшая здесь, значительно отличалась от войны в других регионах. Здесь шла городская война, и не месяц-другой, а три с лишним года. Как я уже писал, воевали вчерашние соседи, коллеги, родственники, друзья. Это вызывало во многих еще большую озлобленность, так как люди чаще узнавали, кто кого убил, ограбил или изнасиловал. Как ни тяжело было бойцам из Баня-Луки, Беляны, Пале, Требинья, но они возвращались домой, могли отдохнуть в почти мирной обстановке, здесь же все было относительно, так как дома от линии фронта находились в 200–300 метрах. Такая война на Гырбовице может сравниться лишь с войной на Добрини и Отесе под Илиджей (или Зораново, названного в честь командира, погибшего при его освобождении в 1992 году).

Позднее, после войны, живя в Добое, из разговоров с сербами я понял, что тогда в Возуче (поселке на горном массиве Озрен) было подобие такой войны, и фактически все села, поселки и города, находившиеся в прифронтовой зоне, были охвачены такой войной. Поскольку постоянно падали мины из минометов и снаряды из гаубиц, стреляли снайперы, то гибли люди у себя дома, в том числе женщины и дети. Все же, Гырбовица, которую я знал хорошо, находилась на особом положении ибо с началом любых боевых действий она бывала отсечена неприятельским огнем. На этом участке у сербов не было передового командного пункта, и штаб бригады большого влияния не имел. Между тем для Гырбовицы существовала реальная опасность пасть в руки противника. Риски тогда он, вряд ли бы в Совете безопасности ООН вспомнили о тысячах убитых и изгнанных сербов в такой операции. Могла бы с падением Гырбовицы пасть вся община Ново Сараево и часть

общины Илиджа, так как остановить неприятельское наступление было невозможно. Резервов здесь почти не имелось, а бойцы, находящиеся здесь, свое время использовали по личному усмотрению. Была, правда, здесь и милиция, но это – совсем другое ведомство, да и состав ее был незначителен.

Так что, нравилось командованию или нет, но войну до 1995 года вели добровольцы. Никто никого воевать не заставлял, и денег никому за это не платили. Такая война была привлекательна для тех, кто любил воевать по-настоящему, проявляя личную смелость. А люди собирались разные, я тоже приехал только за тем, чтобы повоевать, поэтому стремился попасть в любую проводившуюся акцию. Сказать, что воевали от безысходности и паранойи – неправда, хотя так пытаются эту войну представить иные журналисты. Разумеется, тут встречались разные люди. Я тогда подружился с Нешо и Войо, владельцами кафе «Снупи» на Гырбовице, которые добровольно вызвались воевать. Лучше я узнал и ребят из группы «Серпски соколови», с которыми наши плечом к плечу воевали на Озренской: отец одного из них – офицер в штабе бригады, у второго дядя был владельцем крупной фирмы за границей. Мой знакомый по чете Алексича – Ранко – был инвалидом и освобожден от воинской повинности, но все же воевал.

Гырбовица была интересна тем, что здесь противников разделяли не горы и леса, а всего лишь одна улица. Не было необходимости ждать боя неделями, достаточно было дать пару очередей по бункерам через дорогу. Боевые ситуации возникали постоянно и из обычных людей, при желании, можно было создать хороших бойцов.

Сравнивая войну на Игмане и Гырбовице, могу сказать: первая была тяжелее, чаще проводились ожесточенные схватки с противником. Командование отдавало приказы не тратить боеприпасы и не провоцировать противника. Возможно, такая осторожность хороша в политике, но не на войне и не в данной ситуации. Ведь сербы численно уступали противнику в несколько раз, превосходя его лишь в огневой мощи. Подобное превосходство можно было использовать лишь в нападениях, так как при обороне сербы не имели возможности из-за недостатка людей оборонять всю Гырбовицу. Поэтому сербы оказывались в заведомо проигрышной позиции. Противник же мог собрать достаточное количество бойцов (и огневые средства для их поддержки) для организации нападений на двух-трех направлениях. Где-нибудь линию обороны неприятель все равно бы прорвал, и сербы не смогли бы им эффективно сопротивляться.

Польза постоянных нападений была очевидна, так как, пользуясь своей огневой мощью, сербы заставляли своих противников страшиться любого нападения на Гырбовицу. Я не хочу, чтобы создавалось впечатление, что сербы только и делали, что били мусульман на Гырбовице. В войне случаются потери и поражения с обеих сторон, но в данной обстановке сербы наносили неприятелю большой урон, чем те же самые бойцы – где-нибудь в горах. Ничего особо занимательного в городских боях описать нельзя.

Придумывать же рассказы в духе Джона Хогана, опубликованного как-то в российском журнале «Солдат удачи», просто не хочется. Джон тогда привез какую-то помощь для мусульманских пожарников, а затем в «ковбойском духе» решил уложить нескольких «плохих парней» – сербских снайперов. Он, разумеется, как истинный ковбой, уложил сразу шестерых таких злодеев, стрелявших по всегда незащищенным мусульманам Сараево. На деле в Сараево более-менее серьезно «антиснайперскую» войну вели французские миротворцы, имевшие акустические станции, определяющие, где находится снайпер, но они никого из сербских снайперов не убили.

Рассказы об убитых снайперах после той войны, воспринимаю с большой недоверчивостью. Достаточно быстро люди в городе научились воевать, передвигаясь группами по два-три человека, вооруженные не только автоматами или снайперскими винтовками, но и гранатометами и пулеметами.

В таких условиях снайперам не так уж легко находить цель.

В силу этого куда эффективнее оказались в городской войне саперы, и, прежде всего – подрывники. В этом многое зависело от опыта взрывника и от его знания строительного дела. Определить уязвимое место в конструкции здания и правильно распределить взрывчатку весьма сложно для людей, не занимавшихся долгое время строительством, неудачи тут были закономерны. Несколько раз случалось, что подрывники просто оставляли несколько десятков килограммов в подъезде, в результате чего рушились в пятиэтажном здании лишь один – два лестничных пролета, тогда как основная ударная волна уходила через выход подъезда. Были и удачные примеры. Одна из операций была организована штабом 2-го батальона. Их офицер заложил взрывчатку на первый этаж углового подъезда неприятельского здания «Лорис», стоявшего фронтально к сербской позиции и из-за этого имевшего два или три неприятельских «бункера». Сербь на санках привезли взрывчатку, поставили ее между колоннами, так как в данном месте находился проем, укрепленный этими колоннами. Взрыв едва не обрушил весь подъезд сверху донизу, и последствия его были видны всю войну. Кстати, судьба этого подрывника печальна. Поверив международному сообществу, всем глупостям о всеобщем мире и прощении, он даже устроился работать переводчиком в международную полицию, и в результате был арестован мусульманской полицией в Гырбовице. Местный военный суд приговорил его к 15 года лишения свободы за разрушение гражданских сооружений, хотя по такой логике каждый гранатометчик, каждый артиллерист, каждый наводчик танкового орудия и каждый летчик, даже из блока НАТО, может быть осужден.

Конечно, в Гырбовице действия сербов не ограничивались доставкой взрывчатки, чаще всего это были обычные огневые налеты. Это происходило не каждый день и не каждую неделю, но тогда, в конце 1993 года, боевые действия там значительно активизировались. В районе улицы Мишки Йовановича находился высокий пятиэтажный дом. Его ближайший к сербам торец расположился приблизительно на одном уровне с сербской линией

обороны. С сербской стороны в него можно было пройти через один или два двухэтажных здания. Его другой торец находился рядом с неприятельскими позициями.

Одно время это здание никому не принадлежало. Осенью 1993 года бойцы четы Папича заметили, что там участились появления неприятельских бойцов. Несколько раз с ними возникали перестрелки. В конце октября воевода отправился туда с несколькими бойцами, захватив и Шкрабова. Предполагалась обычная разведка с минимумом стрельбы. Дело было ночью, воевода взял с собой прибор ночного видения, а Саша Шкрабов надел бронежилет, захватив прибор бесшумной стрельбы для автомата Калашникова и пару пачек специальных патронов к нему. Придя на место, они первыми обнаружили противника, и Саша применил ПБС (прибор бесшумной стрельбы). Пока противник соображал, ему пришлось потерять несколько человек. Потом началась общая перестрелка, в которой сербы потерь не имели, а Саша спасся от ранения в плечо благодаря бронежилету.

Противник был виноват сам. Ночью в здании, полном всякого хлама, кирпичей, железа и осколков стекла, передвигаться надо было очень осторожно, но, в общем, шума при движении избежать невозможно. Куда лучше им было бы идти подвалом или же по крыше.

К тому времени Алексич и Шкрабов достаточно сблизились, и Саша решил организовать воеводе что-то вроде личной охраны из русских добровольцев. Не знаю, какие цели преследовал воевода, но я против этого ничего не имел, так как относился к нему, как к человеку незаурядному, да и был он проще в общении, в отличие от иных офицеров. К такой службе подходили не все. Одним это было скучно, другие начинали заниматься ерундой, хотя посещали воеводу люди известные.

Число охранников определилось в пять человек, из которых Шкрабов и я чаще всего выходили на дежурства. Мне это в тягость не было, поскольку давало хорошие знания о Гырбовице, Республике Сербской и вообще о сербах. Единственное, что действовало на нервы, так это табачный дым в квартире воеводы, большое количество кофе и алкоголя, выпиваемых на всяких совещаниях. Правда, ракия пилась маленькими глотками, а не залпом, как у русских. Став охраной воеводы, наш 3-й РДО значительно повысил свой престиж в Гырбовице, да и в Пале нас неплохо знали: видя «руссов» с оружием вокруг воеводы, местные сербы как-то лучше понимали нас. Правда, воевода иногда этим злоупотреблял, и потом уже после войны я узнал, как он при конфликтах с офицерами штаба бригады грозил им, что по его приказу «русы» могут этот штаб перестрелять. Естественно, офицером это не нравилось, они жаловались военной безопасности, но так как военная полиция в то время боялась без разрешения воеводы соваться в наш район, то все это оставалось без последствий. Правда, отношение к нам ухудшилось, хотя причины никто из нас тогда не понимал.

Впрочем, на Гырбовице можно было завоевать авторитет лишь грубой силой, мы же этим злоупотребляли реже, нежели местные бандиты, имевшие, разумеется, поддержку либо милиции, либо госбезопасности, либо военной безопасности. Однако мы все же свой авторитет прежде всего зарабатывали в ходе боевых действий, добровольно в них отправляясь, в отличие от многих местных бандитов.

Однажды ночью мы пришли в штаб четы Папича. Здесь я увидел Папича, Ранко, Маринко – снайпера с Гырбовицы и еще человек десять (один из них – с гранатометом). На полу стоял большой ящик с взрывчаткой. Цель очередной «акции» заключалась в уничтожении какого-то гаража и стены, которые находились на вражеской территории, в двадцати метрах от сербской линии, вплотную к транзитному автопути. Роль главной ударной силы отводилась двум мусульманам, которые еще на моей памяти под Тырново тащили 12,7 мм пулемет. В данном случае в их обязанности входило донести ящик с взрывчаткой до стены и гаража под «прикрытием» снайпера. Противник «бункеров» здесь не имел, но осторожность была необходима. После возвращения мусульман Аркан и Ранко электромашиной пустили ток в ящик с взрывчаткой. Ничего неожиданного не случилось, грянул мощный взрыв, из окон повывлетали стекла, затем новый грохот, уже из гранатомета, и затем мы все отошли. После этого я частенько с Сашей навещался в этот район. Воевать здесь было непросто: довольно густая застройка, лабиринт высотных и низких домов, так что человеку, не знающему этот район, было тяжело ориентироваться в путанице оград, завес и щитов, обеспечивающих проход по позициям. Вокруг к тому же было много стекла, многие участки заминированы, так что передвигаться здесь требовалось осторожно.

Упомянутое выше здание сербы и мусульмане все же поделили между собой. Сербы, чтобы утвердить границы, взрывали несколько раз один или два подъезда в нем – это делали Мишо Чолич, Папич и Аркан. Возможно, сербы и могли завладеть им полностью (высотное здание, стоявшее рядом, сербы отвоевали еще в начале 1994 года, проделав в его подвале проход). Но с другой стороны, параллельно первому зданию шла транзитная автомагистраль, за которой – мусульманские позиции вдоль Еврейского кладбища. Таким образом, чета Папича тогда бы слишком далеко вклинилась в территорию противника, оставляя фронт здания уязвимым для неприятельских нападений. В районе Еврейского кладбища противник оборудовал свой бункер в помещении капеллы, которая в начале войны принадлежала сербам, но позднее была перехвачена мусульманами, так как сербы не хотели в ней дежурить. А именно в ней начинался подземный ход, выходивший прямо к «Дебелому Бырдо», правда, со стороны противника. Здесь его позиции были лучше подготовлены, чем сербские. Хорошо помню, как ругался Ранко, видя траншею, закрытую мешками с песком и имеющую гнездо для пулемета, но заваленную каким-то хламом. Сербская линия обороны представляла собой условную линию от бункера к бункеру, сколько их точно было, не помню. У

Станича бункеров насчитывалось до пяти штук, а далее шла нейтральная полоса, а затем позиции противника. Вне этой линии где-то устанавливались мины. Если человек обладал опытом, то он мог увидеть растяжку на асфальте, а нажимные мины можно было обойти по камням и бетону. Так что позиции сербов были здесь весьма уязвимы. Тяжесть положения усугубляли частые перестрелки, под прикрытием которых противнику было несложно выйти прямо в тыл к сербам.

Из-за подобной опасности местные бойцы решили снести некоторые дома, дабы затруднить подход к сербским позициям. Организована группа была на добровольной основе, так как все знали друг друга с детства, я же попал сюда благодаря дружбе с Арканом, на котором тогда лежала главная ответственность за взрывное дело. Аркан, Ранко, Любо наполнили пустой бойлер взрывчаткой и после того, как нас собралось человек десять – двенадцать, мы пошли, растянувшись в цепочку, к капелле. Любо подпаливал бикфордов шнур. Миро Чамац увидел в окошке подвала мусульманина, который быстро спрятался в одной из комнат. Миро начал просить ручную гранату, но времени уже не было. Бойлер быстро спустили в капеллу, затем все бегом покинули опасную зону, сразу же раздался мощный взрыв, а пальба началась минут через пять. Я же, понадеявшись на ночь, чуть в темноте не нарвался на пулеметную очередь. Неслучайно многие местные сербы с Гырбовицы предпочитали район Еврейского гробля объезжать через перекресток на Врац. Через день-два я узнал, что в капелле накрыло восемьдесят человек, видимо, не ожидавших нападения, но неприятель объявил, что все они погибли от сербской мины, упавшей рядом с мечетью. Так что противник очень выгодно использовал свои жертвы в пропагандистской компании.

Другая акция была не столь эффектна, но заняла значительное место в успешной обороне четы Станича от нападения противника в сочельник 1994 года. Тогда нас собралось человек шесть-семь: мы и спустились как раз к автомагистрали. Аркан и Ранко поставили по углам ничейного дома взрывчатку, а мы обеспечивали им прикрытия. Ночь тогда стояла лунная, все старались не шуметь, иначе бы нам не поздоровилось, если бы нас обнаружил противник. Перед нами стоял полуразрушенный двухэтажный дом. Аркан закончил устанавливать взрывчатку и дал Миро кусок пластичной взрывчатки с огнепроводным шнуром, который забросил на второй этаж этого дома. Мы сразу же вышли наверх, и после первого взрыва прогремел второй, куда более мощный. От дома осталась только груда кирпичей. Нам взрыв вреда не нанес, но, к сожалению, произошел несчастный случай с Ацо Шинником, парнем из четы Станича, который попросил у Аркана оставшуюся пачку пластиковой взрывчатки с огнепроводным шнуром. Он тогда хотел забросить ее на позиции противника. Никто не знает как, но пачка выпала у парня из рук, он, видимо, начал искать ее в темноте – и взрывчатка взорвалась с парнем или у него в руках. Подобные «акции» все были не лишены риска и требовали

большой осторожности. Порой несчастные случаи происходили и при работе с взрывчаткой или минами с самими саперами. После войны мне рассказывал один снайпер о случае со своим коллегой. Парень привел снайпера принимать смену и начал показывать позиции, указывая своим щупом – «пипалицей» мины и случайно ткнул в свой же «паштет», повредив себе руку и лицо. Здесь всякое бывало. Могла произойти случайная задержка в горении огнестойкого шнура и, если взрывник не дождался положенного времени (10 минут), взрывчатка могла взорваться него перед носом.

Это могло произойти и при электрическом методе детонации. Взрывное дело требует полной концентрации внимания, а этого тяжело достичь в боевых условиях, тем более на нейтральной полосе. К тому же взрывчатку надо было еще правильно поставить, чтобы ударная волна пошла в нужном направлении. И все могло сорваться из-за мелочи. Однажды подобная «акция» сорвалась только из-за того, что боец из группы прикрытия увидел на линии фронта стиральную машину, сделал лишний шаг и наступил на «паштет»: результат был трагический, и операция сорвалась. Легкость такой работы была обманчива. То, что не было стрельбы, могло расслабить и это дорого стоило. К сожалению, люди учились на своих ошибках, обучения здесь не проводилось, поэтому приходилось довольствоваться теми знаниями, которые люди получали до войны в специализированных пиротехнических школах, как Любо, или же на самой войне, от товарищей. У Аркана я нашел пособие по взрывателям и взрывчатке, из которого много узнал для себя.

Возможно, не помешало бы в данном случае сделать короткий обзор этой темы, которая интересует любого человека, связанного с военной средой. К тому же хотелось бы, что бы в России люди понимали, что и в других странах велись тяжелые войны, и имелись хорошие профессионалы, так как частенько приходилось убеждаться в том, что самонадеянность иных военных играла в России весьма печальную роль

Югославская довоенная промышленность была одной из ведущих в мире по производству различных взрывчатых веществ, взрывателей, в том числе специального назначения и мин.

Главным из используемых взрывчатых веществ был тротил. Обычно – в прессованном состоянии, хотя использовался и в литом виде, что требовало применения дополнительного детонатора из пластита или прессованного тротила. Другим взрывчатым веществом был гексоген. В фабричных условиях он смешивается с тротилом, и это вещество (гексолит по-сербски) использовалось в производстве кумулятивных боеприпасов, но в данных условиях самыми популярными были смеси гексогена со специальными пластификаторами, из которых получалась пластит – взрывчатка, способная под давлением, в том числе и рук сапера, принимать любую форму. Следует упомянуть взрывчатки М5А1 (гексогена 91%, пластификатора 9%, скорость детонации 8640 м/с), П-20 (гексогена 90,5%,

пластификатора 9,5%, парафина %, опанола Б 50,2%, скорость детонации 7050 м/с), ПЕ-64 (гексогена 92%, пластификатора %, парафина 17%, опанола Б 100 23%, диоктисебацита 60%).

Кроме того, на основе пентрита, высокочувствительного вещества белого цвета, была создана пластичная взрывчатка НП-69 (пентрита 92%, пластификатора, аналогичного ПЕ-64, 8%). Смесь пентрита с тротилом называется пентолит и используется для детонаторов, детонирующих шнуров (по-сербски штапинов) и снарядов. Детонирующие шнуры были очень надежны и удобны в применении. Через пентрит, внутри детонирующего шнура, проходили две хлопковые нитки, а сам он был обмотан хлопчатой материей, защищенной изоляцией из поливинила.

Кроме детонирующего шнура, использовался и огнепроводный шнур, состоящий из черного пороха в середине и хлопковой обмотки снаружи, защищенной изоляцией из поливинила. Скорость горения бикфордова шнура была равна 1 – 1,5 м/с и детонацию он переносил на капсули-детонаторы. Последние содержали инициирующие взрывчатые вещества, из которых главными были ртутный фульминат и азид свинца, а также трицинат, использовавшийся прессованным вместе с азидом свинца, ради более быстрого перенесения форта огня. Как правило, инициирующие взрывчатые вещества, использовались в детонаторских капсулях № 8. Причем капсули с азидом свинца делались из алюминия, а капсуль с ртутным фульминатом делался из меди, так как азид свинца был в четыре раза чувствительнее фульмината, и капсули с первым, чаще использовались в военном деле. Сам капсуль имел взрывчатое вещество (инициирующееся), возгоравшееся с помощью шелковой сеточки внутри, и бризантное ВВ (из тротила, гексогена или тротила); и сначала срабатывало инициирующее ВВ сверху капсуля, а затем и бризантное ВВ, внизу. Электродетонатор был устроен аналогично капсулям-детонаторам № 8, разве что электроимпульс сначала раскалял никеле-хромовый мостик, а тот, в свою очередь, поджигал зажигательную смесь в детонаторе.

Применялось три типа детонаторов: А типа, с сопротивлением 1,2 – 1,4 Ома; Б типа, с сопротивлением 0,4 – 0,6 Ома; Ц типа, с сопротивлением 0,03 Ома.

Кроме того, существовали электродетонаторы замедленного действия, в которых между шариком с зажигательной смесью и первичным ВВ находился пиротехнический замедлитель. Такие электродетонаторы обеспечивали детонации с интервалами по времени в полсекунды, четверть секунды и миллисекунду.

В остальном особых сложностей во взрывном деле не было, просто люди должны такую работу выполнять предельно осторожно, и необходимо было соблюдать меры предосторожности при работе с огнепроводным шнуром. Его следовало проверить на скорость горения, отрезав кусок в 50 см, а также на перенос форта огня, отрезав два куска по 10 см; расположив их концы на расстоянии 1 см друг от друга, поджечь один из них. Если первый

подпалит второй, значит, шнур исправен. Капсюль-детонатор № 8 следовало аккуратно поставить, не поворачивая и не нажимая на конец огнепроводного шнура, дабы затем сжать ее края саперными клещами или плоскогубцами, держа их на расстоянии от лица.

При использовании детонирующего шнура следовало учитывать, что один детонатор мог передать импульс детонации лишь на пять кусков детонирующего шнура, связанного по кругу, около детонатора. При необходимости одновременной детонации большого количества детонирующих шнуров, применялся тротильный патрон или тротильная шашка. Если же необходимо сделать ответвление от главного провода детонирующего шнура, то можно использовать узел, выводя от главного провода еще два, или кусок изолянты, крепя к главному проводу начало какого-нибудь ответвления. Можно также было применять многоконцевой узел, охватывая им до пяти детонирующих шнуров. Детонирующий шнур мог применяться и самостоятельно, но тогда его следовало на конце завязать в толстый узел и всунуть в ВВ или с помощью капсюля № 8. Причем следовало закрепить капсюли во ВВ, чтобы они не выскочили наружу при взрыве, что порой и происходило. Иногда создавали единую сеть, пуская от главного шнура несколько ответвлений, или пуская главный провод от одного взрывчатого устройства к другому. Для большей надежности детонирующий шнур можно было пускать замкнутым кругом, так что в случае остановки детонации с одного конца, ее могла дополнить детонация с другого конца.

Если взрывные устройства были распределены по широкой площади, то следовало применять параллельную сеть, ведя отдельный провод или до одиночного устройства, или до группы взрывных устройств. Если детонации по каким-либо причинам не было, то следовало подождать в укрытии полчаса, и лишь затем идти проверять провода. При электрическом способе детонации взрывчатых веществ следует учитывать сопротивляемость электропровода (для минерского кабеля оно составляет 3 Ома на 100 м) и электродетонаторов. Можно использовать и обычные электропровода, но не тоньше 0,75 квадратных миллиметров. В случае установки устройства защиты от молний при устройстве долговременных сетей взрывных устройств следовало учитывать и его сопротивление 7,5 Ома. Если необходимо было при электрическом способе детонации, чтобы сработали несколько взрывных устройств, то от главных проводов, при необходимости заканчивающихся устройством защиты от молний, следовало провести круговую сеть, разделив левый и правый провода, запустив их с разных сторон к каждому детонатору. Либо надо было провести параллельную сеть, соединяя отдельным ответвлением одно или несколько взрывных устройств. Сопротивление при этом на каждом участке должно быть одинаковым. Прежде чем ставить детонаторы во взрывные устройства, согласно правилам, следовало проверить омметром сопротивление сети, высчитав положенную норму по закону Ома. Надо заметить, что процедура это сложная. Все правила пользования и

хранения взрывчатых веществ, конечно, не сохранялись, да и возможности такой не было.

Впрочем, так как в Боснии и Герцеговине шла гражданская война, с присущей ей дезорганизацией, то в нашей чете взрывчатые вещества хранились в двух комнатах первого этажа дома, рядом с которым жили воевода, несколько сербов и русские добровольцы. На втором этаже этого дома, в самом начале был узел связи, а впоследствии тут поселились мы.

Глава 5. Командировка под Олово

В ноябре у нас была новая операция под городом Олово, который контролировали мусульмане. Мусульманская община Олово граничила с территорией сербского Сараево в районе Илияша и Вогощи, а рядом находилась община Вареш, контролируемая ХВО. Хорватская община Вареш была с трех сторон окружена мусульманами, а с четвертой граничила с сербским Сараево. До другой самой близкой хорватской общины Киселяк хорватам необходимо было пересекать территории мусульманских общин Високо и Кладань, либо сербские общины Илияш и Илиджу, что представляло достаточно долгий путь. Хорваты здесь поначалу воевать не собирались ни с сербами, ни с мусульманами, зато торговали с обеими сторонами довольно бойко. В пограничном с общиной Вареш сербском селе Быргуле шла весьма оживленная торговля не только сербов с хорватами, но и сербов с мусульманами. Здесь продавалось все: свиньи, коровы, овцы. Торговали целыми грузовиками сигаретами и кофе, а порой и боеприпасами, шедшими с сербской территории на мусульманскую. Все это осуществлялось благодаря «мирному» Варешу. Понятно, что эти грузовики не принадлежали мелким торговцам. С началом боевых действий между хорватами и мусульманами все же идиллия прекратилась. Сербский министр внутренних дел Томо Ковач, приказал «прикрыть эту лавочку» и послал туда силы бригады специального назначения, в том числе отряд, дислоцированный в поселке Шековичи (где был с конца июня по сентябрь Леня, вместе с которым мы воевали на Озренской). По словам Леонида, их командир тогда предупреждал бойцов, чтобы они были осторожны с местными сербами: были случаи, когда те стреляли в сербских милиционеров из-за недовольства, что их лишают возможности торговать. В то время был арестован председатель сербской общины Олово, а военный командир местной линии обороны, не став дожидаться ареста, уехал в Белград, распродав перед этим значительную часть оружия и техники собственных войск.

Тогда еще линия обороны, как сербов, так и мусульман просто не существовала: она была лишь на карте. По словам Лени, между бункерами расстояние составляло несколько сот метров, где паслись стада овец и коров.

А между сербами и хорватами вообще никакой линии обороны не было, и поэтому специальная милиция тогда могла войти в Вареш, овладев им. К тому же хорваты к сербам относились намного лучше, чем к мусульманам. Сил у сербов так же было предостаточно, потому что на фронте с мусульманами было затишье из-за начавшейся войны мусульман с хорватами. Рядом с Варешом находились позиции сербской Илияшской бригады, которая всегда могла поучить подкрепления сербских Илиджанской и Игманской бригад.

Наконец, можно было получить помощь других бригад Сараевско-Романийского корпуса, а также Защитного полка, стоявшего во Хан-Пиеске.

Таким образом, собрать 4 – 5 тысяч человек с техникой, сербам не представляло труда и вряд ли местное хорватское руководство в Вареше отказалось бы от их помощи, да и кто бы его спрашивал.

Однако, как всегда, согласно «лучшим традициям», сербские верхи проводили непрерывные согласования и подсчеты, а их более слабый противник, не отягощенный, однако чрезмерным числом «специалистов», оказался инициативнее. Мусульмане, силами 7 «мусульманской» бригады, быстро сломили сопротивление Варешской бригады ХВО, в которую входила чета местных варешских сербов, взял Вареш и несколько поселков вокруг него. На сербскую территорию прибывали беженцы из Вареша, которых сразу же отправляли в Киселяк. Однако бригаду ХВО, сербы заставили держать позиции на горном массиве Звезда (1349м), разрешая ее бойцам отправляться на отдых в Киселяк, лишь при условии прибытия оттуда такого же числа бойцов или новой смены.

Конечно, если бы тогда было начато сербское наступление на общевойсковом уровне, то была бы взята вся территория Вареш, ибо к обороне мусульмане не были готовы. Выполнение этого плана было возможно вследствие разразившегося мусульманско-хорватского конфликта. Приблизительно в это же время объединенные силы ХВО наступали на город Фойницу, дабы установить связь с Киселяком. Таким образом, главные силы Армии Боснии и Герцеговины были направлены на борьбу с хорватами: в первую очередь – под Горни Вакуф, практически изолированный мусульманский район (или «анклав»), переход которого в руки хорватов казался тогда весьма вероятным. Территория Боснии и Герцеговины была переполнена хорватскими «анклавами» различной величины. Судьба хорватов в таких анклавах, контролируемых ХВО, была различна. Из нескольких войска ХВО были изгнаны, как была изгнана часть мирного хорватского населения. Республика Сербская тогда приняла 4 – 5 тысяч бойцов ХВО и около 80 тысяч хорватских беженцев. Другие же «анклавы» сумели удержаться благодаря своему нейтралитету, а главное – поддержке умеренных мусульманских лидеров вроде тех, которые держали тогда власть в Тузле. Особняком стоял хорватский «анклав» Жепче, граничивший с одной стороны с Добоем, а с другой стороны – с мусульманскими Завидовичами и Маглаем. Здесь была просто кровавая резня, и хорваты уже не могли договориться с мусульманами.

В Маглае, Завидовичах и Зенице находилось настоящее гнездо исламского фундаментализма. Во 2-м местном корпусе Армии Боснии и Герцеговины были созданы подразделения моджахедов. В нескольких местных селах, бывших когда-то сербскими, поселились арабы, иранцы, турки и прочие представители исламских народов, прибывшие защищать исламскую землю от сербских и хорватских «агрессоров».

Понятно, что хорваты к мусульманам доверия никогда не испытывали, хотя и принимали участие в начале войны в изгнании отсюда сербов. Именно командование ХВО Жепче предупреждало сербскую власть в Добое о мусульманских обстрелах. А отдельные сербские подразделения из Добоя и Озрена, из Бани и Луки в добровольном порядке отправлялись защищать хорватский «анклав» Жепче, хотя делалось это небезвозмездно. Мой послевоенный сербский товарищ Синиша «Поп» из Добоя рассказывал, как он и его группа 28 июня 1993 года, на сербский церковный праздник «Видовдан» вместе с хорватами взяли Жепче у мусульман. Сербское руководство тогда могло просто поднять сербский флаг над Жепче, а хорваты вряд ли бы сопротивлялись. Этим бы сербы получили возможность без особого труда освоить весь тридцатикилометровый участок дороги от сербского Добоя в сербский Теслич. Тем самым силам сербской тактической группы Озрен, в случае их наступления из Возуче, навстречу войскам Сараевско-Романийского корпуса, обеспечивался бы надежный правый фланг. Такой план мог быть осуществлен в течение нескольких недель. В этой операции были заинтересованы и хорваты, и сербы. В случае успеха второй по величине город – Тузла был бы окружен с трех сторон и отрезан от Зеницы.

В Тузле тогда были сильны кадры из числа довоенных коммунистов, которые к религиозным убеждениям относились крайне равнодушно. Здесь же между самими мусульманами постоянно вспыхивали разногласия, а хорваты постоянно подливали «масло в огонь», так что местная власть сама бы пошла, служить сербам. Это автоматически привело бы краху державы Изетбеговича тем более в то время, в Западной Боснии Фикрет Абдич создал из местных мусульман собственную армию в десять тысяч человек и начал воевать против лояльных Изетбеговичу частей 5-го корпуса Армии Боснии и Герцеговины. Вскоре он же подписал мир с Республикой Сербской. Тем самым, начини сербы наступление через Вареш к Озрену и Жепче, то война бы на этом закончилась, а Босния и Герцеговина была бы поделена между сербами, хорватами и мусульманами. Но этого не произошло, и вместо наступления всего Войска Сербского на Олово, осенью 1993 года была организована операция лишь силами Сараевско-Романийского корпуса, и то в ограниченных масштабах. Сербская линия фронта под Варешем опасно вдавалась выступом вперед в неприятельскую территорию. В глубину и ширину этот выступ проходил приблизительно на 15 – 20 километров. На левом основании этого выступа находился горный массив Чемерно (1465 м), по которому проходили позиции мусульманских войск, получавших силы и

средства из находящихся в 15 – 20 километрах от них мусульманских городов Брежа и Високо. Правда, основание этого выступа было менее гористое. До мусульманского города Олово было километров десять. Здесь позиции сторон пересекала автомагистраль из Сараево в Олово. В Сараевском направлении она шла через сербское селение Семизовац, как бы отсекая выступ, но мусульмане тогда не думали о нападении. Фактически сам этот выступ находился между горными массивами Звезда и Чемерно.

Таким образом, упомянутый сербский выступ в неприятельскую оборону находился большей частью на плоскогорье, носившем название Нишичское, и поэтому в боевых приказах и донесениях упоминались Чемерно, Нишичское, Олово, хотя речь шла о довольно ограниченной территории, за которую велись бои не менее ожесточенные, чем за Игман.

В 1993 году основное внимание сербского командования было обращено на правый фланг Нишичского выступа в направлении на Олово. Это вполне объяснимо, так как именно это направление противника было менее укреплено. Город Олово находился на левом берегу реки Кривая, которая отсекала его от остальной территории мусульман. Здесь же находилась единственно относительная безопасная для мусульман дорога из города Завидовичи.

Сербские войска сумели взять значительный кусок территории села Урна речка. На этот участок фронта начали перебрасывать новые сербские формирования. Наша бригада во второй половине ноября послала под Олово для участия в текущей «акции» «интервентную» сводную чету, командиром которой был назначен Мишо Чолич. Из четы Алексица с ним под Олово отправились четверо русских добровольцев Саша Шкрабов, «Очкарик», Саша П. и «Хозяин», недавно вернувшийся из России. По инициативе Саши группа с самого начала стала разведывательной. Дней через десять после их отбытия воевода стал получать слова благодарности за ребят. Генерал Милошевич особо отметил русских разведчиков, а «Очкарик» от него в подарок получил охотничье ружье. Русские разведчики первыми прошли неприятельскую линию обороны и вошли в села Хайде, Зубета и Равне, а через два дня овладели высотой Мачак. Саша П., «Очкарик» и «Хозяин» получили легкие ранения. Через две-три недели на смену им отправился сводный отряд под командованием Чубы. Из нашей четы в нем находились Горан Моро, я и Витя Десятов. Были в нашем отряде и мои знакомые по Тырново – Ацо Шешлия и Младжо из четы Папича. Наш путь длился около семи часов по окружной дороге через Пале. Ехали весело с песнями и ракией. Было несколько пьяных, а один из них, «Лале», напился до того, что из грузовика его выносили. Мы с Виктором напиваться с нашими «братушками» не стали, но из-за холода выпили пару глотков. Впрочем, конфликтов не было. В грузовике нас набилось основательно, мы с Виктором устроились с краю, где выскочить было легче. На наши места особенно никто не претендовал, так как все стремились спрятаться подальше в глубь от холода. Вид взятого села всех

оживил, кое-где в домах горел свет. Некоторые бойцы посчитали подвигом подпалить оставшиеся целые дома. Мы свернули на обочину и выехали на грунтовку, здесь находилось село Цырна Риека (Черная река), и мы специально пошли осмотреть неприятельскую линию обороны. Было очевидно, что траншеи и блиндажи рылись в спешке. Сербские войска здесь штурмовали позиции противника на танках, так как следы от них еще хорошо сохранились.

Мы проехали села, и наша дорога пошла лесом еще километров пять. На середине пути мы увидели неприятельские бункера, основательно построенные.

Наконец, мы прибыли на место, где нас встречал Шкрабов. Село называлось Равнее, нам отвели для отдыха дом местного ходжи. «Очкарик», «Хозяин» и Саша П. прихватили по цветному телевизору и уехали на базу. В нашу разведывательную группу, кроме Шкрабова и меня с Виктором, вошли еще двое сербов из Гырбовицы. Одного из них звали Драган, восемнадцатилетний парень по прозвищу «Мунгос» (Мангуст), невысокого роста, но очень нервный, хотя Шкрабов был им доволен. Драган же почитал Сашу как своего учителя. Другой, по прозвищу «Итальянец», был старше лет на десять, носил броду и усы, а прибыл из Рима, где занимался какими-то «темными» делами. У него был опыт службы во французском иностранном легионе. Воевать он умел и любил. Саша меня познакомил с командиром сербской группировки Младеном Савичем, который очень доверял его профессиональным навыкам. Сашу, по его словам, раздражали многие из сербов, прибывшие под Олово вместе с ним. Хотя говорили они много, но были равнодушны к боевым действиям, саботировали и приказы Мишо Чолича, зато как «заправские ветераны» отличались в пьянстве и грабежах! Саше приходилось даже некоторым угрожать оружием, чтобы сохранить дом, где спали русские, от грабежа и поджога. В селах стоял хаос, мусульмане оставляли хорошие автомобили и все то, что было ими нажито за многие годы, и сербы «чистили» все с завидным умением. Наши же несколько автомобилей просто расстреляли, чтобы не наживались те, кто прятался за их спины. Дома же стремительно начали поджигать, а потом негде было даже переночевать. Сгорела местная мечеть, и руку, кажется, здесь приложил «Очкарик».

Русские по заданию командования продолжали разведку, по пути устраивая засады. Однажды ночью они вышли на командный пункт мусульманского специального формирования. «Очкарик», мстивший за свое ранение в ногу, из снайперской винтовки уложил офицера. Наши ребята дважды попадали в заварушки и имели потери. Сербские войска достигли на этом участке определенного успеха. За высотой Мачак начиналось Олово. Все ждали наступления, и поэтому Саша остался, хотя все, кто прибыл вместе с ним, вернулись домой.

Мы с Виктором устроились в доме без особых удобств. Рядом с нами в доме находился центр связи. С наступлением сумерек мы слышали перестрелку, и поспешили с Сашей на выстрелы. Обнаружив, что Ацо был

убит, мы вошли в дом, одна из комнат которого была набита людьми – среди них был потрясенный Младжо. Шкрабов справедливо разозлился: любой выход на разведку должен был согласовываться с ним. Саша задерживаться не стал, я же остался, ибо хорошо знал Ацо, и на душе было скверно. Помянув его ракией, я ждал «разборок» о причинах его гибели. Но они не последовали, а жаль: оказалось, только что приехавшей группе пришедший из штаба офицер приказал открыть отвлекающий огонь, неизвестно зачем. Одна группа, вместо того, чтобы просто открыть огонь, зачем-то пошла в сторону противника, до которого было несколько сотен метров. Шкрабов обвинял «Мыргу», бывшего с ним в первой группе, но тот все отрицал. Впрочем, ребята, попав под огонь пулемета и потеряв Ацо, все же успели вынести его из-под огня. Естественно, на следующий день вся группа покойного Ацо (пять-шесть человек) отправились назад на похороны.

Следующие дни прошли спокойно, а наша маленькая группа вела разведку. В нашей чете было человек сорок – пятьдесят, и я успел с некоторыми познакомиться поближе. Особенно мне запомнился Душко, пятидесятилетний серб с длинными волосами и бородой, с шапкой на голове. Представители нашего батальона отличались многообразием «военной» формы, на некоторых была израильская по типу советской «афганки». В нашей чете находились десятка два бойцов из Касиндольского батальона, но, к сожалению, ни у Саши, ни у Чубы, отношения с ними не складывались. Сначала Шкрабов разозлился на них за отказ ходить в любые акции. Он резко поговорил с командиром, дав в конце разговора ему лопату для рытья траншеи. Касиндольцы были не такие уж плохие ребята, а типичные местные сербы, и отношения у них складывались по родственным и клановым связям, что было далеко не лучшее на войне.

Куда дисциплинированнее была «Серпска Гарда», державшая левый от нас фланг. Это была часть, подчинявшаяся центру, пополнявшаяся по призыву на срок один год. Главнокомандующий ВРС генерал Ратко Младич дислоцировал ее в своем родном Калиновике на высокогорном плато, и оттуда до Сараево было недалеко. Называлась она бригадой, на деле была неполным полком, однако на фронт отправлялась часто. Хотя было видно, что многие молодые солдаты боятся, все же организация делала свое дело, и в отличие от других сербских частей, в бригаде большое внимание уделялось строительству бункеров и огневых позиций. Проблем с дисциплиной не было, и дежурства неслись хорошо, хотя в составе бойцов находилась 18 – 19-летняя молодежь, поэтому потери были постоянно.

Сразу после приезда наша интервентная группа получила не вполне ясную задачу: занять откос, отстоящий на расстоянии несколько сотен метров от позиций этой бригады. Собралось нас тогда человек четырнадцать. Кроме меня, Саши, Вити, «Итальянца» и «Мангуста», пошли Чуба (как командир), Моро, «Муса», «Кики», какой-то доброволец из Сербии и другие бойцы, чьих имен я уже не помню. Пройдя небольшое расстояние, мы разделились.

Шкрабов, «Итальянец», «Мангуст» двинулись окружным путем. Мы с Виктором отправились левее, прикрывая их слева. Остальные под командованием Чубы остались на позициях. Снега не было, и мы были в израильской форме. Ползали мы долго, стрельбы не было, кроме очереди Шкрабова, но перестрелки не последовало. Наконец, мы вышли, за нами потянулись другие и почему-то в полный рост. Шкрабов замахал руками, приказывая им присесть. Тогда никаких боевых действий не последовало.

Ходили мы еще в разведку и на высоту Мачак, с которой в перспективе представлялся хороший обзор. Но стрельбы и тогда не последовало. Как-то мы возвращались от Чубы, и нас обстрелял снайпер. Витя шел впереди. Услышав свист, мы с Сашей рванули бежать, а Витя, как ни в чем не бывало, продолжал расхаживать со снайперской винтовкой. Мы заорали на него тогда, и все вместе скрылись за оградой. Как-то вечером мы решили у разведчиков Гарды разжиться консервами и пошли к ним в гости. По дороге увидели, как развлекались молодые ребята, пуская в небо огневые очереди, а один даже поджег стог сена.

Разведчики приняли нас хорошо, и, конечно, не ограничились только консервами, нашлась и ракия. Говорили обо всем, а потом Шкрабов и командир разведчиков Шпирич решили показать друг другу свои знания по передвижению в лесу. Меня заинтересовал метод Шпирича держать автомат: он держал его на сгибе правой руки, а правой кистью поддерживал за ручку стволом вверх и вбок. В случае опасности, автомат перекидывался стволом вперед и левой рукой подхватывался за ствол. В лесу левая рука должна быть свободной, тем более что ствол не поднимался над головой. Шкрабов не остался в долгу, к нему присоединился и Виктор. «Гардисты» с уважением относились к русской группе Алексича, заметив, что воевода имеет одну из лучших разведывательных групп. Шпирич показал гильзы от Калашникова с арабской вязью, которые были найдены на позициях, где был убит боец.

Посидев еще немного, мы попрощались и отправились домой, а по дороге Саша и «Мунгос» спели русскую песню «Соловей, соловей, пташечка», которая очень нравилась последнему. Было признано, что русские солдаты – лучшие в мире, а возражать никому не хотелось.

Вернувшись, домой, мы поставили на растяжку осколочную мину, правда, чтобы осколки не ударили по людям: нужно было отгонять любителей наживы от наших мест пребывания. Нам не хотелось терять наши вещи и снаряжение. Остальные же дома опустошались моментально. Некоторые местные снабженцы, привозя на подводах горячую пищу бойцам, тут же скупали у них все подряд, а за бутылку ракии подчищали вообще все. Осуждать здесь было некого, но раздражало отсутствие порядка, ведь это порой доводило до склок и ссор. Как-то раз, услышав крик на улице, я вышел, и увидел, что «Мырга» и «Мунгос» ругались, а рядом с ними стоял серб, развозивший похлебку, и две женщины. Оказывается, «Мырга» хотел из соседнего дома продать ванную, предварительно даже отмыв ее от

находившегося там дерьма. «Мангуст» посчитал, что этот дом отвоеван нами, и, следовательно, ванна тоже наша, и продажа ему не понравилась. Они ругались так, что чуть не схватились за автоматы, и нам пришлось их долго успокаивать. Через несколько часов «Мырга» снова стал «хорошим парнем», начав беседовать с «Мунгосом». Саша к «Мырге» относился настороженно, я же его знал дольше и понимал, что весь его внешний вид – длинная борода, «шубара», кожаный жилет, который делал его едва ли не символом Гырбовицы, – важный для него имидж. Его внешность часто привлекала к себе фоторепортеров, но образ «кроважадного четника» в отношении «Мырги» был полным вымыслом. «Мырга» попадал в постоянные неприятности. В сентябре 1994 года он на Игмане погиб по вине сербов: возвращаясь ночью из разведки с другими сербскими добровольцами, нарвался на огонь с сербских позиций.

Наступления так никакого и не было, и Саша с несколькими бойцами отправился на базу. Оставшись с Виктором, мы решили вместе с офицерами Гарды заняться разведкой. Два офицера должны были пройти по нейтральной полосе, чтобы обнаружить противника. Мы с другими офицерами уходили вглубь территории противника на 100 – 200 метров. Стрельбы здесь особой не было, люди, в основном, охраняли свои позиции. Линия обороны была слишком извилистой, мы легко могли попасть под перекрестный огонь. Я всегда предпочитал возвращаться домой, следуя за другими бойцами, потому что молодые бойцы из «Серпской Гарды» могли открыть огонь по нам. Разведка не дала никаких существенных результатов, обнаружили только один бункер, непонятно когда выкрытый противником.

Мы опять получили приказ вывести командира с двумя офицерами и охраной на откос, где уже мы были со Шкрабовым. Нас было несколько человек: Виктор, я и несколько бойцов Гарды. Группу пришлось вести мне, и я взял немного левее. Выпал снег, мы были в белых комбинезонах. После получасового ползания мы вышли к лесному пути, и здесь я заметил неизвестную мне мину-растяжку, высокий 20 – 30 сантиметровой зеленый столбик, от которого вдоль дороги тянулся провод. На самой мине была написана желтой краской арабская вязь. Что делать с ней я не знал, тем более что она могла быть усилена двумя – тремя «паштетами».

Предупредив поручика Оташевича, я от нее взял под прямым углом вправо и через десять минут вышел на откос. Наша задача была выполнена и после того, как комбриг обошел откос, делать нам уже было нечего. Результатов же никаких не последовало, линию обороны опять перемещать не стали, Чуба попросил меня больше в разведку не ходить, я тогда колебался, так как не понимал причины такой просьбы, хотя и предпочитал действовать по приказу, без которого все мои поступки были самодеятельностью.

Одна из перестрелок закончилась для нас печально. Я сидел у Чубы, вдруг услышал выстрелы и бросился в соседнюю комнату, где окна выходили на лес, а затем выскочил во двор. За углом одного из домов стоял Моро, высывая ствол автомата из-за дерева. Очередной выстрел срезал ему

макушку автомата. Мы открыли ответный огонь, хотя для стрельбы не было ни одного подходящего места. В дом внесли парня с простреленной ногой. Здесь же был убит один из бойцов, и ранена медсестра Светлана. Я ведь несколько раз тогда предлагал сделать на чердаке стрелковое окно, но все оставалось по старому.

У нас даже не было прямой связи с позициями на соседнем Мачке. Однажды мы с Виктором и несколько сербов отправились по каким-то делам на сербские позиции на Мачке и чуть-чуть не попали под пули своих же. Шли мы тогда общепринятым путем: подойдя к бункеру, слышали вопрос часового. Пароля мы не знали, и, чередуя сербский с русским, начали объяснять, что мы из соседней четы. Все было бесполезно, лишь щелкал затвор. Хорошо, что нашлись люди, которые объяснили ему, что к чему. У меня же возникло глупое желание дать ему в лоб, ведь он со страха мог перестрелять не только нас, русских, но и своих же сербов, если бы те появились на дороге.

К тому времени мы прибыли под Олово, в Викторе особой нужды не было, и он ждал возвращения. Из новой смены прибыли лишь трое: Драган и Миленко, доброволец из Белграда, еще один Драган Н., финансовый инспектор (тоже из Белграда). Мне было надежнее действовать, когда рядом русский: по крайней мере, не бросит. Но Виктор иногда вел себя не слишком осторожно. Как-то я, Виктор, поручик Оташевич и командир взвода Гарды, черногорский доброволец «Мырча», решили обойти позиции со стороны противника. «Мырча» обратил мое внимание на Виктора, который был в белом свитере, полурасстегнутых ботинках и со снайперской винтовкой за плечами. Он походил больше на охотника, чем на разведчика. Тогда было ясно, что противника на «нейтралке» нет, но надеяться на русский «авось» – не слишком осторожно. У Виктора были какие-то внутренние душевные проблемы, и ему просто нужно было отдохнуть. Виктора я знал больше других, и желания вывозить его раненого или мертвого, у меня не было. Виктор и сам не хотел долго задерживаться, а скуку свою он скрасил посещением штаба «Горажданской» бригады, к тому времени переброшенной под Олово. Виктор к тому времени имел квартиру в Вышеграде и хорошие отношения с «горажданскими» сербами. Мне же было там делать нечего, поэтому я с ним не поехал. Кто-то собрался на грузовике уезжать в Луковицы, и Виктор присоединился к ним. Перед отъездом я закинул Виктору мешки с картошкой для наших ребят. Дело в том, что к нам случайно попали сухпайки НАТО, видимо, самолет промахнулся и сбросил их на нашу территорию, а не на мусульманскую, так что проблем с разнообразием сухпайков у нас не было. Картошки в подвале было полно, и ее гребли все, кому не лень, и я решил отправить ребятам два мешка картошки. К сожалению, Виктор довез только один, а второй у него сперли его сербские боевые товарищи.

Скучать мне не приходилось, почти каждый день я ходил в «Гарду», а вечерами я проводил время у связистов по соседству – Бане и

Зорана Г. Бане не сиделось на одном месте, он все куда-то ездил, то на свадьбу, то в гости; впоследствии он таким образом нашел невесту, и больше я его не видел. Я близко сошелся с Зораном Г., который до войны жил в Сараево. Мусульмане убили его отца, а он с матерью и сестрой перебрался жить на дачу в район Пале, где жил его двоюродный брат Ташо с отцом, матерью и сестрой. Позднее я к нему навещался в гости, и чуть было не заблудился во всех этих ручьях, лесах, горах. Только тогда я начал понимать, как велика площадь новой столицы Республики Сербской – Пале. Я шутил с Зораном по этому поводу, что если бы мусульмане штурмом захватили всю Республику Сербскую, то его дачу нашли бы только года через два. Дача была очень маленькая, хотя и двухэтажная, и как они все там умещались, было просто удивительно.

Зоран был хорошим товарищем и сразу захотел сходить со мной в разведку, узнав, что мы со Шкрабовым планировали ударить по мусульманскому бункеру гранатометом. Впрочем, это не удалось, тем более Бане просил меня, чтобы я не брал с собой Зорана. Все же с Зораном мы попали в переделку, но не с мусульманами, а с сербами. Зоран пригласил меня в гости к своему знакомому на праздник «Славу», то есть День святого этой семьи. Такой праздник отмечает каждая сербская семья, он установлен святым Саввой еще 700 лет тому назад.

Хозяин был очень хлебосол, но был у него гость – «бородатый боевик», вероятно, ветеран «торговых операций» на этом фронте. Он сначала прицепился ко мне, что я, мол, не «русс», а «серб», и затем начал привязываться к Зорану. Особой опасности он не представлял, но устраивать склоку у гостеприимного хозяина не хотелось. Провожая, хозяин долго извинялся за беспокойного гостя, щелкавшего в другой комнате затвором. Ничего вразумительного я не услышал, но отнес это к местным чудаковатостям, на которые местный народ был изобретателен.

Другом, схожий случай чуть было не закончился трагически, когда мой знакомый «Мырча», подвыпив, бросил в своих наступательную ручную гранату, ранив при этом несколько человек: это произошло во время приезда родителей к своим детям-солдатам,

Хотя «Мырча» был смелым и хорошим парнем, но ничего достойного в том факте нет. Тогда, под Олово, «Мырча» обошелся без тяжелых наказаний, так как последствий никаких не было, а командиром он был хорошим. Позднее я слышал о нем в декабре 1994 года, во время боев на Игмане.

Послушав всю эту историю в «Гарде», я тогда договорился с поручиком Шаренцем и его другом сходить к хорватам. Те, якобы, по словам этих офицеров, имели много денег и скупали одежду и продукты. Я во все это поверил, да и прогуляться до ХВО было любопытно.

Где-то в полдень мы, наконец, собрались. Я взял с собой остатки консервов, офицеры взяли два комплекта формы и патроны для пистолетов. Цель оказалась не так близка, как нас уверяли: мы добрались только к сумеркам. Справа находились мусульмане, которые изредка постреливали по своим вчерашним союзникам, слева в десятке метров начинался крутой обрыв, с которого хорватам легче было слетать на дельтаплане, чем спускаться самостоятельно. Позиции хорватов меня порадовали. В отличие от сербов, они вырыли глубокие блиндажи, от которых расходились глубокие же траншеи с брустверами и заканчивались открытой ячейкой, где обязательно дежурил один боец. В блиндажах стояли печки, так что хорваты были устроены неплохо. Подобные бункера располагались через каждые 50 метров.

Персоны мы были важные, и нам дали в сопровождение худого, высокого, стриженного «ежиком» парня, очень похожего на солиста английской группы «Clash». Коммерческие дела шли у нас не важно, так как хорваты покупать ничего не хотели, и мы после десяти бункеров сели передохнуть и поговорить с хорватами о жизни. Меня же это не занимало, и я со своим проводником-панком пошел посмотреть «бункера». Ничего продать опять не удалось, и я, выпив стакан водки, решил вернуться. Ходить в темноте по камням было опасно, а под утро, мусульмане любили пострелять, так что нужно было торопиться. На обратном пути мой проводник рассказал, что работал в Москве и риторически передал привет каким-то своим московским подругам, не дав при этом ни адреса, ни телефона. Дойдя до своих попутчиков, я передохнул, и мы отправились в обратный путь. Надо отметить, что в темноте Шаренац видел лучше нас и спотыкался меньше. Мы вымотались страшно, а рюкзак с консервами буквально отрывал плечи. Что-то застопорило тогда в моей голове: понять не могу, почему я эти консервы тогда не оставил у хорватов? Но все-таки коммерческий успех пришел ко мне, правда, не через мое умение.

Связист Бане тогда в очередной раз собрался жениться, что, видимо, облегчало ему доступ в дом его предполагавшейся невесты. Заодно он договорился со своими так и не состоявшимися родственниками и продал им все из нашего дома, вместе с моими консервами. В сделке принял участие и Зоран, так что я им открыл дом, где я остался один, позволив вынести как печь и мебель, так и старый ковер с дыркой посередине. Сделка состоялась, и я получил за них 150 марок. Правда, между Зораном и Бане были какие-то размолвки, так как Бане, похоже, обоих нас обманул с деньгами, но меня это не интересовало, потому что я уже не впервые видел подобные картины. Вскоре поручик Оташевич снова предложил идти в разведку, но неожиданно все изменилось. Пришел приказ срочно отправляться под Округлицу, сербское село на противоположной стороне выступа под Олово, где была прорвана линия фронта. Нам на помощь дали танк, который стоял рядом. Я сел на броню этого танка, остальные разместились в грузовике, и все мы двинулись. На месте нас ждал командир, который нас разместил в двух «бункерах» через

ложбину. Впереди была большая гора, с одной стороны лысая, а с другой, покрытая невысокими деревьями и кустарниками. По ее верху и шла взятая противником сербская линия, состоящая из нескольких отдельных бункеров. Из рассказов мы узнали, что неприятельская группа напала на один из «бункеров», одного бойца убили, другого взяли в плен. А по радио сербы слышали, что пленному выкололи глаза и отправили в свою тюрьму. Остальные же бойцы просто сбежали со своих позиций.

Противник всерьез заниматься обороной позиций не хотел, но перестрелка была слышна. Наша группа, спустившись, пошла прямо в лоб на захваченные позиции. Впереди шел местный командир, которому уже сообщили, что гора свободна. Мы гурьбой шли за ним. Меня утешало одно, что всех сразу враг перебить не сможет. На эту же гору с правой стороны поднималось еще одно подразделение.

Слава Богу, потерь мы тогда не понесли. Гору взяли без боя, но Чуба, со своими больными почками, мог загнуться и без стрельбы, и я старался не отходить от него.

Мы вернулись на базу. В Хайде, однако, нас ждал сюрприз. Сторожевое место перед нашими домами сгорело вместе с сараем. Ясно, что это была работа кого-то из «касиндольцев», которые постоянно требовали от Чубы, чтобы он разрешил им проводить свою смену в доме, а не на позиции. Меня это вывело из равновесия, последней каплей было то, что ящик, полученный нами с ручными гранатами, был разобран «касиндольцами».

Ручные гранаты мне были особенно дороги, и я пошел разбираться с командиром «касиндольцев». Здесь уже я припомнил и их нежелание подчиняться Чубе, участвовать в акциях и все остальное. С моей стороны было все: и автоматные очереди, и «кулачный бой», и хватание за грудки, видимо нервы мои сдали. Сейчас, по прошествии времени, думаю, что я тогда мог кого-нибудь застрелить, и не дай Бог, если бы кто-то из них сделал только лишнее движение. Потом я возвратился в дом, а с их стороны пришла делегация для переговоров, но форма была выбрана резкая, так что мне пришлось запустить одному делегату стаканом в голову и пройти матом по их адресу и всей их родне, сказав, что так воевать нельзя. Не знаю, насколько мое объяснение было для них доступно, но расстались мы хорошо, и больше недоразумений между нами не возникало. Хотя в лучшую сторону они не изменились, и я это понял, к сожалению, лишь после войны. Как мне рассказывал Драган Н., в Белграде «касиндольцы» не спали всю ночь и выставили караул вокруг дома, что они не очень хотели делать в отношении мусульман.

Когда на следующий день на смену к нам приехало новое пополнение, некоторые из них жали мне руку, а все остальные мило улыбались. Сев в грузовики, мы отправились по домам, и на этом наша акция под Олово была закончена.

Глава 6. Становление 3-го Русского добровольческого отряда

В декабре 1993 года наш 3-й РДО стал действительно организованной силой, заставляющей уважать и считаться с собой как друзей, так и врагов. Приказом воеводы командиром у нас был поставлен Шкрабов. Он умел принимать быстрые решения в бою, был собран, умел вести себя и с русскими, и с сербами. Особенно здесь необходимо было ладить в местной восточной среде, где переплетались на балканской почве влияния западного и исламского миров. В общем-то, здесь наш отряд фактически был никому не нужен, тем более и управлять им в таких условиях было сложно. Вокруг нас много всякого вертелось, и Шкрабов умел приспосабливаться к местным условиям и в то же время сохранить хоть относительную боеспособность отряда. В отряд же прибывали разные люди, каждый со своими целями, с разными характерами и воспитанием. Конечно, заслуги Шкрабова в том, что у воеводы собрались русские добровольцы, не было. Они прибывали в район Еврейского гробля только потому, что слышали о пребывании здесь русских. Воевали они только потому, что держались вместе, а поддержки извне у них не было ни какой.

Среди русских собрались обычные ребята, порой не представляющие истинных задач и целей этой войны. Фактически, многие сюда приехали учиться воевать, но в силу особенностей местной войны случалось им учить воевать других. Уже в конце 1993 года новые русские добровольцы были способны воевать почти в любом местном «интервентном» или «специальном» формировании. Ведь сюда приехали русские, внутренне готовые к риску, порой даже стремившиеся к нему. Многие уже имели боевой опыт или же службу в каких-то вооруженных структурах. Был у нас, конечно, и определенный идеологический мотив, но делать из русских добровольцев новых «крестоносцев» или же сербский вариант «Рэмбо» все же неразумно. Просто одни люди, попав в боевой коллектив, окруженный боевой славой, пытались доказать свою ценность, тогда как другие же ломались, а иные пытались ловко спрятаться за чужую спину. Я лично поехал на войну без всякой цели, кроме той, чтобы стать хорошим воином. Хотя, конечно, мусульмане у меня вызывали давнее раздражение, как и у многих из нас, и в какой-то мере в этом мы могли найти параллели с нашим Отечеством.

Правда, тогда же, в декабре 1993 года, произошел один незначительный инцидент, несколько подпортивший нам предпраздничное настроение и давший пищу для размышлений о нашем месте и роли в местной среде. Коля «Узбек» и Витя Десятов поехали как-то в Луковицу по каким-то своим делам на трофейной «Ладе». Вообще-то, на «Ладе» ездили Очкарик и Коля по очереди, в зависимости от того, кто из них нашел горячее – вещь

весьма дефицитную. Борис и Валера тогда тоже успели где-то найти старую колымагу, которую, правда, Борис через пару месяцев успешно сжег на пути между Пале и Яхориной, чтобы она не досталась «врагам» – сербской милиции. Водительских прав никто из наших водителей, кроме Очкарика, не имел, но милиционеры тогда, надо тоже заметить, за определенным исключением, проблем не устраивали, узнавая, что речь идет о русских добровольцах. Но это распространялось не только на нас, но и на родственников, и на знакомых, и на людей со связями, и просто на людей с большими пистолетами. Однако в тот раз у Коли возник какой-то конфликт с остановившим его военным полицейскими. Не помню точно, что произошло, но Коля был избит толпой этих блюстителей порядка, что в духе местных обычаев, а затем и Коля, и Витя оказались в военной тюрьме. Таких случаев хватало здесь. Заварушку вполне можно было устроить, но Коля этого не захотел, да и оставаться в отряде он все равно не собирался. Другое дело, что командование бригады тогда не посчитало нужным оповестить Шкрабова об аресте ребят, хотя в боевых акциях это командование нередко суеилось перед нами, но и наши заслуги не забывало приписывать себе.

Возникал вопрос о нашем статусе – то ли мы отряд, то ли мы группа туристов, и нам в данном случае приходилось больше склоняться ко второму ответу. Тем не менее, жизнь шла своим чередом, а вместе с этим к нам приближались новогодние и рождественские праздники. Сербь, подобно русским, Рождество справляли 7 января, и так же, как русские, справляли Новый год 31 декабря и Старый Новый год 14 января. Я и Саша Шкрабов решили, что достаточный отдых мы себе заслужили, а так как нам встречать праздники на базе не улыбалось, то мы решили отправиться в Белград. Там жил один мой знакомый по фронту под Олово, доброволец из Сербии, Драган Накреикучин, звавший нас к себе в гости. Саша у воеводы нашел письмо к майору Джого, функционеру Бюро Республики Сербской в Белграде, бывшим своего рода, представителем Республики Сербской, и благодаря этому письму, нас поселили в Касиндол, гостиницу «Б» класса, находившуюся в центре Белграда. Одну ночь, правда, мы переночевали у Драгана, у которого и встретили Новый год. Драган тогда был в весьма сложной ситуации, так как он был уволен с работы. Его обвинили в участии в этнических формированиях, хотя Драган был в пехотной чете нашего батальона в течение нескольких месяцев.

Однако в то время в Белграде ходило мнение, что участие в войне связано с совершением военных преступлений, особенно если человек пришел добровольцем. Несмотря на его жалобы в суд, ему было отказано в восстановлении в должности финансового инспектора в общине, что были обязаны сделать по законам того времени. Впрочем, тогда еще Драган не унывал и нас развозил по Белграду на своем автомобиле «Застава», местного производства. Мы познакомились и с семьей его девушки Били, в том числе с ее братом Ненадом Рашчаниным. Родители Билян и Ненада были

черногорцы, и сам Ненад нам это объяснял с гордостью. Он закончил среднюю военную школу – что-то вроде суворовского военного училища, – в которую принимали детей с 16 лет. Обучение в ней шло 4 года. После этого, получив звание водник (взводный), что-то вроде звания прапорщика, он был принят в один «противотеррористични» отряд (по борьбе с терроризмом) корпуса специальных сил (спецназ) ЮНА. В этот корпус входили 63-я парашютная бригада, дислоцированная в Нише на юге Сербии, 72-я разведывательно-диверсионная бригада, дислоцированная в Панчево, недалеко от Белграда и Гарда (Гвардия) – гвардейская моторизованная бригада, дислоцированная в Белграде. Понятно, что с началом боевых действий в Хорватии формирования, вошедшие в этот корпус, выполняли ответственные задания, и Ненад, как командир взвода, оказался в Вуковаре.

Вуковар завоевывался тяжело и долго (два месяца). Обычная пехота была очень плохо подготовлена, так как мобилизация проводилась только в Сербии и Черногории, а 45 суток было недостаточно для сплочения людей. В результате спецназ использовался, как обычная пехота, так как без должной пехотной поддержки ЮНА теряла десятки единиц бронетехники.

Из Вуковара тогда шли сотни гробов во все стороны, даже в Сараево, среди погибших были бойцы ЮНА, простые сербы, немало было и мусульманских призывников.

В боях за Вуковар Ненад был тяжело ранен, и его жизнь была чудом спасена врагами, лицо пришлось оперировать лазером. К нашему приезду Ненад возвратился в армию, хотя от службы в ней не был в восторге. Проблемой было не только плохое материальное обеспечение, но и бесперспективность, так как в армии Югославии многое делалось через связи, и в особенности продвижение по службе. «Сделать» кому-либо боевую биографию умеют в любом аппарате, благо журналистов развелось предостаточно. Многие ребята уходили со службы, об этом подумывал и Ненад, несмотря на все свое воодушевление военной службой. Уже после войны в 1998 году я с сожалением услышал, что Ненад погиб. К тому времени он стал охранником одного весьма известного и богатого человека Белграда – Юсы (правда, с уголовной биографией, но это считалось плюсом), и они были расстреляны из автомата двумя неизвестными. Ненад, как говорили, вроде бы даже успел сразу вытащить пистолет, который его подвел, дав осечку, и первая же очередь прошла его на смерть.

В новогоднем Белграде мы тогда познакомились со многими людьми. Один из них был Перо, один из многочисленных замов Шешеля по экономическим вопросам. Так как опытный Шкрабов настоял, чтобы мы поехали в своих маскировочных комбинезонах (хотя через границу в Сербию мало кого в форме пускали), то мы стали весьма примечательной группой. Перо, на своем «мерседесе» разъезжал с нами и со своей, весьма импозантной и вдвое младше, секретаршей Светланой по всем своим знакомым бизнесменам. Саша, когда надо, мог вспомнить про четыре взятых села под Олово, стуча

кулаком по столу и нагоняя жути на слушателей, так что чувствовали мы себя весьма неплохо. Еще больше наше самочувствие улучшилось, когда Перо привез нас к Желько, заместителю директора «Югопетрола», государственной фирмы, занимавшейся работой с нефтью и бензином на территории всей Югославии. Тот, после обычных красочных историй Саши, выдал нам то ли по сто, то ли по двести марок и спросил, нуждаемся ли мы в отеле. Хотя отель мы еще имели, но Шкрабов озабоченно заметил, что там нет цветного телевизора. Желько сразу же распорядился определить нас в отель «Парк», тоже находившийся в центре Белграда, в трехместный номер с телефоном, ванной и телевизором. Тут же был еще один Желько, предприниматель из Сербского Сараево, выдавший нам еще по сто марок. За столом сидел еще один предприниматель, имени которого я уже не помню, и то тоже нам выделил еще по сто марок, чтобы не ударить в грязь лицом. Мы позвонили из кабинета домой, сфотографировались со всеми ими и, попрощавшись, отправились в отель «Парк», где нам были оплачены все расходы, включая сидение в ресторане, заказы в номера и телефонные разговоры с домом. Жизнь стала веселее. Мы познакомились с местными официантами, с музыкантами, и когда мы входили в ресторан, начинали играть русские мелодии, а Шкрабов тогда, зажмурившись от удовольствия, отбивал такт рукой. В отеле, правда, было немало беженцев из Боснии и Герцеговины, иные здесь жили месяцами, кто им все это оплачивал – неясно, но они что-то с нами не спешили знакомиться, а мы особо этим озабочены не были.

Не оставлял нас своими посещениями Перо: он не забывал воспользоваться нашим телефоном, а также возможностью заказа обедов в номер. Потом мы познакомились с солистами и солистками какого-то хора из Болгарии. На наше удивление, первый болгарин заговорил с нами по-русски, так как его мама, оказывается, была русской. По-русски заговорил с нами еще один «болгарин», папа у которого был негр, а мама русская. После всего этого водка полилась рекой, причем первый болгарин нас все расспрашивал про каких-то Рэмбо – ветеранах Афганистана, с которыми правительство наше, по его словам, не знало, что делать, и при этом очень настороженно посматривал на нас. Ни я, ни Саша в Афганистане не были и помочь ему не могли, поэтому перевели разговор в другое русло.

Вообще, отель «Парк» был полон интересными людьми. С некоторыми из них мы познакомились в ресторане. Было их четверо, и все они работали в одной фирме. Шеф был серб, из Баня-Луки, его помощник, парень – из Черногории, но говоривший по-русски с одесским акцентом, полученным им во время какой-то своей учебы в «жемчужине у моря». Еще один работник этой фирмы был человек средних лет, из Львова, которого звали Василием, и чьи экономические интересы охватывали весь славянский мир от России и Украины до Сербии и Болгарии.

Наконец, еще одним персонажем была представительница России, двадцатилетняя девушка, довольно привлекательной внешности, не вполне

понятной профессии. Их фирма имела свой кабинет на втором этаже отеля «Парк», но чем она занималась, было неясно. Мы несколько раз заходили к ним в гости, заказывая туда по бутылочке водки. На вопросы о зарплате мы честно отвечали о пяти марках в месяц, но наши собеседники почему-то решили, что мы шутим.

Что касается дел на базе, то о них мы узнавали по телефону, позванивая периодически в штаб четы. Там первое время все было нормально. Стрельбы больше не было, если не считать обязательных салютов из всех видов оружия на Новый год. Произошел, правда, и один неприятный случай. Так как оружие хранилось на руках, Хозяин, напившись, начал стрелять, по своему обычаю, и несколько пуль из его автомата пробили стекла в окне квартиры, где находилась связь. Там тогда на смене была Биляна, которая, как я упоминал, работая в военной кухне, получила пулю от неприятельского снайпера в бедро. Биляна, несмотря на ранение, была с нами в июне 1993 года под Тырново и с людьми общалась вежливо, стараясь помочь им позвонить по своим делам. Даже наши ребята звонили отсюда домой, так что выходка Хозяина мне не понравилась. Боец он, конечно, был хороший, но проблемы, которые он создавал, часто перевешивали все его достоинства. Он это понимал и сам, но контролировал себя плохо, и ему было бы лучше уехать, так как для него подобная выходка была уже не первой, да и база наша все-таки не в лесу, а в жилом районе. Впрочем, выходка Хозяина быстро тогда забылась, так как мирная идиллия на Гырбовице закончилась в январе, на Бадни дан (русский сочельник). Мусульмане, как в последствии выяснилось, весь конец 1993 года кропотливо готовились к нападению. То, что сербы нападать не хотели, отнюдь не удерживало их от подготовки наступления, а их командованию сербские праздники не мешали. К тому же еще осенью 1993 года из «радного» взвода сбежало несколько мусульман, отлично знавших сербские позиции на Гырбовице и Еврейском гробле. Поэтому мусульманское командование было хорошо осведомлено обо всем, в том числе и о нас, и, скорее всего, еще и потому, что кто-то из сербской власти был падок на деньги. На склоне «Дебелого бырдо», там, где мусульмане «не имели шансов», по утверждению многих местных бойцов и командиров, были быстро и качественно выкопаны несколько бункеров. С этого склона покрывался огнем ближайший тыл сербов, парализуя, тем самым, передвижения сербских бойцов. Главный же удар пришелся на Еврейском гробле, его планировали нанести вдоль транзитной автомагистрали на позиции чет Папича и Станича.

Главную роль в нападении должны были сыграть небезызвестные «Ласты» [«Ласта» («Ласточка»)], мусульманский спецназ, специальные силы МВД Боснии и Герцеговины. – *примеч. ред.*] и, конечно, вовремя вернувшийся из сербского плена Йозо, хорват, заместитель спецподразделения «Ласты». «Ласты» к нападению отнеслись серьезно и даже сняли на видеокамеру сербские позиции.

Нападение, как полагалось, началось неожиданно. Одним из первых его жертв были шестидесятилетний Машо Тушевляк и беременная женщина, Мира Трифкович, расстрелянные на перекрестке улиц Охридской и Требевичкой. Мира Трифкович, одно время работавшая в нашей столовой, была женой Джоко, бойца нашей четы, и они долго не имели детей. Понятно, что Джоко бросился ее вытаскивать и тут же получил пулю в ногу, оставшись лежать на дороге. Их попытались вытащить наши ребята, но Витю Десятова сразу убило. Николай из Кишинева был тяжело ранен в живот, причем, одна из пуль, попавших в него, отбившись об рожок, стала гулять по телу, и Николаю, позднее, в больнице вырезали селезенку. Были также ранены Очкарик – в ногу, и Борис, которому пуля чуть зацепила голову.

Остальные наши ребята присоединились к сербам, защищавшим собственные позиции. Сербы тогда остановили штурмовую группу противника, забросав их зарядами пластита с дистанционными шнурами, а также ручными гранатами. Аркан тогда хотел использовать 57-миллиметровую установку НУРСов, но на «Бадни дан» ему это не удалось. На следующий день, на Рождество, он и Ранко пошли на склад четы за ракетами. На обратном пути Аркан, толкавший тележку с ракетами, решил проскочить опасный перекресток, и на самой середине их накрыло из пулемета. Как потом выяснилось, пулемет имел оптический прицел и стоял в одном из бункеров на склоне «Дебелого бырдо», где стрелком был Фадил-«лимар» (в следующем году взят в плен, отправлен в тюрьму Кулу, но затем его обменяли), как раз с улицы Радничкой, находившийся здесь же, в районе Еврейского гробля. По слухам, этот Фадил-«лимар», хорошо поработавший на Бадни дан, и свалил Аркана из своего пулемета. Тот упал на дорогу с пулей в теле, и Ранко едва успел вытянуть его к обочине дороги за высокий каменный бордюр. До домов, где их ждала мать Аркана Милена, было метров шестьдесят, и раненого быстро внесли в его собственный автомобиль «Рено-5» красного цвета.

Машина понеслась в Касиндол, но по дороге Младен умер, и уже на следующий день он отправился в гробу на военном грузовике в родной город своей матери Пирот, сопровождаемый не только матерью, но и друзьями. В Пироте на его похороны пришло много людей, в том числе местных беженцев из Боснии и Герцеговины. Гарнизон ЮНА в Пироте выделил почетный караул, но это уже для его матери было слабым утешением, так как Младен был ее единственным сыном. На похороны Аркана я тогда не попал, но приехал на его могилу позднее. В последнее время я с ним подружился. У Младена была хорошая черта, не слишком характерная для местной среды: он вел себя скромно, несмотря на свои знания и способности. Своими подвигами он никогда не хвастался, и лишь от его матери я узнал, что еще в начале войны, на Враца, он взял в руки оружие, и при этом стараниями одного журналиста-сербя, снявшего его со снайперской винтовкой, сразу же мусульманами был провозглашен военным преступником. В мае 1992 года Аркан вместе со своей матерью прибыл в Райловац, где они имели свою дачу.

В Райловце он вступил в интервентный взвод и был одним из главных участников обороны казармы ЮНА в Райловце 7 – 8 мая 1992 года. Фактически их было всего несколько десятков человек, а из военнослужащих с ними были лишь один заставник (старший прапорщик) и пара солдат, тогда как иные офицеры прятались от боя. После этого он сильно разочаровался в ЮНА. Разочарование усилилось, когда противник пробил сербскую оборону, пройдя по единственному проходу в минном поле, известному лишь нескольким бойцам, из которых один был офицер ЮНА, имевший любовницей местную мусульманку. Аркан отвез эту мусульманку к линии фронта и выгнал ее в неприятельское Сараево, а тот офицер вместе со многими своими коллегами, погрузив военное имущество, отбыл в Сербию, причем в спешке они забыли одного молодого солдата из Черногории. Осталось из большой казармы всего два человека, этот черногорец и еще один водитель из Сербии, позднее погибший в бою с мусульманами. Аркану тогда предлагали перебраться в Сербию на службу в ЮНА, но он отказался: надеялся найти отца, пропавшего без вести, и не желал бежать из города, в котором родился и вырос. Вскоре последовали новые, весьма известные, акции, в которых он принял участие – «Жуч», «Добрыня», «Мисоча», «Ахатовичи». В боях за Ахатовичи Аркан вместе с группой сербских бойцов взял в плен пару десятков мусульман. Пользуясь прикрытием высокой травы, он также сумел обнаружить неприятельскую мастерскую по производству оружия, причем найденные им несколько десятков пистолетов не продал, как сделали бы иные, а разделил между остальными сербскими бойцами. В октябре Аркан перешел в интервентное формирование воеводы Васке из Илияша, а затем попал в Хан-Пиесак, в часть при главном штабе Войска Республики Сербской. В Хан-Пиеске он еще раз отказался от профессиональной военной службы, на этот раз в ВРС, и с 1993 года находился в чете Алексича, где было тогда много его довоенных товарищей и знакомых. То, что Аркан обо всем умалчивал, в общем-то, понятно, но все же несправедливо, что о нем не вспомнили ни при дележе наград в штабах, ни даже в газетных репортажах. Сербских журналистов, в основном, интересовали случаи, готовые вписаться в заданную схему, а Аркан в нее не вписывался. Упомянув вкратце его смерть, одна местная журналистка вложила ему предсмертные слова «не дам Гырбовицы», что было просто глупо, вне зависимости, выдумала это она сама или ей это кто-то подсказал.

На меня произвела глубокое впечатление и смерть Виктора Десятова. Все-таки мы с ним в Югославию ехали в одном поезде и в одном купе, а в 3-м РДО лишь мы были из состава казачьего отряда Горажданской бригады. Мне неприятно, что меня не оказалось рядом ни тогда, когда Виктор погиб, ни когда его хоронили на местном кладбище Дони Миливичи, начав его могилой ряд будущих русских могил. Из Екатеринбурга, где он жил с женой и двумя детьми, он сначала уехал на войну в Приднестровье, где получил ранение, а потом ему выпала возможность поехать в Югославию, и он отсюда

уезжать не собирался. Как задумчиво заметил Шкрабов, смерть все-таки у Вити оказалась героической потому, что он сам вначале в одиночку пошел на помощь раненым, тогда как водитель одного бронетранспортера, стоявшего недалеко, этого делать не хотел. Потом мне было неприятно прочесть в «Известиях», как один журналист упомянул смерть Вити, сказав, что его поймали «на живца».

Витю, на самом-то деле, никто не ловил, он полз не за деньгами, а желая помочь раненым людям, и в той суматохе тяжело было остаться хладнокровным. Витя сделал то, что должен был сделать нормальный человек – помочь людям. К сожалению, это многими забылось. По большому счету, это не так важно, как и то, что в казачьем движении, где Витя находился, редко вспоминали о таких, как Витя. Крутясь по органам власти, как России, так и Республики Сербской, о них говорили, как бы между прочим, нисколько не заботясь об их памяти, а тем более о семьях. По моему мнению, казак – это тот, кто воюет, и Витя оказался куда лучшим казаком, чем все эти столичные генералы. Может быть, я все воспринимал лично, но со временем становилось все неприятнее смотреть, как в местной среде люди, вроде бы обязанные благодарить и Аркана, и Виктора, и других погибших, относились к их памяти, как к чему-то скучному.

Приходилось, правда, диву даваться, видя на фотографиях, как стоят или сидят у могил те, кому покойный безразличен был и до, и после смерти, или, что еще хуже, те, кто был виноват в его смерти.

Всякое бывало здесь и, порою, приходилось видеть, как многие люди через три дня после похорон забывали погибших. На самом деле почитание мертвых и память о них требуется не мертвым, а как раз живым. Что толку в том, если люди лишь собираются на поминки попить, поесть, а потом годами не находят времени посетить родителей своего товарища.

Здоровье общества во многом можно определить по его отношению к мертвым и, не вдаваясь в дискуссию о том, где положение лучше, а где хуже, следует признать, что сербское общество в этом отношении сильно хромало: это признавали и сами сербы. Оставалось все меньше желающих рисковать жизнью ради общих интересов. Отношение к мертвым лишь подчеркивало многое в личных отношениях здесь. Отдельно упомянем Церковь: что бы ни говорили ее противники, но лишь она по-настоящему сохраняла память о мертвых и, более того, давая оправдание их смерти, давала одновременно урок остальному народу. Что же касается нас, то, как всякие добровольцы, мы сознательно ехали на войну и учитывали возможность гибели. Это переходило порой даже в крайности, когда к смерти иные люди начали относиться с шутками и прибаутками. Мне вспоминается, что как-то раз после долгого часового ожидания в Пале на дороге в Луковицы, там остановился комби местного «погребного» (похоронного) общества «Святы Марко», и мы начали смеяться, называя это общество лучшим другом русских добровольцев. Тем не менее, мы все же регулярно ходили на кладбище, покупали венки, даже делали

в типографии, вслед за сербами «смертовницы» – прямоугольные листки бумаги, развешиваемые по Луковицы и Пале, где с фотографией покойного соседствовало сообщение о месте и времени похорон. Много сделать мы не могли, но пытались постоянно чего-то добиться для семей погибших, а заодно и ставших инвалидами русских добровольцев: хотя бы пенсии, правда, долгое время без успеха. Наибольшее внимание этому уделял тогда Толик Астапенков, словно зная, что такие пенсии вскоре понадобятся его родителям, жене и сыну. В связи с этим мне вспоминается, как мы возвращались с Витиной могилы и по приглашению двух местных молодых сербских женщин зашли на кофе в их дом. В местной среде существовал целый ритуал вокруг кофе, приготовляемого по-турецки. В этот ритуал входило и переворачивание выпитой чашечки кофе, тогда, на подсохшей ее внутренней стороне, можно было гадать о будущем, что, честно говоря, отнюдь не христианский обычай. Неслучайно, что в этом, как и в гадании на фасоли, больше всего разбирались немногочисленные оставшиеся мусульманки, которых я узнал благодаря Аркану, ходившему к ним узнать о судьбе своего отца. Одна из них (жена нашего зама воеводы Чубы) умела это делать лучше всех. Звали ее Азра. Не знаю, где в этой иерархии стояла а сербка, гадавшая нам по кофейной гуще, но то, что она сказала Толику, мы все запомнили хорошо: «... большое препятствие, за которым идет ровная линия спокойной жизни». Толика она выделила из всех нас, а я тогда даже не успел перевернуть свою чашечку (фильджан, как называют сербы маленькую чашечку без ручки). Только потом, после его смерти, эти слова нам часто приходили в голову.

Что касается обыденной жизни, то с января находиться в так называемом тылу у нас стало едва ли не так же опасно, как и на боевых позициях. Практически тогда тыл перестал существовать, и местные сербы, в том числе женщины и дети, испытали тогда куда больше «острых ощущений», чем местные вояки на других участках фронта. Даже на Гырбовице не было столь тяжелого положения, так как снайпер и пулеметчики стреляли с расстояния двух-трех сотен метров по воздушной линии, а одно-двухэтажные дома частного сектора не давали столь надежной защиты, как многоэтажные.

После неприятельского нападения на «Бадни дан» началась новая жизнь, непривычно тяжелая даже для приученных к снайперскому и артиллерийскому огню местных жителей. Хотя такая жизнь продолжалась всего полтора месяца (до подписания февральского перемирия в зоне Сараево), вымотала она людей предостаточно, по крайней мере, тех, кто был вынужден остаться здесь, а не уехал в Пале или Луковицу, изредка проводывая свой дом. Честно признаться, перемирие, в общем, для Республики Сербской и всего Сербского Сараево (хотя и убыточное для нашего района) стало определенным спасением. Я очень хорошо помню, что у многих людей тогда появилось чувство обреченности, потому что выжить под огнем пулемета, стоящего в нескольких сотнях метрах над тобой, очень тяжело. Многими улицами, особенно в районе Еврейского гробля, ходить вообще было невозможно. Пусть

на Гырбовице высотные здания еще как-то закрывали видимость неприятельским стрелками, все равно ходить там приходилось, постоянно озираясь. В районе Еврейского гробля, застроенном частными домами, тяжело было скрываться от взоров противника со стороны «Дебелого бырдо».

Люди у нас были вынуждены следовать тропинками, вытоптаннкими в огородах, а проезд на автомобиле превратился в своеобразное скоростное ралли по узким извилистым улочкам, к тому же покрытых снегом и льдом. Все это было внове, и люди не могли так быстро выучить новые маршруты. Редко кто со стороны, без серьезной причины, посещал наш район. Доходило дело и до абсурда, когда один наш командир взвода Митар Д., из-за огня со склона «Дебелого бырдо», не мог в свой дом входить через дверь, и поэтому лазил в окно. В один из вечеров у него не выдержали нервы и он, взяв автомат, прошел верхом склона «Дебелого бырдо» и, заняв пустой, по халатности противника, одиночный бункер, положил очередью двух-трех неприятельских бойцов и даже успел возвратиться невредимым от неприятельских пуль и гранат. Конечно, это мало что решило, так как противник укреплял склон «Дебелого бырдо», не считаясь с потерями не только моего родного взвода, составленного, разумеется, из сербов, но и с потерями своих бойцов. Наш Саша Шкрабов успел раз по туману, пройдя под линией электропередач, приблизиться к неприятельским позициям, но группе из шести-семи человек там тяжело было бы пройти: на полностью открытом пространстве она вряд ли оставалась незамеченной, а два-три человека все равно захваченных позиций не удержали бы. Группа оказалась бы в ловушке, и поэтому здесь следовало идти вперед, захватывая все неприятельские позиции, в свою очередь, соединяясь с другими: бойцами Алексича из бункера «Босут» и бойцами Станича, наступающими со своего правого фланга вдоль неприятельской линии обороны. Все это в теории, конечно, было бы возможно, но на практике этого, разумеется, не произошло, а почему – уже не наше дело. Наше дело было исполнять приказы, и хотя мы были добровольцы, делали мы это лучше иных профессиональных военных, в том числе, и Войска Республики Сербской, и Югославской народной армии, и той же армии России, по крайней мере, из тех формирований, что были на просторах бывшей Югославии. Конечно, мы были обычной штурмовой группой, каких во все времена и во всех войсках предостаточно. Но мне надоело слушать сказки о каких-то особых, «сверхобученных» формированиях, делавших чудеса и решавших исход войны. Все понятно, есть хорошо обученные и подготовленные формирования, но их сила состоит в умении нанести удар по нужному месту и в нужное время. То есть, корень их победы – в информации, которую дает разведка. В самом же бою, насыщенном автоматическим оружием, сверхчеловека найти тяжело, так как любой, даже самый крепкий и волевой человек, гибнет от маленькой дырки в голове. С другой стороны, многое на войне решают не только способности людей, но и факторы сверхъестественные. Я же считал и считаю, и в этом не одинок: если человек

хочет воевать, то его постоянно понукать вредно, а если не хочет, то и получить от него многого нельзя.

В местных условиях забыли, что дисциплинированность есть основа успеха в войне. Но и армейская дисциплина без хороших мозгов – не залог победы, что можно увидеть по сербской акции в районе поселка Езеро, где надо было взять недостроенное здание роддома. На помощь местным сербским войскам, испытывавшим недостаток в опытных профессиональных военных, был послан отряд бойцов из состава элитной части 72-й разведывательно-диверсионной бригады ЮНА (из Югославии). Содаты действительно имели и подготовку, и опыт, и готовы были исполнить приказ, но их командование использовало так: без всяких выдумок послало в лобовой штурм многоэтажного здания. Мусульманские бойцы, оборонявшие его, в большинстве своем военных школ не заканчивали и были, по любимой терминологии генералов, «дилетантами», но они собрались на втором этаже здания, проделав в полу дыру, а на полу первого этажа положили листы железа. Когда штурмовая группа ворвалась на первый этаж, сверху на нее обрушился град пуль и ручных гранат, после которого сербские бойцы отступили, частью вынося, частью оставив не меньше десятка убитых. Причем те, кто должны были их поддерживать с флангов, так этой поддержки и не оказали. *Если все это и является профессионализмом, то лучше воевать в каких-нибудь диких партизанских группах (или, по российской терминологии, незаконных вооруженных формированиях), где хоть можно самостоятельно что-то предпринять. Хотя, с другой стороны, добровольность несет много проблем, и стабильности нашего отряда она не способствовала.*

Тем не менее, люди к нам приезжали. Так, после нападения на «Бадни дан» к нам приехал мой старый знакомый по улице Озренской – Леонид. Правда, навещал он нас еще в конце декабря, но тогда я был под Олово и не понял, о ком идет речь, когда Саша Шкрабов мне рассказывал, как приехали двое каких-то новых добровольцев (Леня тогда привез с собой одного друга по Херсону). По словам Саши, один, как раз тот Ленин друг, был еще ничего, но второй (сам Леня) – «морда наглая».

Тогда Леня не задержался у нас, правда, кто-то сводил их в одно нейтральное здание, под фабрикой «Стройрадом», где они попали под обстрел. Друг Лени потом сразу уехал, рассказав дома о том, как Леня его бросил в бою. Встретившись, мы поговорили о делах на Озренской, из чего я вынес немало ценных знаний о людях.

Интересно мне было узнать о Лениных похождениях в специальной бригаде милиции: он пробыл там два с половиной месяца, участвовал в операции «Лукавац-93» (Тырново–Игман), где, как и я, получил ранение, правда, легкое, и контузию. Сама бригада специальной милиции Республики Сербской была поделена на отряды, дислоцированные по всей территории Республики Сербской, и создана по образцу аналогичных формирований в Югославии (как и специальная милиция, она была своего рода гвардией власти,

там – Милошевича, здесь – Караджича). По словам Лени, в милиции было немало храбрых ребят, и одного из них, Бошко, он часто вспоминал в своих рассказах об акциях, а когда позднее узнал, что Бошко погиб – весьма расстроился. Война к тому времени переменила Леню, в особенности на него повлиял случай, когда на его глазах сгорел сербский танк со всеми танкистами. На командование специальной милиции он был зол, как и на местных сербов. Когда он привез свою жену Алису в местный городок Шековичи, где была база его отряда, а сам ушел в акцию, жена несколько дней ходила голодная, питаясь одними яблоками в саду, так как кормить ее в столовой отказались. Так что, когда в Баня-Луке начались волнения, и туда отправили Ленин отряд для их подавления, то Леня был уже внутренне готов к уходу из милиции. Тогда в Баня-Луке, в сентябре 1993 года несколько сербских подразделений из состава батальона военной полиции и 16-й танковой бригады, ушло с фронта и заняло ряд государственных учреждений, требуя борьбы с коррупцией, хищениями, дезертирами и тому подобными явлениями. Город быстро покинули многие работники руководящих структур, причем, уехали они за день или два до самого начала волнений. В Баня-Луке власть тогда взял в свои руки комитет из нескольких офицеров нижнего звена – Бабич, Биляк, Зец и другие. Не знаю, кто стоял за ними, но народ их тогда поддержал, так как устал от анархии и демагогии. Да и вряд ли большинство участников того мятежа вообще знали многое в политике, за исключением того, что на их глазах разворачивалось государство.

[...]

Ни мусульмане, ни хорваты использовать тот мятеж никак не могли, так как тогда из всех сил колошматили друг друга. Кстати, сама власть тогда хотела использовать специальную милицию против сил «Сентября-93», которые никаких активных действий не предпринимали, а военная полиция получила приказ открыть огонь по силам «Сентября-93» от командующего корпуса.

Так что Леня, подумав немного, сдал командованию оружие и форму и отправился сначала домой на Украину, а потом, заскучав там, приехал к нам в отряд. В отряде никого, кроме меня, знакомых он не нашел. Коля, еще один бывший боец с Озренской улицы, уехал вместе с только что приехавшим к нему Витей. Леня тогда стал моим напарником, и особых проблем у него не было, но, к сожалению, он их сам себе начал создавать, порою не учитывая характеры и чувства людей окружающих его, переоценивая свою роль во вселенной. Впрочем, чрезмерное самолюбие отличало русских добровольцев, выращенных советской системой. За границей они выделялись амбициями, но отсутствием коллективизма. С другой стороны, я с ним конфликтов не имел и мог на него рассчитывать, что было немаловажным.

Леня тогда попал, как говорится, с корабля на бал через пару дней после своего приезда. Когда я, Леня, Толик и еще несколько ребят мирно

сидели в одной из своих квартир, занимаясь всевозможными разговорами, затрагивая все области жизни, от политики до философии, от стрельбы из гранатомета до любовных вопросов, вдруг к нам ворвался Шкрабов и заявил, что нужно идти в разведку. Никто ничего не понял, но развеяться иным из нас не помешало, и я, Толик, Борис и Леня – отправились за Шкрабовым. По дороге я прихватил наш РПГ-7 и четыре гранаты, так как мне не терпелось испытать его после прошлой неудачной попытки на улице Београдской. Заряды мы тогда подсушили, и я надеялся, что на этот раз он меня не подведет. Во дворе нас уже ждали воевода, «Мунгос» и «Итальянец», и мы все вместе отправились на позиции нашей четы. Здесь я и Толик, согласно плану, остались у Рашидова рва «для прикрытия», как выразился Шкрабов.

Сам Шкрабов (вместе с «Мунгосом» и «Итальянцем», Леней и Борисом), видимо, должен был составить какую-то ударную группу. При этом выяснилось, что местным сербам до этих домов даже дела не было. А наши ребята отправились на позиции четы Станича, как раз туда, где начиналась ограда Еврейского гробля (и где последний сербский двухэтажный дом от такого же мусульманского дома отделяла автомобильная дорога). При этом мусульманский дом стоял выше, и с него просматривались подходы к сербскому. Из Рашидова рва мы с Толиком хорошо видели всего лишь одну стену в ряду таких же стен шедших в нашу сторону домов и поэтому были вынуждены полагаться на связь в «Мотороле» (переносной радиостанции). Та долго молчала. Я, сидя с заряженным РПГ-7, уже было заскучал, когда неожиданно началась стрельба в тех домах, где находились наши ребята. Что происходит, мы понять не могли, так как на мой вопрос о необходимости поддержки последовало обычное шкрабовское – «все нормально». На самом деле, все было далеко не так, по всей линии фронта началась пальба, и на мой вторичный вопрос о поддержке Саша ответил утвердительно.

Я себя ждать не заставил и, прикрывая огнем Толика и дежурную смену, выскочил из-за стены. Сначала пустил две гранаты в стоящий напротив мусульманский дом, а третью послал на склон «Дебелого бырдо». Через какое-то время стрельба стихла, и по «Мотороле» воевода сообщил мне, что мы можем возвращаться. У меня осталась еще одна граната, уже заряженная в гранатомет, и чтобы не носить ее назад, а заодно и дать Толику попробовать пострелять из РПГ-7, я передал гранатомет ему. Толик вышел из-за стены, прицелился, но каким-то чудом его граната ударилась в стоящее в пяти метрах от него тоненькое деревце, сломав его. Но граната все же ушла в сторону противника, так как взрыватель еще не взвелся. Нам стало смешно, а один наш серб отозвался характерным сербским выражением, что мы «забавляемосе» (это означало: веселимся, хорошо проводим время) на войне. Еще по «Мотороле» мы слышали, как Шкрабов вызывал через воеводу санитарную машину, хотя, судя по всему, речь шла о легком ранении. У столовой мы узнали, что «Итальянец» получил пулю в ногу. Так как Шкрабов сразу куда-то

уехал с воеводой и с «Мунгосом», а Борис куда-то пропал, то мы решили узнать у Лени, что же все-таки произошло.

Как выяснилось, до позиции Станича они дошли успешно, но при проникновении в последний дом начались проблемы. Шкрабов успел проскочить, но уже по следовавшему за ним Борису был открыт огонь. Леня, бежавший третьим, видел фонтанчики от пуль под ногами, а «Итальянец» бежавший за ним, получил пулю в ногу и едва был втянут Леной в убежище. Шкрабов и Борис первыми выбрались из дома. Саша в своей невозмутимой манере бросил Лене, что, мол, продолжаем работать. Леня был крайне беспокоен ранением «Итальянца»: из раны сочилась кровь. Потеря «Итальянца» нас не обрадовала, но так как пуля не задела ни кость, ни нерв, то в строй он вернулся уже через пару недель.

Глава 7. Зимние бои в Сараево

В январе 1994 года мы не оставили в покое многострадальное Златиште, точнее, его не обошло вниманием наше командование. Дополнительным стимулом послужило занятие неприятелем склона «Дебелого бырдо», хотя, как я вижу сейчас, были и иные способы выбить его оттуда: не ударяя в километре дальше от него, пытаясь, таким образом, выйти ему в тыл. Но тут уж рассуждать не приходилось, а отказываться было глупо, все-таки приехали мы на войну. Единственным из нас, кто знал план командования, был Саша Шкрабов, все остальные оставались в благом неведении, хотя куда идти — мы представляли. Все же раз я оказался невольным свидетелем составления планов, правда, не бригады и батальона (там хватало «специалистов»), а будущего нашего штурмового отряда. Как оказалось, кроме нашего 3-го РДО и людей воеводы, в него должны были войти люди Чено, командира станицы (отделения) милиции «Кула». Чено во время войны, помимо обычной милиции, сформировал и собственный отряд специальной милиции (от 30 до 50 человек), правда, не имевший никакого отношения к официальной бригаде специальной милиции Республики Сербской.

На территории той части общины Илиджа, что осталась с нашей стороны аэродрома (отсеченной от основной его части), за время войны эта группа была единственным официальным интервентным формированием. Находилось здесь и несколько временных групп в начале войны, как, например, «Касиндольские четники». В Касиндольском батальоне было несколько местных ребят, привлекавшихся к участию в акциях, и одного из них, Педжо, позднее я узнал лично, поскорльку со временем в этом батальоне был создан и интервентный взвод, командиром которого стал русский доброволец из Мордовии, бывший офицер милиции Борис. В январе состоялось совещание Алексича с Чено и еще несколькими его офицерами: я также присутствовал на нем, так как являлся телохранителем воеводы. Были

поданы кофе, ракия, сок, задымились сигареты, но речь шла в основном о потребностях в боеприпасах и оружии, количество которых для воеводы штаб бригады урезал. Но у Чено были, видимо, большие связи, и он в меньшей мере зависел от поставок штаба. Воевода, надо сказать, не жадничал, порой отказываясь от того или иного из списка или сокращая что-то. От сигаретного дыма у меня разболелась голова, и я вышел из кабинета в приемную, где скучала молодая и очень симпатичная секретарша Чено. Я уселся в кресло у ее стола, и мы повели светские беседы. Когда она упомянула, что пишет стихи, и уже написала что-то об одном своем погибшем друге, я тут же попросил ее написать что-нибудь и о себе. Наконец, воевода вышел из кабинета, и мы с ним и кем-то еще из его окружения покинули гостеприимное здание станицы милиции Кула, за углом которого помещалась местная тюрьма.

На Златиште, к отелю «Осьмица», мы подъехали первый раз 22 января 1994 года, часов, эдак, в десять. Тогда стоял густой туман, и я, по наивности, обрадовался ему, решив, что благодаря туману мы сможем все-таки пройти незамеченными наблюдателями противника (из города и с Чолиной капы). Радовался я напрасно: выяснилось, что наши средства огневой поддержки – танк, противотанковая пушка и минометы – при тумане работать, оказывается, не могли, и поэтому акцию пришлось отменить. Тогда меня и других наших ребят это разозлило, так как получалось, что мы идем не в атаку, а на стрельбы, но в дальнейшем я все же понял, что многое здесь зависело от самого стиля местного мышления, точнее, от его официального варианта. Самая распространенная тактика заключалась в том, что не пехота руководит средствами огневой поддержки, а наоборот [действительно, это тактика Второй мировой войны – *примеч. ред.*]. Это отнюдь не изобретение сербов, а широко известная тенденция в тактиках многих армий разных времен. И те же американцы ей привержены, возможно, больше сербов. Просто в Войске Республики Сербской было куда меньше совершенной техники, обеспечивавшей действия в сложных погодных условиях и ночью, да и специалистов не хватало, а войска для действия в таких условиях были, в большинстве своем, малообучены. К тому же, для ЮНА это была первая война, ее теория с Запада не была опробована на практике. Вот и лупили друг друга, что сербы, что хорваты, что мусульмане, преимущественно днем, и то при хорошей погоде.

Конечно, в Сербском Войске предпринимались какие-то шаги к усовершенствованию тактики, и к обучению отдельных подразделений для действий ночью или при плохой погоде, но в силу многих причин, в том числе и из-за отсутствия нужного числа подразделений, а главное – слаженности действий между своими бойцами, это большим успехом не увенчалось. В этом плане мусульмане были куда успешнее, хотя, конечно, они пытались решить проблему наскоком, часто просто подставляли свои недостаточно обученные и слаженные группы под огонь сербских огневых средств, в первую очередь – артиллерии. С советами же тогда лезть не хотелось, во-первых, я уже

убедился, сколь тяжело они принимались в местной среде, а во-вторых, к опыту русских (то ли «добровольцев», то ли «авантюристов», то ли «наемников») здешнее сербское командование часто относилось пренебрежительно, во многом — из-за странной местной логики. Когда военные вопросы зачем-то смешиваются с политикой и историей, тогда начинают вспоминать выигранные сербами битвы в балканских войнах и в мировой войне, забывая, правда, проигранную семидневную июньскую войну 1941 года.

Вспоминались партизанские походы Тито, и, наконец, якобы проигранный Советским Союзом Афганистан, и предательское поведение России ныне, хотя ничего это к выполнению конкретных боевых заданий отношения не имело. Так что в такой обстановке ничего предлагать не хотелось, а зря «лить воду» смысла не было.

Возвратившись тогда со Златиште, мы, конечно, вдоволь проговорили два дня, но советов наверх давать не стали, ограничившись разговором со Шкрабовым. Когда вечером, 23 января, мы все собрались поговорить о будущей акции, то много места нам не понадобилось. Несколько человек было в больницах, а кто-то занялся своими личными делами. Тогда к нам прибыло еще двое новых бойцов, которых мы поселили у нас же, один из них был совсем молодой парень из Румынии, Чезаре, а второй, Алексей из Белграда, был весьма чудноватый тип, лет тридцати пяти, из-за его характерного акцента он получил кличку «Чаво-Чаво». Если учесть, что с румыном я говорил на плохом английском, а Леша имел в ухе слуховой аппарат, то особых надежд мы на них не возлагали. Это совещание на самом деле было обычными посиделками вшестером: Саша «Каптерщик», Саша Шкрабов, Толик, Леня, Хозяин и я. Вскоре Шкрабов ушел по своим каким-то делам, но его заменил Саша Прачинский, обязательный участник всех наших посиделок.

Меня, да и других ребят, мучило тяжелое предчувствие. В акцию никто идти не хотел, а Хозяин, хоть и соглашался идти в акцию, в которую не верил, но в мусульманские траншеи идти отказался. В конце концов, мы дружно договорились, что акцию завтра не пойдем, так как все это начинало напоминать самоубийство, смысл которого не был понятен, да и никто его нам объяснять не пытался. Но несмотря ни на что, на следующее утро перед нашим домом стали урчать машины, и среди сербских голосов мы услышали Шкрабовский. Саша, войдя в квартиру, сказал: мол, пошли ребята. Сначала Толик, затем я, Леня и Хозяин начали сосредоточенно одеваться и снаряжаться. Правда, Хозяин предупредил опять, что впереди не пойдет, но Саша ответил, чтобы он не переживал, людей у нас, мол, хватает. Возможно, Хозяин был тут прав, потому что война — это не работа за станком — от психологического состояния многое зависит, и предчувствие на войне отбрасывать нельзя. Во дворе тогда, кроме пары легковых автомашин, стоял и грузовик, в котором я заметил Папича и его ребят с Београдской, а также Драгишу Никича из нашей

четы. Туда же полезли новенькие Леша и Чезаре, которых в атаку брать никто не собирался, но обстрелять их было необходимо. У Папича был доброволец из Сербии, земляк Драгиши по Неготину, которого звали Лаки, он знал румынский и мог хоть что-нибудь объяснить Чезаре. Возможно, мы сделали ошибку, не подчинив их сразу Хозяину и не оставив для прикрытия, но в той спешке было не до них.

К прикрытию мы могли тогда привлечь еще одного, только прибывшего бойца четы – Ацо Стояновича. Ацо до войны жил в Сараево и даже был членом местного комитета радикальной партии вместе с Алексичем, его женой Верой, майором Вучетичем и Славицей, работавшей сначала в узле связи батальона, а затем перешедшей на работу к Алексичу в комитет радикальной партии на Гырбовице. Ацо из-за того, что он со своими родителями с начала войны переехал в Беляну и воевал там, с местной обстановкой был плохо знаком. По приезде в чету, не имея жилья, он попросил место у нас, и я, без вопросов, предоставил ему кровать в квартире, только что освобожденной связистами и занятой мной по их протекции. Так что Ацо был в какой-то мере частью нашего отряда (хотя дружил тогда со Славеном, высоким парнем, недавно перешедшим в нашу чету из бригады ХВО «Краль Твыртко»), и он, желая попасть в акцию, согласился бы пойти с нами, хотя бы для поддержки. Но было, как было. Когда мы, часам к одиннадцати подъехали к отелю «Осьмица», погода стояла хорошая, и акцию начинать было можно.

У отеля нас уже ждало несколько десятков людей Чено, который привел с собой, по просьбе воеводы, и двоих четников, заключенных в «Кулу» из-за каких-то проблем с уголовным кодексом. Из бойцов, пришедших с Папичем, а было их, максимум, человек семь-восемь, я узнал его зама, Мишо Чолича, вышеупомянутого добровольца Лаки, еще одного моего знакомого, на этот раз по Олово, «Кики», и земляков Папича по Соколацу – «Мусу» и «Пусу». Здесь же был и комбат Ковачевич с кем-то из своего окружения, а так же еще один местный командир, Мишо Крешталица. На санитарной машине опять медсестрой была Светлана, уже имевшая опыт в оказании медицинской помощи русским добровольцам.

Пока командиры куда-то ходили, мы все стояли внутри бетонной коробки «Осьмицы». Я, Толик, Леня и Хозяин начали перешептываться, так как из всех участников штурма лишь мы не имели белых маскхалатов, а свою «Моторолу» я отдал Драгише по просьбе Шкрабова и воеводы, с которыми тот, видимо, торопился сходить посмотреть будущее место атаки. Зародилась надежда, что первыми в атаку не пойдем, поэтому мы даже несколько отошли в сторону от остальной толпы оживленно переговаривавшихся бойцов.

Когда Шкрабов с воеводой возвратились, Саша тут же разложил карту на полу и принялся объяснять план акции. Вокруг него столпились люди (даже те, кому это вообще не было нужно), и ни я, ни Толик, ни Леня, как ни старались, услышали не все. Единственное, что мы точно поняли, это слова Шкрабова о двух группах, одна из которых должна была войти первой в

траншеею, а другая, войдя на позиции противника, должна была идти верхом траншеи, развивая, видимо, успех. Никто из нас не имел ничего против того, чтобы развивать успех, но было весьма интересно, кто же пойдет в первой группе. Все вопросы разрешил Шкрабов, вручив мне РПГ, что меня несколько рассердило, и я заметил, что мы, вроде бы, не предназначались для первой группы. Саша махнул рукой, заметив, что и сам все видит, но идти надо. Выйдя по дороге к «Анжиной куче», мы стали спускаться по траншее вниз, сопровождаемые выстрелами танка, стоящего с правой стороны на пять – шесть метров выше дороги.

Я все же задержался у сербского бункера, внутри которого сидело несколько бойцов местной смены, и из-за его угла саданул гранату в видневшийся неприятельский бункер. Потом я гранатомет оставил, так как рядом с танком и стоявшим чуть дальше по дороге ЗИСом он выглядел не очень солидно и мешал бы мне бросить гранату, да и к тому же у нас были «Золи». Догоняя ребят по траншее, я увидел пару бойцов Чено, устанавливавших пулемет на чердаке Анжиной кучи. На старой нашей позиции, в конце новой сербской траншеи, уже сидели Драгиша и Лаки. Толик, Леня и Хозяин присели рядом со Шкрабовым на повороте траншеи. Как оказалось, у противника линия обороны изменилась. Он свой основной ход первой траншеи продолжил в левую сторону от нас на полтора десятка метра. Затем повернул ее по направлению в сербскую сторону еще на метров пять, так что его конец находился, может, в 15 – 20 метрах от поворота новой сербской траншеи, скрытый за каким-то невысоким кустарником, между которым неприятелем был пущен ряд колючей проволоки. Задерживаться на месте мы не стали, ибо вокруг уже все грохотало. Вслед за Шкрабовым Леня, Толик и я выползли из траншеи, оставив в ней Хозяина. Я полз по снегу и, повернув голову направо, увидел, как в метрах 100 – 150 воздух со стороны противника почертило несколько ярких вспышек, чем-то напоминавших новогодние бенгальские огни. Леня спросил, что это такое, а я не нашелся с ответом, но потом узнал, что это были ПТУРСы, с помощью которых, мусульмане накрыли сербскую противотанковую пушку ЗИС, хотя никого не убили при этом. Все вокруг отнюдь не говорило, что мусульмане начали бежать. С их стороны били из всех видов оружия, летели мины и тромбланы. Мины они посылали хорошо и у «Осьмицы» сумели накрыть сербский бункер, правда, пустой, но все же один осколок зацепил ногу Трише.

Мы пока вниманием противника были обделены, так как ползали по новому, еще неизвестному маршруту, скрываясь между неровностями местности, да и белые комбинезоны, которые нам тогда быстренько дали бойцы Чено, неплохо нас скрывали. Подползая к проволочной ограде, Шкрабов сначала швырнул гранату с нервно-паралитическим газом в сторону основного хода неприятельской траншеи, однако, большое вертикальное облако едва не двинулось на нас, и мы уже начали ругать Сашу, но тут ветер переменялся и отнес к противнику весь этот газ. Саша, не теряя времени,

большими ножницами перерезал проволоку и ветки кустарника. Путь вперед был свободен, и Саша послал Толика за второй группой, а я и Леня начали бросать ручные гранаты, целясь вдоль хода неприятельской траншеи в десятке метров от нас, пытаясь этим отсечь подход его бойцов.

Из своей траншеи его дежурная смена, видимо, сбежала, и сейчас на нас должны были пойти бойцы его интервентного формирования, благо, времени имели достаточно. То, что они уже здесь, можно было понять по разрывам ручных гранат недалеко от нас и по участвовавшей стрельбе. Пули свистели все ближе к нашим головам, и ручные гранаты падали точнее, но я и Леня не сидели, сложа руки, и посылали противнику ответные гостинцы. То, что дежурная смена противника или сбежала, или полегла при нашей огневой подготовке, сомнения не вызывало. Сейчас мы имели дело с бойцами более опытными, к тому же, осведомленными о наличии нас, русских в штурмующей группе. Я и Леня ясно слышали, как кто-то орал со стороны неприятеля на сербскохорватском языке одно выражение, «е... вам Россию», а потом или тот же голос, или какой-то другой заорал «Аллах акбар», прибавив что-то на арабском, после чего, видимо, мы должны были сбежать. Бежать мы не стали, а вдвоем с Леной швырнули голосистым ораторам по ручной гранате, после чего те замолчали. Это в какой-то мере было весело, но, в общем, становилось все опаснее. Не обрадовал нас и Толик, вернувшийся через минут десять: слегка растеянный, он сказал, что к нам на помощь идти никто не хочет. Шкрабов заматерился и пополз назад, но под конец уже вскочил на ноги и просто впрыгнул в нашу траншею. Мне и Лене он приказал смотреть за входом в неприятельскую траншею и мы, преодолев проволоку, легли у бруствера. Я лег перед открытой ячейкой этой хорошо и качественно устроенной траншеи, а Леня с ящиком гранат остался чуть правее от меня, тогда как Толик лежал на полпути между нами и сербской траншеей.

Я до сих пор не знаю, как мы тогда все не погибли. Ведь мы находились в центре своего рода подковы, практически, на открытой поляне. Поворот неприятельской траншеи шел краем роши, справа от нас; затем на протяжении двух десятков метров – открытое пространство, окаймленное, по дальней от нас стороне основного хода, неприятельской траншеей, шедшей вдоль обрыва. Даже бугры и ложбины не были особо надежным укрытием. Конечно, надо отдать должное Папичу и его бойцам, стрелявшим из пулемета и гранатомета из отеля, и пулеметному расчету из отряда Чено, бывшего с чердака Анжиной кучи, да и тем остальным, кто прикрывал нас огнем с дороги, с позиции местной четы. Благодаря их стараниям противник замедлил продвижение, а его бойцы, бросая ручные гранаты, не могли точно прицелиться: те частенько взрывались в ложбине за нашими спинами или падали слева, где нас заслонял бруствер неприятельской траншеи, а также стволы деревьев. Но все равно взрывы, порою, раздавались совсем рядом, и приходилось вжиматься изо всех сил в землю, моля Бога, чтобы тебя миновал осколок. Не только смерть была опасна, но ранение, ибо вытащить одного

раненного вдвоем было отсюда тяжело, в особенности, если бы это касалось Лени, с его ста килограммами веса. Я тогда лежал перед входом в траншею противника, сначала на самом бруствере, но так как это стало опасно, я пополз за бруствер, держа свой «Калашников» упертым в плечо. Наконец, приполз Шкрабов и с ним человек пять или шесть. Потом уже Хозяин мне говорил, что иных местных бойцов Шкрабов безуспешно пытался заставить идти вперед даже ударами ног. Он был зол и начал ругаться, почему никто не смотрит за входом в траншею.

Мне все уже надоело, в том числе и траншея, и Шкрабов, и акция, и когда тот начал орать команду «Вперед», я заругался и, перемахнув бруствер с автоматом на изготовку, оказался в траншее, присев там на корточки. Хотя в траншее был полумрак, я сразу увидел, как в мою сторону, на расстоянии метров пяти, шел высокий неприятельский боец, держа автомат на груди и зачем-то глядя себе под ноги. Скорее всего, неприятель толком не представлял, что происходит у него под носом, но я в объяснения пускаться не стал, а, не раздумывая, дал длинную очередь по этому бойцу и по тем, кто шел за ним. Я уложился в несколько секунд, что было с моей стороны весьма благоразумно. Сразу же и вверху, и внизу началась пальба и, выглянув из-за угла ячейки (куда я впрыгнул, и которая находилась с левой стороны), чтобы дать очередь из автомата, я увидел, как Йово стоит зачем-то в полный рост и строчит вдаль по траншее из автомата. Долго ему строчить не пришлось, так как раздалась пара взрывов ручных гранат, и все заволочло дымом. Что происходит, я не понимал. Вокруг слышались разрывы, очереди, раздавались крики, и я неожиданно услышал, как высоко вскрикнул Толик.

Тут надо мной из-за бруствера показалась голова Шкрабова. Тот сказал: «Держи подкрепление», и ко мне ввалился «Кики». Я и так был на взводе, и начал кричать на «Кики», чтобы тот дал мне гранату. Когда тот передавал ее, граната выпала из его рук в грязь и я, ругаясь, поднял ее, но бросать не стал, боясь остаться безоружным. Двойной мой рожок уже кончился, и я бросил его на землю, не зная, куда его сунуть, пришить в «лифчике» карман для него я забыл. Поставив новый рожок, принялся ждать. Вся траншея была в дыму, и что происходит, понять было трудно. Но неожиданно вокруг как-то стихло. В голове были разные мысли, самая оптимистическая – о том, что наши уже взяли траншею и находятся где-то впереди. В то же время оставаться в ячейке мне не улыбалось, но вылезти можно было, только подтянувшись на руках.

Не дожидаясь получения осколка, я, подтянувшись, осмотрелся. Над нами не было ни души. Снег был весь утоптан и изрядно полит кровью, но на нем, кроме чьего-то автомата, никого и ничего не было. Было ясно, что пора сматываться или, говоря военным языком, делать отход. Понятно, что ошеломленный «Кики» себя упрашивать не заставил и вылез за мной из траншеи, прихватив, по моей просьбе автомат, а затем пополз назад. В траншее нас встретил по обыкновению невозмутимый, но довольно хмурый

Хозяин. Он сообщил мне, что Шкрабов, Толик и Леня были ранены, но самостоятельно выбрались назад, и, хотя Толик и полз по снегу, оставляя кровавый след, никто ему не помог, кроме Хозяина. Все они сразу же были увезены в больницу. В траншее, кроме Хозяина, было еще несколько человек. В самом ее конце воевода, Лаки и пара мусульман из «радного вода» пытались вытащить уже мертвого Драгишу за ноги, но тот, упав там, где в прошлый раз чуть не накрыли Хозяина и прапорщика Колю, зацепился телом за куст: поэтому задача была не из легких. Драгиша, оказывается, когда увидел, что мы пошли в атаку, сам решил пойти нашим старым маршрутом. В общем-то, поступил он правильно: ударь мы с двух сторон в полную силу, где-нибудь и удалось пробить линию обороны противника, и у него началась бы паника. Драгиша подполз к тому неприятельскому бункеру, в который мы заскакивали в прошлый раз, и увидел там шестерых мертвых бойцов противника.

Едва он успел это сообщить воеводе по «Мотороле» и получить приказ возвращаться, как его накрыло очередью, и одна пуля попала в горло. Так Драгиша и пролежал минут 15 – 20, а оставшимся в траншее (мне, Хозяину и двоим бойцам Чено) надо было прикрывать Лаки и воеводу, возившихся с телом. В траншее стоял ящик с ручными гранатами, и мы стали поочередно кидать их. Тогда я был в большом напряжении, и это сказалось на моих действиях. В ящике, помимо обычных гранат М-52 с полным взрывателем, находились гранаты такие же, но с иным взрывателем. Наверху гранаты находился откручивающийся колпачок, под которым был маленький красный стержень, который следовало ударить о камень, а затем бросить гранату. Взрывы гранат стояли в моих ушах, и я боялся, что граната взорвется у меня руках. Когда закончились обычные гранаты, я взялся за эти, так что и первую, и вторую ударил о камень не сильно, и они, полетев к противнику, понятно, не разорвались. Присоединившийся к нам воевода показал мне, что их надо ударять сильнее, чтобы из взрывателей началось тихое шипение. Дело у меня пошло получше, и свои гранаты я методично и размеренно посылал по нескольким направлениям, чередуя броски с воеводой и каким-то парнем в черном берете. Но меня вывел из равновесия на этот раз один из бойцов Чено, сидевший в траншее. В то время как Хозяин стоял в полный рост и бил из автомата в сторону противника, прикрывая нас, тот боец решил заметить, что я должен посоветовать Хозяину не высовываться. Насытившись вдоволь всеми советами, я наорал на того парня, а затем сам встал и начал палить из автомата в полный рост. Тот ничего не ответил, ошеломленно посмотрев на меня. Впрочем, я сразу же успокоился, сказав ему пару ободряющих слов. Вдруг мы услышали, как со стороны неприятеля доносится чей-то высокий голос. Это уже были не воинственные крики, а скорее, какой-то плач, по-моему, женский. Противнику было уже не до войны и он, покинув свои ближайшие к нам позиции, видимо, ушел ниже. Идти вперед было можно, но некому.

Наша группа была выбита, ни я, ни Хозяин вдвоем траншею бы не взяли, да и приказов ни от кого никаких не было (как и желающих идти в

атаку). Наконец, Драгишу отцепили от кустов длинной палкой и вытащили за ноги мусульмане из радного взвода. Когда они его проносили мимо, я увидел, что его уже побелевшее лицо лишь чуть-чуть забрызгано кровью. Так как все оставшиеся пошли назад, то за ними двинулись и мы с Хозяином. Когда я увидел, что мусульмане из радного взвода медленно идут на подъеме, рискуя вызвать на нас огонь, раздраженно рывкнул на них, хотя не имел таких привычек.

Я был зол на всех вокруг и никакого желания разговаривать и видаться с кем-то не имел. Выйдя на дорогу, мы с Хозяином, не задерживаясь, шагали по ней на свою базу. Через метров триста, там, где от дороги шел небольшой поворот на «Дебелое бырдо», по нам стал стрелять снайпер, в результате чего несколько пуль пролетело над нами, но мы даже не ускорили шаг.

По дороге назад я ощутил, как по моей левой ноге течет кровь. Чтобы проверить ногу, зашел в стоящий на дороге пункт военной полиции; когда снял штаны, увидел две небольшие дырочки от шариков черной наступательной гранаты – причем один шарик выпал из раны на моих глазах. Полицейский наскоро перевязал мне ногу, и я пошел дальше, хотя уже через несколько десятков метров повязка спала с ноги. Пройдя отель «Боб», я опять свернул с дороги, на этот раз в медпункт нашего батальона, где был уже куда более качественно перевязан. Никакого медицинского подтверждения своему ранению я не просил, чем удивил местного врача, заметившего, что многие у него просили такие подтверждения по любому пустяку: видимо, поэтому спустя несколько месяцев я обнаружил в своем личном деле уверение (подтверждение, по-русски) о своем третьем ранении. В медпункте мы задерживаться не стали, хотя меня, по крайней мере, там всегда хорошо встречали. Было тревожно за наших, и эти тревоги оправдались. Пока я ходил в свою квартиру поменять спортивные штаны, запачканные кровью, да и вообще переодеться, Хозяин пошел в штаб четы. Встретившись с ним, я узнал, что в больнице умер Толик. Приехав в больницу, мы застали невеселую картину. Леня был ранен осколками гранаты в ногу, Шкрабов получил пулю в левое плечо, а Толик умер от ранения, кажется, куда-то в живот. Кроме наших, в больнице был Йово, которого посекло осколками от гранаты, и Триша, с осколком минометной мины в ноге. Оказался в больнице и Чезаре, но уже по несчастному случаю. Чезаре в бою находился в отеле «Осьмица» и я уже не знаю, как и каким образом, но он оказался в нескольких метрах позади от гранатомета Папича, когда тот производил выстрел. Поток огня и песка ударил Чезаре прямо в лицо, и когда я увидел его через пару недель в больнице Коран, зрелище было очень тяжелое. Часть его лица была обожжена, и врачи едва успели спасти ему глаз, послав, в Белград в Военно-медицинскую академию. Потом, в разговорах с Сашей и (в основном) с Леней, я успел восстановить картину боя.

Оказывается, когда я вскочил в траншею, за мной туда попрыгали Ленья и Йово. Сделали они это вовремя, потому что основной ход траншеи противника был полон вражескими бойцами (она была частично открыта), и, высунувшись из-за бруствера, они стали бить по нашим практически в упор. Наши не остались в долгу, но понятно, что долго так стрелять было нельзя. Пули летели во все стороны, и не знаю, какие потери имели там мусульмане, но у нас были ранены наверху Саша и Толик, внизу (от ручной гранаты) Йово и Ленья. Ленья успел вытолкнуть Йово наверх, но сам вылезти не смог и начал подсакивать на одной ноге и материть своих товарищей, посчитав, что его бросили. Кто-то его услышал, и чья-то рука помогла ему выбраться: он предполагал, что это был Толик.

Похороны Толика и Драгиши были назначены на 26 января. Народа собралось много, а на душе было тяжело. Отпевали их вместе в местной кладбищенской капелле, причем Толик лежал под нашим черно-желто-белым знаменем, а Драгиша – под черным четническим знаменем Новосараевского четнического отряда. Служил местный священник с Гырбовицы, протоиерей Воислав Шаркич, в просторечии звавшийся «поп Войо». Поп Войо хоть и был обычным священником, себя называл священником военным и постоянно ходил в разнообразной военной форме, которую получал по разным каналам, в том числе, от своего большого друга – воеводы. Основной обязанностью попа Войо было проведение похорон: там мы с ним и познакомились. В тот день он служил с особенным чувством, и Толик с Драгишей были похоронены со всеми воинскими почестями на кладбище Дони Миливичи. После похорон сербы поехали на поминки, а мы, русские, собрались помянуть Толика в той же квартире, где он жил. Что-то приготовили на быструю руку, где-то достали выпивку и вечером сели за стол. Выпили мы тогда хорошо, и без особых проблем. Саша Кравченко, являвшийся у нас «каптерщиком», поставил на магнитофон кассету с любимой сербской песней Толика «Джурджевдан» (День святого Георгия), слова и мелодия которой были отнюдь не веселые. Возникла проблема с 350 немецкими марками, найденными в кошельке Толика, а также с его 7,62 мм пистолетом-пулеметом «Скорпион».

Деньги никто брать не хотел под свою ответственность, и тот же Хозяин заметил, что уже не первый раз пропадают деньги погибших. В конце концов, эти деньги взял Саша Прачинский для передачи семье Толика, а «Скорпион» временно стали носить Шкрабов и я. Об акции вспоминали раздраженно, на местных были злы. Ленья же был зол почти на всех и даже на «лифчики», сшитые всеми нами, так как пуля, убившая Толика, отбилась о рожок в лифчике. Хозяин же философски заметил, что здесь о мертвых плачут три дня, а потом забывают. Очкарик, приехавший из больницы на поминки, все строил военные планы, как надо было брать Златиште, Шкрабов же зло ответил, что все равно его сожжет. Особо это никого не воодушевило. В прошедшей акции нас злило то, что мы, никем ни о чем не спрашиваемые,

оказались, грубо говоря, в ж..., нас бросили местные, и из-за этого разброда акции не получилось ни тогда, ни потом. Все воспринималось лично, люди начинали переходить границы – на уровне, кто и как себя вел, хотя, конечно, никто никого в трусости не обвинял. Что касается поминок, то, как они закончились, я уже не помню, потому что выпил порядком.

Что касается результатов акции на Златиште, то они были все же существенные. Вскоре после нее на нашу сторону перебежал один серб, бывший у мусульман в радном взводе, и сообщил нам, что тогда на Златиште погибло 45 неприятельских бойцов. Возможно, здесь было недоразумение, и речь шла об общих потерях и убитых и раненных, но и тогда мы были бы в преимуществе, ибо наши потери составляли: двое убитых и шесть раненных. Ведь в боях нападающие часто несут гораздо большие потери. Помимо этого, противник, запуганный нашей акцией, прекратил нападения на Гырбовицу и Еврейское гробле. Так что, с военной точки зрения, эту акцию бессмысленной не назовешь, и если бы был уничтожен неприятельский пулемет на «Чолиной капе», то следующая за нами группа могла бы закончить дело, тогда как свое дело мы сделали. Другой вопрос, зачем нам, с чисто человеческих позиций, нужна была эта акция, но тут по-другому поступить было нельзя. Раз человек приехал воевать, то он и должен воевать в любых, даже самых худших условиях, а для того, чтобы ходить по кафанам (кофейням) и петь военные песни, на войну ходить не надо. То, что кто-то из нас может погибнуть, было понятно и не переживать о чьей-то смерти было нельзя, но и впадать в депрессию невозможно, иначе тогда пришлось бы прекратить воевать. Все же хотелось знать смысл риска. В какой-то мере, уже то, что мы не испугались и три раза шли в атаку в одно и то же место, как какие-то фанатики, и сделали то, что должны были сделать, все же внушало определенное уважение к себе.

Нам стыдиться было нечего. Возвращаясь к теме о профессионалах и непрофессионалах, о роли военной дисциплины, можно утверждать, что поступали мы и дисциплинированно, и профессионально.

[...]

Как-то раз я, Леня и Шкрабов пошли на кладбище. Дело было ночью, и мы изрядно постреляли в воздух, а затем продолжили это делать по дороге назад. Так, как патроны у нас заканчивались, я и Шкрабов зашли в пункт милиции на перекрестке Враца и стали требовать патроны. Напились мы тогда хорошо, и после оживленных разговоров Леня, как всегда, начал браться с милицией. Для него это знаменовалось дружескими объятиями. Мы получили необходимое и зашли в дом, где в прошлый раз мы с Толиком пили кофе, и ему предсказали ровную линию жизни. Саша, по обыкновению, философствовал о роли гадания, но постепенно нам все это начало надоедать, и мы пошли по дороге, изредка постреливая в воздух. Я хорошо запомнил, как Саша, неожиданно поскользнувшись на могиле Толика, воспринял это как укор

от покойного, и было видно, что он на грани срыва. Я и Леня успокаивали его, как могли, заметив, что он мог оказаться на месте Толика. Тут уж ничего нельзя было изменить, на войне приходится привыкать к смерти, хотя она даром не проходит для психики.

Вскоре у нас случились еще одни похороны, на этот раз только что приехавшего парня. Где-то конце января к нам на базу привезли двоих новых добровольцев из России Ивана и Сашу. Прибыли те довольно необычным образом. Раньше они жили в Болгарии, где у Саши, бывшего курсанта военного училища, была какая-то своя фирма. В Белград они приехали к нашему с Сашей знакомому по «Метрополю», львовскому Василию, по каким-то своим делам. Василий, решивший почему-то, что мы в Сараево, как сыр в масле катаемся, отправил ребят к нам, заманив их красочными обещаниями. По прибытии они увидели суровую реальность, но Саша уезжать не захотел, а с ним остался и Иван. Когда воевода спросил Сашу, сколько тот собирается оставаться, последний почему-то ответил: «пока не убьют». И оказался, как ни странно, прав, погибнув от неприятельской пули недалеко от штаба четы всего через пару недель после приезда.

Приехал тогда в нашу чету еще один иностранный доброволец, но уже из Японии. Сначала он попал в наш русский отряд, а из вещей привез пару кроссовок и пакет с яблоками. Тысячу долларов у него успешно стянули его сербские «боевые товарищи», когда он еще временно пребывал в сербской Добрыне. Так что я попросил оставить его кроссовки в нашей каптерке, а яблоки он понес в подарок воеводе. Поместили мы его в одной из своих комнат. По-английски, частично с помощью Славена, частично собственными усилиями, я объяснился с ним, поняв, что зовут его Йон и его родители корейского происхождения, а в Японии он работал в корпорации «Сони». О причинах своего приезда он говорил туманно, упирая, в основном на то, что мусульмане по целому миру создают проблемы. Парень он был тихий, но надо заметить, сообразительный, так что через полгода он вовсю говорил по-сербски. Но первым учителем сербского у него стал Борис, объяснивший ему на ломаном английском, что добрый день по-сербски будет «е. . . те», по-русски «е. . . тебя» и посоветовал ему сразу же так приветствовать воеводу. Тот сначала ничего не понял, а потом, сообразив, в чем дело, начал смеяться. Не остался в стороне и Шкрабов: по своему обыкновению, полушутя, полусерьезно, стал доказывать нам, что японец шпион, и я, вслед за ним, объяснял японцу, что в Боснии и Герцеговине действует целый корпус русских добровольцев, а мы — часть одной дивизии. Кстати, потом эта тема мне понравилась, и я стал в следующий раз «втирать» ее одному китайскому журналисту, встреченному мной в ресторане на Яхорине. Правда, свел численность нашей сараевской русской добровольческой дивизии до 500 человек — бывших десантников, офицеров Советской армии и агентов КГБ, распределенных по сербскому Сараево и ждущих сигнала для заброски в мусульманскую часть города. Шкрабов же продолжил разрабатывать тему

японского шпиона, правда, распространяя информацию, в основном, в среде русских добровольцев, которых шпионы мало интересовали.

Раз, когда на Еврейскую гроблю приехал один японский журналист и, естественно, стал говорить со своим земляком, Шкрабов прокомментировал: вот, мол, приехал связник. Когда же тот журналист подошел к куче мусора, которого полно было вокруг, и стал эту кучу пинать ногой (здесь ранее крутился наш японец), последовал новый комментарий Саши: мол, «связник» ищет микрофильмы.

Все эти шутки вреда японцу не принесли, да и он их все равно не понимал. Но тут к нам в отряд возвратился Очкарик, который несколько раз «атаковал» японца, правда, на словах. В общем, от Очкарика такого приходилось ожидать, я не знаю никого, кроме Лени, кто с ним бы не поссорился. Даже в Касиндольской больнице он умудрился пострелять из автомата по потолку. Но к нему мы уже привыкли, а сербам все это было вновь, и они решили, что русские преследуют японца. Воевода тогда Йона переселил в другую квартиру, уже над самой столовой, и тот лишь ходил на дежурство в Босут, и первое время даже без оружия. Со временем японец освоился, подружился со многими, а особенно его любила местная детвора, с которой он катался зимой на санках. В конце 1994 года японец был ранен на Игмане во время неприятельского наступления и, пробыв год в Сараево, уехал, наконец, в свой родной Кобе, в котором через десяток дней после его отъезда случилось землетрясение.

Новые люди появились и среди сербов. В феврале в отеле «Боб» поселилась какая-то новая интервентная группа из десяти человек, добровольцев, кажется, из Сербии. Они свои действия начали с того, что взгромодили сербский флаг на опору электропередач, стоявшую на «Дебелом бырдо», пройдя маршрутом Митара и Шкрабова, то ли ночью, то ли в тумане. Это было, конечно, относительно храбро, но я, честно говоря, этого бы делать не стал, так как был не сербом, а русским, и завоевывать для России «Дебелое бырдо» не собирался, а о том, где кончаются позиции нашего батальона и начинаются позиции противника, я и так знал. Но и мы не остались без акции, была она хоть и небольшая, но все же организованная силами только нашими и получилась достаточно неплохой. Все случилось неожиданно. Как-то вечером я сидел в одной из наших квартир и осматривал наш РПГ-7. Тут же в комнате сидел Леня, с которым мы вели разговоры на самые разнообразные темы. В это время в квартиру вошел один местный боец Ненад Чечар, на котором следует остановиться особо. До войны Ненад был учителем истории, и его дом находился в пятидесяти метрах от штаба четы, как раз на злополучном перекрестке улиц Охридской и Требевичкой. С начала войны Ненад вступил в местную группу территориальной обороны, а затем, вместе с ней, был включен в чету, командиром которой был назначен Алексич. В одном из боев, еще в 1992 году, Ненад потерял ногу, наступив на мину в этом же районе. Тем не менее, уже к моему приезду Ненад опять был в строю, неся дежурство в

Рашидовом рву, и, хотя своих жену и детей отправил в соседнее село Петровичи, сам район Еврейского гробля покидать не собирался. Конечно, Ненад не был большим любителем войны и, понятно, предпочел бы заниматься куда более мирными делами, благо, человек он был грамотный, но, видимо, у него были какие-то свои принципы, которые он не захотел нарушать. С самого приезда первых русских добровольцев, Ненад нередко приглашал многих из нас к себе домой, где его мать всегда готовила кофе и при возможности старалась угостить чем-нибудь еще. Так, что для меня Ненад был хорошим человеком, и когда я узнал, что он в середине 1995 года погиб на своем посту у Рашидова рва от взрыва неприятельской гранаты в паре сотнях метров от своего дома, мне было действительно его жаль.

В тот раз Ненад, зайдя сначала в штаб четы, сообщил, что со стороны противника доносится какой-то непонятный шум, а так как там к Ненаду особо никто не прислушался, он и пошел к нам: мы, по его выражению, были интервентным взводом. Я себя уговаривать не заставил, как и ломаться и морщить лоб, по местному обычаю. К тому времени от акции в Златиште я уже отошел, и мне становилось скучно, как в болоте, так что просьбу Ненада я с удовольствием решил выполнить, а к тому же надо было проверить новые гранаты и заряды РПГ-7, полученные нами от Пандуревича, зама нашего комбата по безопасности. Узнав о моем решении, загорелся и Леня, ставший в войну большим любителем стрельбы тромблонами, и как раз в этот вечер мастеривший бутылку с какой-то зажигательной смесью, остатки которой были им найдены в складе четы. Эта бутылка должна была, по Лениной идее, быть привязана на кумулятивный тромблон, чтобы что-нибудь поджечь у противника. Мы начали по-хозяйски собираться. Я принес из каптерки четыре гранаты к РПГ-7, а Леня десяток тромблонов. Привлеченные нашей возней, из соседнего дома к нам пришли Саша и Иван, которым не терпелось повоевать, и они сразу же были приняты в нашу группу, тем более что носить гранаты мне одному было тяжело. У меня тогда зародилось желание организовать акцию, по хоть каким-то правилам, заодно сплотив отряд, и потому в группу были привлечены Валера и Борис, крутившиеся тогда без дела возле дома. Им был поручен один из двух 82-х мм минометов, стоявших у нашего дома. Пошел с нами в группе и Леша «Чаво-Чаво», которого так же, как и Ивана с Сашей, надо было обстрелять в относительно безопасном бою. Ацо Стоянович и я, подумав, решили назначить его корректировщиком минометного огня, дав ему одну «Моторолу», а себе оставил вторую. Я быстро составил план действий, не содержащий ничего особо сложного, и поэтому легкий в исполнении даже новичками. Наши роли были распределены так: Ацо Стоянович забирается на чердак двухэтажного дома, соседнего с Рашидовым рвом, и отмечает с началом стрельбы, откуда у противника идет самое большое количество вспышек огня: ночью это хорошо видно. Действовать же первым начал бы я из своего гранатомета, накрывая как неприятельский дом напротив Рашидова рва (наверху которого был наблюдательный пункт, а внизу бункер), так и другие,

подозрительные для Ненада места. В это время новички – Саша, Леша и Иван – прикрывали бы меня огнем вместе с дежурной сменой Рашидова рва: наши ребята стреляли бы из второго свободного бункера этого рва. Леонид должен был вступить в действие после моей первой гранаты, посылая тромблоны в противника. Как только у нас закончились бы гранаты и тромблоны, мы должны были сразу же уйти на базу. А в это время в дело вступает наш миномет, наведенный в нужном направлении Валерой, в распоряжении которого были четыре мины из нашей каптерки. Эти мины нашли в одной из акций среди вещей, забытых по привычке сербами. Первую мину он всадил бы в центр неприятельских позиций, а остальные с помощью Бориса послал бы по корректировке Ацо. По нашим данным, к тому времени противнику должно было подойти подкрепление и мины бы вовремя его накрыли.

Только мы все обсудили и тронулись в путь, как неизвестно откуда появился Саша Шкрабов – может быть случайно, а возможно по вызову кого-то из штаба четы. Он, видимо, не очень восторженно отнесся к предстоящей стрельбе. Саша, не раздумывая, присоединился к нам, прихватив с собой несколько тромблонов, причем два кумулятивных он облепил пластичной взрывчаткой, обмотав изолентой. Взял с собой и осветительный тромблон, чтобы облегчить на последнем этапе работу Ацо. У Лени тоже были тромблоны, которыми он должен был стрелять с Рашидова рва, где находился и я с гранатами. Саша, чтобы не создавать толчеи, ушел влево от нас на правый фланг позиций четы Станича, откуда бы он мог вести огонь из тромблонов по склону «Дебелого бырдо».

В общем, часов в 11 ночи мы вышли на позиции и стали готовиться к бою. Я еще только заряжал гранатомет, как со стороны Шкрабова раздался выстрел, и через пару секунд его тромблон взорвался в стороне противника. Я и Леня ругнулись, так как договор нарушался с самого начала. Все же это дела не изменило, и я, выскочив из-за укрытия, первым выстрелом попал в чердак дома, занятого неприятелем, от чего крыша разлетелась в разные стороны: черепица и доски сверкали в огне взрыва. Следующие гранаты я посылаю ниже, так как бойцы противника стали уже, вероятно, готовиться к обороне. В действие вступил и Леонид. Правда, его зажигательный тромблон не сработал, видимо, зажигательная смесь была плоха, но сами тромблоны ложились хорошо. В то же время остальные ребята и дежурная смена прикрывали нас стрелковым огнем и тут у них началась дурацкая ссора. Поругались Ненад и Иван из-за того, что Иван решил пострелять с бедра, что, конечно, не было разумно, но дело особо не меняло. Все же Ненад решил посмеяться над ним, называя «Рэмбо». Тому это, конечно, не понравилось, и вспыхнула перепалка. В горячке боя я раздраженно крикнул, чтобы они прекратили этот галдеж; тут я забыл надеть наушники, и последнюю гранату пустил без них. А так как даже не открывал рот, как это делали иные наши бойцы, то в ушах у меня зазвенело. Леонид еще вел огонь, я решил его подождать у укрытия Рашидова рва. Противник к тому времени очухался. Правда, бил он, в основном, со склона

«Дебелого бырдо», но и его тромблону летели в нас, и парочка их разорвалась на крыше дома рядом с Рашидовым рвом, а нам на голову посыпались осколки черепицы и каменная крошка. Было видно, что пора уходить, если не хочешь раненых. Леня быстро послал последний тромблон, и мы с Иваном и Сашей побежали на базу, тогда как Леша почему-то оставался в крытом бункере, но это было уже его дело. Главное, он не был на открытом месте. Прибежав на базу, я связался по «Мотороле» с Ацо и дал команду на пуск первой мины. Через пару секунд Ацо дал поправку на 50 метров в сторону, куда и полетела вторая мина, следующая поправка – и третья мина. Вдруг все осветилось горящим в небе осветительным тромблоном. Мы, забыв о Саше, подумали, что это сделал противник: возможно, запустил тромблон сверху «Дебелого бырдо», где опять выкопал какое-нибудь укрытие. На своей шкуре проверять это не хотелось. Поэтому мы вчетвером бросились в гараж. Затем я узнал по «Мотороле», что тромблон Сашин, и Валера, хохотнув (ну, мол, осветил!), опять взялся за миномет и послал последнюю мину. Затем все мы разошлись по домам, включая Лешу, о котором вдруг забеспокоился Иван. Противник начал пускать уже свои мины, а с ним вести борьбу было уже не чем.

На этом наша акция закончилась, и можно было подвести итоги. Мы потерь не понесли, никто из местных жителей не пострадал (мы их предупредили о будущей акции, чтобы не выходили из домов). Единственный ущерб понес отец одного из наших командиров взвода, которого все звали Фриле. Точнее, ущерб понес не отец Фриле, а его дом, которому неприятельская мина разворотила крышу, и поэтому он был весьма недоволен русскими. Меня же чья-то крыша мало волновала, главное, мы противнику дали «прикурить», и он в дальнейшем опять притих. Наш престиж тоже вырос, и Ненад часто потом говорил о том, как я хорошо стреляю из гранатомета, хотя ничего необычного я не сделал, просто с РПГ-7 ночью куда легче стрелять, чем из югославского М-57. Главное, мы действовали быстро и слаженно. Большую роль сыграл наш минометный огонь, который вели по корректировке и по конкретным, а не площадным, целям. Минометы ведь отнюдь не простое оружие, каким его многие видели. Работа с ним требовала многих знаний и умений, в том числе – по топографии и вычислениям.

В нашей же войне нередко многое забывалось: например, в минометчики порою шли люди, не особо желающие принимать участие в акциях. Те же батареи 120 мм минометов были нередко неплохим местом отдыха. Артиллерийских дуэлей на этой войне почти не было, и позиции, находящиеся в 2-3 километрах от линии фронта, менялись редко. В нашей бригаде, насколько я помню, 120 мм минометы стояли в одном месте Луковицы, звавшимся Перляво бырдо и, понятно, что и укрытия, и определенный комфорт здесь был. То же относится и к другим бригадам. Это не значит, что минометчики трудились мало и не рисковали. Было всякое, но суть в том, что общий профессиональный уровень минометчиков был низок и еще хорошо, что сохранилось определенное число опытных вычислителей,

дававших уже готовые данные для прицелов в соответствии с запросами с позиций. С бригадными минометчиками дело еще шло неплохо. А вот с батальонными, тем более – в четном звене, дело было хуже. Один случай халатности при стрельбе из миномета произошел в Касиндольском батальоне. Их минометчики не закрыли ствол миномета от дождя, а потом решили из него стрелнуть. Из миномета, в котором плещется вода, мина далеко не улетит, и на это раз она улетела на несколько десятков метров вперед, попав на сербские же позиции и раздробив одному сербскому бойцу две ноги. О профессиональном уровне не проходило тут и говорить. Я помню, как один мой сербский товарищ, в общем, хорошо и долго воевавший, навел прицел, сверяясь не по таблице, а на глазок. Сделав это, он сразу успокоился, даже не выровняв прицел, оставил этот миномет стоять в том же положении, как и стоял. Мы же не только не допускали таких ошибок, но и обеспечивали эффективную работу миномету, и это было нашей общей заслугой.

Все же на следующее утро один из сербов, дежуривших в Босуте той ночью, несколько смутил меня, сказав, что все, вроде бы, было хорошо, вот только или одну, или две мины мы положили близко к Босуту, то есть, между нашими и неприятельскими позициями. Я спросил об этом Ацо, но тот клялся, что все разрывы легли на неприятельской стороне. И тут мы вспомнили о Шкрабовских тромблонах с пластикой. Они были куда тяжелее и, следовательно, имели меньшую дальность полета, тогда как склон «Дебелого бырдо» от позиции четы Станича отделяло 100 – 150 метров. Их такие тромблоны могли не преодолеть, а к тому же дул ветер со стороны противника, сбивший осветительный тромблон, и этот ветер также сбивал с курса и обычные тромблоны. Для меня прошедшая акция запомнилась и по стоявшему несколько дней звону в ушах: напоминание об опасности всяких склок в бою.

Глава 8. Перемирие в зоне Сараево

Март месяц 1993 года мы провели в почти полном бездействии, без всяких боевых акций. Бессмысленность нашего нахождения здесь стала все более и более вырисовываться, и создалось впечатление, что о нас забыли. Для каждого из нас это было далеко не духовно-абстрактное понятие, а материальное, касающееся наших желудков, которые постоянно требовали еды. Отряд наш в то время обеспечивался продуктами питания по инициативе нескольких российских офицеров и солдат «русбата-2», с которыми у нас сложились более доверительные и близкие отношения, чем с нашими сербскими боевыми товарищами. Конечно, некоторые из нас составляли исключение: так Саша Шкрабов, который стал большим другом воеводы, Миши Чолича, Папича, и поэтому был их главным связным с командованием миротворцев, но опять-таки больше по экономическим вопросам. Однако остальные наши ребята не стремились устанавливать приятельских отношений

с местными. Помимо меня, исключением был Саша Прачинский, получивший кличку «Нафаня», так как он хорошо владел сербским языком и любил поговорить с местными жителями. Он единственный среди русских добровольцев стал большим знатоком местных обычаев, нравов и порядков, что, в прочем, ему не обеспечило особо крепких связей среди сербов. Такая крепость связей здесь вообще была мало распространена.

Затрудняюсь в определении окружающей обстановки, но ее можно было определить коротко: военная анархия.

Я помню, как еще Крендель удивился, что нет никакой помощи от местных властей: в Приднестровье он помнил обильные столы, организованные для добровольцев. В какой-то мере понять местных было можно, ведь средств не хватало, но все это не способствовало укреплению сербско-русской дружбы, да и не настолько были правдивы жалобы о недостатке средств. Мои друзья из «Красного креста» Милена и Миленко периодически давали мне один-два пакета, содержимым которого я делился с остальными, причем некоторые ребята посчитали это нормой для нашего отряда. Получали мы и гуманитарную помощь из местного «Красного креста» в размере 2-3 литров растительного масла, 5-10 кг муки, 2-3 банок консервов один раз в месяц. Находясь вдалеке от местного населения, ребята не могли часто попадать и на местные застолья. Я был определенным исключением, жил я в то время у покойного Аркана, и обо мне заботились его соседи, Велько и Коса. Это была пожилая супружеская пара, сын и дочь, которых уехали за границу. У Косы была сестра, Новка, чья дочь погибла в начале войны на дороге через Златиште от огня неприятельского снайпера, сын же ее Момир находился в составе четы на Београдской, где был ранен в руку. Познакомился я с этими людьми благодаря Аркану, но в последствии пользовался у них уважением и был окружен вниманием. Однажды с собой я привел Сашу Кравченко и Сашу Прачинского.

Следующий визит Прачинский решил сделать самостоятельно: тогда он попытался разобрать пистолет Велько и пальнул в потолок. Обычно мы обходились без стрельбы. Наши ребята, крутясь по окрестностям, изредка все же попадали на местные застолья. Я иногда получал гостинцы прямо на дом. Местная хозяйка Дивчич однажды передала мне через свою дочь Елену местный деликатес, «питу», что-то вроде русского слоеного пирога. Я, конечно, вполне мог бы справиться с ним один, но мои товарищи всегда стояли начеку, защищая меня от излишнего переедания. Да, жаловаться-то было – грех. Мы и ели, и пили, причем особенно налегая на выпивку после приезда российских миротворцев.

Наш отряд постоянно стал обновляться, первое пополнение прибыло в конце февраля в количестве трех пьяных добровольцев, привезенных к нам военной полицией из-под Прачи. Первого звали Сашей, и он был лейтенант и брат покойного командира 2-го РДО из Прачи, Трофимова. Второго звали Калин, который был болгарским добровольцем. Третий,

бородатый тип, назывался Димой, прибыл он из Нижнего Новгорода и был дьяконом Зарубежной православной церкви, одновременно являясь хорошим гранатометчиком, хорошо зарекомендовавший себя где-то в Книнской Краине. Специальность гранатометчика не была для нас редкостью, потому прозвали мы его «Дьяк». Приезд этой тройки как будто открыл дорогу для следующего пополнения. За ними приехала новая тройка: двое друзей из Читы Андрей и Юра, крепкие, способные ребята, и Андрей, успевший повоевать в составе абхазской армии против грузинских войск, а также Володя Бабушкин из Питера, спортивный тип, бывший член ЛДПР, получивший кличку «Жириновский». Наконец, к нам вернулся и Николай Петриков, который приехал из Белграда после ранения, правда, состояние его оставляло желать лучшего. Он тут же всех удивил, когда сразу же начал планировать какую-то непонятную акцию, суть которой заключалась в том, что мы должны были непонятно зачем залезть на крышу пятиэтажного красного здания на улице Мишки Йовановича, к тому времени уже окончательно поделенного между сербами и мусульманами. Для приличия я кивал головой, чтобы приободрить новичков, не знавших сколь стремительны здесь происходившие события. Конечно, никто бы из сербских командиров никогда бы не согласился на какую-то акцию в этом районе. Шкрабова же раздражали планы Николая: не без основания он видел в них покушение на свой командирский авторитет.

[...]

Отсутствовала организация, снабжение, не было отбора. Многие люди, отправляемые на войну во имя идеалов, разочаровывались, попав в среду полную унижения и обмана от своих же боевых товарищей. Существовали и боевые отряды с хорошей организацией, но в них всегда были влиятельны и весомы органы правопорядка. То, что приходилось наблюдать мне, было устроено невыразимо плохо.

Возможно, я испытывал к добровольцам, приехавшим к Алексичу зимой 1994 года предубеждение, потому что мы к тому времени были уже известной группой, а вновь приехавшие были настроены слишком самоуверенно. Зависти к чужой славе у нас не было, и основания для неприятия сербских добровольцев мы имели больше, чем они имели бы к нам.

Само их появление поразило нас, так как в первое же утро, еще не получив оружия, несколько их зашло к нам с расспросами о местах, где можно купить ракию. Среди них было два венгра, позднее появился один албанец, и хотя большинство из них участвовало и раньше в боевых действиях, мы предпочитали больших контактов с такими добровольцами не иметь, так как они производили впечатление людей весьма ограниченных, поверхностных и сомнительных. Единственный, с кем они сошлись очень близко, был Крендель, позднее ставший спать в их доме, только через него я узнавал о положении дел у них. Вначале добровольцев приехало 30-40 человек, но за месяц уехали многие, и группа стабилизировалась на числе 10-15 человек. Они продержались до лета 1995 года, до конфликта их рыжебородого командира

Йово, нашего старого знакомого, с воеводой. Но вначале его дружба с воеводой была крепкой, и поэтому наш 3-й РДО в январе 1995 года окончательно перестал существовать, а русские добровольцы стали командованием направляться в разведывательно-диверсионный отряд нашего корпуса «Белые волки», чья база была на Яхорине. Эта группа Йово стала играть роль интервентного взвода воеводы. Однако результативности той, которая была у нашего 3-го РДО, отряд Йовы так и не достиг: это признавали и местные сербы. Разумеется, и у них были хорошие бойцы: одного, коротко остриженного парня из Нового Сада, ребята отметили, когда 7 июня 1994 года под горой Мошевичко Бырдо погиб Саша Шкрабов. В 1995 году эти сербские добровольцы под командованием Чубы даже смогли занять несколько неприятельских бункеров, потеряв несколько человек ранеными, и тогда погиб местный серб Мочевич по прозвищу «Профессор».

Но все же они имели и меньше военных знаний, военного духа, нежели мы, а главное – у них была другая психология и другой стиль командования. Со стороны они производили впечатление не особо приятное. Было много и общего между нами, так как и у них наблюдалось различие характеров и нравов. В их состав даже позднее вошел японец и болгарин, который, правда, быстро исчез, так и не получив обещанных 1000 долларов в Болгарии и трофеев за взятие Сараево. У них была даже одна женщина по имени Лиля, неплохой человек, потерявшая на войне своего сына.

Существование двух интервентных отрядов в одной чете было невозможно, это вызвало немало конфликтов, проходивших, правда, без стрельбы и драк. Мы к этим ссорам не стремились, хотя несколько вспышек с нашей стороны было, да и держались мы в рамках приличия. Зная, что мы, в крайнем случае, применим и оружие, некоторые местные жители намерено наталкивали на конфликты с нами сербских добровольцев, боясь против нас выступить открыто.

Иногда все доходило до абсурда: все они получали от воеводы эмблему диверсантского взвода «Саша Рус» (то есть с Сашей Шкрабовым), а для нас, провоевавших с Сашей все время, даже таких эмблем не нашлось. Впрочем, куда больше конфликтов эти добровольцы имели с местными, которые выходцев из Воеводины считали недалекими и ограниченными, относились к ним весьма иронично. Добровольцев это раздражало, хотя они обязаны были считаться с местными сербами. Отразились на их авторитете и непродуманные и половинчатые действия их командира, да и поведение кое-кого вызывало часто презрение.

Однажды двое или трое из них, заняв небольшую квартиру на Гырбовице, стали едва ли не ежедневно посещать соседнюю квартиру, где жили пожилые хорваты, в итоге там стали вести себя как хозяева. Возможно, эта история прошла бы незамеченной, но эти хорваты оказались родственниками жены взрывника нашей четы Любо и тот, порою, впадавший в ярость от какой-то мелочи, просто вышел из себя. До сих пор удивляюсь, как

те добровольцы остались живые после его кулаков. Разумеется, если бы сербские добровольцы вошли в какой-то организованный отряд, то от этого бы выиграли и они, да и повысилась бы, хоть немного, боевая эффективность, и уменьшилось бы количество выпитого ими алкоголя. Между нами больших личных проблем не было, и я в последнее время установил неплохие отношения с одним из их бойцов, длинноволосым, бородатым пулеметчиком Сречко, в последствии женившимся на сербке из Гырбовице, по имени Милка. К сожалению где-то в августе 1995 года Сречко погиб во время боев с неприятелем под Тырново, оставив сиротой своего новорожденного ребенка.

Объединение наших отрядов так и не произошло, и все пошло своим чередом. Наш же отряд серьезно потряс один случай, о котором, к счастью, мы с Леней узнали только в Белграде, откуда собирались уезжать по домам.

Все началось с женщины по имени Женя, которая появилась в нашем отряде со своим ребенком. Я ее увидел уже тогда, когда у меня было уже «чемоданное» настроение. Отправив Леню в Белград с грузовиком, везшим гроб покойного Драгиша Никича в его родной Неготин, я даже перестал носить форму. Приезд Жени поэтому я не смог воспринять так, как полагается, хотя к женщинам на войне я относился с большим предубеждением. И дело здесь не в том, лучше или хуже она стреляет, чем мужчина. Война – это не тир, на войне не только стреляешь, но и прячешься от пуль, и думать надо головой, а не сердцем. Но даже не в этих способностях дело, а в том, что война – дело коллективное; и вот женщина нередко разъедает мужской коллектив подобно серной кислоте, особенно, если вмешивается в его дела как равный член этого коллектива. Война – дело жестокое, а женщины меньше мужчин понимают это. Конечно, ни одна война не обходится без женщин. Первых сербских «валькирий» я увидел сразу по своему приезду в Вышеград еще в марте 1993 года. Они были добровольцами из Сербии и Черногории при штабах и батальонах. В акциях я никогда не видел ни одной женщины, за исключением одной сербки из отряда Папича под Тырново, но как она воевала – не узнавал.

В основном же женщины были связистками, медсестрами, поварами и прочей тыловой обслугой, впрочем, встретил я одного стрелка – Наташу из Сараево, бывшую несколько месяцев на позициях. Пришлось мне слышать о какой-то русской в начале войны, бывшей стрелком Прачи. Дрена, женщина лет сорока, с двумя детьми, так же вместе с мужем несла дежурства на позициях четы Станича, и было несколько молодых девушек на позициях на Гырбовице. Двоих из них, Снежану и Елену, я даже знал. Но все эти женщины были исключением, подтверждающим правило. Женщины на фронте, куда чаще приносили вред, который далеко превосходил всеми приносимую пользу.

Упомянутая Женя является подтверждением моих теоретических выводов, хотя она ничего сама не решала в последующей суматохе. Женя приехала в Сараево совсем не воевать, а решать свои личные проблемы. Я

помнил эту женщину. В Прагу ее привозил Андрей, но сейчас она ехала в Прагу к Саше Прачинскому, чтобы тот ей сделал, точнее «подчистил» какие-то документы. Прачинский уже к этому времени перекочевал к нам, и она вместе со своим пятилетним сыном Димкой появилась на нашей базе. Что с ней делать, я толком не знал, тем более, следом за ней появился Андрей, с которым она поссорилась, и он решил свести с ней счеты. Во избежание серьезных последствий сведения счетов в боевых условиях, я ее поселил у себя в одной из комнат, что, как оказалось, сделал напрасно. В первую или вторую ночь мое спокойствие было нарушено. Сначала меня разбудил Андрей, все порывающийся выяснить отношения с Женей. Затем прапорщик миротворцев «Старый», который после возлияний в компании миротворцев и добровольцев на совместной пирушке, пожелал познакомиться с моей новой квартиранткой, для чего принес свои доллары. В довершение ночных приключений ко мне пришел абсолютно пьяный Николай с ручной гранатой в руке и, расположившись на диване, начал глубокие философские рассуждения. Это уже меня так разъярило, что я пошел к Андрею и попросил, чтобы тот забрал Николая. Андрей согласился и вместе с Юрой и Андреем, которые тоже ночевали в моем доме, вывели Колю в другую пустую квартиру, где, видимо, и произошло разминирование последнего. Этот бедлам мне так надоел, что я поторопился перебраться в квартиру покойного Аркана, подальше от всех интриг. Как всегда, не обошлось без пары драк, к которым, правда, Женя отношения не имела. Я же перед отъездом, разрисовав вместе с остальными ребятами одну из комнат надписями всевозможного содержания, отправился в Белград. Там из телефонного разговора с Сашей я узнал о ЧП, которым закончились любовные аферы. Андрей после одной из выпивок начал ссору, причину которой я не понял, и, выйдя на улицу, дал очередь по выходившему Юре. Скорее всего, эти пули предназначались кому-то другому, но Юра ни за что получил ранение. Сербское же командование не поленилось указать в его свидетельстве, что он ранен русским добровольцем. А за подобные ранения боевых свидетельств не давали. Андрей же, не дожидаясь последствий, двинулся через «Дебелое Бырдо», на пост французских миротворцев, и, пройдя без проблем минное поле, сдался им в плен, попросившись, чтобы его направили в иностранный легион. Те, естественно, в легион его не направили, но и мусульманам не отдали, а отправили несостоявшегося легионера в Загреб, откуда он стараниями российского посольства был направлен в Москву. В Загребе Андрей дал интервью местному собкору ИТАР-ТАСС, Андрею Нерсисяну, столь рьяному защитнику хорватов, что его можно было счесть крестником Папы Римского и приемным сыном Франьо Туджмана.

Отправившись в Россию в надежде получить поддержку для нашего русского добровольческого движения, я был разочарован. Во время трехмесячного пребывания в Москве я наслушался всякого бреда. Не получив поддержки ни от кого, я не мог набирать людей для войны, ибо располагал слишком скудными возможностями, да и что я мог им предложить? Скудный паек из смеси, напоминающей соединение первого и второго, порой изрядно разбавленной водой, проживание в мусульманских квартирах, набитых до отказа, боевую деятельность без четких целей и организаций, и, наконец, непонятное правовое положение. Мне было стыдно предлагать это тем, кто имел желание воевать в Югославии. Да и не хотел я брать на себя личной ответственности за последствия. Все это должно быть толково организовано государством. А ехать на войну хотели люди, готовые пожертвовать своим положением, работой, семьей. Встречались среди них, правда, небольшое число добровольцев, которые сразу начинали требовать плату, причем не меньше двух тысяч долларов, не имея ни знаний, ни опыта.

В общем же, желающие воевать в основной массе выглядели вполне прилично на фоне тех ребят, которые заполонили всю московскую политику, как официальную, так и оппозиционную. Соответственно, к тому времени у меня был уже двухлетний опыт нахождения в добровольческих соединениях, поэтому моя голова не была забита предрассудками, что войны всех времен и народов должны вестись только по уставу Советской Армии. У меня так же была неплохая теоретическая подготовка по военному искусству и военной истории, поэтому истинную силу добровольческих соединений я представлял неплохо.

Мои выводы подтверждала и жизнь. С военной точки зрения русские добровольческие отряды даже при всех своих организационных недостатках к началу 1994 года себя вполне оправдали. Все, кто приехал воевать, были людьми, подготовленными к войне, и в первые месяцы проявляли себя в полной силе, довольно успешно и профессионально. Именно такими действиями они могли зарабатывать себе престиж в местной среде не только для себя, но и для России, хотя многие о столь высоких материях задумывались намного меньше, чем многие официальные представители из числа журналистов, дипломатов и военных. Я же тогда еще слушал поборников интересов России, да и как им не поверишь?! Когда среди них были известные генералы, которые призывали «патриотов России» на помощь сербам. Я верил и надеялся, что все это будет развиваться и добровольцы – единственное оружие России, – действительно пойдут потоком в сербские войска. Ведь Запад именно добровольцев боялся, так как война в Югославии приобретала бы мировой характер. Широкое участие русских добровольцев в югославской войне на сербской стороне стало бы восприниматься как югославской стороной, так и большей частью бывшего СССР с личных позиций.

На деле же все развивалось в типичном бюрократическом направлении. Добровольцами никто не занимался, но их имена нещадно эксплуатировались. Одни их поддерживали, другие обвиняли. Порою разрабатывались планы переселения русских из Прибалтики в Боснию и Герцеговину. Самый фантастичный план я услышал от известного Комшилова, почему-то, по его словам, оказавшегося сербским генералом по представлению Караджича, хотя местные сербские командиры не могли получить подобного звания, не говоря о человеке, который пробыл в Вышеграде один месяц. Так он заявил, что существует Балканский корпус, в состав которого входят тысячи казаков, которые с нетерпением ждут отправки на фронт.

Только им, как заявил еще один «белый» генерал Гора, не хватало малого – комплексов ПВО, которыми их, почему-то должно было снабдить российское правительство. Этот корпус был готов к «популярным» разведывательно–диверсионным действиям, так как его подготовкой занимался какой-то известный мне «специальный» сербский генерал, большой специалист по борьбе с терроризмом. План поражал своим размахом и, видимо, Босния для них оказалась слишком незначительной, поэтому этот корпус так и не был отправлен и остался в резерве для осуществления других «действий» по спасению России. Правда, на этом этапе у авторов проекта возникали разногласия с другими спасителями, поэтому они вообще всех добровольцев стали воспринимать в штыки. Мне пришлось испытать это, когда я по глупости, решил завести речь о добровольцах на собраниях московского землячества казаков. Я предложил им собрать сотню ветеранов-добровольцев и организовать для них подготовку, а также предоставить какой-то правовой статус. Все это закончилось полным крахом. Сначала один казачий «офицер», выгнанный чеченцами из Чечни, мне начал рассказывать, как какие-то бывшие добровольцы устроили погром в общежитии, в которое их поселили, и, даже, ему, офицеру, угрожали ручной гранатой. Затем за меня взялся сам пан-атаман, который громко кричал и стучал кулаком по столу, доказывая, что они уже давно работают с фронтовиками и лучше знают, что делать. Как я понял, они занимались только тем, что делали деньги. Был, правда, тогда предложен и военный план, который заключался в том, что надо выжидать, когда чеченцы дойдут до Тюмени. К атаману примкнул один из его приближенных, который бдительно спросил меня: «Неужели добровольцев, воюющих в Чечне на чеченской стороне, необходимо включать в эту добровольческую сотню?» Спор понемногу успокоился, и один молодой парень мне рассказал, что они много занимаются мастерством ведения рукопашного боя, видимо, полагая, что эти навыки являются главными качествами для участия в современной войне. Все эти разговоры особого воодушевления на меня не произвели, тем более что еще в 1992 году я слышал их, имея беседу с казачьим атаманом Кокунько. Так этот атаман заявил, что ехать в Югославию не стоит, так как там сербы не воюют, а за них воюют казаки против бандеровцев УНА–УНСО на хорватской стороне.

Точку всей этой болтовне поставил мой разговор в Патриархии, где один священник, занимающийся связями с сербами, без особого энтузиазма выслушав меня, заявил, что со всем он согласен, но вот, мол, не может забыть одного эпизода, который рассказал ему наш доброволец. Так тот, заявил, будто убил в Югославии тридцать мусульманских детей и женщин, и теперь не может спокойно спать. Впоследствии же оказалось, что речь шла об одном нашем «боевике», прожившем в Горажданской бригаде месяц и видевший мусульман вообще пару раз. Суть всех этих разговоров сводилась к одному: не нужно никуда ехать и воевать, а лишь необходимо делать деньги, а уж потом спасать Россию. Больше всего во всех разговорах раздражал назидательный тон речи.

В общем, я понял хорошо, что московская патриотическая тусовка отлично устроилась и никуда выезжать не собиралась. Я и не хотел с этой московской тусовкой связываться, но в ней и рядом с ней существовал своеобразный круг людей, как-то связанных с Югославией. Среди них были разные люди: или сами участвовавшие в этой войне, или их родственники, или же принимающие участие в каких-либо сербских организациях, и я получал от них некоторую помощь. Но и здесь без проблем не обошлось. Русские добровольцы уже в Москве приобрели защитников собственных интересов, цель которых была, главным образом, заявить о себе. Оказалось даже, что были люди, которые в любой момент могли с нас спросить, а чем мы вообще занимаемся в 3-м РДО. Многие для меня тогда было непонятно, так как на первом плане был Вышеград, а к середине 1994 года его заняло Сараево. В конце 1994 года к нам приехал новый доброволец, Валера из Москвы, надолго у нас не задержавшийся, который сразу же после первой выпитой рюмки заявил, что к нам едет комиссия общественных деятелей разбираться с нашей деятельностью. Мы тогда недоуменно переглянулись, но позднее поняли, что все эти разговоры имеют под собой определенную почву.

Создавая видимость защитников русских добровольцев, многие через этот имидж сделали себе своеобразный престиж. [...] Война в Югославии получила широкую огласку в мире. Однажды нашим ребятам пришлось невольно прервать излишества одного бывшего десантника, который пытался группе молодых девушек в Будапеште рассказывать, как их сбрасывали с парашютов в Сараево, и все это сопровождалось взрывами и запахом пороха. Однако в разгар беседы появились наши ребята, которых ему приходилось видеть в Гырбовице в одном из ресторанов, и рассказчику внезапно пришлось прервать свой монолог.

Военные песни еще терпеть было можно, особенно те, в которых пытались показать эту тематику в веселом плане, здесь и приврать не грех. А вот песни на политические темы иногда вызывали недоумение и вопросы. Здесь диапазон мнений в отношении Югославии был куда шире, от борьбы евразийцев и атлантистов, которых, правда, живьем мне так и не довелось увидеть, до того, что, мол, сам Ельцин вмешивается в дела Югославии, чтобы

втянуть в войну Россию. Последнюю версию мне поведала одна московская интеллектуалка, ставшая в последние годы деятелем в церковном приходе.

Все эти разговоры на «горячие» темы в интеллигентских кругах ничего мне не дали, к тому же они прошли бесследно и для российских органов безопасности, на шпиговавших своей агентурой все партии и движения. Проблема русских добровольцев для них была слишком сложной и запутанной. Понятно, что работники безопасности получали указания сверху – бороться с наемничеством. Однако нас подвести ни под какую статью указа было нельзя. Помимо этого, Россия официально поддерживала Республику Сербскую, а мы были военнослужащими последней. Некоторые из этих работников относились к нам сочувственно и, возможно, русские добровольцы также входили в их засекреченные планы. Кто знает!?

Впрочем, моя персона также не была обойдена вниманием, через третьи руки, я узнал, что меня называют вербовщиком. Однако, я людей и не искал, они сами находили меня. Просто воевать можно идти иногда дружбой, а не службой, что многим еще не понятно, вот и пускались в связи с добровольцами слухи о тысячедолларовых бумажках или об их психопатологических наклонностях. Все же Москва больших неприятностей мне не доставила. Здесь уже хватало людей с самыми бредовыми идеями и планами, а так как главного московского интереса – денег – в моих планах особо не чувствовалось, то и внимание к ним не было.

Я понимал, что поддержать мои планы могут только власти Республики Сербской, а их представителем в Москве был только Тодор Дутина, официально числившийся представителем сербского информационного агентства, но фактически бывший послом Республики Сербской. В Москве он уже прилично освоился, благодаря довольно многочисленной сербской колонии, большую часть которой составляли выходцы из Боснии и Герцеговины. Их связывали с Республикой Сербской не только одни чувства, но и закон о военном налоге, в случае невыплаты которого они могли лишиться гражданства. Безусловно, многие сербские бизнесмены стремились помочь Республике Сербской потому, что как Югославия, так и Республика Сербская имели общие экономические и политические интересы, вследствие этого Тодор Дутина был фигурой довольно значительной, и видимо не зря московские структуры завязали с ним достаточно серьезные контакты. В отношении добровольцев Тодор, правда, осторожничал и, если помогал кому-нибудь, то это были одиночки, которые разными путями выходили на него; конечно, это все происходило не планово, а, скорее, в виде гуманитарной помощи.

В то же время в Москве действовало несколько десятков фирм из Сербии, Черногории, Республики Сербской, которые предлагали своим рабочим зарплату не меньше 800 – 1000 долларов. Однако в отношении добровольцев не было ничего стабильного и организованного, особенно когда это касалось денег, да и патриотические призывы о посылке добровольцев

были весьма неудачны. Представители сербской власти в Москве работали весьма интенсивно, но работа эта для войны имела довольно странный характер. Пропагандистские выставки проводились часто и бестолково. Можно было, правда, услышать, будто сербы жаждали оружия: дело нужное и опасное, но в то время оно не так уж и было необходимо Республике Сербской. Уж чего-чего, а оружия в ней было предостаточно, а вот людей, готовых применить его, катастрофически не хватало. Югославская народная армия до войны считалась современной и большой армией Европы и была хорошо технически оснащена. Большую часть своего оружия она сосредоточила в Сербии и Черногории, оставив при этом большие запасы вооружения силам местных сербов в Боснии и Герцеговине, а также и в Хорватии.

Ведь лукаво мудрствовать не нужно, достаточно сравнить количество вооружения югославской армии с оружием воюющих армий всех сторон. По данным самой югославской стороной поданным в ОБСЕ, главную силу югославской армии составляли танки Т-55, М-84 (югославская версия танка Т-72), свыше тысячи БТР, в том числе вполне современная югославская БМП и М-80. Около четырех тысяч орудий калибра 76, 122, 130, 152 и 203мм и минометов калибра 60, 62 и 120мм. Свыше двухсот реактивных систем залпового огня 32-ствольных, 128мм «Пламен» (дальность до 10км) и «Огань» (дальность до 20км), а также 12-ти ствольные 262мм (югославо-иракские) «Оркан» (дальность до 50км). Сюда следует отнести несколько десятков тактических ракетных комплексов «Луне», несколько сот противотанковых пушек, полтысячи противотанковых ракетных комплексов, в том числе «Малютки» и «Фагот», до полутысячи зенитных пушек калибра 20мм и 30мм (в том числе чешских «Праг»), 40мм (шведских «Бофорс»). Также свыше полутора сот боевых вертолетов «Газель», «Гана» (югославская версия «Газели»), советских МИ-8, плюс четыреста самолетов, из которых свыше полутора сот боевых советских истребителей – бомбардировщиков МИГ-21, МИГ-29 и югославо-румынских штурмовиков «Орао», а так же большое количество учебно-боевых самолетов «Галеб» и «Супергалеб».

В Югославии находилось также несколько заводов и фабрик военной промышленности, и потребность в ремонте и снабжении боеприпасами, а также в артиллерийско-стрелковом вооружении, да и, отчасти, в бронетанковой технике, удовлетворить вполне могли и не только Югославию, но и Республику Сербскую и Республику Сербскую Краину.

Таким образом, сербы имели достаточно и сил и средств, чтобы победить в той войне, тем более что аппарат государственной власти бывшей СФРЮ остался в их руках. На НАТО тут нельзя все сваливать, ибо как видится из моих записок, Сараево могло быть перерезано за день силами усиленного батальона или полка. Тем самым с режимом Изетбеговича, и так вынужденного вести тогда войну как с хорватскими войсками (ХВО Херцег-Босны и контингенты армии и полиции Хорватии), так и с мультманскими (Силы обороны Западной Босны Фикрета Абдича) было бы покончено. Для

этого не нужны были ни танки, ни самолеты, ни международные посредники, ни политические вожди, а всего несколько способных командиров, которые смогли бы собрать подобный отряд в Сербском Сараево и через Миляцку готовых двинуть их по направлению к Вогоще и Райловцу, находившихся в сербских руках. Разумеется, эту войну, а в особенности фронт под Сараево, сопровождали бесконечные политические интриги, за которые немало людей заплатили головой. Однако, с моей точки зрения, даже на основе знания элементарной пехотной логики захватить несколько зданий и несколько улиц вполне было возможно даже силами одного Сараевско-Романийского корпуса. Достаточно было просто объявить массовый набор добровольцев в ряды этого корпуса и обеспечить им проезд и создание собственных отрядов в подразделениях и частях этого корпуса, дабы вся эта масса людей двинулась в наступление, и вряд ли приученные к «страной» войне в Сараево силы Армии Боснии и Герцеговины смогли долго сопротивляться. Падение Сараево изменило бы весь ход войны не только в Боснии и Герцеговине, но и политическое положение и в бывшей Югославии, и во всем мире.

Так что, думается, неслучайно русские добровольцы так и не появились в большом количестве под Сараево, и этому столь упорно противодействовали какие-то неизвестные тогда мне силы. Тогда мне, конечно, все это было неясно, и я не мог понять, почему иные сербы в органах власти (и в самом обществе) и тогда, и после войны воспринимали русских добровольцев, как чью-то «пятую» колону.

Одни из них поступали сознательно, другие – нет, но в общем-то все это был лишь одним из фактов той политики, которая и привела сербов к фактическому разгрому и за это русский народ ответственности не несет.

Оружия там хватало, а вот людей – нет, однако люди меньше всего интересовали сербскую власть, в чем я и убедился на опыте добровольцев. Сербской власти они явно мешали, как и все те, кто хотел как-то «радикально» переменить ситуацию.

Так что сербскому народу стоит выдвинуть претензии, прежде всего, к себе и собственной власти, а не к другим государствам. По крайней мере, идеи о братстве русского и сербского народов получили свое подтверждение, только, к сожалению, дело развития не получило.

Глава 10. Весна-лето 1994 года – смерть Шкрабова и распад отряда

Во время моего отсутствия в нашем отряде произошли большие изменения. Саша Шкрабов стал на Гырбовице важной фигурой, о которой знали не только на Гырбовице, но и во всем Сербском Сараево. Саша смог установить хорошие взаимоотношения с «русбатов-2» российских миротворцев ООН к взаимовыгодному интересу и российской и сербской сторон. Не стоит тут усматривать только чей-то материальный интерес,

который, конечно, тоже был. Но, наряду с этим, само размещение российских миротворцев в Сербском Сараево было делом довольно сложным, так как последние русские военные, бывшие здесь, являлись русскими белогвардейцами, воевавшими здесь в годы Второй мировой войны, а советские войска в 1944 году в Боснию и Герцеговину не заходили. Наш отряд, единственный из русских, смог освоиться в местной среде, и Саша на основании авторитета командира этого отряда, оказал большую помощь русбату, который по официальным каналам особой поддержки здесь не имел. Правда, для официальной российской политики, да и для многих миротворцев, мы были «наемники», но все же Саша смог установить приемлемые отношения. Даже довольно неприятный случай, когда один из наших ребят решил помахать ручной гранатой в столовой миротворцев, был сглажен, хотя с довольствия наши ребята все же были сняты.

Естественно, свой боевой авторитет Саша не мог поддерживать совместными русско-сербскими застольями, что, впрочем, было вполне естественным для многих местных официальных командиров. Саша же был командиром добровольцев, и свой авторитет мог завоевать только в боях (и то, только со своими добровольцами, что он и не скрывал, стараясь почти в любую акцию взять хотя бы одного русского). В этом он был прав, так как с сербами русским было воевать тяжело: слишком много было отличий во всем. Саша имел достаточно хорошую черту, глубоко врезающуюся в его психологию. Он не просто хотел, но и привык воевать: говорят, что еще в спецназе его учили, что война должна быть природным и естественным состоянием. Эта привычка – дело нужное в войне, так как иначе все может закончиться нервным срывом.

Разведывательно-диверсионная деятельность состоит не столько из громких акций, как было принято считать, а из обычной монотонной работы, в которой можно было днями ходить по лесам и горам, не встречая противника. Почти так и прошло несколько боевых выходов нашего отряда в районе горных массивов Игман и Белашница, когда, действуя при поддержке нескольких сербских подразделений, наши ребята имели лишь пару незначительных перестрелок. Задачей этих выходов была «зачистка» местности от неприятельских диверсантов. Как правило, со Шкрабовым шла группа в 5-6 русских (в основном Дима-«Дьяк», Петя Б., Валера-«Крендель», питерский Володя Бабушкин-«Жириновский», Андрей Л. из Перми, Андрей-«Читинский») и столько же под командованием Папича. Продолжались поиски по два-три дня, и хотя пленных взято не было, но все же было найдено несколько тел погибших бойцов неприятеля. Бывали и ляпсусы: например, когда люди, увидев чье-то свежее «г...но», думали, что это следы диверсантов, а оказывалось, что это было «произведение» Пети Б. Помимо этого произошло несколько перестрелок в районе Еврейского гробля, в том числе и с французскими миротворцами, стоявшими постами на мусульманской стороне, но все обошлось без последствий. Правда, в одной из перестрелок, Дима-«Дьяк», по ошибке в темноте чуть не убил «Очкарика» (последний появился

оттуда, откуда появиться никто не был должен), хорошо, что тот вовремя голос подал.

В апреле началась большая сербская наступательная операция на Горажде, которая, как обычно, не была доведена до конца, но все же обеспечила сербским войскам занятие пригорода Горажде – Копачи и несколько высот над этим городом. Не знаю почему, но Саша не захотел участвовать в операции в составе роты Алексича. Взяв с собой Диму-«Дьяка», Петю Б., «Кренделя» и Васю Ш. из Саратова, он самостоятельно отправился для участия в акции и, познакомившись на месте с командованием Горажданской бригады, стал со своей группой действовать в ее составе. Эта же бригада стояла тогда под фабрикой боеприпасов «Победа», находившейся ранее в руках мусульманских сил из Горажде (их она долгое время обеспечивала боеприпасами, а с началом апрельского наступления оказалась практически на линии фронта). Несколько раз сербские разведчики входили на территорию фабрики, но, чтобы она не досталась сербам, мусульмане заминировали ее большим количеством взрывчатки. Саша, прибыв на фабрику, увидел, что ни сербы, ни мусульмане линий обороны не создали. Недолго думая, наши ребята забрались на фабрику и как раз тогда-то и обнаружили, что она заминирована. Связавшись с командованием бригады, Саша договорился о посылке ему дополнительного количества мин и взрывчатки. Ребята, распределив ее по всей фабрике, связали ее в одну сеть с мусульманскими зарядами (заряды пластичной промышленной взрывчатки «витезит»), используя электровзрыватели. Собственно говоря, разумнее было вывезти все оборудование из фабрики, тем более, противник напал лишь ночью на сербские позиции, а днем скрывался в горах. Сербское командование о вывозе оборудования совсем не заботилось, а так как вскоре сербские войска отступили от фабрики, то ребята, выбравшись из фабрики, подорвали ее, обстреляв перед этим одну красную легковую машину быстро ехавшую с позиций противника на фабрику. Взрыв надолго остановил работу фабрики, обеспечивавшей неприятеля не только патронами, но и минами, а наши ребята в благодарность получили по одному комбинезону, тогда как в прессе было сообщено, что взорвали фабрику какие-то «специальцы» из Сербии.

Наши ребята тем самым достигли здесь большого успеха, немало повлияв на дальнейший ход боевых действий, и при этом не понесли никаких потерь. Совершенно противоположным образом сложились дела у четников Алексича, которые в составе сводной группы с Гырбовицы под командованием Папича, опятьтаки в составе сводной бригады, пошли в наступление на Горажде со стороны Прачи, совместно с силами 1-й Романийской бригады, в том числе с ее только сформированным разведывательно-диверсионным взводом «Бели вукови» («Белые волки»). Здесь сербские бойцы были посланы напролом не просто прямо на неприятельские позиции, но и через его минные поля без саперов. Неудивительно, что ни одну траншею противника они не захватили, но потеряли около десятка людей погибшими и два десятка

ранеными. Среди погибших оказался и Ацо Стоянович, наступивший, вероятно, на нажимную противопехотную мину, под которой была, видимо, поставлена противотанковая мина. Ацо был тогда разнесен на куски. Оказались ранены «Дупли» из четы Папича и «Мунгос» из нашей четы. Тяжелее всех пришлось самому Папичу, он был ранен в голову. Лишь через год с помощью очков он смог хоть что-то видеть.

Вся эта акция выглядела бессмысленно, хотя и типично. То, что русские пошли в эту акцию в составе Горажданской бригады, вполне было разумно, а взрыв на фабрике «Победа» куда больше принес пользы ВРС. Однако в этой войне думали чаще о личных интересах и амбициях, нежели об общегосударственных. Поэтому после возвращения из-под Горажде у Саши отношения кое с кем на Гырбовице охладели. В житейском плане Саша был человеком опытным, и поэтому смог позволить себе вызвать свою жену Светлану с сыном Егором из Крыма, и поселил их в благоустроенной меблированной квартире на Гырбовице, полученной им от сербской власти. К сожалению, об отряде Саша несколько забыл, а так как сербские командиры бытом русского отряда вообще не интересовались, то некоторые ребята стали разъезжаться, злые и разочарованные по отношению не только к местной власти, но и ко всему местному сербскому обществу.

Отряд так и не был признан официально, и не имел практически ничего собственного, во всем был вынужден полагаться на местных начальников, распоряжавшихся военным имуществом, как своим собственным. Особой близости с местными сербами у наших ребят тоже не было, порою дело выглядело так, словно русскому отряду делают одолжение, разрешая воевать в составе сербских войск. К тому же и в самом отряде был большой кавардак, и пока одни ходили в акции, другие развлекались по кафе и ресторанам, а то и воровали. Такое положение, естественное для местной среды, абсолютно не подходило для приезжих добровольцев, и рано или поздно отряд бы распался. Все ускорила смерть Шкрабова в новой акции на «Мошевичко бырдо» (горе Мошевичко), на Нишичском плоскогорье. Тогда в начале июня было собрано несколько интервентных групп в Сараевско-Романийском корпусе, и интервентную группу из состава нашей 1-й Сараевской бригады, естественно, повел Саша Шкрабов. С собой он взял Диму-«Дьяка», Петю Б., «Кренделя» и недавно приехавшего Андрея Л. из Перми. Недавно возвратившийся Леня и остальные ребята в акцию идти не захотели, раздраженные местным командованием. «Мошевичко бырдо» было неприятельским узлом сопротивления на данном участке фронта, а надо заметить, что Нишичское плоскогорье было одним из самых тяжелых участков фронта в Боснии и Герцеговине.

По планам сербского командования, удар должен был быть нанесен в лоб неприятельской обороны, и столь «талантливый» план и взялась выполнять русская группа. Группа была усилена бойцами из четы Алексича, в том числе «Итальянцем», Сречко (позднее, в 1995 году, погиб под Тырново).

Пробравшись лесом, на полусотню метров до неприятельских позиций, группа попала в перестрелку, продолжавшуюся два часа. С обеих сторон применялись ручные гранаты, Дима-«Дьяк» даже успел сделать несколько выстрелов из гранатомета. Неожиданно, когда Саша попытался посмотреть в бинокль, пуля попала ему прямо в горло, между стойками воротника бронежилета. Тогда было ранено еще двое сербских четников, а так как рядом с группой Шкрабова оказалась лишь одна, столь же небольшая, группа местных сербов из Вучьей Луки, под командованием Мишо Раича, то нашим пришлось отступить, вынося сербских раненных и убитого Шкрабова.

Похороны Шкрабова вылились в весьма внушительное мероприятие, показанное на местном телевидении, на них присутствовали сотни сербов, весь русский отряд и даже капитан Олег, из русбата-2. Со смертью Шкрабова в отряде началось безвластие. Сербское командование о судьбе отряда так и не забеспокоилось. В конечном итоге, и то через 5-6 дней, после похорон, ребят из отряда стали посылать на «положай», на все тоже Нишичское плато, но уже сроком на 15 дней. Конечно, в общем-то, это было необходимо, так как безделье на войне вещь опасная.

Это безделье, сопровождаемое алкогольными возлияниями, тогда едва не закончилось смертью одного болгарина, уличенного кем-то из ребят в краже карманных денег. Спас этого парня от смерти российский капитан Олег, давший за него свои деньги. Однако в следующий раз все закончилось трагически, смертью «Очкарика». Тот к тому времени из отряда был вроде бы отчислен (из-за его постоянных конфликтов почти со всеми ребятами, хотя, как правило, «Очкарик» в этих конфликтах проигрывал, однако не раз потом угрожал оружием и даже открывал огонь по своим). Из-за этого «Жириновский» его один раз избил до полусмерти, но ничего это не изменило, пока он не переселился на Гырбовицу. С воеводой у него отношения тоже были сложные, вроде бы даже воевода его раз избил. В конце концов, после очередной пьянки, двое добровольцев, только вернувшихся с «положая», и естественно, весьма взведенных, узнав об очередных угрозах Очкарика в свой адрес, недолго думая, взяли автоматы с глушителями и среди бела дня расстреляли его в центре Гырбовицы, перед полным кафе. Затем сдались милиции и после двух месяцев вялого следствия бежали из тюрьмы в неизвестном направлении. Все это ухудшило положение отряда, тем более, не было командира. В то же время ребята воевать хотели: так, уже в первой поездке на «положай» «Жириновский», чтобы отомстить за смерть Шкрабова, в одиночку проник на мусульманские позиции, убив троих-четверых мусульман, зарезав одно ножом. Ему долгое время никто не верил. Бывшие с ним «Крендель», Валера Г. и Вася, не могли его видеть, так как он никому ничего не сказал, выйдя в акцию. Однако, осенью 1994 года, после взятия неприятельских позиций на плоскогорье, был найден дневник неприятельского офицера, который писал, что «какой-то русский» (что определили по мату)

напал на дежуривших бойцов во время их отдыха и питья кофе, и после их гибели никто не хотел идти в эти траншеи.

Следующая русская группа, состоявшая из Димы-«Дьяка», Андрея Л., и только приехавших Славика из Москвы, Андрея из Петербурга, Саши-«Барона» из Харькова, Бориса-«Золотозубого» из Мордовии, вообще развернула настоящую войну из бункера, ставшего таким образом «русским». Русским он стал не случайно, так как имел худшее положение на этом участке фронта. Он далеко выдвигался за сербские позиции, однако, после нескольких вылазок из него наших ребят противник стал остерегаться нападать на него.

Новая группа из «Жириновского», Кренделя, Валеры Г., и только приехавших «Дениса-художника» из Белоруссии, «Миши-студента» из Москвы и «Тролля» (российского прапорщика) продолжила дело успешно. Все боевые дежурства прошли без жертв со стороны русских, хотя опасных ситуаций было много, а случались и курьезы, когда, например, Валера Г., пойдя по нужде, чуть не сел на мину, о которых никто его из ребят не предупредил. В другой раз Денис, выползая в разведку, чуть не был срезан «прикрывавшим» его Мишей. Миша то ли из-за своих очков, то ли из-за того, что Денис выполз наверх горы, не смог правильно оценить расстояние, и вместо того, чтобы стрелять по мусульманам, чуть не попал в Дениса. Противник в районе русского бункера стал тогда укрепляться, и несколько раз ребята могли в этом убедиться. Правда, Денис из наблюдений «Тролля» сделал анекдот о бункере из стекла и бетона, и о мужике в красной рубаше. Таких анекдотов возникало много и по поводу и без повода. То Дима-«Дьяк» взрывателем случайно взрывал унитаз, эксперимента ради. То Барона «заряжали» за пивом старыми, вышедшими из употребления, динарами. То Денис и только прибывший Роман из Вятки, начинали под губную гармошку маршировать по Пале. Кстати, Роман был самой интересной личностью из всех нас, так как он был монахом из Валаама, но так как он это скрывал, то мы посчитали его из-за его длинных волос «заблудившимся хиппи», что основывалось на его рассказах о питерском кафе «Сайгон» и «школах ушу». Единственным же официальным представителем церкви у нас был Дима-«Дьяк», человек на войне заслуженный, но «иерархами» не любимый.

Позднее, оценивая те события, даже наш анархичный отряд в среднем имел более высокий (даже образовательный) уровень, в том числе и по дипломам, нежели местная власть. Тот же Денис, окончивший художественное училище в Белоруссии, работавший в Австрии художником, обладал большими знаниями и боевым духом, нежели многие местные офицеры, годами боровшиеся с Западом и с исламом. Другое дело, что наши ребята не были устроены в местном обществе. Никому из нас никто не помог даже советом, чтобы стать воином. Что дома, что здесь, воинское ремесло рассматривалось как что-то находившиеся между бандитизмом и авантюризмом. Для того чтобы хорошо воевать, необходимо иметь чувство долга, а оно невозможно без существования определенной идеи. На фронте, следуя идее, человек вырастал

профессионально и морально. В профессиональных армиях подобное участие обеспечивается силой одной дисциплины, но это часто ведет к «профессиональной деформации», и тут часто люди ломаются психологически. Подобная «профессиональная деформация» присуща любому воюющему обществу, особенно в ходе длительных войн, когда и идея выхолаживается. Не было исключением и наш отряд. В начале большинство прибывших ребят были полны энтузиазма, проистекавшего в конечном итоге, как раз из идеи, пусть не сформулированной, но являвшейся проявлением русского духа. Даже безыдейные люди в такой среде охватывались, пусть и относительно, энтузиазмом остальных, хотя никто никого в отряде не мог заставить воевать, но считалось аморальным не идти в бой с остальными ребятами, хотя бы на вторых ролях. Опасность участия в этих боях была весьма реальной, были и те, кто «ломались», но отряд своим существованием давал чувство общности. Ведь и в местном обществе немногие были готовы отдать свою жизнь за общую победу. Рисковать на войне – дело неблагодарное, и куда легче было стать «героем» благодаря связям в тылу. Мы во всем этом были элементом посторонним, и речи о русско-сербском братстве не многое могли исправить.

Никто не безгрешен, и одно дело – когда человек стремится к чему-либо, допускает ошибки, признает их и раскаивается. Совсем другое, когда он этими ошибками еще и гордится. Общая политика в сербском обществе задавалась так, что наверх выбивались полуграмотные люди, говорящие часто, причем открыто, абсурдные вещи. Все это можно было терпеть, если бы это не повторялось с попугайской настойчивостью. Особенно раздражали словоизлияния о неблагодарности России по отношению к сербам, словно именно ради нее сербы ввязывались в многочисленные войны. Как будто не сербы из Боснии и Герцеговины в Первой мировой войне оказывались в составе австро-венгерской армии, как на фронте против России, так и против Сербии, тоже, якобы, предавшую сейчас Республику Сербскую.

История – дело сложное, и не стоит по политике верхов судить обо всем народе, но как раз такие взгляды доминировали в местном обществе. В конце концов, это было не нашей проблемой, и ущерб испытывали в первую очередь сами сербы. Попад в здешний хаос, мы себя чувствовали инородным телом на этой странной войне. Единственное, что придавало смысл – участие в боевых действиях, и лишь они поддерживали существование нашего отряда. Для всех нас тогда отряд был единственным смыслом жизни, и после войны это подтвердилось на деле, даже на политическом уровне. К сожалению, наши ребята этого до конца не понимали, да и не могли понять, и, утомленные неустроенной «бытовухой», в конечном итоге разочаровались во всей этой войне.

К июлю 1994 года состав нашего отряда обновился. Я к тому времени, встретившись с Леней на Украине, быстро добрался до Темишоары. Там поспал несколько часов в вагоне белградского поезда (где какой-то румынский контролер попытался содрать с нас десять немецких марок из-за

курения в вагоне, но, услышав угрозы в свой адрес, быстро отбыл в поисках иных жертв), а утром мы попали в пограничный сербский город Вршац. Местная полиция встретила нас приветливо: увидев наши военные книжицы (билеты), один милиционер вывел нас из толпы «совковых фарцовщиков», ждавших досмотра вещей. Нас без очереди и без досмотра пропустили в Республику Сербскую. Прибыв автобусом в Белград, мы смогли даже устроиться в отель «Метрополь» (с одобрения вице-президента Республики Сербской Биляны Плавшич, которая, как и многие другие деятели РС, жила в этом весьма дорогом и престижном отеле). В Белграде, в русской православной церкви, мы познакомились с новыми добровольцами, посланными отцом Василием. Первый доброволец, якобы белорусский монах, в отряд так и не попал, так как решил вернуться домой. Двое других, члены монархической организации «Имперский орден – союз», в отряде задержались недолго. По-моему, они были слишком молоды и неопытны, поэтому послужили темой для новых анекдотов. Рассказывая о военной подготовке в своей организации, они упомянули о том, как в чистом поле строили редуты (вероятно, подразумевая траншеи) из земли и бревен, а на вопрос кого-то из наших, где же они в чистом поле взяли бревна, дали ответ «о совсем маленьких ёлочках». Но, в принципе, неприятностей они не доставляли, да и сами заявили, что прибыли на войну ненадолго, ради «разведки» для своего монархического отряда, впрочем, так и не прибывшего.

Куда более экзотичной фигурой оказался парень с Камчатки, решивший почему-то ехать к своей девушке в Перу через Югославию: за это его и прозвали «Перуанцем». Перуанец у нас тоже долго не задержался, но зато несколько дней провел в отряде специальной милиции «Кула». В этот отряд мы тогда хотели перейти все вместе, так как люди устали от неустроенности в чете Алексича, но из-за близких отношений между последним и командиром этого отряда, «Ченой», перехода не получилось.

В августе наша группа из Леонида, Дениса, Романа, «Тролля», Андрея, «Кренделя», «Барона» и «монархистов» побывала на очередном «положае». Показали себя ребята хорошо. Лёне, командовавшему этой группой, удалось сплотить их в одно целое. Такая группа в местных условиях являлась немалой силой, а наши ребята были тогда готовы пойти на любые боевые задания. Но отряд оказался в непонятном, подвешенном состоянии. Местному сербскому командованию, в том числе воеводе, ничего не стоило всего лишь объяснить необязательность нашего пребывания здесь. Вместо этого начались интриги, от которых нам стало предельно тошно. Парадоксально: нас со всех сторон называли «наемниками», а мы имели месячную зарплату в 50 динаров (то есть около 30 долларов вначале). По приезду я узнал, что главный источник доходов наших ребят – продажа электросчетчиков из пустых зданий на первой линии обороны Гырбовицы, а также нескольких десятков рулонов ковров «теписонов» (их вытащили из здания на берегу Миляцки, не только не занятого сербскими войсками, но и

заминированного). Даже продуктами наш отряд обеспечивался плохо. Вдобавок куда-то пропало знамя нашего отряда, и это символически означило начало конца нашего 3-го РДО. Впрочем, помимо объективных причин, характерных для всего сербского войска, существовали и особые причины этого конца, также достаточно понятные.

Проистекало это из-за довольно специфического местного народного характера, склонного, с одной стороны, к эйфории и самонадеянности, а с другой – к потребительскому отношению, даже к тем, кто стремится им помочь. Подобные склонности весьма типичны, и не обращать на них внимания было просто невозможно. Элементарный пример: несколько тысяч человек жило на территории за линией фронта, шедшей через Еврейское кладбище от «Дебелого бырдо» до магистрального автопути, а за все время существования нашего отряда просто зашли к нам в гости и хоть чем-то помогли лишь несколько человек. Конечно, наш отряд был не подарком, пьянки и драки не были редкостью, но, с другой стороны, мы сыграли большую роль в обороне позиций в этом районе. Мусульманское командование, видимо, ценило нас больше, нежели сербское. После войны я узнал, что оно несколько раз откладывало нападения на эти «наши» позиции, чем сохранило немало жизней местных жителей. Последние же, очевидно, в своем большинстве этого либо не понимали, либо не ценили. Так что нет ничего удивительно, что воевода Алексич согласился на то, чтобы наш отряд был заменен добровольцами из Сербии и Черногории, а также местными добровольцами (из числа тех, кто, как правило, составлял ближайшее окружение Алексича). Никто из нас о подобных планах даже понятия не имел. Вопрос: почему все это не было сделано открыто? В конце концов, наш отряд готовы были принять и в других частях и подразделениях.

Уже по приезде я обнаружил, что Йово, с которым у меня были нормальные отношения, находился в большом конфликте с Леонидом. Этому конфликту был придан едва ли не межнациональный характер. Конечно, Леня был далеко не подарок и конфликтовал со многими ребятами нашего отряда, но непонятно, почему этот конфликт (формальная причина – невозвращенные Йово колеса с одной русской машины) не мог быть решен путем разговора. Было очевидно, что Йово действовал не самостоятельно, и в случае более масштабного конфликта могло бы появиться немало трупов. Конечно, серьезных столкновений между нами и добровольцами из Сербии не было, все обошлось несколькими словесными перепалками. Однако случались конфликты и иного плана. Однажды мы обнаружили ручную гранату, поставленную на растяжку в нашу машину, а в другой раз – несколько пулевых пробоин на лобовом стекле. Так как эта машина стояла у штаба роты, все подозрения были направлены в адрес четников (правда, и в адрес одного русского, находившегося в конфликте с владельцем машины). Однако никто ничего не говорил, и все осталось без последствий. Хотя некоторые наши ребята хотели перед своим отъездом поставить взрывчатку под машины

нескольких местных сербских вождей. Мне же это казалось абсурдным, не хотелось прибавлять к боям с мусульманами и бои с сербами. Поэтому все ограничилось одной ручной гранатой, подброшенной мною для остротки рядом с домом, где спали добровольцы из Сербии.

Когда официально был создан воеводой интервентный взвод, и были поделены четнические чины, то многим из нас не понравилось, что мы даже не были приглашены на этот «праздник жизни», хотя на эмблеме взвода писалось «Саша Рус» (Саша Шкрабов). Между тем Саша прославился «акциями», в которых он воевал вместе с русскими, и хотя бы поблагодарить его бывших соратников вполне было можно. Я же с удивлением узнал, что Йово говорил местным: мол, зачем «мы должны идти на “положаи”, когда есть русские». Многие местные сербы его в этом полностью поддерживали (хотя они же между собой и Йово, и собравшихся вокруг него добровольцев из Сербии и Черногории, как и нескольких местных сербов, считали пьяницами и уголовниками). Потом я уже увидел, какое раздражение у этих добровольцев вызывают местные сербы, когда наш знакомый, одноногий Ненад, начал подтрунивать над ними, когда у них сгорел дом с оружием и боеприпасами. В ответ на намеки Ненада о чрезмерном потреблении ими алкоголя, один из добровольцев обрушился с ругательствами в адрес местных «испорченных» и «подлых» местных сербов, за которых они, добровольцы, воюют.

Впрочем, для обвинений местные имели немалые основания: среди добровольцев было полно сброда, принимаемого без всякого контроля. Такие «добровольцы» негативно воспринимались местными. Но многое зависело от командования: так, в мае 1995 года несколько добровольцев вместе с Чубой смогли занять пару бункеров в неприятельской обороне на «Дебелом бырдо», прорвав ее с боем. Однако они были лишены должного статуса, руководства и командования, и их отряд быстро распался. Одним из лучших среди них был Сречко, который и оказался единственным погибшим. Но имели эти добровольцы и иные потери, когда один из местных сербов, вошедших в состав их отряда, вместе с несколькими добровольцами в конце 1994 года залез в чужой сербский дом, где подорвался на растяжке, поставленной хозяином. Это был не единичный случай, так как по нашему району прошла волна краж, причем обкрадывались дома тех людей, которые отправлялись на «положаи» или в «акции», и было очевидно, что действуют воры, не только хорошо организованные, но и осведомленные из штаба. Подрыв на растяжке раскрыл исполнителей многих краж, но значения этому не придали. В конечном итоге положение добровольцев было тяжелым, о чем кое-кто из них сам нам потом жаловался. Большинство либо сразу уезжали, либо перебирались в другие подразделения. «Крендель», перешедший с сентября к ним, рассказывал о кавардаке в их среде, и неудивительно, что существование их отряда закончилось большим конфликтом между Йово и воеводой, в котором оставшиеся добровольцы из Сербии встали на сторону Йово. Не обошлось здесь без криков и угроз оружием с обеих сторон. В общем-то, в той

анархичной войне все добровольческие отряды заканчивали существование схожим образом, если их командирам не удавалось выбить для них официального статуса. В конечном итоге все сербские войска тогда тонули в анархии, и примеры дисциплинированности были редки, тем более, действительно слаженная работа в бою часто подменялась картинной, без внутреннего содержания. Во всем этом была виновата система военной организации и подготовки, как и по большому счету, вся политика сербской стороны, а мы просто резали глаз. Если даже добровольцы Алексича, среди которых были действительные ветераны боевых действий еще с 1991 – 1993 годов, и которые на войну попали по каналам радикалов, оказались в столь подвешенном состоянии, то уже одно то, что наш отряд просуществовал больше года, пусть как маленькое, но боевое подразделение, было большим успехом. Мы оказались более весомым фактом, нежели многие российские официальные и оппозиционные политики, приезжавшие на сербскую сторону с визитами дружбы, но не пытавшиеся хоть чем-то помочь существованию нашего отряда. Наш отряд имел в какой-то мере слишком высокие задачи для этой войны и по-иному просто не мог закончить свое существование.

Дополнительный толчок наш отряд получил в акции на Нишичском висоравне (плоскогорье), на внешнем обруче Сербского Сараевского фронта в районе Вогощи и Илияша. Тогда для участия в акции был создан отряд из нескольких сотен человек, в который вошли многие интервентные подразделения, как нашего корпуса, так и других корпусов ВРС. Наш отряд пошел в эту акцию в составе сводной группы нашей бригады в сотню человек, с тремя командирами, периодически конфликтовавшими между собой. Главным командиром был Вукота (командир 2-го батальона, державшего оборону по Миляцке), командиром группы нашего батальона был Минич (командир роты на Београдской) и, наконец, командиром четников был Йово. Мы вроде бы были в четнической группе, но действовали самостоятельно с самого начала, стараясь, по возможности, удалиться от нашего сербского командования. Но и рядовые бойцы были не многим лучше, и многое стало ясно с самого начала, когда на остановке наших грузовиков в сербской Вогощи, на местном базаре, они отобрали у местных сербских женщин носки и алкогольные напитки. Когда женщины стали кричать, что их мужья находятся в сербском войске, то наши brave четники в ответ крикнули «посмотрити руссов, они пришли воевать, преодолев тысячи километров». Правда, потом наши «братья» о «руссах» забыли. Первая кровь, пролитая в этой акции, была овечья, поскольку не успели мы выгрузиться из грузовиков, как наш старый знакомый четник, «Мырга», уже волок зарезанную овцу, захваченную у местных сербов. Нас снова не пригласили на обед будущих победителей, но мы не пожалели, так как были сыты нашими соратниками по горло и, чтобы их не видеть, разместились на окраине села Криуваевичи (где была дислоцирована наша бригада). Пустой, недостроенный дом, в котором мы разместились, находился в паре десятков метров от сербских блиндажей (в них отсыпались

местные бойцы), и так как понять, где соседний блиндаж (бункер) было невозможно, то мы по направлению к открытой и никем не защищенной долине стали выставлять часового. Наконец, и сам дом подготовили к обороне и сделали несколько разведывательных выходов вдоль нашей линии обороны. Впрочем, на этом второстепенном участке фронта противник войны так и не начал, хотя несколько раньше прорвал здесь линию сербской обороны, убив и ранив несколько сербских бойцов. Наша бригада весьма успешно за десять дней ликвидировала полсотни местных овец. Одна бабка по этому поводу сказала, что «гитлерово войско» было куда лучше, нежели они. Мы бы мяса так и не попробовали, если бы хозяин соседнего дома сам не принес нам пол-овцы, удивленный нашим миролюбием по отношению к местным овцам. Бедные животные подвергались постоянным нападкам со стороны сербских бойцов, а раз едва не попали в плен к мусульманам, так как, пока хозяйка ругалась с двумя очередными сербскими захватчиками, ее стадо побежало в сторону мусульманских позиций. С большим трудом подоспевший хозяин овец загнал их назад с нейтральной полосы. Мы свое время проводили в безделье, лишь иногда устраивая учебные стрельбы по мишеням. Наша группа давала и по несколько человек для разведывательных выходов на место предполагаемой акции. Уже тогда меня, возглавлявшего группу, поразила та халатность, с которой велась разведка, и неслаженность практически всех командиров. Вскоре наш отряд, к облегчению местных жителей, послали на штурм горы Венац. Здесь нам надлежало составить какой-то непонятный мне «5-й эшелон», который должен был развивать достигнутый успех. Впрочем, успех так и не был достигнут, даже после артподготовки, в неточности которой я убедился, наблюдая разрывы сербских снарядов главным образом вокруг стогов с сеном. В направлении мусульманских позиций послали «кырмачу» (свинью), авиабомбу с ракетным мотором, запускаемую с рельсовых направляющих на грузовике; но даже если она упала на неприятельские позиции и нанесла какие-то потери, эффект ее не был использован. Первая наша группа, то есть эшелон, смогла в каком-то месте добраться до мусульманских траншей, и, вступив в перестрелку, мы оказались единственными, кто участвовал в этом бою за Венац. Как только мусульмане понесли потери (мы слышали об этом по радиопередатчику), был дан приказ сверху отступать, фактически, без боя. Все выглядело довольно странно, но объяснялось, вероятно, противоречиями командиров различных подразделений, больше думавших о сохранении своих земляков, нежели о победе.

Подобным образом прошла операция на горе Мали Ясень, которой так же предшествовало несколько разведывательных выходов. Мы выступили еще в темноте, и Леня и Андрей Л., едва не угодили к мусульманам, не повернув вовремя. Акция началась, когда рассвело и, более того, солнце стало близиться к зениту. Последовала долгая ругань между нашими многочисленными командирами (она, видимо, заменяла им совещания), и на

скорую руку нам объяснили план акции. Так как Мали Ясень представлял собой сплошной неприятельский фронт – вершина горы была опоясана траншеями, – то ее необходимо было отрезать от позиций на горе Велики Ясень, стоявшей сзади.

На Велики Ясень через открытую поляну вела траншея: ее, по моему мнению, следовало перерезать, тем более, что неприятельский правый фланг (а соответственно, соседняя гора Венац) был отделен глубоким ущельем, поросшим лесом, по которому в направлении неприятельских позиций шла проселочная дорога. В бронетехнике мы имели полное превосходство, как и в огневых средствах, в особенности в артиллерии. Нанеся одновременно удары и вдоль ущелья, и по вершинам гор, мы, очевидно, добились бы успеха. К тому же, логичнее было нанести удар именно по горе Велики Ясень: заняв траншеи, которые обеспечивали сообщение с горой Мали Ясень, можно было просто на измор взять оборону последней. Еще во время первых наших разведывательных выходов мы обнаружили, что можем достичь горы Велики Ясень без всяких проблем, так как поросший лесом склон горы Мали Ясень противником не просматривался. Здесь не было даже мин, за исключением нескольких мест перед самими траншеями. Противник был вовсе не всесилен и держался, скорее, благодаря недостаткам сербской стороны, нежели своими достоинствами. Так, еще за пару недель до начала нашей акции он смог с горы Мали Ясень захватить передовые сербские позиции и, надо отдать ему должное, быстро выстроил новую линию обороны. Она состояла из десяти наполовину вкопанных в землю блиндажей-дотов, имевших по десятку метров траншей и несколько земляно-бревенных стенок, защищавших каждый из дотов от огня гранатометов. Почему мусульманам так быстро удалось выбить отсюда сербов, а потом беспрепятственно строить по гребню горы свои укрепления, можно было понять, посмотрев на плохо оборудованные сербские позиции на горе Мали Ясень. Кстати, сербским войскам удалось их быстро вернуть с подходом новых интервентных групп, и те под командованием полковника Йосиповича из Сараевской бригады (из Вогощи) без особых трудностей прогнали неприятеля, буквально ошеломленного огнем прямой наводки сербской артиллерии. Так что не думаю, что взятие гор Мали и Велики Ясень было трудным, если бы сербские войска действовали дружно и целеустремленно. Однако на деле почти каждый сербский командир тянул в свою сторону, и все закончилось полным провалом. Главный удар почему-то должен был наноситься в лоб интервентной группой из Илияша, под командованием «Цицо», и группой Мичо Влаховича, штурмового батальона из Вогощи 3-й Сараевской бригады. Трудно было разобраться, кто где должен был наступать, но почему-то главная часть нашего отряда осталась в сербских траншеях, видимо, в роли «5-го эшелона».

Нас, русских, и еще десяток сербов из роты Алексича и Станича под командованием Йово отправили в лес между горами Мали и Велики Ясень – для организации отвлекающего удара. Перед этим сербские командиры,

объясняя мне план акции, так толком и не рассказали ничего о сигналах. На наше счастье, мы получили проводника, Зорана Краишника. Этот молодой, худощавый, чернобородый парень был честным, храбрым и способным человеком. Еще на совещании, он раздраженно сказал командирам, что «они подставляют руссов под удар», так как нас, по его объяснению, мусульмане бы засыпали бы тромблонами и огнем из пулеметов. Йово в этом обсуждении особой роли не играл, да и мы на его группу особо не рассчитывали.

Углубившись в лес и выйдя на исходные позиции, мы разлеглись под деревьями, в нескольких десятках метров от опушки леса. За опушкой начиналась поляна, которую пересекала траншея, соединявшая горы. Зоран, обратившись ко мне, сказал, что он не один день твердил нашим командирам, чтобы они выстроили здесь пару бункеров, чем легко бы отрезали противника. Однако внимания на слова Зорана они не обратили, а стремились лишь к штурму, что, по его замечанию, приводило к ненужным потерям. Поэтому нам Зоран посоветовал не открывать огонь, а Йово тут же одобрительно кивнул головой и стал просить, чтобы мы ни в коем случае не стреляли. Мне брать ответственность за чью-либо смерть не хотелось, тем более в столь бессмысленном отвлекающем маневре: одной стрельбой ничего не добьешься, а от противника нас отделяла поляна. Впрочем, осмыслить все до конца я не успел: когда началась артподготовка, и осколки снарядов полетели у нас над головами, раздумывать уже было не время. Группа Йово так с места и не сдвинулась. Услышав участвующую стрельбу и взрывы гранат слева от нас, мы не знали, что делать: приказа по «Мотороле» не последовало. Штурм закончился быстро. Группа в десяток бойцов слева от нас сумела войти в неприятельские траншеи, а противник, вместо того, чтобы бежать, встретил их пулями и ручными гранатами. В результате, со смертью одного добровольца из Вогощи и ранением командира «Цицо», был дан приказ отступать, который весь наш отряд очень быстро выполнил. Что касается нас, то мы так и просидели в траншеях, не сделав ни одного выстрела. Мне потом рассказывал мой знакомый «Арба»: вся их акция заключалась в том, что он вместе с Вукотой и еще парой бойцов, выполз вперед, левее от штурмовой группы и, сняв несколько мин, подполз к неприятельским траншеям. Оглянувшись, он увидел, что за ним никого нет, и ему пришлось вернуться. Потом же началась обычная картина: сербские бойцы бросали боеприпасы. Так что мы вернулись из этой акции с куда большим боевым запасом, в том числе гранат как ручных, так и для гранатомета. Хотя по дороге нас и пытался обстрелять какой-то снайпер, домой мы вернулись все же благополучно. Место нашего базирования к тому времени мы сменили (перейдя поближе к месту акции), и наш объединенный русско-четнический отряд разместился в большом, но сгоревшем доме у реки.

Все эти курортные условия нашим ребятам стали надоедать, как и наши четнические союзники из Йовиной группы, которые вели себя так, словно делают большое одолжение, что участвуют в этой войне. Между собой

они периодически ругали Вукоту, называя его коммунистом и партизаном. Алексич, посетив своих бойцов, заявил: он обо всем договорился, и отныне мы будем действовать только по приказу Йосиповича. Йово на совещании командиров потребовал этого напрямую. Мне, бывшему тогда тоже на этом совещании, все показалось каким-то фарсом. Было уже абсолютно все равно кто четник, кто партизан, так как толку ни от первых, ни от вторых не было. Уже две недели мы топтались на одном месте, перед линией обороны неприятеля, а разговор о прорыве так и не заходил. Нам все уже изрядно надоело, ребята чувствовали неудовлетворение от подобных акций. У меня сложилось мнение, что необходимо создать русский отряд, хотя бы величиной с роту, получив определенный статус. Одно было очевидно: из четы Алексича надо было уходить, по одиночке или всем вместе. К тому времени мы представляли довольно сплоченную обкатанную боевую группу, которую составляли я, Леонид, Денис, Роман, «Барон», Андрей Л., а также присоединившийся к нам в конце августа Петя Малышев, бывший боец 2-го РДО. Возвратившись из акции, мы получили еще одного бойца, Игоря М., из Сухуми, немца по национальности, служившего, по его словам, в группе специального назначения «Сатурн», и, по всей видимости, участвовавшего в абхазской войне на стороне грузин. Появился тогда и еще один боец, Юра Ш., откуда-то из России, но мы его так и не видели, за исключением Леонида и Кренделя.

Вернувшись тогда на базу, я застал Леню и Кренделя в веселом расположении духа, но одновременно несколько ошеломленных. Юра, представившись капитаном-«афганцем», заявил, что в Боснию прибывает на мусульманскую сторону пакистанская группа «Черные аисты», и он решил создать собственную группу, в которую должны войти все те русские, кто хочет остаться в живых. После этого Юра сразу же отбыл в состав 2-й Сараевской бригады, встретил там еще двоих русских, Сергея и Игоря из Молдавии, стал их командиром и провел несколько разведывательных выходов, что для той бригады было большим достижением. Затем русская тройка перебралась из этой сельско-партизанской части к Борису, который еще в июле ушел от нас в Касиндольский батальон, где вскоре стал командиром интервентного взвода. Впрочем, в его взводе было несколько сербов, русским в этом взводе не особо понравилось, так что они вскоре соединились с нашим отрядом.

Глава 11. «Белые волки»

Вполне закономерно, что к концу операции на Нишичском плато наш отряд переменял командование и находился в составе разведывательно-диверсионного взвода «Бели вукови» («Белые волки»), подчиненного штабу 1-

й Романийской бригады. В этот отряд нас звал еще Олег Славен, которого мы встретили на построении перед операцией. Когда наше терпение лопнуло, я, Денис и Роман пошли в их базу. Встретили нас там не слишком радушно, но их командир Кнежевич пообещал принять руссов, за исключением тех, кто, по его выражению, как «Валера кои пуно пие», имея в виду «Кренделя» (которого он видел не раз пьяным летом вместе с нашими четниками, также не брезговавшими алкоголем).

После нашего возвращения на базу Денис, Роман и «Барон» первыми сразу пошли в этот отряд и, показав себя хорошо в бою, привлекли к себе всю нашу остальную группу, что привело к закономерному распаду 3-го РДО в декабре 1994 года.

На «Белых волках» стоит остановиться особо. Их отряд представлял собою довольно интересное явление. Из типичной для местных условий «интервентной» группы он смог вырасти в одно из редких в действительности профессиональных подразделений сербского войска. Возник этот отряд весьма типичным образом, в столице Республики Сербской, поселке Пале, население которого с началом войны увеличилось в два раза. В местной войне создание интервентной группы было делом престижа властей. Пале, как столица, нуждалась в такой группе, которая смогла бы прославить по всем сербским землям ее имя, и тем самым и ее власть, а заодно и пару сотен местных лоботрясов, связанных прямо или косвенно с такой властью. Первая интервентная группа в Пале была создана в мае 1992 года, в самом начале войны, численностью около двухсот человек, однако уже в июне она была полностью разгромлена под мусульманским анклавом Жепа. В неприятельской засаде тогда только убитыми было потеряно полсотни человек этой группы. Это сильно ударило по боевому духу в Пале, что усугубилось еще несколькими поражениями 1-й Романийской бригады, защищавшей честь Пале. Конечно, сама по себе эта бригада вполне соответствовала общему уровню ВРС, но столица нуждалась в отборном подразделении.

Конечно, на Яхорине был размещен отряд специальной милиции, часто принимавший участие в акциях, но таких отрядов по всей Республике Сербской было всего десять, да и они всегда стояли особняком от остальных войск. К тому же и командир Яхоринского отряда специальной милиции, Райко Кушич, чемпион Югославии и Европы по дзюдо, погиб в 1994 году в автокатастрофе под Пале.

Требевичский батальон 1-й Романийской бригады вследствие привилегированного положения своего командира имел свой интервентный взвод, но он ничем особым не отличался от других подобных интервентных взводов. Что же касается Яхоринского батальона, то он в 1993 году потерял двоих ведущих бойцов: сначала комбата – Вукадина «Швабо», в феврале в разведке подорвавшегося на mine, а затем в июле и командира интервентного взвода Райко Кусмука, погибшего в операции по взятию Тырново.

Таким образом, Пале, к середине войны оказалось без «интервентов», тем более, что многие «профессиональные» офицеры, стремясь занять кресло поудобнее, на фронт не стремились. Вот тогда-то и возникла группа «Белые волки», точнее интервентный взвод Яхоринского батальона был переведен в бригадное подчинение, получив собственное имя и нового командира Срджана (Сержана) Кнежевича.

Кнежевич родился в 1958 году в селе Твырдимич под Сараево (район Луковицы) и до войны работал сначала официантом, затем директором в палянском отеле «Панорама», а потом открыл собственный ресторан.

С началом войны в Хорватии он добровольно отправился на фронт в Книнскую Краину, в состав 6-й Личской бригады ЮНА. После того, как война началась и в Сараево, он также добровольно отправился в район Враца, как резервист милиции. После этого Сержан перешел в ВРС, где смог добраться до должности заместителя командира Яхоринского батальона.

Однако командиром батальона Сержан стать никак не мог. Был приказ Главного штаба ВРС, что для занятия подобной должности необходим офицерское звание ЮНА. Так что Сержану пришлось выбирать иной путь, который открылся с ранением тогдашнего командира интервентного взвода Яхоринского батальона Светко Гачанина. Сержан во время отсутствия последнего смог успешно командовать батальоном. Светко, возвратившись в строй, согласился стать заместителем Сержана, что достаточно нетипично для местных условий: это принесло большую пользу «Белым волкам».

В 1995 году русские добровольцы, прибывая в Сараево, о котором они уже были наслышаны, как о месте, где есть русские бойцы, попадали уже не в отряд Алексича, а в разведывательно-диверсионный отряд Сараевско-Романийского корпуса – «Белые волки». Этот отряд с лета 1994 года пополнялся как местными, так и приезжими сербскими добровольцами, искавших фактически лишь одного – возможности «славно» повоевать, а вовсе не «убивать и грабить» безнаказанно, как это любили представлять многие журналисты. Ныне, к сожалению, понятие «воинской славы» весьма превратно трактуется, хотя когда-то ради нее брались города и создавались государства.

Те же «Белые волки» в этой войне штурмовали, как правило, высоты, на которых никто уже не жил, и грабить было некого. Сам командир «Белых волков» Сержан Кнежевич выдавал своим бойцам не слишком большое денежное содержание, которое даже с деньгами спонсоров не могло превысить в лучшем случае 100-150 долларов, и деньги тут цели не представляли.

Можно привести пример одной из операций этого отряда: взятие высоты «Дебелое бырдо» в мае 1995 года. Вступив в бой за высоту, «Белые волки», несмотря на ранение Сержана (болгарину Данилу осколки гранаты попали в бронежилет «Казак-4»), пошли на штурм. Акцией стал командовать Мишо Раич. Он в своей лихой манере, вместе с Даниэлом и своим земляком Ниджо из Вучьей Луки, ворвался в первый бункер. Прикрывал их Мичо

Лисдек. Сразу же во второй бункер ворвались Сергей «Грузин», Никола «Канада» и Янко Шешлия. На третий бункер шли Володя «Боцман» и недавно прибывший из Кривого Рога «Хохол», а также палянские сербы Вук, родственник Сержана и «Кано», позднее погибший на Трескавице. Им не повезло: гранатами были ранены «Боцман» – тяжело, и «Хохол» – несколько легче, Вук – ему пуля попала в рот, а также подоспевший на помощь Лелек. Последний по этим горам лазил еще перед Сараевской зимней Олимпиадой, в 1984 году, когда строил Олимпийские объекты.

В принципе, во всем этом не было ничего непоправимого. Такие ситуации случаются часто в подобных акциях. Кому-то везет, кому-то – нет. Надо было сразу вводить в бой новый эшелон бойцов. Между тем, «Белые волки» несли новые потери. Были ранены Драган и Симо. Остались в строю: Юра из Днепропетровска, Артур из Севастополя, Милиционер из Самары и «Чикатило» из Калининграда, а также возвратившийся из госпиталя Юра Ш. Даже без учета, что все они, кроме Юры Ш., только прибыли в отряд, хотя и были собраны в одну группу, не было сделано главное: перед ними не поставили боевую задачу. Да и бойцов было маловато. Помощи группа не получила. Вопреки договоренности, не появились и специальные «милиционеры» из подземного тоннеля, перед входом в который разорвалась неприятельская «Малютка», и где было снято несколько «паштетов». Зато двоих пленных милиция стала первой бить, хотя взяли их в плен «Белые волки», что вконец вывело из себя «волков». Высшее же командование никакой помощи бойцам в столь важной операции не оказало. Правда, на место прибыл сам генерал Милошевич, командующий корпусом. Но вместо оценки ситуации и срочного ввода в действие новых сил он начал ругать «волков», что вызвало лишь ответный мат в его адрес, а никак не подъем боевого духа.

Непонятно было, почему генерал выбрал мишенью «Белых волков», а не ту же «специальную» милицию, увильнувшую от участия в операции.

Участвовавший в операции отряд Алексича наступал с другой стороны «Дебелого бырдо». Несколько местных сербов и добровольцев из Сербии под командованием «Чубы» взяли один бункер, но, оставшись без поддержки, также отступили, понеся потери.

Погибший в этой операции Мочевич прибыл для этого из соседнего Тырново и в эту акцию пошел добровольно, решив поддержать своих друзей Чубу и Митара, вместе с добровольцами штурмовавших траншеи.

Думается, данные факты никак не свидетельствуют о правдивости объяснений того, что люди воюют только, мол, из-за глупости, кровожадности или принуждения. Существуют ведь в мире и какие то высокие понятия о долге и храбрости, которые и отличают человека от животного!

Таким образом, дело 3-го РДО в какой то мере не оказалось напрасным, и русский отряд в Сараево все же сохранился, пусть и в составе «Белых волков». Правда, после операции на Нишичском плато, в строю «Белых волков», после смерти Петра Малышева и Романа, тяжелых ранений Игоря М. и Юры Ш. и отъезда Дениса остался всего один русский – Саша Барон. Но к нему вскоре присоединились еще два человека, Никита из Москвы и Алексей Томилин из Красноярска (уроженец Житомира). Никита принадлежал к какому-то «русскому фашистскому движению» и почему-то решил, что в Боснии он должен встретить своих политических единомышленников. В добровольческом же отряде его часы со свастикой вызывали лишь простой природный интерес, но до его идеологии местным сербам дела не было. Алексей же был капитаном Красноярского областного управления по борьбе с организованной преступностью: вступив в конфликт с одним из красноярских бандитов, чьим ближайшим родственником был местный прокурор, он был вынужден покинуть город. Так как Лешу всегда привлекал «воинский путь», то он тогда и решил отправиться воевать в сербские войска. Прибыл он как раз во время акции на Нишичском плато, но попал в роту воеводы Алексича. Последний же тогда посылал свой отряд на горный массив Игман, Белашнице, Тресковица, где неприятель два раза прорывал сербскую оборону, сначала в районе Крупац, в сентябре, а затем в районе Хойта и Ракитница, а начале октября.

Тогда каждый раз сербские силы теряли несколько десятков человек, только погибшими и пропавшими без вести. В числе погибших оказался наш старый знакомый «Мырга», погибший в царившей тогда неразберихе. Тогда вместе с несколькими добровольцами из Сербии и Черногории «Мырга» возвращался из патрулирования по лесу и попал под огонь своих же сербов. В сербских войсках тогда царил полный хаос, и никакие объективные причины высокой политики не могли оправдать прорыв мусульманских войск в нескольких местах одновременно. Сербская оборона состояла из разрозненных бункеров, построенных в одну линию, часто не имевших даже траншей. После этого началось то ли массовое бегство, то ли отступление, чем и воспользовались неприятельские войска, в большинстве случаев занявшие сербские позиции без боя. При этом противник в вооружении сильно уступал сербским войскам, но его гранатометы, пулеметы, и минометы, оказались более результативными, нежели сербские артиллерия и бронетехника. В качестве примера можно вспомнить захват десятка единиц сербской бронетехники, в том числе нескольких танков. Неприятель использовал наступившую в сербских войсках анархию и проник в глубину его обороны, пересек путь отступавшей сербской бронетехнике, подбив головной танк на узкой горной дороге.

После этого пехота и сербские экипажи колонны бежали через лес, а мусульманам досталась вся бронетехника, и несколько пленных. Один из пленных, Гаведарица, был несколько раз обменен, сначала сербской стороной,

а затем мусульманской. Весь этот кавардак был присущ и высшему эшелону власти. Тогда по позициям «кучковались» группы сербских бойцов, не знавших ни куда идти, ни что делать. Все это дополнялось традиционной местной халатностью, и неудивительно, что Леша Томилин, едва оказавшись на войне, поразился царившей у сербов дезорганизации. Конечно, такая дезорганизация была и на неприятельской стороне, но Леша-то прибыл на сербскую сторону добровольно и возмущался сербами.

Пусть Леша являлся «посторонним» в этой войне, как любой другой человек в его положении, он уже даже на подсознательном уровне проникся определенной ответственностью за ход войны. Подобный энтузиазм не был ошибкой: он придавал войне новый смысл. Однако в случае с Лешей этот энтузиазм был сломлен в немалой степени местным шовинизмом: когда Леша сделал несколько замечаний молодым солдатам из «Младо войско», те вместо того, чтобы принять все к сведению, побежали жаловаться воеводе. В итоге воевода вступил в конфликт с Алексеем – и лишился не только хорошего бойца, но и специалиста. Леша тогда был разочарован, но от участия в войне не отказался, хотя по логике следовало бы уехать домой. Задержало его только существование русской группы «Белых волков». Но, перейдя туда, Алексей неожиданно оказался... вне этой группы. Почти все русские после операции на Нишицком плато в конце октября ушли от Сержана, так как почувствовали себя не слишком нужными в начавшейся вокруг этого отряда местной круговерти. Нахождение в составе «Белых волков», конечно, давало возможность хорошо повоевать, но шансы на успех в местном обществе были минимальны.

Это было закономерно. Впрочем, и самого Сержана местная правящая партийная номенклатура всего лишь терпела. СДС, помогая Сержану, старалась использовать его в борьбе с военной властью. «Белые волки», таким образом, были поставлены в крайне тяжелое положение: их терпели только из-за военных нужд. Говоря о заслугах «Белых волков», стоит упомянуть и об их недостатках, характерных для всех подобных отрядов. Прежде всего, это – внутренняя неустроенность, зависимость от местных интриг. Естественно, без серьезной идейной и материальной базы воевать долго нельзя, и неудивительно, что постоянная численность боевого состава «Белых волков» не превышала двух – трех десятков человек, (и еще столько же находилось на отдыхе, лечении или просто на тыловых должностях).

Главную роль в отряде Кнежевича играли те, кто выполнял задачи по непосредственному прорыву неприятельской обороны, или, что случалось чаще, по ликвидации таких прорывов в сербской обороне. Именно здесь и играли главную роль добровольцы, как русские, так и сербские. Пребывание добровольцев в отряде длилось от нескольких дней до нескольких месяцев, хотя некоторые даже не успевали принять участие в акциях. Например, один русский доброволец с Урала был отчислен из отряда лично Держаном – после пьяной выходки, когда угрожал ручной гранатой. Другой, итальянский

доброволец, отбыл домой самостоятельно, когда узнал, что зарплата не соответствует тем данным, которые он имел. Все это было естественным явлением для местной войны. Между тем, факт остается фактом: русские добровольцы сыграли ключевую роль в прославлении «Белых волков». Известную группу из Вучьей Луки Мишо Раича и Неджо Комадара, скорее, тоже можно отнести к добровольческой бригаде, чем к местным жителям. Казалось бы, не важно, кто является жителем Пале, а кто нет, однако после войны как-то незаметно оказалось, что «Белые волки» стали своеобразной достопримечательностью Пале, а о роли добровольцев забыли. Сержан был вынужден опираться на местных бойцов, так как добровольцы были публикой не постоянной.

В то же время это непостоянство было вызвано плохой постановкой военного дела на сербской стороне; причинами являются догматизм и равнодушие верхов в военных вопросах. «Белые волки» имели все условия, чтоб перерасти в большое, хорошо подготовленное формирование, равное рангу батальона или бригады, и как раз благодаря присутствию добровольцев. Пожалуй, половину списочного состава «Белых волков» (приблизительно 150 человек) составляли иностранные добровольцы из разных стран (среди них, например, Никола Рибич, судимый после войны в Канаде за взятие заложников из числа военнослужащих войск ООН). Среди добровольцев встречались французы (двое), грузины (двое), болгары, румыны, греки, чехи и даже норвежец.

Без добровольцев ни одна акция, подобная акции на Нишичском плато, не проводилась после осени 1994 года, и именно в этих акциях погибло и было ранено немалое число добровольцев. Тогда погибли Петр Малышев, Роман Малышев, Алексей Томилин (Россия), Юра Петраш (Белоруссия), Дима Андриян (Румыния), Йордан Куцарев (Болгария). Саша Барон, Игорь М., Юра Ш., Володя Боцман, Сергей (грузин) – остались инвалидами, причем Саша Барон лишился ноги, Сергей (грузин) лишился руки, а остальные получили тяжелые ранения в области всего тела.

Конечно, война идеальной быть не может. Другое дело, что необходимо снизить количество отрицательных примеров, разобравшись в причинах неудач. Только в книжках о войне в войсках существует полный порядок, на самом деле довольно сложно установить порядок в среде вооруженных людей на гражданской войне: здесь необходимы авторитет, знание психологии. Сержан, выросший в Боснии, никак не мог понять русских, принадлежавших к обществу, очень отличному от местного, и слова о сербско-русском единстве в данном случае звучат довольно глупо. В конечном итоге, отряд «Белые волки» в тылу разделялся по кружкам по интересам. Очевидно, что подходит сербу, не подходит русскому – и наоборот. Легкость установления дружеских отношений была крайне обманчива, а в силу традиционной клановости на данной почве не раз возникали бытовые конфликты. Так, Леше Томилину пришлось раз выбить ногой дверь одному

местному майору, бывшему в «Белых волках» тылови́ком. Подобные конфликты продолжались и после акции на Ниши́чском плато. Олег Славен, ветеран «Белых волков», после акции на плато уехал с местной девушкой Наташей в Восточную Славонию, в город Шид, но позднее, возвратившись в Пале, он вступил в конфликт с местными сербами. В сложившейся ситуации Сержан не оказал поддержки Олегу, чем крайне разозлил его. В состоянии обиды Олег «увел» у Сержана только приехавшую с Украины группу «београдских» десантников (восемь человек) и отправился с ними на взятие Жепы в июле 1995 года, где и погиб. Сержан, и так тогда потерявший немало людей, был разгневан на Олега. Из тех десантников в «Белых волках» остался только командир, майор Василий, который позднее был ранен в боях за гору Чердак. Положение стало критическим, строгих ограничений в наборе уже не было, а в спешке хороших подразделений не создашь.

Был и такой случай, когда наш кубанский казак Виталик, перешедший в «Белые волки» из отряда Алексича в начале 1995 года, вскоре вернулся, весьма разочарованный и злой. Там он подвергся насмешкам по поводу своего значительного веса и некоторой медлительности. Между тем, Виталик показал себя отряду Алексича довольно неплохо, он добровольно воевал в Абхазии, потом отправился в Чечню. Конечно, он не был лишен недостатков, как и любой другой человек, но на войне необходима терпимость, без нее собрать хороший отряд невозможно, а многие местные сербы неприятно поражали своей склонностью все и вся осмеивать.

Но, несмотря на все происходящее, Сержан и его бойцы все же стремились воевать вместе с добровольцами. Сержан был одним из тех командиров, которые заботились об обучении своих бойцов, поэтому и добровольцы получали возможность профессионального роста в составе «Белых волков».

Местной сербской власти достаточно было лишь преобразовать отряд из довольно узких и «специфических» рамок разведывательно-диверсионного взвода в ударный батальон, и боевые возможности сербских войск значительно расширились бы. К тому же, это позволило бы официально в составе батальона создать несколько добровольческих отрядов, что обеспечило бы куда более широкое и всесторонне использование большего числа иностранных добровольцев. Но в результате Сержан обрел бы силу, и смог оказывать влияние на политический и военный центры Республики Сербской. Даже его небольшой взвод во время событий в Пале имел большое влияние, и здесь считалось большим престижем иметь хоть какое-нибудь, даже отдаленное, отношение к «Белым волкам». Сам факт того, что несколько русских добровольцев два раза угоняли машину премьер-министра Козича, открыто разъезжали на ней по Пале и едва согласились вернуть ее законному владельцу, говорит о влиянии «Белых волков», которое росло семимильными шагами. Лишь вмешательство Сержана предотвратило открытое нападение «Белых волков» на местное здание милиции, чей начальник, Кораман, был

одним из наиболее влиятельных людей во всей республике. Тогда, после ареста и традиционного избиения милицией одного серба из «Белых волков», Мишо Раич и болгарин Даниэл начали заводить бронетранспортер, и лишь прибытие Сержана помогло усмирить страсти. Столь большая уверенность в своих силах не могла не пугать местные власти, тем более, это относилось к добровольцам, не связанным с местной средой, способных с легкостью решиться на прямой вооруженный конфликт с властью. Сержан поэтому и был тогда «принят» местной верхушкой, став после войны, на непродолжительное время, председателем комитета СДС в Пале.

Уйдя с этого поста, он вступил в конфликт с этой самой верхушкой, и был поставлен заместителем начальника ЦСБ [Центр службы безбедности – *примеч. ред.*] Сербского Сараево. На данном посту он поддержал отколовшееся от главной фракции СДС крыло Биляны Плавшич, преобразовавшееся в отдельную партию СНС («Српски народни савез» – Сербский народный союз), и вступил в борьбу с местной мафией. Однако время было уже иное, добровольцев не было, а от «Белых волков» в Пале осталась небольшая группа местных сербов, иные из них порвали всякие отношения с Сержаном. Те, кто в верхах были на стороне Сержана, тоже быстро отказались от него. В результате, 7 августа 1998 года, ночью, Сержан был убит возле своего подъезда на глазах у жены и двоих сыновей. Местное палянское общество, превозносившее «Белых волков» во время войны, в своем большинстве встало на сторону противников Сержана из старого СДС, якобы, по патриотическим соображениям. Семеро сотрудников специальной милиции, арестованные по обвинению в убийстве Сержана, позднее были освобождены судом в Сербском Сараево при прямой поддержке комиссара ООН по правам человека Элизабет Рен и представителей международной полицейской миссии IPTF. Местная газета «Сырпско Ослободjenje», занимавшаяся пропагандой в пользу СДС, сразу после убийства Сержана разразилось статьей некоего Н. Марича (от 11. 08. 1998 г.), в которой, опираясь «на источники в МВД», было указано, что причина смерти Кнежевич лежит в «14 русских наемниках», размещенных им в его родном селе, Твердимичи, для уголовных разборок. Это было очевидным бредом, так как от русских добровольцев, «Белых волков» на Яхорине, остался один «Боцман», правда, появившийся после убийства Сержана, перед его домом, в полном военном снаряжении и с оружием. Вообще, русские добровольцы, впрочем, как и другие добровольцы, почти полностью уехали, поскольку в местной среде шансы на успех были равны нулю. В местные дела, как правило, посторонние не допускались, особенно, если дело касалось денег и политики. Да и вряд ли в маленьком селе можно было найти жилплощадь для такой «оравы головорезов». Подобную чушь могли напечатать люди, полностью лишенные принципов, чего здесь хватало в изобилии. Это позволяет сделать вывод, что эта среда, вовремя получив отряд «Белые волки», получила больше, нежели заслуживала, а наличие «Белых волков» лишь мешало их действиям.

Глава 12. Русские в сербской среде

В местной среде, казалось, все всё знают, в особенности в военных и политических вопросах. Все тут было ясно, кто хорош, а кто плох. Действия сербов объявлялись верхом совершенства военного искусства, а над Россией нередко подтрунивали, в основном, те, кто в войне ничем себя не проявил. Это усугубилось с началом чеченской войны (1994 – 1996 гг.). Между тем, любая война – вещь весьма специфическая, например, многомиллионная Британская империя не раз терпела поражение в войне начала XX века с двумя бурскими республиками, с общим населением в триста тысяч человек, а вместе с тем, немногочисленные британские десанты с легкостью громили многочисленные китайские войска. Каждая война – это своего рода мозаика из политики, идеологии, экономики, культуры и религии, а при столь большом разнообразии в числе, качестве, вооружении и организации войск составлять прогнозы – дело бессмысленное. Даже сравнивать Сараево и Грозный невозможно. В первом случае шла позиционная война, когда Запад прямо и косвенно препятствовал началу широкомасштабных боевых действий. Во втором случае на штурм Грозного были посланы тысячи молодых срочнотружеников, большинство которых здесь и погибло. Это условное сравнение должно только показать, что главное – исправлять свои недостатки на деле. Местная власть действовала по евангельской притче, видя в чужом глазу соломинку, а в своем бревна не замечала. В силу местного беспорядка, получилось весьма четкое разграничение между теми, кто хотел и умел воевать, и теми, кто просто отбывал дни на фронте, либо вообще туда не попал. Поэтому сербы часто на фронте совершали большие ошибки, тем более, что причин для самосовершенствования они не видели. Неприятель был в подобном положении, но нельзя постоянно надеяться на чужие ошибки, тем более, что западная политика к сербам не была благосклонна. Поэтому нет ничего удивительного, что с 1994 года участились сербские поражения, и позвольте Запад продлиться войне до 1996 года, сербы в Боснии и Герцеговине потерпели бы сокрушительное поражение.

Как пример слабости сербских войск, можно привести осенние неприятельские наступления в горных районах Игман, Тресковицы и Белашницы в конце 1994 года. Уже упоминалось о двух неприятельских нападениях в сентябре – октябре, каждое из которых закончилось успехом противника и поэтому я коснусь его третьего нападения. Правда, этому предшествовала попытка сербского наступления, которая, впрочем, закончилась, так и не начавшись. Тогда была проведена разведка неприятельских позиций, и даже были открыты проходы по минным полям, но все закончилось несколькими перестрелками и отводом собранных войск по своим базам.

Я тогда состоял в отряде Алексича, и когда он сообщил мне о готовящейся акции, я обрадовался и принял в ней участие в качестве командира небольшой русской группы. Наша группа состояла из «Кренделя», ушедшего тогда от сербских добровольцев, и двух вновь прибывших добровольцев – Виталия Ш. (парня из Кубани, состоявшего там в кубанском казачьем войске и участвовавшего в боевых действиях в абхазской войне) и Димы Б. из Петербурга (бывшего старшего лейтенанта ракетных войск). Прибыли мы на позиции на горе Шиляк довольно быстро. Правда, позиции местной 2-й Сараевской бригады выглядели довольно странно. Они состояли из шедших по опушке леса извилистых условных линий обороны, состоявших из разрозненных, нередко на сотню другую метров, плохо окопанных бункеров, в которых несло дежурство по несколько бойцов лет 40 – 50. Так как с правого фланга были размещены французские миротворцы, занявшие отель Игман и пославшие коллег из Бангладеша на заснеженный верх Белашницы, то отсюда нападения не ожидалось. Однако, сербская сторона, постоянно обвинявшая командование миротворцев в двуличии, могла бы постараться связать траншеями бункера, тем более, что почва позволяла это. Когда мы вышли на позиции, оказалось, что «акция» отменяется. Какие-то бойцы с Илиджа материли свое командование, а затем по команде открыли огонь из всех стволов, стоя в полный рост, по неприятельским позициям. Этим все и закончилось, после чего бойцы отбыли назад, оставив нас нести «положай» перед которым, как потом выяснилось, их саперы сняли наши мины, но вернуть их на место поленились. Впрочем, поленились они забрать и свои минометные мины, и лишь к вечеру какие-то типы прибыли за ними. Наше воинство обладало двумя 82-х миллиметровыми минометами, но мин почти не имело, что и навело меня и «Кренделя» на мысль, спрятать в кустах пару ящиков с минами в кустах. Это мы и сделали. Наши же командиры, Алексич и его заместители, Йово и Папич, а так же пара десятков четников, в том числе и старый знакомый Зак-американец, незадолго до этого вернувшийся из США, особого интереса не проявили к тому, что остаются без мин, поскольку они были заняты благоустройством своих бункеров.

Благоустройство – вещь нужная, так как начинался декабрь. Впрочем, в лесу, где мы располагались, снега почти не было, но уже в полусотни метров от нас вверх поднимался открытый склон вершины горы Шиляк, покрытый снегом. Таким образом, главной заботой нашего воинства стала установка печек – «буржоек», естественно, ставших пускать клубы дыма над нашими позициями. Заготовкой дров нашим четникам заниматься было не к лицу, и здесь их спасло, что столь важная персона, как воевода Алексич, смог получить восемь мусульман и, кажется, кого-то из хорватов, состоявших в радном взводе. Эти преимущественно уже 40 – 50-летние мужчины, целыми днями рубили дрова для наших четников, и то за нашей линией обороны. Данными действиями они отрезали нам пути к отступлению. Уж если наш отряд был столь привилегированным, то самим сербам стоило рубить дрова

перед нашей обороной. Но их это мало интересовало, как, впрочем, и все остальное сербское воинство, разместившееся слева и справа от нас по линии обороны. Было очевидно, что без приказов сверху дела здесь не исправить.

Противник между тем сам начал нас беспокоить, и вскоре, в одно туманное утро, пока мы, как и остальные сербы, вчетвером сидели и разговаривали перед нашими бункерами. Виталик, единственный, стоявший лицом к лощине, вдруг воскликнул «мусульмане», после чего мы бросились врассыпную. По нашим позициям открыли огонь, а за нами начали стрелять и сербы. Противник отвечал слабее: вероятно, это означало, что он боится попасть по своим разведчикам. А те вполне могли нас забросать ручными гранатами и уйти, что нередко случалось. Один такой случай произошел в районе Моймило, где неприятельский боец подполз к сербскому бункеру и швырнул туда гранату, убив серба. Впрочем, в данном случае это была единственная неприятельская вылазка. Каждый второй вечер, после 6 – 7 часов, противник открывал огонь по нашим позициям. С учетом того, что от неприятельских позиций нас отделяла по воздушному пути всего пара сотен метров поросшего лесом пространства, то укрепляться нам было необходимо. К тому же нашему отряду был поручен самый тяжелый участок обороны, на самом дальнем выступе сербской линии фронта.

Мы обороняли своеобразный участок, где сербские позиции образовывали угол. Они шли снизу к нашему левому флангу, затем поворачивали вбок под 90 градусов вдоль опушки леса под открытым верхом горы, а через пару сотен метров линия фронта взбиралась наверх. Затем снова резко под 90 градусов поворачивала назад к уже упоминавшимся позициям 2-й Сараевской бригады. Фактически оставалось несколько сот метров открытого пространства, никем не защищенного. Здесь я несколько раз проходил в бригадный пункт тылового обеспечения и, вероятно, пункт командования. Впрочем, командования я так там и не видел. Этот пункт обеспечивал связь нашему «позиционному мешку» на горе Шиляк с остальной сербской территорией. Он находился несколько десятков километров ниже нас. К нему вела довольно крутая и труднопроходимая грунтовая дорога, созданная для сербских танков, которые мы пару раз все же услышали (звук моторов доносился от подножия горы), но так и не увидели. Тяжелое положение нашего отряда было ясно и воеводе. Как-то раз я услышал, заходя к нему в бункер, как Йово показывал на карте наши позиции, убеждая его, что иного выхода, кроме отступления в случае неприятельского нападения, у нас нет. Воевода, видимо, с этим согласился, и мне стало немного смешно, когда я увидел, как мой старый боевой товарищ Неделько фотографирует Йово и воеводу, сидевших в бункере за картой в новой американской форме (привезенной Заком) с длинными бородами и волосами, и естественно в четнических шубарах (папах). Все это мне стало напоминать спектакль, что, кстати, относилось и ко всем сербским войскам, державших здесь оборону, но

четники могли это куда красочнее преподнести, нежели их конкуренты – «партизаны» из военных верхов.

По-моему, работал из всех сил только Зак, который щелкал своим фотоаппаратом направо и налево: снимал и нас, ведущих минометный огонь, и воеводу с рыжебородым Йово в дозоре, и остальных четников. Среди них был один парень, которого все звали «Жути» (желтый или светлый) из-за его светлой шевелюры. Он был уроженцем Боснии и Герцеговины и жил, по его словам, у Босанского Брода. Он рассказывал всем о том, как был в отряде известного воеводы Милана Лукича (из Вышеграда) и участвовал в расстреле пассажиров поезда Белград–Бар. Тогда около двух десятков мусульман бойцы этого отряда под командованием заместителя Лукича, Бобана Инджича, сняли с поезда, вне зависимости от того, что они (за исключением одного негра) были гражданами или Сербии, или Черногории. Жути, впрочем, приврать любил, что для местных условий считалось делом привычным, и весьма типичен был и его отъезд с Гырбовицы, когда он залез в огромные долги и попросту украл вещи местных сербских знакомых, а затем отбыл, не попрощавшись, в Сербию.

На Ильке Жути с помощью Зака решил выйти на международный уровень и принялся уговаривать мусульман из радного взвода, чтобы они сделали себе несколько порезов, измазались кровью, а он и еще кто-нибудь из четников, с ножами и пилами фотографировались. Впрочем, этого идиотизма не произошло, но все это заставило усомниться в душевном здоровье моих соратников. Разница, по сравнению с серединой 1993 года, была довольно заметной, и было очевидно, что люди просто отбывают время без всякого интереса к войне, зато с куда большим интересом к выпивке и склокам. Конечно, обязанности по страже они выполняли, и лучше чем другие соседние подразделения, чьи бойцы вообще порою лишь спали в бункерах. Однако энтузиазма в людях не наблюдалось. Правда, как-то раз Сречко, изрядно выпив, и проходя вдоль нашей линии обороны, ночью начал орать угрозы мусульманам и поливать их огнем из пулемета, но это, естественно, в большие достижения записать нельзя. Меня все это выматывало, и я, сумев наконец выбить себе, и то со скандалом, двоих мусульман, начал копать траншею от нашего бункера к стоящему справа от нас бункеру Итальянца, который имел в подчинении несколько сербов с Гырбовицы, в том числе знакомого мне «Мусу».

Мусульмане, работавшие со мной, были мобилизованы из поселка Яня, под Беляной. В этом поселке мусульмане оставались жить до середины 1995 года под сербской властью, и сербское телевидение даже сняло фильм «Мир в Яне», где не было показано, правда, куда периодически этой властью направлялись местные мужчины. Траншею до бункера Итальянца выкопать мы не успели, но все же шесть – семь метров траншеи мы сделали, замаскировав ее бруствером, ветками и травой. Это давало нам возможность вести огонь всем одновременно, а не так, как наши соседи, которые, выскакивая из-за бункеров

или прячась за деревьями вели, огонь, не прицеливаясь, но всячески демонстрируя свою храбрость. В конце концов, сначала Италиянец, а затем и добровольцы из двух верхних бункеров взялись за инженерную подготовку, посмотрев на наши усилия, но сделали это не слишком качественно. Италиянец соорудил слева от своего бункера двойную стенку из тонких бревен, заполненную землей, но не имевшую амбразуры и огонь из пулеметов велся сверху, что лишало самого пулеметчика прикрытия. Добровольцы же вообще выкопали, точнее, заставили копать радный взвод яму перед своим бункером, и, накрыв ее бревнами и землей, сделали неплохой бункер с амбразурами, но только вот выкопать несколько метров траншеи до него от бункера, где они спали, не захотели. При этом их второй бункер остался у них за спиной, передней стороной к открытому подъему вверх, хотя они вполне могли вместо него выкопать бункер в десятке метров выше своего первого бункера на опушке леса, чем закрыли бы самый опасный участок этой опушки, шедшей по склону горы к позициям неприятеля. Последний же тут как раз и начал приближаться к нам, устроив за большим камнем свой новый бункер. При этом было глупо строить большие сооружения из бревен и земли, так как гранатометы все равно разбивали их: гораздо лучше было закопаться в землю, пусть и каменистую. Тем самым позиции стали бы незаметными, а бойцы — менее уязвимыми и более подвижными.

Явно неудовлетворительным было положение и командного бункера, устроенного в глубокой природной воронке, в паре десятков метров за нашей спиной, так как оттуда ни команды подавать, ни нас прикрывать огнем было невозможно. Правда, дальше за ним, в паре десятков метров, еще выше, чем наши позиции, Папич соорудил довольно правильный бункер для укрытия. Этот бункер был хорош при ведении огня из стоявших тут же двух минометов, а под землей, под бревенчатым настилом, хранилось несколько ящиков с боеприпасами. Было достаточно просто создать за нашими русскими бункерами, выше на нескольких десятках метров, новый командный бункер, имевший за спиной крутой обрыв, с которого хорошо просматривался бы и наш тыл. Этим самым мы получали бы одновременно как вторую линию обороны, так и круговую оборону, и могли бы тогда на Шиляке продержаться даже в полном окружении, особенно, если бы бункера были соединены траншеями. В случае неприятельского прорыва к нам бы ушли бойцы соседних подразделений, тем более, что соседи справа от нас находились в схожем положении, и при такой обороне им бы не пришлось бежать, так как мы бы прикрывали их позиции с тыла.

Я успел вместе с Димой сходить на разведку на эти позиции на правом фланге, откуда хорошо виднелся верх Тресковицы, и заметил, что перед ними были установлены растяжки, хорошо видимые на снегу. Больше всего тревожил тыл, так как не раз, когда я шел в «командно-тыловое место» бригады, обращал внимание на беззаботное поведение местных бойцов: они занимались своими делами, игнорируя обстановку вокруг, хотя между их

позициями могла пройти незамеченной целая рота мусульман. В одном из этих бункеров мы встретили растерянного польского добровольца, силившегося понять, где же та кровавая война, о которой трезвонили западные СМИ. Поляка мы тогда забрали к себе. Однако потом он был вынужден отправиться в свою бригаду, сдать оружие и форму ради перехода в наш отряд, и мне подумалось, понимает ли кто-либо на сербском военном верху абсурд подобного использования добровольцев. Но, очевидно, сербскому командованию было недосуг заниматься столь «незначительными» вопросами, как добровольцы. Даже свою линию обороны комбриг 2-й Сараевской бригады не удосужился обойти, хотя нас тогда прикрепили к его бригаде для усиления. Конечно, на всем местном театре боевых действий он решал не много, так как сюда были посланы сводные отряды из многих частей.

Те же «Белые волки», 7 или 8 человек которых, в том числе Саша, Алеша и Никита, а так же канадский серб Никита и румын Дима Андриян, посетили нас на Шильке. Из Дринского корпуса была послана Горажданская бригада в составе которой прибыло и двое русских добровольцев Борис и Глеб, воевавших еще зимой 1992 – 1993 года под Вишеградом. Появилось здесь и «Младо войско». Но в то же время данный фронт был в зоне ответственности 2-й Сараевской бригады, которая была создана на той части общины Илиджа, что оказалась отсеченной от основной территории сараевским аэродромом и мусульманскими поселками. То есть, село Войковичи вместе с поселком Тырново, бывшие главной базой этой бригады, защищались как раз в горах Игмана, Белашницы и Тресковицы.

Между тем на деле, несмотря на естественные положительные исключения, эта бригада действовала плохо, хотя командование ее не скупилось на самоуверенные заявления. Упражнения в словесности вообще были болезнью этой войны. Мне думается, что в какой-то мере сербское командование устроило, если бы противник нанес удар из района отеля «Игман», пройдя французских миротворцев, ничего, естественно, не способных сделать, да и вряд ли бы захотевших зря рисковать жизнью.

Тем самым, халатность в военном деле прикрывалась бы геополитическим словоблудием, и начали бы сочинять очередные военные песни. Однако, противник к тому времени настолько осмелел, что нанес удар в лоб сербской обороне и практически сразу же достиг успеха. То, что готовится неприятельское наступление, было очевидно к концу нашего двухнедельного «положая». Уже из бинокля я видел, как за заснеженным верхом Шилька, виднелся целлофан, очевидно, прикрывавший какую-то огневую точку, приготовленную не иначе, как для нападения. Этих точек я насчитал около трех-четырёх только на вершине горы, что было тревожным знаком. Я незамедлительно сообщил об этом воеводе. Помимо этого, я вместе с Димой раз сделал ночную вылазку на вершину Шилька. До противника мы тогда не добрались, так как раздалось несколько выстрелов в нашу сторону, а мы лежали на открытом склоне и, несмотря на белые комбинезоны, были заметны.

За час ползания по снегу мы слышали голоса неприятеля в нескольких десятках метров от нас, за верхом Шилька, где обороняться ему было не нужно, да и не от кого. Мои предупреждения остались не услышанным, так как воспринимались с какой-то долей зависти, и, вероятно, поэтому Йово совершил весьма странную вылазку от бункера Итальянца.

Поначалу все выглядело серьезно, и мы, предупрежденные о вылазке, распределились по траншее, и тут мне бросилось в глаза, что воевода что-то рассматривает в бинокль из-за бункера, а Зак стоит перед этим бункером, всматриваясь между деревьями вниз в ложбину. В десятке метров, впереди от Зака, по лесу что-то высматривал Йово, только непонятно что. Подошедший к нам Итальянец, довольно раздраженный, заметил, что «вообще-то радни взвод мы посылали на несколько метров дальше за дровами». Все это выглядело глупо, что попеременно с постоянными конфликтами, пусть и скрытого характера, изрядно действовало на нервы. Дополнительно разозлило то, что под конец нам запретили вести огонь из миномета, которым мы крыли противника после каждого его обстрела.

Прибывшая нам на смену группа нашего батальона была явно не готова к обороне данных позиций, так как была собрана «с бору по сосенке» из людей, несработанных между собой, а часто и совсем неподготовленных. Я попытался пояснить командиру этой группы из района Еврейского гробля, капитану Станичу, что необходимо срочно продолжить строительство укреплений, но тот только отмахнулся от меня. О чем он говорил с воеводой, мне было не известно, но сейчас думается, что разговор шел о местных интригах. При этом меня ловко обманули таким образом, что по просьбе воеводы мне пришлось оставить свой личный гранатомет, с которым мне очень не хотелось расставаться, и этот гранатомет, не сделавший ни одного выстрела, попал позднее в руки мусульман, хотя я оставил его парню с Гырбовицы по прозвищу Мюз. Вся эта группа была собрана не для акции, а для «положая», и я даже не мог объяснить им обстановку из-за отсутствия у них интереса. Правда, перед этим к нам на позицию, наконец-то, пришли корпусные разведчики, и я им обрисовал ситуацию, но, видимо, командованию наверху до обстановки на фронте дела не было.

Вполне закономерно, что практически на следующий день мы в том же составе были отправлены на Шильяк, так как сербская оборона была там прорвана. Оказывается, в самый важный бункер, угловой, где до этого были добровольцы из Югославии, из новой группы были посланы двое или трое мужчин преклонного возраста, и неудивительно, что к выстроенному нашими добровольцами бункеру неприятельский диверсант подполз незаметно и выстрелом из гранатомета снял с него крышу. Сразу же началась перестрелка, а сидевшие в этом бункере бойцы просто бежали. Из стоявшего за ними бункера четверо моих знакомых по Сараево, Любиша, «Медо», Мики и «Звезда», попытались вести огонь, но быстро первых троих ранили, а последний, помогая им уйти, сам подвернул ногу. В нижних бункерах

сербское сопротивление тоже долго не продлилось. Самый упорный защитник – «Швабо», светловолосый парень, который несколько лет провел в мусульманских лагерях и тюрьмах, – был тяжело ранен и едва спасен своими товарищами.

Одновременно сербская оборона, видимо, была прорвана где-то ниже, и сотни сербских бойцов начали бежать со всей линии фронта. Когда мы на грузовиках добрались до Тырново и двинулись на Шиляк, бегство было в полном разгаре. Нам навстречу шли десятки людей и, хотя иные были уже без оружия, все же многие отдыхали на полянах на своих сумках и спальных мешках, которые, как ни странно, успели упаковать. Неразбериха была полная. Сначала наши сербские четники, в особенности добровольцы, смеялись над бегущими, потом насмешки поутихли. Особенно, когда еще один мой знакомый Горан Моро, решивший пойти в акцию с Чубой, заменявшего в этом случае воеводу, не начал кричать Йово, что надо выходить из грузовиков и идти пешком. Он был, конечно, прав, но люди сидели как бараны, ожидали приказа Йово, а тот, по-моему, сам не знал, что делать. Наконец, мы добрались до какого-то танка, стоявшего под пригорком и вокруг него лежало около десятка сербских бойцов из разных подразделений. Одного из них я узнал, так как он был из «Белых волков», но он, как и остальные, случайно здесь оказался, а что происходит, сам не понимал. Противник же вел огонь из минометов, и разрывы мин возникали довольно близко. Так как местность была безлесная, то наши два или три грузовика были, естественно, сразу же замечены противником.

Подчиняясь здравому смыслу, было необходимо не допускать задержки. Тут же, как раз появился какой-то офицер, который стал убеждать Йово пройти пешком, по его словам, пару сотен метров вперед, где, якобы, кто-то будет ждать. С нами идти он не хотел, а командира 2-й Сараевской бригады мы уже увидели за поворотом, перед выездом на открытое поле. Комбриг вместе со своими телохранителями пытался остановить бегство своих людей, сам же из-за поворота не выходил и прятался за деревьями. Все это веселило не только Йово, но и всех четников. Последние напрочь отказывались идти вперед, объясняя, что не собираются расплачиваться за ошибки командования, уверявшего в хорошей организации обороны. Конечно, будь в них сильнее развито чувство воинского долга, они бы не только задержались на позициях, но вышли чуть вперед, в прилегавший лесок, и восстановили линию обороны. Естественно, немало бегущих можно было остановить. Возможно, некоторые из них присоединились бы к нам. Как говорится, дорогу осилит идущий, и чтобы добиться успеха на войне, для начала надо просто начать воевать, выполнять свои обязанности.

Однако, как обычно, наши соратники, проводившие дни и ночи в разговорах о политике, но так и не изучившие основ военной тактики, совершили опять типичную глупость. Невзирая на свой «многолетний» опыт, Йово послал их на самый верх лысой горки, под которой стоял танк, в какую-то

неглубокую (по пояс) траншею, хотя для начала надо было провести обычную разведку. В данном случае Йово надо было обратиться за помощью к нам, русским, но он, как человек гордый, не хотел показывать, что нуждается в нашей помощи. Чуба же, более рассудительный и опытный человек, которого Йово к тому же побаивался, в данном случае вел себя пассивно. К тому же, тогда несколько местных ребят, бывших в 1992–1993 гг. ударной группой Алексича, от последнего ушли с большим скандалом. Воевода, угрожавший кое-кому из них, послал их тогда в военную тюрьму на 15 суток. Чуба, раздраженный происшествием, добровольно вместе с ними отправился в тюрьму, и хотя отношений с воеводой не порвал, но прежней роли уже не играл, оставшись без людей, за исключением разве что Горана Моро.

Мне тогда местные отношения были еще не совсем ясны. Я не понимал, как после больших ссор люди, как ни в чем не бывало, едва ли не обнимались, хотя любая последующая их ссора могла закончиться трагически. Не понимал я и местной пассивности в военных вопросах, когда люди, видя очевидную глупость, лишь пожимали плечами и говорили, что от них ничего не зависит; это еще больше усугубляло положение. В тот день жертвой пал Горан Моро, чью голову буквально рассек минометный осколок. Это произошло довольно быстро. Неприятель, находившийся на соседней слева покрытой лесом горе, мог легко просматривать и корректировать по нам огонь минометов. Перед этим я успел сказать Кренделю, чтобы он присел в траншею, а не стоял в полный рост, подражая бравате некоторых четников. Неожиданно рядом с нами засвистели мины, и раздался их характерный треск. Тут уж было не до бравады, и все попадали в траншею. Я заметил, как на правом рукаве моей зеленой китайской ватной куртке появилось маленькое отверстие, и ощутил легкий укол в руку.

Как потом оказалось, маленький осколок, лишь неглубоко оцарапал ее, и кровь скоро перестала бежать из раны. Виталий закричал, что он ранен, и тут же начал громко читать молитвы. Выскочив, я поволок его по траншее, однако он вместе со своим снаряжением был настолько тяжел, что в конце концов я поднял его на ноги и спросил, может ли он сам идти, хотя зацепило его серьезнее, нежели меня, и осколок вошел глубоко в тело. Но все-таки идти он мог. Я позвал Кренделя, который ошеломленно глядел вокруг и показывал, как один осколок оцарапал его кадык. Неожиданно я услышал, как Чуба начал кричать «Моро, Моро!» Сделав несколько шагов, к стоявшему в начале траншеи открытому бункеру, я увидел, как Моро лежит, скорчившись на земле, а из головы его начал течь мозг. Рядом с ним еще более ошеломленный, нежели Крендель, сидел доброволец из Воеводины – длинноволосый венгр, которому Моро, как потом выяснилось, наполнял вещмешок боеприпасами. Как раз то, что они не легли, а остались сидеть на корточках, и повлекло смерть Моро.

Поначалу я не мог поверить, что Горан мертв, но потом крикнул Кренделю, чтобы он срочно вел Виталия вниз, где стояла машина. Вместе с

Неделько и Чубой мы положили Моро на принесенные кем-то носилки. Бежать нам пришлось по открытому полю, так как спуск из траншеи был слишком крут, а между тем, все остальные четники, уже без всякой бравады спустились к танку, вокруг которого и расселись. После не особо продолжительных дебатов Йово вместе с четниками отправился назад в Тырново, вместе с тянувшейся вереницей беглецов, над которыми они еще недавно насмехались. С ними идти я не захотел. Чуба тоже изъявил желание остаться, но Йово и Неделько увели его с собой. Ушел с ними и Крендель. Со мной остался новичок Валера из Москвы. Я, конечно, понимал, что толку от него будет мало, но Валера употребил весь арсенал поэтики о фронтовом братстве, чтобы остаться.

Постояв немного и увидев, что никаких команд нет, я отправился в здание Тырновской школы, где мы должны были ждать дальнейших приказов командования. Возвращались дорогой через поляну, шли под разрывы мин в сотне метров от нас. За поворотом продолжал стоять местный комбриг, вместе со своим «лосем» — телохранителем, но на нас он никакого внимания не обратил, так как знал, что никакой власти над нами не имеет. Однако своих односельчан пытался загнать назад, чего они явно делать не хотели. Часть бегущих не имела даже оружия: одни просто возвращались к танку, другие обходили комбрига стороной, а третьи падали на землю и кричали, чтобы тот их расстреливал, но назад они не вернутся. Как потом выяснилось, комбриг все-таки приказал военной полиции стрелять по бегущим, но при всеобщей дезорганизации толку это не принесло. В тот день был убит серб, возвращавшийся со своей женой на машине из Тырново, не имевший никакого отношения к обороне позиций.

Я тогда хорошо запомнил одного связиста, шедшего по верху той горы, где погиб Моро. Он прокладывал кабель, и когда я вернулся осмотреть место гибели Моро и окликнул связиста, тот, спрыгнув в траншею, даже не понимал, что противник рядом, пока не увидел лужу крови.

Что касается нашего пребывания в школе, то кроме бестолковой болтовни и выяснения отношений, ничего существенного не произошло. Мы до глубокой ночи слонялись по школе в ожидании приказа, но приехавший комбриг, вместо того, чтобы подбодрить бойцов, начал ругань с Йово. В конце концов, комбриг уехал вместе с Сержаном. Впрочем, «Белые волки», надо отдать им должное, были единственными, кто организовал хоть какую-то оборону из своей местной базы, оказавшейся на линии фронта, хотя в ней оставался десяток человек. Но к ним тогда присоединились и десятки бойцов из отступавших подразделений, в том числе командир роты с нашего района Еврейского гробля — Мирко Станич, а также доброволец из Болгарии Даниэл (здесь же и раненный в ногу), и этим был создан очаг сербского сопротивления. Противник к тому же наступал на узком участке, несколькими небольшими (по десятку-другому человек) штурмовыми группами. В результате, натолкнувшись на серьезное сопротивление, эти группы останавливались, не

зная сил оборонявшихся, а ночью, чтобы не попасть в окружение, были вынуждены вообще остановиться. Подходившие остальные неприятельские войска начинали строить новую линию обороны, чем операция и закончилась. Такой сценарий повторялся потом не раз. Тогда под Шиляком было потеряно до двух десятков квадратных метров, десятки погибших и пропавших без вести, главным образом из-за возникшей паники. На мусульманском телевидении сами неприятельские командиры говорили, что сербские войска оставили довольно укрепленные линии обороны. Я сразу же вспомнил о своем гранатомете, так же оставленном противнику вместе с тремя гранатами. Тогда иные сербы пытались списать сербский разгром на бегство двоих мусульман из радного взвода, но это никак не могла объяснить бегства со всей линии обороны. Будь сербское сопротивление сильнее, то прорыв в одном месте всегда можно было закрыть, что на войне дело привычное. Подобный сценарий стал с конца 1994 года привычным, и становилось ясно, что положение на фронте становится более тяжелым. Тот же фронт под Тырново с осени 1994 года стал местом постоянных неприятельских нападений, и если там находилась хотя бы одна сербская интервентная группа, подобных разгромов не происходило. Хотя, конечно, в боях гибло немало людей. По некоторым оценкам, на этом фронте за вторую половину 1994 и 1995 год, погибло несколько сотен человек.

Показателен пример «Белых волков», интересен он тем, что в составе этого отряда бои на данном фронте вели русские добровольцы. «Белые волки» практически передислоцировались на этот фронт, со временем создав в здании школы Тырново свою фронтовую базу. Главная задача этого отряда была в ликвидации (или предотвращения) прорывов неприятеля сербской обороны, что, впрочем, было типичным заданием в данный период войны для всех подобных интервентных групп.

После Шилька отряду пришлось вести бои за гору Пандурицу, а затем несколько месяцев действовать главным образом разведывательными дозорами. Хотя и здесь бывали бои за гору Джокин Торань. В новых боях за гору Орлицу, 3 мая, погиб румынский доброволец Дима Андриян, бывший сотрудник румынской службы безопасности секуритате, вынужденный бежать от своих шефов из своей страны. Тогда Светко и Сержан поссорились по поводу того, как надо воевать, так как «Белые волки» тогда чуть не оказались полностью в неприятельской засаде. Новые бои начались с неприятельским июньским наступлением (16 – 18 июня) на сербские позиции вокруг Сараево. Противник на некоторых участках нанес поражения сербским войскам, хотя в дальнейшем сербская линия фронта была восстановлена.

Летом 1995 года фронт под Тырново требовал все новых и новых сербских сил. Но так как о качестве войск заботились мало, то мусульманские войска, постоянно понукаемые сверху, в конце концов вплотную приблизились к Тырново.

Главной причиной их успеха были сами сербские войска, удивительно бездарно воевавшие. Так, захват десяти сербских танков и бронемашин на горной дороге над Тырново произошел не в результате спланированной операции неприятеля, а из-за трусости сербских бойцов и командиров, оставивших свои позиции, едва мусульманская диверсионная группа подбила грузовик полиции. Сербь не только бежали, бросив бронемашины, но сожгли без всякой необходимости дорогостоящий центр связи. Мусульмане, вероятно, поразились, увидев пустые позиции, котрые они заняли спустя два дня.

Похожим образом развивались события и в июне 1995 года, когда мусульмане заняли само Тырново, перерезав дороги в районе лесопилки, моста (его охраняли всего четыре бойца из сербской «редкой обавезе» – рабочей команды) и Киево. Однако в Тырново находилась группа отряда «Бели вукови» и в то лето они сыграли роль главной силы обороны Тырново, и не случайно вокруг отряда «Бели вукови» группировалось остальное войско.

В одном бою всего десятков бойцов этого отряда, возглавляемого командиром Княжевичем, разгромили столь же небольшую мусульманскую ударную группу, прорвавшуюся в Тырново, но оставшуюся без поддержки своих войск. «Бели вукови» отбили еще и полтора десятка пленных сербов.

В то время вопрос стоял уже не о победе, а о выживании сербского Сараево, которое, как бы не изошрялись западные СМИ, все же существовало, и в нем жили десятки тысяч гражданских лиц, иначе говоря, семьи сербских бойцов, воевавших на фронте. Неприятельская операция по деблокаде Сараево закончилась полным провалом для мусульманских генералов Боснии и Герцеговины, потерями в десятки погибших и сотни раненых. Но и сербы понесли ощутимые потери, а среди погибших оказалось двое русских – Юра Пилипчик (уроженец Кишинева) и Сергей Мирончук (живший в Одессе и служивший в милиции). Первого я не знал, но слышал, что он был в составе юришного (штурмового) батальона Илияшской бригады, вместе с еще одним русским Аликом, выходцем откуда-то из Средней Азии. Погиб он при неприятельском прорыве под Вогощей, где противник воспользовался плохой организацией сербской обороны, и дошел практически до села Семизовац, стоявшего на окраине Вогощи, где понес большие потери передовой неприятельский интервентный отряд. Сергея же я знал. Он провел пару недель в нашей русской группе, в роте Алексича, а затем ушел к Борису в Касиндольский батальон. Здесь он воевал несколько месяцев и оказался под Тырново во время неприятельского наступления. Под Тырново он попал, так как заменял во внеочередном порядке местного серба. Когда началось наступление противника, местные командиры бежали с фронта, вместе с большей массой своих бойцов, а Сергей вместе с сербом Зораном Кезичем, оказался заваленным взрывом в бункере. Взявшие Сергея и Зорана в плен бойцы мусульманской интервентной группы повели себя гуманно, и даже дали Сергею закурить. Но вслед за ними пришла основная масса мусульман,

которые изрядно поиздевались над Сергеем. Несмотря на то, что он пытался дать им отпор, Сергея просто затоптали. После этого последовал многодневный допрос, который проводил офицер военной безопасности, бывший офицер ЮНА, Химзо Попович. Фамилия типичная для серба, но никак для мусульманина. Изуродовав Сергея, они в конце концов его убили, и после долгих мытарств, передали сербской стороне. Он был похоронен на кладбище Дони Миливичи с остальными погибшими русскими добровольцами, тогда как Юра Пилипичик, был перезахоронен на кладбище в Соколаце, в связи с переходом Сербского Сараево в мусульманские руки (по договору о мире в Дейтоне и Париже, октябрь – ноябрь 1995 года).

[...]

Бои на тырновском фронте шли упорные, противник постоянно нападал на здешние сербские позиции, однако с переменным успехом.

В конечном итоге противник не смог захватить Тырново, и установить тем самым свой коридор с Горажде, и одновременно отсечь сербскую область Сараево от сербской области Герцеговины. Нельзя отрицать, что сербские войска проявили здесь немалое упорство, и то же сербское преимущество в вооружении, прежде всего в бронетехнике и в артиллерии, здесь большой роли не играло. Основная заслуга в сохранении Тырново принадлежит бойцам сербских интервентных групп, сыгравших значительную роль в сохранении или в восстановлении сербских линий обороны. Их действия настолько выделялись в ходе войны, что общий уровень остальных войск выглядел довольно низким. Конечно, были положительные примеры, но еще чаще встречались примеры отрицательные, когда группы бойцов, без цели и плана посылались наобум и не особо заботились о выполнении боевых задач.

Часто случалось, что войска бежали с позиций, и раз Сержану Кнежевичу пришлось возвращать даже пистолеты местной сербской сараевской милиции, чьи бойцы, сбежав с линии обороны, забыли их там, а неприятель так и не появился. Еще более интересен пример с созданием 4-й Сараевской легко-пехотной бригады в Пале с майором Стеваном Вельовичем, как командиром и комбатом с Требевича Радомиром Коичем, как начальником штаба. Фактически эта бригада была создана политической верхушкой Республики Сербской в пику сербскому же военному командованию. Пока политическое руководство республики выясняло отношения, пока убеждались ее бойцы в необходимости перенесения «положаев» из-под Олово на Тырново, сербская оборона снова была прорвана, и снова положение спасали интервентные группы. Ладно бы посылались только интервентные группы, но на фронт отправляли и подразделения «радной обовезы», которые, конечно, давали определенный эффект, но, как и всякое ополчение, в такой войне использовались чисто механически – для заполнения «дыр» в обороне, а при неприятельских ударах несли большие потери. Смысл подобного

использования рабочей силы мне не был вполне ясен. Неразумно, по моему мнению, было посылать сводные отряды из состава частей из других областей Республики Сербской, в особенности из западной части, для обороны «положаев» под тем же Тырново, или под Вогощей. Эти сводные отряды на незнакомой местности вели себя неуверенно.

Война требует профессионального отношения, и ни одно войско не может обойтись без профессионального боевого костяка. Даже использование боевой техники требует определенных знаний, при этом больших, нежели в гражданской сфере, так как эта техника выполняет и задачи, схожие с гражданскими, и боевые задачи на фронтовой линии. Но еще больше знаний, а главное, опыта и таланта, требует командование войсками, и, следовательно, использование этой боевой техники в действии. Ошибочно считать, что одной техникой можно достичь победы на войне, так как победа – понятие весьма сложное, особенно в наше время, когда военное искусство тесно переплелось с идеологией и политикой.

В Боснии и Герцеговине войска Республики Сербской всю войну сохраняли большое преимущество в вооружении над своими противниками, и ни прямое наступление войск Хорватии на Республику Сербскую летом – осенью 1995 года, ни двухнедельные авиаудары НАТО большого перевеса сербским неприятелям не принесли. Провозглашенное эмбарго на поставки вооружения в бывшую Югославию, хоть и постоянно нарушаемое, как Западом, так и исламским миром, по отношению к противникам сербов, не особо отразилось на сербской стороне. В той же Югославии, и даже в Республике Сербской, была сохранена военная промышленность, способная обеспечить, и обеспечившая войска не только боеприпасами, но и ремонтом вооружения и техники, производством всех основных их видов, вплоть до бронетехники и боевых самолетов. Конечно, все это велось в весьма ограниченных масштабах, по сравнению с мировыми. Но ведь и война шла не с войсками НАТО, а с мусульманскими, которые оставались во многом на уровне партизанских армий. Окруженные со всех сторон как сербскими, так и хорватскими войсками, они долгое время испытывали перебои в снабжении боеприпасами. ВРС, имея достаточно хорошего оружия и подготовленных специалистов, сильно нас удивило своей неготовностью к этой войне.

Уже одно оборудование сербских линий обороны поражало, так как оно во многом уступало противнику, а многие сербские бункеры, скорее, напоминали баррикады. Редко можно было увидеть сербского бойца, копающего или что-то строящего на своей позиции. Зато куда чаще приходилось наблюдать, как десяток сербских бойцов из нескольких бункеров, рассевшись у какого-то одного бункера, играют в карты, пьют ракию или занимаются домашними делами. Наши позиции в районе Еврейского гробля были оборудованы для местных условий достаточно хорошо, да и боевые действия здесь проходили куда чаще, чем на многих иных участках фронта,

где противник неделями, а то и месяцами, не напоминал о себе. Но и на наших позициях не было ни второй линии обороны, ни полного соединения бункеров траншеями, ни надежных укрытий от огня прямой наводкой, даже из гранатометов. Целый год, с лета 1993 по лето 1994 года, не происходило никаких изменений на этих позициях. Исключением было создание огневой точки для ПАМа (зенитного пулемета) «Бровингера», калибра 12,7мм, установленного на чердаке одного мусульманского дома «Ходжина куча». Данная точка находилась позади первой линии обороны между бункерами Рашидов ров и Босут. В общих же чертах, насколько я знаю, наши позиции оставались практически в том же виде, в каком они были созданы летом 1992 года. Лишь в конце 1994 года силами радного взвода, нескольких сербских добровольцев, под управлением постоянно ругавшихся между собой Ранко и Любо, на расстоянии пары сотен метров от первой линии обороны была оборудована огневая точка 20-ти миллиметровой автоматической пушкой. Подобную огневую точку с 82-х миллиметровым безотказным оружием Ранка установил недалеко от своего дома, на позициях роты Станича. Это весьма пригодились местным сербам, когда в мае 1995 года боевые действия в Сараево возобновились с новой силой. Если бы подобных точек было создано не две, а хотя бы десять, то противник явно бы потерял интерес нападать на наш район. Подобное можно было сделать и по всей Гырбовице, которая представляла собой практически готовую многослойную линию обороны: ее необходимо было лишь немного дооборудовать. К тому же можно было устроить несколько огневых позиций и для танков, и для «Праг». В Луковице были размещены танковый и механизированный батальоны, имевшие по паре десятков бронемашин, а также зенитный дивизион, оснащенный самоходными и буксируемыми зенитными пушками.

По моему мнению, если бы по противнику велся постоянный огонь, то он бы побоялся и выстрел сделать в нашу сторону. Для данного района это было особенно важно, так как противник, воспользовавшись пассивностью на нашей стороне, прорыл несколько траншей на склоне горы «Дебелого бырдо» со стороны, обращенной к нам же. И противник не обращал никакого внимания ни на французских, ни на российских миротворцев. Видя все это, я предложил воеводе поджечь лес на склоне горы, обмотав стволы ближайших к нам деревьев, одеялами, смоченными в бензине. При более-менее сильном ветре огонь перекинулся бы на неприятеля и заставил бы его хотя бы на время удалиться с позиции: тогда можно было бы либо занять его траншею, либо заминировать. Впрочем, наши ребята, будучи на Нишичском плато, при взятии горы Мали Ясень ставили такой вопрос, но тогда такую идею отверг какой-то генерал, объясняя это тем, что лес достанется им, а стоит он дорого. В нашем же случае мало кто заботился о сохранение леса, но вот желающих поджигать его не нашлось. Единственно, что сделали, но уже силами, державшими оборону на «Дебелом бырдо», это приблизили нашу линии обороны к неприятелю. Для этого пришлось даже взрывать каменистую почву, но и это

передвижение сербских позиций на несколько десятков метров было недостаточным, и противник оставался на склоне горы.

Большим препятствием в борьбе было само сербское общество, в своем большинстве, бывшее против ведения огня по противнику, за исключением отражения его нападения. Подобную психологию можно понять, так как люди имели дома в сотнях, а то и десятках метрах от позиций. У многих здесь были и семьи, и никто не хотел рисковать жизнями ни своими, ни своих родных. К тому же действительно, некоторые люди часто вели беспорядочный огонь, то от безделья, то под действием алкоголя.

И само мусульманское командование было особо озабочено подобными случаями на собственной стороне. Но не думаю, что мусульманский верх особо интересовали страдания собственного народа, и куда более весомы тут были доводы того, каковы шансы на успех при попытке наступления, допустим, на тот же район Еврейского гробля. В местных же условиях эти шансы оценивались в зависимости от того, насколько часто и как противник ведет огонь и нападает на данном участке фронта. Поэтому я и считал, что по неприятельским линиям обороны следует при наличии достаточных оснований вести прицельный и результативный огонь, но, конечно не огонь в пьяном угаре, или ради развлечения. Странно, однако, ждать неизвестно чего, видя, как на твоих глазах противник строит свои бункеры все ближе к сербской линии обороны. К тому же в нашем случае, как раз противник имел возможность вести огонь по нашим жилым кварталам, а его жилые кварталы на участке нашей роты находились за пригорком. Опять-таки, во время перемирия в зоне Сараево в нашем районе царил относительный мир, который никто старался не нарушать, хотя и чересчур высовываться никто не хотел, так как время от времени, с той или с иной стороны, кто-то все же постреливал.

В один из дней такого перемирия ко мне домой забежал Виталик (из Донецка), повар с поста российских миротворцев, и крикнул, что только что мусульмане стреляли с «Дебелого бырдо» и убили Мики, прямо у их поста. Мики был местным сербом, лет сорока, он постоянно заходил к россиянам в гости и иной раз бравады ради кричал и грозил в сторону мусульманских позиций. В тот день кто-то из этих позиций послал пулю для Мики.

Другой же раз мы сами, причем не по своей вине, оказались жертвами неприятельского огня. Произошло это 19 января 1995 года, когда мы, семь – восемь человек, собрались выпить и закусить в своем доме, а затем все вместе решили пройти до Гырбовицы. Тогда долгое время, несколько месяцев, не было стрельбы на нашем участке, и люди начали опять ходить через тот злополучный перекресток, на котором 6 – 7 января 1994 года погибло несколько человек, в том числе Витя Десятков и Аркан. Все было бы относительно нормально, если бы наше командование нашло хотя бы один день и вновь загородило этот перекресток длинными полотнищами материи от

наблюдения с «Дебелого бырдо». Старые же полотнища, и без того не достаточно длинные, к тому времени обветшали, порвались и сбились на проволоке. Командованию же нашему было недосуг заниматься подобными вещами, и более того, нас никто не оповестил, что в тот день пьяные четники Алексича утром обстреляли склон «Дебелого бырдо», поэтому возможен неприятельский огневой ответ. Так что, выйдя средь бела дня на этот перекресток, я неожиданно услышал пулеметные очереди и увидел, как передо мной из снега поднимаются фонтанчики брызг. Борис, приехавший к нам из Касиндола, резко схватился за голову и присел на корточки. К нему бросился Петя Б., и начал за руку оттащить его к обочине, под стоявший дом.

Тут же я услышал крики Димы питерского и Андрея Л., находившихся слева от нас, о том, что ранен Игорь Т., и я увидел, как Дима ползет у ограды дома. Повернувшись в сторону, я стал вести огонь по противнику из автомата, расстреляв двойной рожок. Пришлось бежать домой за патронами и уже вместе с Петей снова открыть огонь в сторону неприятеля. Затем, перебежав к посту российских миротворцев, я крикнул им, чтобы они заводили бронетранспортер для эвакуации Игоря. Виталик-повар, сразу вскочив на броню, начал скидывать чехол с пулемета, оставшись, правда, в одиночестве. Огнем же нас никто из местных не поддержал, возможно, толком и не зная, что происходит. Достаточно злой, я начал снова палить по неприятелю, пока кто-то из наших не сказал, что Игоря вытащили и успели отвезти в больницу. Смысла вести огонь уже не было, и мы вернулись домой, а затем отправились в Касиндольскую больницу. Там выяснилось, что ранение Бориса легкое – пуля ему лишь оцарапала голову. Ранение же Игоря было тяжелым, в тот день он получил две пули. Так что в больнице ему пришлось полежать долго.

Все это нам не понравилось, тем более, никакой вины мы за инцидент не несли, и так как никто из командования произошедшим не заинтересовался, то мы решили для острастки пострелять по противнику. Я договорился с ребятами, что они откроют огонь по противнику с позиций нашей роты, как только я по неприятельским бункерам с левого фланга выпущу гранату из гранатомета. Так как мой гранатомет был оставлен бойцами Станича на Шильке мусульманам, я пошел в штаб их роты и взял оттуда другой гранатомет. К сожалению, я тогда не проверил его состояние, и, выйдя в темноте к неприятельским позициям, не смог сделать из него ни одного выстрела. Как потом выяснил Ранко, кто-то ошибочно противоположным образом поставил пружину в его спуск, и игла просто не сработала. Выругавшись, я быстро сбегал за вторым гранатометом, но из него смог сделать только один выстрел, послав гранату с длинным остроконечным носом по наклонной траектории, поскольку этот тип гранаты, как говорили, о земляные укрытия не разрывался. Моя граната разорвалась, но нового выстрела я сделать не смог: и в этом гранатомете что-то опять забарахлило. Менять же последний гранатомет смысла не было, так как наши ребята,

потеряв терпение, расстреляли по паре рожков и, выпустив несколько тромблов, отправились домой. Дома же мы узнали, что дежурный по роте, по договоренности с воеводой, стал вызывать военную полицию, чтобы нас арестовали за нарушение дисциплины, но из полиции так никто и не приехал. Все это, конечно, было мелочью, но при том достаточно характерной для существовавшего положения вещей.

Было много показухи, а мало дела. Неслучайно, никто не был озабочен тем, что при подобных случаях на сербской стороне начиналась неразбериха, и не было единой системы оповещения и эвакуации людей при координации со средствами огневой поддержки и с командирами, как на линии обороны, так и в штабах. Вся эта анархия была типична для всей местной военной организации. Очень плохо обстояли дела и с личной подготовкой бойцов. Правила «знаешь сам – научи товарища» здесь почти не существовало: в итоге, люди с многолетним боевым опытом часто толком не умели прицельно стрелять даже из автомата, да и вообще держать его в руках. Не говоря уже о том, что многие из них передвигались по лесу с грациозностью слонов, звеня всеми частями снаряжения, громко перекрикиваясь и переругиваясь между собой. В интервентных группах положение было лучше, так как здесь при большей концентрации опытных специалистов в закрытой среде сама боевая необходимость вызывала рост общей подготовки. Но все это весьма относительно: военного обучения почти не было, а большую часть времени многие бойцы, в особенности интервентных групп, проводили в развлечениях. На складе нашей роты, носившей название противотанковой, всю войну пролежали несколько ПТУРСов «Фагот», и никто не знал, что с ними делать, пока наш друг – десантник, капитан Олег, – не сказал, что к ним необходима пусковая установка, которую все равно никто приобретать не собирался. Однствольная переносная установка НУРСов (калибра 57-мм), созданная оружейником Мишо по заказу и плану Аркана, после смерти последнего оставалась практически неиспользуемой, то же самое относилось и к минно-взрывному делу, также угасшему на нашем участке с его смертью. Правда, Любо и Ранко помогали в этом деле ребятам с Гырбовицы, но особых результатов достигнуто не было, так как людей для этого не хватало. Как-то, Ранко, пойдя ставить подрывные заряды в район улицы Мишки Йовановича, был вынужден вернуться с полпути, потому что местный боец, пошедший с ним, увидел на дороге стиральную машину, а подойдя к ней, наступил на «паштет» (противопехотная нажимная мина). С гранатометами во всей роте умели работать только несколько человек. Единственное безотказное орудие, 20-мм автоматическая зенитная пушка была всю войну у Ранко и Любо. Станковый 12,7-мм пулемет «Бровингер» долгое время простаивал в гараже, и лишь затем был установлен в «Ходжину кучу». Что касается пулеметов М-84 (7,62-мм (ПК)) и М-53 (7,92-мм (MG)), установленных по бункерам, то они порою отказывали, так как чистили их плохо. Помню, как ругались из-за этого Ранко и Аркан, которые ходили время от времени чистить эти пулеметы. Да

что говорить о пулеметах, когда люди умудрялись ранить себя или соседа из собственного оружия, которое они держали с патроном в патроннике и ослабленной предохранительной скобой. Раз и я таким образом чуть не получил пулю в лоб, правда, не от серба, а от русского миротворческого капитана-десантника. Вместе с Сашей Шкрабовым мы зашли к нему в комнату, в гости, капитан начал играть с мелкокалиберной винтовкой, не зная, что в патроннике находится патрон, и пуля просвистела рядом с моей головой. Кстати сказать, российский миротворческий батальон, дислоцированный в районе бывшей школы Враца, хотя и отличался общей дисциплиной в плане общей индивидуальной подготовки, не особо-то и выделялся на местном уровне. Состояние в нем в отношении боевой подготовки, так же не отличалось радикально от местной среды, как и тактика действий. Были, конечно, и плюсы: в замкнутом коллективе, в чужой среде, легче командовать.

О миротворцах необходимо говорить отдельно, в данном случае я упоминаю о них, чтобы не возникло ощущение, что местная война сугубо специфическая, и кроме как на Балканах, больше нигде не может быть. В том же Закавказье царил такой же хаос.

Главное препятствие перед сербскими войсками лежало в морально-нравственной сфере, и даже вопрос командования был менее важен. Уж если в прошлом сербы воевали в армиях австрийских и российских, куда бы их вряд ли взяли, если бы они плохо воевали, то реши командование морально-нравственную сторону, то и сейчас они воевали бы должным образом. На войне необходимо воевать и иметь морально-нравственный стимул, который смог бы поддерживать личность при участии в боях. Мы такого стимула на местной почве получить не могли. Заменять этот стимул какими-то политическими лозунгами глупо. Политика, какова бы она ни была, на само поведение человека в бою оказать влияние не может. Когда над головой свистят пули и разрываются наряды, о политике как-то не думаешь, воюешь, чтобы воевать. В бою проявляется вся сущность человека, и говоря по-научному, проявляется его морально-нравственный облик. Крайне раздражают рассуждения некоторых местных сербов, что «он бы пошел на войну, да вот политика предательская». Конечно, можно согласиться тем, что с той противоестественной политикой надо было десять раз подумать, идти на фронт, или нет. Я не осуждаю тех, кто не пошел воевать. Однако, попав на войну, веди себя должным образом: если не можешь наступать первым, то хотя бы не беги первым. Никакая политика не может оправдать предательства своего фронтового товарища, под это можно подвести и самовольный уход с позиции, и трусость в атаке, и халатность при ведении огня, и при постановке мин. Однако не хочу все сводить к товариществу. Боевое товарищество подчинено идее, ради которой и ведется война: она-то и создает это товарищество. Я не встречал человека, который бы в пылу боя руководствовался картами будущих границ или графиками экономических

прибылей. Кто-то, может, скажет, что человек по природе глуп и им легко манипулировать. Нельзя отрицать роль политики, но она играет второстепенную роль в самих боевых действиях. В конечном итоге, индивидуальная мораль бойца сводится к пониманию и верности той или иной идее, хотел бы он это признать или нет. Для войны необходима идея в полном и законченном виде, охватывающая все сферы жизни человека. Не хочу сказать, что надо создать военную религию, так как религия возникает по высшим, не зависящим от человека причинам. Однако стоит провести четкий водораздел между состоянием военного дела и идеологией, при которой религия не приспособливается к военному делу, а военное дело приспособливается к религии. Такое положение вызвало в эпоху христианства создание рыцарской морали, возникшей в начале средневековья и продолжившей свое существование до XX века – до казаков, последних рыцарей Европы (по словам Бисмарка). Между тем, подобное рыцарство требует и соответствующей идеологии, и, прежде всего, верности ей, а вот это в местной войне трудно было найти. Сербь, особенно сельские, сохранили много народных обычаев, да и православная религия в их среде, как раз в Боснии и Герцеговине, пользовалась большим влиянием. Но, как известно, одно дело – внешнее следование обрядам, а другое – жизнь по вере.

Изначально местное общество отличалось терпимыми внутренними взаимоотношениями, а с началом войны это дополнилось естественным национальным сплочением, в данном случае – сербов, и, разумеется, родственными и земляческими связями. Однако быстро обнаружилось, что сербское общество страдало от потери правдивости. Как следствие, внешняя картина взаимных уверений в дружбе оказывалась лицемерием, за этим скрывался эгоизм. Конечно, во время войны сохранились и островки, на которых были совсем другие ценности. Но от власти веяло духом материального благополучия, и идеальная жизнь сводилась к деньгам, сексу и развлечениям.

Настоящие воинские ценности – вещи глубоко духовные, так как храбрость и самопожертвование требуют готовности принять смерть ради идеи.

Между тем, пропагандируемый сербами воинский идеал оказывался для них пустым звуком, и, как следствие, военная слава оказывалась несправедливо забытой после войны

Если суммировать все обстоятельства, при которых начиналась война, характер нации, уровень военной науки, далеко не соответствующий XX веку, и, наконец, длительность войны, то можно сказать: сербы смогли найти смелость бороться в этой войне. Ныне появилось много «писателей», которые, не видя и не понимая эту войну, на скорую руку вынесли оценки. К сожалению, подобные опусы приходится читать и на русском языке; не вдаваясь в моральные оценки, следует заметить, что ничего ценного в этих

работах нет. При этом почему-то постоянно оперируют данными о сербах из Боснии и Герцеговины, которые войну полностью или частично провели либо вне Республики Сербской, либо в ней, но вне ее вооруженных сил, либо вне боевых действий. Приводятся примеры того, как такие сербы в особенности из правящей верхушки сорили деньгами в тылу, хотя между тем точно такие же картины свойственны любой войне XX века. К тому же, не все покинувшие Республику Сербскую в действительности так уж сорили деньгами, многие из них этих денег часто вообще, днями и неделями, не видели, загнанные мировой и местной политикой в своеобразное гетто.

В той же Югославии сама власть либо прямо, либо косвенно, через различные то патриотические, то космополитические организации, разворачивала кампанию против сербов из Боснии и Герцеговины в первую очередь, и из Хорватии – во вторую очередь. Это распалило взаимное раздражение во всем сербском народе, которое увенчалось одной из самых бессмысленных мобилизационных компаний, когда летом 1995 года по всей Сербии (Черногория стала тогда исключением) милиция, проправительственные военные организации (вроде СДГ Аркана) стали вылавливать сербских беженцев из Боснии и Герцеговины и Хорватии и силой отправлять их на фронт. Было много шума и бестолкового энтузиазма в местном обществе, и многие люди, никогда не воевавшие, со злорадством смеялись над сгоняемыми милицией людьми, поднятыми нередко с постели в одних пижамах, под дулом оружия. Все это было очередным политико-пропагандистским цирком здешней власти, мало озабоченной действительными интересами своего народа. И естественно, что эти десятки тысяч необученных, деморализованных людей ничем помочь на фронте не могли, и в своем большинстве снова вернулись в Сербию. Между тем, обществу Сербии стоило бы тогда напомнить мобилизационную компанию 1991 – 1992 годов, когда целые части, сформированные по правилам ЮНА, нередко либо коллективно отказывались идти на фронт в Хорватию, либо сами собой распадались. Особенно это показательно на примере области Воеводины, которую от Вуковара, места наибольших и наитяжелейших боев, отделял лишь Дунай, но его не хотели переходить по мостам и переправам ЮНА. Очень многие местные сербы ничем не отличались от сербов Хорватии, ни историей, ни психологией.

Для русского читателя напомним, сколько людей в той же России не хотели отправляться ни в первую, ни во вторую чеченскую войну. Любителям сравнений стоит задаться вопросом, а много ли русских, допустим, Саратовской области, в случае отсоединения Татарии и начала войны в ней отправилось бы туда воевать. К тому же, сербское общество, войдя в войну, готово к ней совершенно не было. В этой войне переплетались глупость и предательство, что очень хорошо просматривалось летом – осенью 1995 года в Боснийской Краине. Тогда целые сербские общины бросали на произвол судьбы по приказу или по своей инициативе сербские войска, а местная власть

не могла подготовить быструю и эффективную эвакуацию сербского населения, что приводило к немалым жертвам.

В конце концов, тысячи сербов, в особенности из Сербского Сараево, сданного политиками мусульманам, выдержав всю войну, после ее окончания отправились в эмиграцию, разочарованные в своей власти, которая главную свою цель видела в выкачивании денег из любых источников.

Глава 13. Начало войны в Косово и мое прибытие в Приштину

Оставшись в Республике Сербской (а фактически, в Боснии и Герцеговине) после войны 1991–1995 годов, я обрек себя на участие в драме крушения того государственного аппарата, который был создан в 1945 году, и все еще объединял сербов в рамках Югославии. Нельзя в этом винить только Запад или «предателей» в верхах, как это делали иные весьма голосистые «национальные» политики, себя величавшие как «велики сырби».

[...]

Я не считаю себя вправе оценивать ту политику, за которую ныне платит весь сербский народ, но не могу не заметить, что лично меня неприятно поражали частые примитивные шовинистические выходки иных сербов в отношении остальных народов, в том числе и русских, чему многие российские «миротворцы» свидетели. Однако вместе с тем я знал, что в этой среде я встречал весьма благожелательное к себе отношение, и что более важно, действительно видел случаи сознательного самопожертвования ради победы в войне с сербской стороны, защищавшей и интересы России.

К сожалению, эти случаи, так и остались случаями, и в те годы я был свидетелем достаточно планомерного процесса по «зачистке» сербского общества от тех, кто в ходе войны 1991–1995 годов рисковал всем ради него. Велась эта общественная «зачистка» как раз госаппаратом, опиравшимся на силу партийной организации, скрепившей местные корпоративные и клановые интересы в достаточно крепкой еще родовыми связями местной среде.

Тем самым понятно, почему Запад прилагал столько усилий к слоому югославского аппарата, но понятно, и почему в самом сербском обществе даже явно самоубийственные решения власти сопротивления не вызывали.

Тогда, впрочем, я всего этого не понимал и действительно был убежден, что с началом войны на Косово и Метохии в сербском обществе произойдет национальный взрыв.

Разумеется, я в этом фейерверке был бы чужим, но оставаться вдали от исторических событий мне не хотелось, тем более, к самой Сербии я испытывал немалую благодарность за мое лечение в больницах, а также пенсию, решение о выдаче которой было принято в мае 1995 года как раз чиновниками и врачами Сербии.

Помимо всего прочего, я тогда продолжал тешить себя фантазиями о военной службе, которая в России оказалась для меня закрытой, но которую я наивно надеялся продолжить в Сербии.

Потом ряд представителей сербского офицерского корпуса умело похоронил мои надежды, как впрочем, и надежды многих сербов, но с началом весной 1998 года войны на Косово и Метохии я был полон оптимизма.

Впрочем, после каждой неудачной попытки мой оптимизм все больше рассеивался, ибо я обнаружил, что для госаппарата Сербии я продолжал оставаться неблагонадежным элементом – потому что добровольно прибыл воевать на чужую войну. Номенклатурный аппарат не изменил своей сути, заложенной при Тито, когда лишь полное послушание любым, даже открыто преступным или безумным приказам сверху, и считалось истинным патриотизмом. Понятно, что с такой логикой сербский аппарат безоговорочно принимал всю ту ложь, что вполне сознательно и, видимо, в соответствии с какой-то установкой, распространяли иные российские представители обо всех русских добровольцах. Я тогда об этом не подозревал, так как жил в Добое. вдали и от российских посольств в Сараево и Белграде, и российского миротворческого контингента. В начале 1996 года семья моей жены, в силу подписанных в Дейтоне соглашений, осталась без своего дома в сербской части Сараево, и вместе с десятками тысяч сараевских сербов покинула эту часть города, переданную мусульманам. Расходились люди, куда глаза глядят, наивно веря обещаниям своей сербской власти о том, что будет для них выстроено новое Сербское Сараево, хотя выделенный Сербией стройматериал сразу же продавался мусульманам и албанцам. Семья моей жены нашла тогда квартиру в Добое, и как ни странно – даром. Живший сам в чужом мусульманском доме Синиша Попович, живший с женой и дочерью, предоставил им верхний этаж своего дома, где поселились и мы с женой и дочерью по возвращению из России. Синиша сам был добровольцем в Вуковаре, так же лишился своего дома в оставшейся у мусульман Грачанице, был командиром местной «интервентной» группы с неофициальным названием «Эротика» и, наконец, потеряв в минном поле ногу, продолжил воевать, и тем самым у нас с ним никогда споров не возникало. Я познакомился и с его другом «Милканом», тоже инвалидом войны и секретарем местной ветеранской организации, и благодаря этому вполне пристойно жил, поскольку одним из первых стал работать в международных организациях, занимавшихся в Боснии и Герцеговины разминированием. В помощи посольства я не нуждался, и это меня во многом спасало от того, дабы мое имя не попало в сводки российских спецслужб, как потенциального террориста, и в сводки местных спецслужб, как «русского шпиона». Тем более, никто с представителями России меня знакомить не спешил, не желая, делится «кормушкой». Этого нельзя было сказать о некоторых других бывших добровольцах, решивших тогда «подняться» на связях с Россией, где олигархи, по их мнению, лихорадочно выворачивали свои карманы, дабы «кое-чего»

купить на «сербской земле». Правда, все это им принесло и проблемы иного характера, так как стучали на них обе стороны в «сербско-русском бизнесе», одни – как на российских, а другие – как на югославских «шпионов», ибо деньги ведь всем сторонам отрабатывать надо было. Когда и мне пришлось искать возможность поехать повоевать на Косово, завертелось привычное бюрократическое колесо, благоприятствующее чему угодно, но только не энтузиазму. После нескольких переговоров, в которых мне пришлось послушать достаточно много явной шизофрении, я уже совсем было отчаялся, и мне пришлось возвратиться к разминированию Боснии и Герцеговины, которое особой романтикой не отличалось.

Однако все изменилось 24 марта 1999 года, когда самолеты НАТО нанесли первые удары по Югославии. Тогда на волне патриотического порыва я, как мне казалось, попал, наконец «в волну» сербского национализма, о которой столько приходилось слышать в войне в Боснии, когда иные «жутко национальные» сербские чиновники и их приближенные мне рассказывали истории о начале войны в Югославии.

Не хотелось бы писать о том, чего не видел, но позднее, в разговорах с более опытными в военном деле сербами, заодно «награжденными» возможностью поработать на послевоенных минных полях саперами, я составил более реальную картину, которая совпадала с тем, что я увидел в марте 1999 года в Белграде.

Белград, куда я прибыл в конце марта, встретил меня пустыми улицами, и я, начал было задумываться, не ушли ли сербы все вместе в Косово, быстро обнаружил, что бомбоубежища были переполнены. Впоследствии я выяснил, что как раз в Косово из Белграда резервистов не слали, да и мобилизация была проведена частично – для пополнения в основном тыловых и инженерных частей.

С добровольцами так же дело обстояло туго, так как организованно их собрал лишь Аркан. Впрочем, прибыв на сбор его гвардии (СДГ) по приглашению бывших добровольцев (в Республике Сербской) русского Бориса и болгарина Даниэла, я увидел, что во мне там не нуждаются. Аркан спросил, нахожусь ли я на списке. Я ответил, что нет, и потому получил приказ выйти из строя и ждать. Потом увидел, что Аркану не до меня, так как он начал избивать какого-то своего бойца, и я, прождав без толку пару часов, ушел, увидев под конец несколько прибывших автобусов с какими-то наголо бритыми субъектами.

Впрочем, как выяснилось, СДГ в Косово так и не попало, и после десяти дней подготовки в центре спецназа в горном массиве Тара, была распущенна. Лишь несколько человек по выбору Аркана были посланы в Косово в отряд «црвених береток» (красных беретов) в поселок Косово Поле под Приштиной.

Собственно говоря, в Белград я прибыл по приглашению моего знакомого Драгана Оташевича, который вместе с группой своих добровольцев

из Раковицы (района Белграда), по рекомендации местного отделения СПС (социалистической партии) должен был отправиться в Косово. Но пока я брал отпуск у своего директора в Пале (что, впрочем, не помешало ему почти сразу же уволить меня), группа уехала. К счастью, в Раковице жил еще один мой знакомый Драгослав Миличкович, как и Драган, потомок черногорских колонистов с Косово, но бывший уже членом радикальной партии. С Драгославом мы договорились встретиться в казарме югославской армии «Бубань поток» под Белградом, где собирались все добровольцы и откуда они отправлялись на Космет [сокращенное название Автономного края Косово и Метохия, в российских СМИ его часто называют просто «Косово» или «Автономный край Косово». – *примеч. ред.*].

Там меня встретила какая-то разношерстная публика, среди которой было немало откровенных алкашей и еще каких-то мутных типов с рыскающим взглядом. Какой-то один доброволец из Республики Сербской рассказывал, как они вчера громили американский культурный центр с одобрения полиции и вертел своим военным билетом из Республики Сербской, которые, как я хорошо знал, заменили еще в 1993 году. Рядом какой-то цыган, по виду, словно только что с вокзальной площади, «чесал» про какого-то снайпера, которого он, якобы, убил в Вуковаре. Перед одной казармой стоял военный полицейский с большим животом и с длинными волосами и ему, как и его коллегам, судя по выражениям их лиц, было на все плевать, лишь бы их не трогали. По всей большой территории «Бубань-потока» сновали какие-то офицеры пенсионного возраста, но от них ничего вразумительного добиться было сложно. У своего старого знакомого Драгослава Миличковича, добровольно прибывшего вместе с несколькими своими друзьями-«радикалами» из Раковицы ради отправки в Косово, я узнал, что их держат уже неделю в этом бардаке, и иные добровольцы, плюнув, ушли домой. Одной из первых «акций» некоторых добровольцев был взлом складов с алкоголем, и это дело было проведено профессионально, а «неприятель» был захвачен и уничтожен. Я сначала боялся медкомиссии, так как одного друга Драгослава, воевавшего в СДГ у Аркана в Хорватии и в Боснии из-за ранений не приняли.

Однако здесь всё творилось в духе «организованного беспорядка», ибо меня на медкомиссии только спросили: здоров я или нет. Получив положительный ответ, доктор заключила, что я «годен». Я протолкался к выходу и, найдя сумку, которая едва «не ушла» с одним из кандидатов в ряды «геройской армии», вышел наружу. Тут я опять встретил Драгослава, который сообщил мне, что какой-то офицер ему сказал, что иностранцев не принимают. Я, несколько опешив, пошел к тому офицеру, дабы показать подтверждения своих воинских специальностей и театров боевых действий. Но того это интересовало как майский снег, что впоследствии, как я увидел, было нормой в югославской армии. Офицер величественно оглядел собравшуюся толпу и сказал с каким-то непонятным торжеством, что они уже, мол, развернули назад каких-то болгарина и канадца. А что касается граждан Республики Сербской,

то им тоже надо ехать домой, ибо скоро ожидается нападение на миротворческие силы KFOR [в отечественных СМИ – КФОР (произносится «Кейфор»), аббревиатура международных миротворческих сил в Косово и Метохии. – *примеч. ред.*] в Боснии и Герцеговине. Все это был такой бред, что я стал зол на себя, оставившего добровольно хорошо оплачиваемую работу сапера (никто из моих сербских коллег моему примеру естественно не последовал, хотя «по.» они любили) и пошедшего добровольно в этот дурдом.

Однако сдаваться сразу не хотелось. После нескольких дней поисков наш доброволец Саша «Барон» познакомил меня с одним своим знакомым Лазо: он торопился в Приштину, откуда и был родом. Лазо нервничал, постоянно говорил о том, что его квартира находится как раз рядом с управлением полиции в Приштине, которую незадолго до этого разбомбили самолеты НАТО. В Белграде к нам присоединился болгарин Венцислав-«Вэнс», как и я, и «Барон», воевавший в Боснии в отряде «Белые волки». Мы втроем (я, он и Лазо) сначала на автобусах, а затем на попутках добрались до Косово, куда нас полиция недалеко от города Куршумлии пропустила, после долгих отговоров, но благодаря тому, что какой-то полицейский сам должен был туда ехать на своей машине. Косово нас встретило дымящимися домами и горящими стогами сена, причем уже следы грабежей свидетельствовали, что сделали это не пилоты НАТО, и не албанские «террористы» (дома как раз были албанские). Впрочем, и самолеты НАТО не заставили себя ждать, начав вдалеке избавляться от груза, и наше счастье, что дорога на Приштину шла через относительно безопасную равнинную область вокруг Подуево, и албанских боевиков здесь было немного.

Прибыв в Приштину ночью, мы разместились в холле ее главной гостиницы «Гранд-хотэл», где нас Лазо оставил, пообещав быстро вернуться. Понятие «быстро» для Лазо оказалось весьма относительным: в следующий раз я увидел его в Приштине где-то в мае, так как в тот день, по его словам, его мобилизовали (и подозреваю – с помощью военной полиции). Сидя в холле «Гранд-хотэля», мы с Вэнсом насчитали человек десять с автоматами, ходивших туда-сюда. Лишь один держал автомат как положено, а другие – как придется, даже за ствол.

Наступил день. Стало ясно, что Лазо «испарился», и мы начали «устанавливать контакты» с местными сербами, несколько удивленными нашим «партизанским» приездом.

Наконец на встречу с нами прибыл какой-то местный «гайдук», заросший и с пулеметом. «Естественно», он был командиром какого-то «спецназа» и потащил нас в местную казарму «Царь Душан Сильный», где нам, бывшим участникам боевых действий и бойцам «интервентных» подразделений, выдали по карабину и некомплектной форме СНБ времен 1950-х годов. Это нас привело в недоумение и, честно говоря, я стал бояться, что кто-то нас сфотографирует, и мои знакомые смогут меня увидеть в таком виде.

Здесь же мы встретили болгарина Евгения Любенова, чей брат Сашо погиб добровольцем под Добоем в прошлой войне. Евгения, прибывшего по идеалистическим побуждениям на войну, поставили с таким же карабином у какого-то склада, видимо, в ожидании очередной авиабомбы. Как тогда охранялись склады, нам рассказал местный старшина, уже бывший под бомбежкой, когда все его «боевые товарищи» сбежали с постов. Ни на нас, ни на того болгарина особого внимания никто не обращал, ибо были дела поважнее: перекусить, а заодно поглазеть на джип, который местные боевики с началом войны «экспроприировали» у организации Красного Креста.

Тут над нами начали летать самолеты НАТО, и где-то послышались разрывы. В полном соответствии со словами старшины, все разбежались кто куда. Мы, немного подумав, забрались в выкопанные траншеи в сотне метров от склада, где мы получали имущество. Лежа там, Вэнс, заметил, что ему не хотелось бы, чтобы нас здесь ранило, так как явно никому мы здесь нужны не были.

В конце концов, прибыла машина и мы с еще какими-то бойцами были посланы в расположение склада Приштинской больницы, где, как выяснилось, имелись не только медикаменты и гуманитарная помощь (правда, их куда-то постоянно увозили какие-то гражданские лица), но и боеприпасы.

Там уже была группа солдат, видимо, считавших себя ветеранами этого «фронта». Самый «отчаянный» среди них, по его словам, уже «хорошо почистил Подуево», и мне сразу вспомнились ограбленные и сожженные албанские дома, которые мы по дороге проехали.

Он-то и был заводилой и всех начал подбивать ночью «почистить» какой-то соседний со складом албанский дом, где, якобы, ночью подозрительно часто включался свет. Впрочем, как мне сказал Вэнс, стоявший в момент «операции» на посту, «штурмовая» группа полежала часок возле дома, но так туда и не вошла по каким-то «высшим» соображениям.

Все это явно на войну не походило. Вэнс тогда решил поискать своего знакомого по отряду «Белые волки» из Боснии – Неманю, который был родом из Приштины. Неманю мы нашли, и он, как выяснилось, служил в полиции. Однако нас он огорошил, сказав, что в Косово «война закончилась», и делать здесь нечего. Такую же приблизительно информацию я получил по телефону и от одного полицейского офицера из села Прилужье, с которым меня связал мой знакомый Драгослав.

Все это разочаровало меня, и я хотел, было последовать за Вэнсом в Белград, но, позвонив туда, все-таки выяснил, что Оташевич звонил домой к себе из Рашке, городка на юге Сербии, куда я тогда и отправился на автобусе.

Вообще, встречали нас достойно этой армии. Меня не удивляли рассказы других добровольцев, прежде всего русских, о схожем отношении. Командование не могло поддержать элементарный порядок в среде добровольцев и зачем-то отправляло домой тех, кто имел боевой опыт, а принимало явный сброд.

В июне 1999 года в Белграде я познакомился с ребятами, которые прибыли за свой счет из России и Украины в Югославию (среди них я встретил и своего знакомого по Республике Сербской, добровольца Влада, а также «Мирона» из Вышеграда, который был там же в 1992–1993 годах в казачьей группе). Они рассказывали, как их вместе с тремястами добровольцами из «всех сербских земель» отвезли в Приштину, где треть людей сразу же отправилась домой, так как им какой-то полковник заявил, что грабить, мол, уже нечего: все уже ограбили до них. Еще приблизительно столько же уехали уже от границы, после того, как попали под первую бомбежку.

Между тем, за десяток дней можно было подобрать хорошие отряды, хотя бы равные роте, а на деле же такие группы, даже самостоятельно возникшие, часто «разбивались» еще в Сербии. Это было еще одним парадоксом, ибо вообще-то следовало спланировать людей всеми способами, а тем более – боевым товариществом и землячеством. Здесь поступали наоборот. То, что местные знатоки винили во всем предательство, не совсем точно, ибо подобный хаос царил на всех уровнях и тут ни одна спецслужба мира агентов бы не напаслась, да и зачем они были нужны, коль в изобилии были свои дураки. По существу, главное препятствие заключалось в излишней бюрократичности, при которой многие офицеры продолжали держаться догм титовской власти и всех добровольцев автоматически рассматривали как «антигосударственные элементы» – четников и националистов.

Что касается четников, то это было довольно глупо. Ибо современное четническое движение сербских оппозиционных партий СРС (радикалы Воислава Шешеля) и СПО (Сербское движение обновления) Вука Драшковича, которые заявляли о себе еще до прошлой войны 1992–1995 годов, как о приемниках четников, перед этой войной вошли в коалицию с социалистами, заодно временно помирившись между собой. При этом ни та, ни другая партии отправку добровольцев не организовывала.

Впрочем, дело было тут не в идеологии, а в ее отсутствии, что подменялось повиновением системе и фактически личной безынициативностью. Приштина была тому ярким примером. Уже в самом городе чувствовалась атмосфера какой-то «временщины», словно город вот-вот должен взять противник. В городе почти не было людей в военной форме, за исключением приезжих солдат и офицеров. Местные сербы военной формы почти не носили, в отличие от той же Республики Сербской, и причиной тому была боязнь, что их увидят в ней албанские соседи.

Впоследствии, лежа в больнице, я познакомился с местными русскими женами сербов. Одна из них, Ирина из Одессы, говорила мне, что уже в мае опять в большом количестве на улицах можно было увидеть молодых албанских мужчин, довольно загорелых и со следами выбритых бород. Впрочем, тогда, в апреле, мне их видеть не приходилось, как впрочем, и многих сербов, тогда спешно покинувших Приштину. Многие окна в квартирах были разбиты, а двери домах выбиты. Все это были следы массовых

чисток албанцев в конце марта, когда из квартир или домов выгнанных или арестованных албанцев, как и из магазинов, кафе, мастерских, массово выносилось всевозможное добро. В этом большую роль играли и местные сербы, иные из которых потом решили «зачистить» и сербские квартиры. Была даже применяема «антиснайперская борьба», когда какое-нибудь здание окружала группа очередных «специальцев» (спецназовцев), которых тогда появлялось немало, и под предлогом борьбы со снайперами они взламывали закрытые двери и оттуда выносили трофеи.

Бывало, что и просто кто-то входил в уже взломанные двери, ища что-нибудь полезное среди бела дня, но тогда был риск, что его могут арестовать представители полиции. И если у пойманного не было связей, то велика была возможность отправиться в тюрьму. Впрочем, для многих и это было героизмом. Особо «отличались» здесь цыгане, до всех этих событий в силу своего исламского вероисповедания поддерживавших албанцев против сербов, но с переменой обстоятельств они стали горячими патриотами Югославии. У этих «патриотов» в их поселках, особенно в Обиличе – пригороде Приштины, можно было приобрести по дешевке весь ассортимент трофеев, от телевизоров до утюгов. То, что албанцы по возвращению стали их убивать и гнать с Космета, имело веские причины. Разумеется, югославская власть тогда цыган сразу зачислила в категорию жертв «албанского фашизма», выставляя себя примерными интернационалистами. Цыганам не так уж плохо было в Югославии, чего не скажешь о сербах. В самой Приштине было большое количество пустых квартир, в том числе государственных, но никто и не думал об их заселении. В подъезде, где жила Ирина с мужем и детьми, один полицейский занял большую часть квартир. И за всем этим безобразием, в конце концов, обычным явлением для многих войн, как потом стало ясно, не стояло никакой идеи, а тем более, плана. Все это поражало абсолютной бездумностью. Примеров можно привести десятки, но так как здесь идет речь о военных вопросах, то примером может послужить военная организация местных сербов, а точнее, всякое отсутствие у них какой бы то ни было военной организации.

Пусть армия не хотела отдельных этнических формирований, пусть полиция была против какой-либо самостоятельности местных сербов, но ведь тот же СПО (Сербское движение сопротивления – не путать с Сербским движением обновления СПО Вука Драшковича) местных сербов мог за год создать свое военное крыло, хотя бы просто собрать людей. Сербы на Космете в то время имели деньги и власть и могли создать свою военную организацию, готовую обеспечить оборону сербских сел. Для этого имелось достаточно материальных средств, а о недостатке оружия и говорить не приходится – его было более, чем достаточно. Однако люди проявляли большие таланты для достижения собственной выгоды, но для достижения цели войны, которая официально заключалась в защите Косово и Метохии, времени как-то не находили, во всем полагаясь на власти. То есть, как власть решит, так и будет,

хотя сама же современная власть практически с самого начала еще прошлой войны, с 1992 года, обвинялась разнообразными националистами, в том числе и СПО, в национальном предательстве. В таких условиях всегда был готов ответ о превосходстве сил НАТО. Возникал тогда вопрос: к чему вообще надо было поднимать весь этот патриотический шум? Или надо было воевать, как полагается, или пытаться договориться с НАТО. По большому же счету, ничто в этой войне заранее известно не было, как и в любой другой войне. Победу одерживают те, кто сильнее духом и волей, и готовы идти на личные жертвы ради общих целей.

В этой же войне сербы не интересовались тем, что должно было их прямо касаться – ходом боевых действий с УЧК [Уштриа Члимитаре э Косовес (Освободительная армия Косово), вооруженные формирования этнических албанцев Косово и Метохии. – *примеч. ред.*]. Не только официальные СМИ, но и югославские генералы всерьез уверяли, что с УЧК покончено.

Даже в Приштине многие из сербов были уверены, что УЧК разгромлена, и война на Космете уже не ведется, хотя Приштинская больница была переполнена ранеными, в основном, от рук УЧК. Отчасти для Приштины это было справедливо, так как здесь, как и в ряде более-менее крупных населенных пунктов, сохранялся довольно устойчивый мир. Здесь большинство известных сербам сторонников УЧК либо сбежали, либо были арестованы, либо были сразу ликвидированы югославскими органами безопасности (или подконтрольными тем добровольческими группами), а остальные скрывались по квартирам своих родственников или друзей. Значительная часть албанцев из Приштины, подобно многим своим соплеменникам из всего Космета, была автомобильным или железнодорожным транспортом, либо пешком отправлена до границы с Македонией или Албанией, откуда они отправлялись на другую сторону границы и затем размещались западными миротворцами по лагерям беженцев. Впрочем, часть их по неведомым причинам югославской властью, видимо, любящей половинчатость во всем, даже в этнических чистках, была возвращена домой, хотя их дома и квартиры были к тому времени не только ограблены, но и нередко сожжены. Эти албанцы, размещаясь у соседей и родственников, были озлоблены на всех сербов и всегда были готовы помочь УЧК. Вследствие этого происходили случаи вооруженных нападений со стороны, казалось бы, очевидно гражданских лиц, как, например, в Косовской Митровице, где раз был пойман несовершеннолетний (лет 15-16) снайпер, успевший до этого убить и ранить несколько человек. Существовала такая угроза и в Приштине, но все же здесь албанцы были более цивилизованные, и, следовательно, менее фанатичные. К тому же невыгодно было УЧК начинать здесь боевые действия, ибо это грозило репрессиями против албанского населения в городе, переполненном полицией, собранной со всей Сербии.

Таким образом, в Приштине главным образом действовали органы МВД. Армия здесь была представлена подразделениями тылового и боевого

обеспечения, либо военнослужащими, поодиночке или группами посещавшими Приштину в служебных или личных целях. Одной из причин этого были местные магазины, кафе и рестораны, в которых до определенного времени продавались и алкогольные напитки, но после десятка погибших в перестрелках в этих кафе алкоголь был запрещен. Местные сербы из Приштины, мобилизованные в армию, были разбросаны по Космету или состояли в военно-территориальном отряде, охранявшем различные объекты города и, честно говоря, он ни на что другое был не способен. В стотысячной Приштине сербов было тысяч двадцать. Здесь они жили, как правило, на более-менее сербских улицах или в микрорайонах, и с окружающими Приштину сербскими селами, прежде всего Грачаницей и Косово Поле, представляли собой довольно серьезную силу – и вполне могли сами держать под контролем 10 – 15 километровую зону вокруг Приштины. На деле этого не произошло, и местные сербы служили либо в полиции, либо в военно-территориальных отрядах, созданных согласно уставу ЮНА, военная теория которой столь большое значение придавала борьбе партизан со «швабами», то бишь немцами, в годы Второй мировой войны. Согласно этой теории, подобные отряды должны были бороться с неприятельскими разведывательно-диверсионными группами, а также при захвате противником территории развернуть в его тылу «партизанскую войну». Интересно, что одного серба, вернувшегося из Косово, после спросили, как было «на войне», и он ответил: «Как в фильме о “швабах” и партизанах, только “швабами” были мы».

Однако, настоящие «швабы» во время Второй мировой войны создали из немцев-фольксдойче Югославии отдельные формирования, в первую очередь 7-ю горнопехотную дивизию СС «Принц Евгений», пополнив ее хорошими офицерами СС из Германии, и использовали ее в борьбе с партизанами совместно с хорватскими войсками, мусульманской 13-й дивизией войск СС «Ханжар», вооруженными формированиями правительства Недича в Сербии, русским добровольческим корпусом (в Косово и Метохии – совместно с отрядами албанских «баллист», а также албанской дивизией войск СС «Скандербег»). А вот югославские генералы отказались от использования опыта, заложенного в уставе бывшей ЮНА, и на деле все осталось на «сельском» уровне. Отдельные интервентные группы в составе ВТО [в данном случае – Войно Территориални отред – *примеч. ред.*] больше напоминали партизан начала Второй мировой, чем регулярную армию, а ни программ подготовки, ни психофизического отбора в них не было. Само создание ВТО было проведено из рук вон плохо. Не уделялось внимания их обучению, а оснащение зависело от возможностей местных властей. Все это напоминало сельское войско, которое вместо вил и топоров получило автоматы.

Между тем, если до весны 1999 года действия югославских вооруженных сил еще ограничивали по политическим причинам, то после начала авиаударов эти ограничения были сняты. За три весенних месяца вполне было возможно окончательно покончить с потрепанной УЧК, тем более

что соотношение сил было во всех отношениях в пользу югославских армии и полиции, при этом многократно. Если добавить к этому двести с лишним тысяч местных сербов и до ста тысяч горанцев (сербов-мусульман), то УЧК могла быть полностью уничтожена. Но на деле этого не произошло, и победа оказалась бумажной.

Местные сербы увидели потом, уже во время ухода югославских войск, как «несуществующая» УЧК стала входить из Дреницы через горы Чичавицы. На этих горах силы УЧК были не раз, якобы, «зачищены», но эта «зачистка» заключалась в том, что полиция прошла по ее «верхам», а у ее подножия несколько дней промаялось несколько тысяч солдат югославской армии.

В тоже время УЧК во время войны показала и свои слабые стороны, особенно видимые на внутреннем театре боевых действий. Однако с самого начала надо сделать одно замечание. Внутренний фронт, по большому счету, охватывал вовсе не все Косово и Метохию, а лишь те районы, где албанское население составляло большинство, и где это позволяла местность

В общем, районы от Косовской Митровицы вдоль дорог к Рашке, Новому Пазару и к Печи вдоль границы с Сербией и Черногорией были полностью или относительно безопасными. Тоже относилось и к дороге Косовска Митровица–Вучитырн–Приштина–Гнилань, которая вследствие своей важности была в первую очередь «зачищена» армией, да и многочисленные сербские села в окрестностях Приштины (прежде всего Косово Поле, Прилужье, Грачаница) как и сама Приштина, тогда находившаяся под почти полным сербским контролем, обеспечивали относительный мир. В районе Горы, Драгаша и Штырпце, наличие сербских и горанских сел и большое количество войск в пограничной с Македонией области делала партизанские действия УЧК довольно сложными, по крайней мере, в области границы. Схожая ситуация была и вокруг Гнилань и Косовской Каменицы, где также было много сербских сел, а главное, было много югославских войск, сконцентрированных в направлении македонской границы, и эти районы находились в своеобразном состоянии полумира-полувойны. Совершенно иная ситуация сложилась в центральной части Космета – районе от приграничной Джаковицы до горного массива Чичавица, отделявшего Дреницу от Приштины, и от Истога до Ораховца и Малишево. Здесь постоянно шла партизанская война, то затухающая, то разгорающаяся, и, без сомнения, центром была Дреница – область, которую можно обозначить городками или поселками, как кому нравится, Сербией, Глоговцем, Малишево и Клина. Это не значит, что не было иных очагов сопротивления, можно упомянуть Подуево, Стари Тырг, Урошевац, Джаковицу, Исток, Шиполье, Будаково и ряд других мест, но именно Дреница была политическим и военным центром УЧК на Космете: именно здесь и решалась судьба всей УЧК. Последняя, конечно, не могла победить югославскую армию, как не могла ей нанести такие потери, которые бы заставили ее уйти в глухую оборону. Однако не это было для УЧК

главной задачей, а лишь выживание и сохранение своего костяка и инфраструктуры.

Дреница для албанцев была центром, и полный разгром здесь УЧК означал бы падение престижа ее командования у других вождей.

Албанцы Дреницы являлись в прошлом и являются ныне самыми непримиримыми противниками сербов: именно они первыми поднимали восстания против королевской власти после возвращения Косово и Метохии в состав Сербии в 1912 году. Дреница стала очагом непрекращающихся антисербских волнений, перераставших в 1915, а затем и в 1924 годах в открытые восстания. Там часто совершались террористические акты против представителей королевской власти, сербов и верных королевской власти албанцев.

С приходом на Космет итальянцев и немцев Дреница опять стала центром вооруженного сопротивления албанских «баллист», и лишь в 1956 году здесь была уничтожена последняя на Космете вооруженная албанская группа Шабана Полужи из организации «Бали Комбатари». В то время социалистическая Югославия обладала мощным аппаратом безопасности и сильными войсками, в том числе – силами госбезопасности (КНОЈ), и то, что та группа могла действовать до 1956 года показывает, насколько сильную поддержку оказывали ей в Дренице.

В девяностых годах именно Дреница стала центром терроризма, здесь появилась УЧК, и здесь же в селе Дони Преказ в январе 1998 года была создана первая группа моджахедов Экрема Авдии, который, как и большинство из почти сотни его подчиненных, был албанцем.

Область Дреница представляла собой главную базу УЧК и родное место большей части ее высших командиров. Подави сербы сопротивление здесь, во всем албанском обществе расширились бы пораженческие настроения. Даже если бы потом Космет перешел под власть КФОР, то УЧК не имело бы в достаточной мере ни сил, ни воли к нападениям на местных сербов. После войны, с приходом на Косово сил KFOR, главную роль в нападениях УЧК на этих сербов сыграли те албанцы, что все время находились в рядах УЧК на Космете и, зная ситуацию на местности, нападали на югославские силы даже во время их отхода с Косова.

Столь важную область, как Дреница, нужно, казалось бы, выделить в отдельную военную зону, возможно, объединив ее со всей центральной частью Космета: туда надо было послать лучшие формирования армии и милиции, поставив им задачу полного уничтожения всех баз и сил УЧК.

То, что этого не произошло, весьма пагубно отразилось и на местных сербах, и на самой Сербии.

Прибыв в Рашку, я обнаружил, что Оташевич за несколько дней до моего приезда сюда вместе со своей группой и остальными добровольцами уже отбыл в Косово. Проболтавшись в Рашке и соседних селах пару дней, я был вынужден одного местного вояку ударить, а затем убеждать работников спецслужб, что я не шпион. После я уже не удивлялся количеству шпионов на сербской стороне. Иным удавалось устанавливать радиолокационные локаторы размером с пачку сигарет, о чем мне говорил Сергей Сухарев, переехавший к тому времени в Алексинац, и несмотря на свою инвалидность и отсутствие гражданства Сербии, принявший участие в борьбе с этими локаторами. Конечно, кого-то ловили, но куда больше шпионов действовало безнаказанно, особенно в верхах власти. Спецслужбы, конечно, с ними в какой-то мере боролись, но очень много занимались бюрократической волокитой: в особенности этим отличались военные спецслужбы.

Тем не менее, я сумел преодолеть их сито и вместе с колонной был, наконец-то послан в Косово, а точнее – в самый его центр, в Дреницу.

Как я уже писал, эта область была главным и давним центром албанского терроризма: именно здесь была в конце 1997 года создана УЧК, которая уже в марте 1998 начала широкомасштабные боевые действия в этом же районе.

Впрочем, в начале марта 1999 боевые действия против УЧК на Дренице шли со стороны югославской армии и полиции довольно успешно.

В марте в районе Дреницы действовала сводная группа 37-й бригады из Рашки, составленная из нескольких сотен, может, даже тысячи срочнотружаших, контрактников и офицеров, и задачи ею выполнялись довольно быстро. Разумеется, кроме 37-й бригады здесь действовало еще несколько армейских бригад, а так же «Посэбнэ Единице Полиции», т. е. особые региональные формирования полиции (типа ОМОН), САЙ [Специална Антитеррористична единица] (специальные противотеррористические формирования полиции центрального подчинения) «црвене беретке» (красные береты силы госбезопасности типов А и Б), а с ними совместно и под их командой действовали и остальные полицейские силы – как местной полиции с Космета, так и сводные отряды региональных управлений полиции.

УЧК не могла оказать серьезного сопротивления оснащенным бронетанковой техникой югославским войскам и, как правило, им достаточно было подойти на 300 – 400 метров к селу, дабы вызвать бегство албанцев, хотя бывали и исключения. Оборона оказалась не лучшей стороной УЧК, как из-за дезорганизованности командования (пока одно село брали, из другого особого противодействия не было), так из-за слабости вооружения (как правило, стрелковое оружие и иногда гранатометы).

Югославское командование это использовало и ставило, если позволяли условия, с противоположной стороны «блокады», то есть гнало с двух-трех сторон противника на засады своих войск.

Прибыв рано утром в штаб бригады, тогда еще находившийся в поселке Серблица, я в первый же день по моему приезду стал участником сербского наступления на так и не захваченный албанский район вокруг сел Обринья. Правда, в начале я подумал, что опоздал на войну и УЧК полностью побеждена. Такое мнение во мне укрепили слова толстого и важного офицера в штабе бригады, который говорил своим коллегам, что УЧК – конец, и сейчас в штаб приведут самого Султана.

Однако такое мнение у меня быстро развеялось, когда я с двумя подофицерами из штаба – один кадровик, второй из военной безопасности, отправился на место нашего главного удара под Обринье. На вершине одной лысой горы было собранно немало войск. Мы миновали подразделения армии и полиции, размещенные в длинных одно-двухэтажных зданиях перед склоном, как оказалось, бывших казармах УЧК, и подъехали к дому, вокруг которого стояло три грузовика и человек двадцать-тридцать солдат. Как всегда, последовало предложение выпить кофе со стороны командира, но попробовать его мы не смогли. Кружившие в воздухе самолеты НАТО стали сбрасывать сначала ловушки, а потом и что-то еще, покрепче, и вдруг рядом раздались взрывы. Все побежали в подвал и, посидев там, опять было выбрались наружу, хотя, по моему мнению, тресни в этот дом ракета, особой защиты подвал не дал бы. Тут опять раздались взрывы, и все опять побежали в подвал, а потом опять выбрались наружу. Что делать, никто не знал. Поскольку беготня вокруг дома мне надоела (тем более, он вместе с военными машинами представлял собой хорошую цель), то я отошел от него на метров 50 к машине командира бригады и прилег с моими спутниками на пригорке за кустом вместе с Негошем, телохранителем нашего комбрига Любиши Диковича. Отсюда хорошо было видно, как в долине под нами на поросшем лесом склоне следующей, более низкой горы, что-то дымилось, и поднимались белые клубы разрывов. Как мне объяснили, там наступала разведрота и, как выяснилось потом, она прямо на машинах попала под удар авиации НАТО. Прямым попаданием управляемой ракеты была уничтожена одна машина с восьмью бойцами, в том числе с командиром разведроты. Еще человек пять где-то было ранено, а при этом колонна попала в засаду УЧК.

Интервентному взводу военной полиции, наступавшему левее, больше повезло, и он только попал в засаду, потеряв троих ранеными. УЧК, очевидно, имела связь с авиацией НАТО: в этом я уверился, когда во время авиаударов услышал по захваченной раньше у шиптар [одно из названий косовских албанцев. – *примеч. ред.*] портативной радиостанции торопливый говор, что офицер безопасности перевел как просьбы оборонявшихся к своему командованию о поддержке авиации.

Под удар попали и другие подразделения. В паре сотне метров от нас валил густой черный дым, но никто особого желания отправиться туда не испытывал, хотя было много криков, что в какой-то машине «наш» водитель. Мои спутники, недолго подумав, завели свою легковую машину, и мы

отправились назад по дороге, где незадолго до этого проехали. Дорога была перегорожена горящим танком, а рядом с ним горели бензозаправщик и еще одна машина. Как оказалось, ракета разорвалась в нескольких метрах от бензозаправщика, и пламя перекинулось на заправлявшийся горючим танк и соседнюю машину. Одного раненого, Любо Месара из военной полиции, увезли, но никто не мог сообразить, все ли живы, пока не выяснилось, что в танке остался механик-водитель, и его обугленный труп вытащили позднее. Тут неожиданно появились два или три бронированных УАЗов с пулеметами на крыше, состоящих на вооружении «специальных» сил МВД. Правда, они тут же развернулись (как и несколько грузовиков с полусотней полицейских, державших здесь позиции, но к тому времени упаковавшихся и сразу же отбивших назад под озлобленные комментарии военных). Через минут пять-десять за ними последовало еще два три десятка резервистов нашей бригады на трех тракторах с прицепами, и я хорошо запомнил, как один из них, бородатый тип лет 30-40, кричал, что, мол, Косово было и останется шиптарским. Не помогли уговоры и приказы бывших со мной штабных подофицеров и танкистов, остававшихся с двумя танками без всякого пехотного прикрытия в самом важном месте

Появился командир бригады Любиша Дикович со своей свитой и сам опешил от происходящего. Сказав, что сейчас кого-то срочно пришлет, отправился вслед уехавшим, а мы трое заняли оборону, встретив лишь одного добровольца из пехоты, который со своими товарищами занимал позиции слева и внизу от нас. Это немного прояснило ситуацию, и доброволец, сев в трактор, брошенный полицией и погрузив туда брошенные ею же упаковки с минеральной водой, отправился назад к своим. Прошло полчаса или час – все-таки появились сначала резервисты, правда, не ставшие занимать позиции, а затем какие-то срочнотружущие солдаты, распределенные своим командиром по позициям и освободившие нас.

Понятно, что на этом операция была закончена: в конце дня я узнал, что бригада потеряла убитыми в тот день до 10-15 человек.

По возвращении я был переведен в роту военной полиции, где встретил моего знакомого по отряду «Белые волки» – Перо, родом из Рашки, приезжавшего воевать добровольцем в Республику Сербскую. Перо сразу начал агитировать командира роты «Гишку» принять меня в интервентный взвод. После «экзаменационного» разговора с сапером роты, меня приняли в военную полицию, где я от телохранителя «Гишки» – Уроша – получил достаточно сведений о характере местного театра боевых действий. Главный наш противник находился в так и не взятом районе, вокруг сел Горня и Доня Обриня, Резала, Ликовац, Тырстеник, Полужа. Этот «анклав» был под полной властью УЧК до начала мая, и в нем находилось около тысячи бойцов УЧК. Там же долгое время пребывал и командир УЧК региона Дреницы Сулейман Селими («Султан»), один из главных помощников Хашима Тачи, какое-то время бывший и военным командиром УЧК. Этот анклав весной 1999 года и

был главной целью наших наступлений. Еще до моего приезда в одном неудачном наступлении «цервени беретки» потеряли несколько бойцов.

К сожалению, через несколько дней к нам пришел начальник военной безопасности бригады, который сказал, что не может оставить меня в роте военной полиции, но может предложить мне на выбор: переход либо в инженерную, либо в разведывательную роту. О причинах этого предложения я стал догадываться позднее, но тогда без размышления согласился на переход в разведку.

В разведроту как раз в это же время на замену погибшего под Обринье капитана Ивицы, прибыл новый командир роты, по кличке «Струя». Последний мне предложил стать его телохранителем, на что я согласился, пробыв, правда, на этой должности всего пару недель. Моим напарником стал один доброволец из Боснии – Ранко, впрочем, задержавшийся на этой должности еще меньше меня, и после нервного срыва отправленный домой.

Нашей первой «акцией» была операция по зачистке села Лауша.

Во время «акции» обнаружилось, что мужчины отсюда ушли с оружием еще за пять дней до этого. Можно было вообще обойтись без стрельбы, но группа сводного отряда из Крушевца, входившая в село с другого направления, стала без толку палить, не зная, есть ли кто здесь, или нет, а на выходе из села бойцы этой группы, сопровождая колонну гражданских, открыли огонь по нам, разведчикам, сидевшим в засаде и чудом уцелевшим от метких сербских выстрелов. Все это было довольно странно, и подобный случай был не единичный: противник просто ускользал от войск.

Новая акция началась через пару недель и опять после долгой, но неторопливой огневой подготовки артиллерии и танков на нашем участке пехотный батальон и наша разведрота первое время наступали без проблем, хотя полкилометра пришлось идти полдня. Противник отступал, спорадически отстреливаясь.

Махалы (селения), из которых состояли албанские села, лежащие в долине, еще задолго до акции опустели. Но когда мы входили в дома, то видели, что во многих из них ночевали бойцы УЧК – на полу лежали матрасы, в углу стояли печи, и вообще комнаты, где они спали, были хорошо прибраны, хотя сами дома нередко были сожжены.

Как развивалась операция на других участках, не знаю, но наша разведрота, хотя и вышла после пехоты, быстро достигла высоты Бок Тырстенички. Оставив взводы срочнотружущих и резервистов в домах под ней, «Струя», второй по счету командир роты, со мною и взводом добровольцев вышел на высоту, и дабы показать наше местонахождение, поджег амбар с кукурузой около одиноко стоящего дома. Его действия оказались результативными: вскоре взвод добровольцев был обстрелян снайпером. Стало понятно, что противник лишь выжидает время в лесу на склоне следующей высоты, за которой уже лежало Горне Обринье. Справа от нас должна была,

находится полиция МВД, но попытка установить с ней связь оказалась бесполезной. Пройдя метров 500 вправо и спустившись с высоты до ручья и селения Беженич, мы никого не обнаружили, зато, возвратившись, увидели в 200 – 300 метрах от себя троих албанцев, быстро скрывшихся в зарослях после нескольких очередей нашего пулеметчика «Бырко».

На крайнем левом фланге, который держал взвод срочнотружущих, дело шло нормально, но пехота, бывшая левее с двумя танками, вырвалась слишком далеко вперед, и ее в теснине зажали огнем. В конце концов, наступила ночь, и разведрота была отведена на базу, зато пехота осталась ночевать в лесу и, как потом выяснилось, потеряла в тот день около десяти человек убитыми и ранеными. Пехота шла через поляны цепью в полный рост и хорошо была видна албанцам, подкараулившим ее в удобном месте. К тому же пехоту, похоже, накрыла и наша артиллерия, вызванная для поддержки этой же пехоты. Понятно, что и эта операция была неудачна, и УЧК опять возвратилась на свои исходные позиции.

Сам разгром УЧК произошел только на бумаге. Объявленное в начале апреля генштабом югославской армии общее число оставшихся террористов на Космете (300 – 400 человек) на деле можно было найти в лесах, а то и селах в ближайших окрестностях Глоговаца. Трудно говорить о точных цифрах, их здесь не знало и командование самой УЧК. Так, например, в полностью подконтрольном УЧК районе сел Горня и Доня Обрыньи, Тырстеник, Резала, Ликовац, находившихся слева от дороги Глоговац – Сырбица, по разведанным югославской армии, находилось в конце апреля 1999 года до тысячи бойцов УЧК, а что касается горного массива Чичавица, отделявшего Дреницу от Приштины, то он не был очищен от отрядов УЧК до конца войны.

Наша рота лишь чудом тогда избежала потерь в засадах. Хорошо помню случай с нашим очередным переездом, когда после перемещения штаба бригады из Сырбицы в Глоговац, наша рота, до этого уже сменившая село Лаушу на Полянце, отправилась из последнего в село Глобаре под Глоговцем. Тогда опять поменялся командир роты, и место нашего капитана «Струи», ушедшего на должность погибшего командира 1-го батальона, занял резервный капитан «Жути». Ему, естественно, было нелегко в уже устоявшейся офицерской среде, и даже в роте первое время решал вопросы не он, а другие – старшина, командиры взводов, связисты и так далее. И вот он, буквально на следующий день после своего назначения, должен был командовать переездом. Все было организовано впритык по времени. В шесть вечера основная часть нашей роты должна была выехать из Полянце по дороге Сырбице – Глоговац и въехать в село Глобаре под Глоговцем, в котором наших войск вообще не было. Мне все это стало немного непонятно, ибо любая задержка оставила бы нас в темноте, а наши войска, как мне было известно, ночью практически не

действовали, чего нельзя было сказать об УЧК. К тому же вдоль дороги стояли посты полиции, и с ней по темноте всегда могла вспыхнуть случайная перестрелка. Я все это сказал командиру, но, видимо, от него ничего не зависело, и мы стали действовать по плану.

Выехав под шутки и песни, как и полагается сербскому войску, мы двинулись колонной: четыре грузовика, 4-5 трофейных тракторов с прицепами и две – три легковые автомашины «Лада» и «Нива». Со стороны тяжело было сказать, кто мы такие, тем более что и два грузовика были мобилизованы в Сербии у частных владельцев, один из которых, Жиле, будущий чемпион Сербии по каратэ, водил в нашей роте свой грузовик. Однако УЧК как-то не интересовало, кому принадлежат машины, и уже через несколько километров (до подъезда ко Глоговцу) мы слышали, как над нами свистят пули, а колонна неожиданно остановилась. Почти всех словно свела судорога, но когда я начал кричать, чтобы все выскакивали на обочину, и хотел последовать примеру своего товарища, уже выпрыгнувшего, грузовик опять куда-то двинулся, хотя было ясно, что наша машина, будучи в хвосте, таким маневром подставлялась под пули УЧК, бивших, главным образом по началу и середине колонны. Не знаю, почему, но радиосвязи не было, хотя с ней мы могли добраться до поста полиции (оставалось до него несколько сот метров), откуда нас могли бы прикрывать. На деле же нас никто вообще не прикрывал, командная машина была в 2 – 3 километрах от нас, и так и не появилась, а нам еще повезло, что гранатометчик УЧК промахнулся и не попал в первую машину нашей колонны. Все наши машины были переполнены, и имей противник хотя бы один ПТРК, без жертв бы не обошлось. Впрочем, он мог причинить нам ущерб и обычным пулеметом, целясь по самой кромке дороги, так как выскочившие все-таки из нашей машины резервисты собрались у одного куста. Между тем Боро, наш доброволец из Зренянина, управлявший трактором, уже вел огонь из пустого дома, где остановился, и мы, человек пять, один за другим забежали в этот дом. Вместе с ним я и Радэ-«Сурчинец», еще один доброволец, открыли попеременно огонь из подъезда по сожженным домам, стоявшим в нескольких сотнях метров справа и выше от нас; двое моих русских товарищей Слава и Миша залегли на втором этаже, наблюдая за окрестностями; а еще один доброволец – снайпер «Гоги» – открыл огонь из окна, из которого я вынул несколько кирпичей. После получаса стрельбы последовала команда на дальнейшее движение, причем мы опять были вынуждены бежать по открытому пространству назад в машину, водитель которой, резервист, видимо, боялся остановиться у нашего дома. Перед постом полиции наши машины опять остановились на открытом участке. Я начал кричать, чтобы люди выскакивали и вообще действовали быстрее. Начало уже темнеть, и опять пришлось кричать, чтобы люди зря не стреляли, если не видят куда, ибо противник мог нас поймать по вспышкам. Командования не было никакого. Когда, наконец, десяток полицейских со своим бронеавтомобилем (типа советской БРДМ) и с танком подошли нас прикрывать, наши машины сами

остановились за домами, у поворота на грунтовую дорогу. Все это уже стало надоедать, и мне захотелось выяснить, кто же чем здесь командует? Я прошелся вдоль всей колонны, интересуясь этой актуальной проблемой, но оказалось, что в отличие от вопросов, связанных с поездкой домой, делением формы и продуктов, занятием удобных домов, для решения вопроса о том, что же делать дальше, компетентных лиц не оказалось. И более того, никто и не заявлял о себе, как о командире (обычно таких было больше, чем нужно)! В конце концов, пришлось садиться в трактор с Пантой, десетаром (сержантом), единственным, готовым чем-то командовать, но не знавшем, куда мы должны ехать, и колона двинулась по дороге. Кое-как, уже в темноте, мы доехали до перекрестка в Глобары, и я пытался было выбить двери в одном дворе, но тут, наконец, появившийся комроты «Жутый» сказал мне, что в нем размещен еще какой-то пост полиции, хотя полицейские совершенно не показывались. Командир роты сказал, что нам в Глобары лучше не въезжать, и мы опять поехали в обратном направлении, и через километр свернули направо в еще какое-то село, где нас ждала уже наша военная полиция. Кое-как, с руганью, мы все разместились по домам, и, распределив часы ночного дежурства, легли спать. Утром нас подняли, и было сказано, что несколько человек должно отправиться вместе с еще каким-то подразделением, что бы занять селение, откуда по нам вели огонь, а остальные пойдут занимать Глобары. Когда мы, трое русских, и еще несколько сербов (добровольцев из нашей роты) готовились отправиться в составе этой группы, и я пошел об этом договариваться, начальство все переиначило. Зачем-то была создана другая, значительно большая группа наших добровольцев и резервистов, и она с двумя моими товарищами отправилась в селение, а я с еще одним сербским добровольцем по прозвищу «Бырко», двумя резервистами и со штабным отделением был отправлен занимать село Глобаре.

Штабисты, заняв самый удобный и безопасный дом, оставили дело на нас четверых. Собрав гражданских в колонну и закончив с осмотром домов, мы вчетвером пошли в соседнее село, где мои сербские товарищи сразу сели пить кофе с местными албанцами – или шиптарами, как их все здесь называли. Я же, прогулявшись по селу и заходя в каждый двор, собрал из него всех албанцев на лугу между двумя частями села. Полежав на травке и посмотрев на несколько сотен албанцев, собравшихся передо мной, я сходил к командиру роты и узнал, что эта часть села не является нашей целью, вопреки утверждениям «Бырко». Тогда я распустил людей по домам. Другая наша группа в это же время, занимая селение, под которым мы и попали в засаду, была обстреляна из домов уже на подходе, и лишь благодаря нескольким ребятам, в том числе Славе, Нешо из Зренянина и штабному офицеру Ацо Петровичу, командовавшему ею, группа смогла занять дома без потерь, тогда как шиптары ушли дальше за лес: в село наверху этой горы. Вообщем-то нам тогда повезло, что противник, устроив засаду, не заминировал обочину с другой стороны дороги. Подобные засады часто организовались, в

особенности, на проселочных дорогах. Так, однажды семеро человек из пехоты, ехавшие на тракторе, попали в засаду, и были сразу же перебиты, причем один попал в плен. Другой раз албанцы попали из гранатомета в микроавтобус, вынужденный замедлить движение по извилистой грунтовой дороге, убив и ранив тех, кто был внутри. Нехватка бронетехники довольно дорого стоила, и неясно, для чего было держать сотни единиц бронетехники на границе с Боснией и Герцеговиной и с Болгарией, откуда, очевидно, нападения бы не было.

Нашей бригаде еще везло, что противник лишь во второй половине мая стал использовать мины, иначе потери были бы куда больше. Самое поразительное здесь то, что порою мины УЧК получала не только по воздуху, а и от нашей армии. Во время одной из бомбежек сербы сбежали и оставили грузовик с минами (до девятисот штук!), которыми завладели шиптары. Не знаю точно, где это произошло, но большинство людей упоминало один наш пехотный батальон, а иные – и аэродром, и возможно, что речь шла о двух отдельных случаях, за которые никто так и не ответил, вопреки военному положению. Главное же то, что буквально через несколько дней по всей зоне ответственности нашей бригады наши машины стали подрываться на минах, и до начала июня мы имели не менее двух десятков убитых и раненых.

В июне диверсанты УЧК вообще поставил мину на дорогу Приштина – Печ рядом с перекрестком на селение Комораны, на месте, по которому проезжали почти все наши машины, ехавшие или в Приштину или в Сербию. Тогда утром за час до того, как я здесь проехал, подрывался грузовик «ПИНЦ» из Приштины, в котором погибло пять солдат военной полиции; мина была установлена в одну выбоину в асфальте. Позднее было установлено, что мины порою ставили и местные женщины, пользуясь свободой передвижения. После этого нашим подразделениям было приказано усилить патрули для проверки дорог, но это ведь одновременно и делало их подверженными снайперскому огню, хотя сам противник не прикрывал свои мины организованным огнем, а использовал дистанционные подрывы, в особенности мины направленного действия. Но ошибки противника часто перекрывались халатностью многих наших бойцов и командиров: село через дорогу от Комораны никто, как потом оказалось, и не проверял, хотя от него до дороги было метров 300. К тому же дороги контролировала полиция, а содействие с армией было весьма неудовлетворительно. Однако иные командиры действовали так, что перебивали все рекорды мыслимой халатности, что уже просто приводило в недоумение.

Засады участились с середины апреля, в особенности на дороге Глоговац – Сырбица. Я уже не помню, сколько раз наши машины попадали в засаду, но за период с конца апреля по конец мая произошло не меньше 5 – 6 инцидентов, (это только те случаи, когда противник добивался успеха).

Так, однажды недалеко от села Полянци была обстреляна машина с людьми, возвращающимися из отпуска, в результате чего было до десятка

убитых и раненных. Положение усугубилось тем, что многие не имели оружия, так как командир их подразделения запретил ехавшим в отпуск увозить оружие в Сербию. В другой раз на этой дороге, между двумя постами полиции людьми УЧК, одетыми в югославскую форму, была остановлена машина командира пехотного батальона, после чего комбат и несколько сопровождавших его солдат были расстреляны, и исчезли все штабные документы, находившиеся в машине. Так как бронетранспортеров не хватало, то сербы укрепляли борта грузовиков и делали в них бойницы. Однако часто это был самообман, особенно, если устанавливали под досками только резину без брони: пули могли прошить и два ряда досок, и эту же резину, что один наш доброволец из Воеводины с успехом и продемонстрировал. Тактика выхода из засад была совершенно не отработана, и лишь по инициативе некоторых наших бойцов люди в нашей роте стали становиться через одного у борта машины, осматривая местность вокруг, а наверх кабины устанавливался пулемет.

Силы нашей 37-й бригады были распределены, как правило, поротно-повзводно по селам, а штаб бригады, находящийся вначале в Сырбице где-то в конце апреля – начале мая, был переброшен в Глоговац. Войска, размещенные по албанским домам, откуда местное население было либо выселено, либо сбежало, в какой-то мере вросли в эти села и не очень охотно шли в другие места. Между тем без акций обойтись было нельзя, так как далеко не все очищенные села были заняты войсками и в них возвращались бойцы УЧК, которые после первого шока стали несколько приходить в себя. Новые акции заключались в «чищении»: силы роты, батальона, а то и бригады, развернувшись в цепь, шли, прочесывая все на своем пути, и это делом было утомительным, да и напряженным. Практически никто из бойцов не имел опыта такого передвижения по лесу, и шум с гамом, разносившиеся вокруг, издали давали знать албанцам о продвижении войск. К тому же большая проблема заключалась в том, что люди сбивались в группы, обходили густые заросли или просто шли гуськом: часто группы УЧК просто проходили сквозь боевые порядки войск. Албанцы, надо заметить, давно готовились к этой войне и выкопали в лесах и селах немало блиндажей, используемых и как склады, и как укрытия.

Сделаны они были хорошо, и порою можно было пройти по ним, не заметив входа, тем более что все, естественно, смотрели перед собой, ожидая в любую минуту выстрела. Албанцы нередко выкапывали и своеобразные мышиные норы, залезая в которые по грудь, они проводили дни и ночи, пока войска не уходили из их сел. Выдерживать они могли долго, попивая чай с сахаром и закусывая самой простой пищей. Нередко, прячась от войск, они себя засыпали листвой, что заставляло обращать внимания на каждый звук. По лесу они шли хорошо, особенно ночью, так что сложилась абсурдная ситуация, когда днем передвигались сербы, а ночью албанцы, и не только по дорогам и

тропам, но и нередко по соседним домам, ища продукты, теплые вещи или спрятанные боеприпасы.

В прямой бой они вступать хотели редко и, постреляв полчаса, тут же уходили. В ходе одной операции произошел случай, когда отделение добровольцев из интервентного взвода военной полиции напоролось на доты в лесу. Двое албанцев с карабинами и ручными гранатами продержали их (а заодно и нас, шедших на фланге) час или два, ранив при этом одного полицейского, пока не подошел танк и не подавил их огнем. Встретив сопротивление, сербские бойцы большей частью предпочитали отлеживаться, отвечая огнем, и лишь потом продолжали движение, гоня УЧК на свои засады. Не скажу, что эта тактика была особо успешной.

Конечно, когда было известно, где противник, как правило, если он удерживал села, дело шло относительно легко, и где-то в мае в селах Каменица, Вирбовац и Полужа нашей ротой и ротой военной полиции было взято в плен до двух сотен албанцев, в основном местных жителей, организованных в отряды УЧК. Особого сопротивления они не оказали: боеприпасов у них осталось мало, а единственный 60 миллиметровый миномет они так и не применили. В еще нескольких дополнительных «чищениях» (зачистках), в том числе проведенных силами нашей разведроты, в течение двух недель было найдено по лесам еще несколько десятков человек, а несколько убито. Не все они были из УЧК, но определить это было тяжело, ибо бойцы УЧК при угрозе плена сбрасывали свою форму (пятнистую, германского производства, хотя были и другие расцветки, в том числе югославской армии) и становились «мирными» гражданскими лицами.

Было заметно, что их вожди о них особо не заботились, ибо ни оружием, ни подготовкой они не блистали. Однако с позиции разведроты, находившейся через дорогу от вышеупомянутых сел (всего в нескольких сотнях метров от села, контролируемого УЧК), ночью мною во время одной вылазки было замечено, как оттуда в подозрительное село перешла группа из 5 – 6 человек. А так как в дозор этот пошел я по своей инициативе, то не было гарантии, что в другие ночи не просочилось еще несколько десятков человек, тем более никому из сербов не хотелось ночью мерзнуть и рисковать.

Другая подобная операция была проведена в мае в районе Кралицы и Донего Преказа силами роты военной полиции, нашей разведроты, танкового батальона, роты обеспечения и пехотного батальона. Сводная группа нашей роты насчитывала три–четыре десятка человек. Это было обычной практикой, что значительная, а то и большая часть людей оставалась во всех подразделениях на базах, и многие бойцы за всю войну вообще по 2 – 3 раза участвовали в каких-то, даже относительно боевых выходах.

В той операции справа от нас шла военная полиция, а слева тыловики, которые, впрочем, вскоре потерялись. Хорошее взаимопонимание у меня было с Винко, командиром взвода срочнослужащих, тогда

командовавшего нашей группой, выделенной из роты. Мы договорились, что цепью будем идти лишь лесом, а открытое пространство преодолеваем колонной – и то впереди шел бы дозор в 4 – 5 человек (то есть мы вдвоём и несколько срочнослужащих во главе с черногорцем Небойшей-«Мырчей»), бравший под контроль высоты по линии наступления.

Это было не лишним не только из-за албанцев, но и из-за двух американских штурмовиков А-10А, беспрепятственно круживших над нами пару часов. Первой с шиптарами имела близкое столкновение военная полиция и погнала их на нас. Мы как раз вышли на высоту перед последним нашим рубежом и увидели, что на другой стороне ложбины перебегают какие-то люди в черной форме, тяжело нагруженные и вооруженные. Я, Слава, Винко и несколько срочнослужащих сразу побежали вниз – и вовремя. Стоило нам достичь опушки леса, как в паре десятков метров от нас застрочило сразу несколько китайских автоматов. После получасовой перестрелки и бросания нами ручных гранат, все стихло; так как левое крыло нашей роты не поторопилось охватить противника слева, то, пользуясь кустарником, он оторвался и ушел в сторону села Дони Преказ. Мы здесь опять задержались на полчаса – час и затем, соединившись с военной полицией, прошли наверх последней высоты и лесом вышли на опушку, под которой лежало село Дони Преказ. Там шла стрельба, и несколько домов горело. Оказалось, группа как раз тогда прибывших, в бригаду русских добровольцев первой вошла в село, обозначая дымом подожженных домов свое местонахождение, обеспечила продвижение танка и уничтожила несколько бойцов УЧК. По общим оценкам, всего было уничтожено в той операции 7 – 8 албанцев. К сожалению, тыловики опять остановились, оставив свободные проходы, а часть остальной группы из танкового батальона занялась грабежом и потом вообще открыла огонь по своим, убив одного серба, пошедшего с русскими, свалив ответственность на последних. После же операции при возвращении пехоты на базу, она попала в засаду, потеряв троих человек убитыми. Многие недостатки были вызваны плохой подготовкой людей. Лишь военная полиция смогла как-то держаться на уровне, но только потому, что имела в своем составе интервентный взвод, состоящий из трех отделений срочнослужащих резервистов и добровольцев. В нашей разведроте интервентного взвода создать не разрешили, да и многие наши люди этого не хотели, за исключением разве что меня, Славы и «Бырко».

Мне все это было непонятно. Создавалось впечатление, словно всех, в том числе и командование, устраивала серая одинаковость. Особо характерной была судьба русского отряда в танковом батальоне. Сначала их пару недель мытарили по казармам Сербии, а потом отправили на границу, но туда, где никаких боевых действий не велось. Я в то время как раз просил еще русских, но их (хотя половина из них были разведчиками по специальности, и многие уже участвовали в боевых действиях в Чечне и Афганистане), перебросили в танковый батальон, о чем я случайно узнал лишь через десять

дней. В танковом батальоне их разбросали по танковым ротам, а комбат словно задался целью насолить им покрепче. Надо сказать, комбат был не единственным в этом роде.

Еще в Сербии какой-то генерал, как и полагается генералам, очень важный и уверенный в себе и своих суждениях, заявил им, что, мол, «опыт Боснии научил нас, что русские, когда собираются вместе становятся неуправляемыми и начинают убивать гражданских лиц». На самом деле русские и в Войске Республики Сербской приезжали воевать и, как правило, в армейских «интервентных» (ударных) подразделениях, тогда как работа с гражданским населением была в ведении полиции. К тому же русские отряды в Боснии и Герцеговине появились в конце 1992 года, когда прошел период массовых убийств и грабежей. Что касается Космета, то они ехали сюда воевать не с УЧК, а с НАТО, тем более что сама же югославская пропаганда уверяла весь мир, что УЧК больше не существует. Если бы тот генерал хотел думать, он бы понял, что люди из России просто не могли ехать сюда, дабы грабить гражданских лиц: те, кто хочет грабить, на войны не ездит, а занимается уголовной, предпринимательской либо политической деятельностью. Конечно, и среди добровольцев всяких проходимцев хватало, но вину за это несло командование, распустившее свои войска, не проводя ни должного отбора, ни подготовки в них.

Не знаю, зачем надо было нести подобную чушь: в бою русские добровольцы были в общей массе куда дисциплинированнее, а и подготовленнее большей части местных резервистов. Русская группа в танковом батальоне со своим сербским капитаном впоследствии была отмечена во время еще одной, майской операции на Обрине командованием резервного отряда САЙ, предлагавшего шестерым русским, составлявшим ударную группу, переход в свои ряды. Другое дело, что дисциплиной в югославской армии нередко считалась подбострастность к командиру, в чем весьма отличались в танковом батальоне иные офицеры, особенно вытщенные из резерва пенсионеры и, в конце концов, их стараниями русская группа в конце мая прекратила свое существование. Использовали они случай с пьянкой и дракой между русскими, хотя таких драк здесь случалось немало. Моментально последовал доклад командиру бригады и всю группу, кроме офицера-«афганца», бывшего врачом, разоружив, посадили в сопровождении военной полиции в машину и отвезли в казарму Косово Поля, откуда те сами добрались до Ниша. В паспорта иным из них им поставили печать о депортации, а у нескольких вообще паспорта пропали из их личных дел. Не знаю, о какой порядочности после этого можно говорить в данном случае. Ведь с самого начала было ясно, что им, никогда не бывавшим раньше в Югославии и не знавшим языка, необходима была помощь. И я просил несколько раз командование, чтобы их перевели в мою группу, созданную к тому времени в разведроту. Нас же даже не оповестили об их приезде, хотя обещаний было предостаточно.

Не сделав это, командование само создало в их среде анархию, ибо своего официального командира у них не было, а их сербский капитан Боян (всего лишь командир одной из рот) и сам едва не был отправлен под суд комбатом.

Вскоре это привело к трагедии, когда один из них, Сергей Старцев (уроженец Черкасс), бывший милиционер из Днепропетровска, по предложению одного местного резервиста пошел в одно якобы незанятое село. Этот резервист своими коллегами оценивался как большой вун, но Сергей тогда должен был показать сербам, что он «русский солдат и пулям не кланяется». С собой они взяли всего одного русского добровольца из Крыма и в селе напоролись на шиптар из УЧК. Резервист еще до этого куда-то пропал, и врач-«афганец» потом доказывал, что он специально повел в то село Сергея по сговору с пленными шиптарами, которых держали в танковом батальоне. В начавшейся суматохе Сергей пропал без вести, и так о нем ничего не узнали: там, где его видел последний раз его же товарищ, остались следы крови. Впрочем, впоследствии в том селе был найден труп без головы и кожи, но никто в югославской армии не побеспокоился определить, Сергей ли это, оставив его ребенка без пенсии.

Подобная политика по отношению к русским добровольцам шла с армейского верха, и была лишь показателем общего отношения югославской армии к ведению войны. Много добровольцев хотело тогда помочь сербам, и в другой, более нормальной армии организовали бы все, дабы побольше людей приехало в какую-нибудь отдельную добровольческую бригаду. Югославская же военная верхушка, наоборот, пыталась людей, уже приехавших на свои, в основном, средства, поставить в наихудшие условия. Это касается и денег, которых даже положенных 1200 динар зарплаты и от 45 до 120 динар суточных (тогда 20 динар один доллар) иным из них не выплатили, дав лишь пособие на отъезд, и условий, в которых люди воевали, так что больше приходилось «воевать» с югославскими командирами, чем со шиптарами.

Русских добровольцев было на Космете в общей сложности не больше двух сотен, и уж свести их в одну часть вместе с сербскими добровольцами их вполне было можно. В конце концов, и к тем относились не многим лучше. Правда, добровольцев из Республики Сербской я встретил здесь мало, всего пять-шесть человек, куда больше я видел русских. Впрочем, как я слышал, несколько групп добровольцев из Республики Сербской было на границе. Русских же было относительно много в районе Призрена. С одним из них я познакомился в Приштине, где был по делам, когда мне сербы сказали, что какой-то «рус» лежит раненный в больнице.

В Югославии «воюющие» русские представляли определенную общность и, по крайней мере, проведать в больнице раненого было принято еще в Боснии. В данном случае «русом» оказался здоровенный, под два метра, осетин по имени Альберт. Он со своей группой воевал в составе полиции под

«анклавом» Будаково, и у него была снайперская винтовка югославского производства «Цырна стрела» калибра 12,7 под патрон от советского пулемета НСВ. В одном из боев Альберту пуля попала в голову, но на удивление прошла навылет, выбив ему только глаз. После выхода из больницы Альберт опять возвратился в строй.

Стоит отметить, что у русских добровольцев, прибывших из другой страны на собственные средства, чувство долга все-таки присутствовало куда сильнее, чем у большей массы сербов, готовых поставить под сомнение практически любой авторитет, что в теории, что на практике. Подобная психологическая несовместимость всегда мешала, но с другой стороны иные сербы именно поэтому и предпочитали быть с русскими.

Единственно, что можно заметить, что в отличие от Боснии, русских добровольцев на Косово никто и не пытался организовать, и та компания по записи добровольцев, что была организована в Москве хоть и охватила около 50 000 человек, но за границы России так и не выплеснулась.

Что касается шумихи в прессе, в том числе российской, то она была бы в любом случае, и если было, кому платить деньги, то находились и те, кто готов выдумывать что угодно – для того, чтобы лишний раз «разоблачать» сербов.

Так, Наталья Пуртова в «Новых Известиях» использовала смерть русского добровольца Федора Шульги, погибшего на границе, куда его югославское командование послало в компании с финским и датским добровольцами. Доброволец из Дании Нильсен до войны работал на Космете в представительстве Организации европейской безопасности и сотрудничества и, следовательно, хорошо зарабатывал и приехал на Космет не ради денег, что не избавило его в Дании от судебного преследования. Шульга там и погиб, а финн и датчанин были ранены, и все они были награждены югославским командованием. Этот случай был использован Пуртовой дабы, бездоказательно назвав Шульгу и финна и датчанина наемниками, и то бойцами каких-то неведомых «особых» отрядов, заодно поставить большой заголовок «Русские добровольцы возвращаются на Родину в цинковых гробах».

То, что в России в это же время ежедневно гибли тысячи людей, Пуртову не интересовало, ибо она должна была обойти вопрос, за что же погиб Шульга. Насколько мне известно, здесь погибло трое русских добровольцев: в нашей бригаде Сергей, а кто он – русский или украинец, никто не разбирался, на границе Шульга, а также Виталий Булах, который был в списке посмертно награжденных, но где погиб и точно ли в Косово он воевал – неизвестно.

Еще одна статья о добровольцах появилась в «Комсомольской правде» (и правда в ней была действительно «комсомольская»), которую написал Николай Варсегов. В статье был типичный голливудский набор для русских: водка, секс, наемник, мат. Заодно Николай, с которым я познакомился после войны в Белграде в «Русском Доме» (Культурный центр, выстроенный русской белоэмиграцией, а затем «национализированный»

СССР). Варсегов, кстати, тогда хорошо прошелся по кафе, работавшим всю войну в этом доме, демонстрируя этим, видимо, свою признательность хозяину кафе Новице, а заодно и тем сербам, что тогда образовали сами собой своеобразное общество русско-сербской дружбы. Правда, в отношении русских добровольцев в Косово, меру человек все же перебрал (особенно с «русбатов»), ибо речь в статье шла как раз о группе русских добровольцев танкового батальона нашей бригады, что «с густыми ягодно сочными кустами черешни», что с «чучелом трупа, лежащим на мосту, как воздушная маскировка» (полный бред!). Видимо, причина этого заключалась в том, что «Очарованный странник», как он сам себя назвал, на деле из Приштины на место боевых действий и не выезжал.

Помню лишь один объективный репортаж о русских добровольцах, но его сделала одна британская журналистка. Можно сказать, что она была в самом деле объективна, в отличие от многих других журналистов. Она встретила нас, русских добровольцев, в ресторане Гранд-хотэля, куда мы привезли несколько ящиков с пивом и вином, и несколько бутылок водки, и потом по радио «ВВС» мы услышали репортаж об этой встрече. При этом обязательного слова «наемники» здесь она попыталась избежать, оговорив, что «их» можно назвать наемниками, а можно и добровольцами.

Но с другой стороны, чего высказывать претензии к людям «второй древнейшей профессии» коль иные командиры российского контингента КФОР говорили о добровольцах в том же духе, что и журналисты. Правда, у первых для этого были отдельные причины. Первоначально российский КФОР был у сербов популярен особенно после занятия им 12 июня аэродрома Сатина под Приштиной, когда дело едва ли не дошло до боя с англичанами. Сербь надеялись тогда, что россияне получат свой сектор на севере Космета, что включало бы Приштину, Гнилане и Косовскую Митровицу и дало бы возможность сербам сохранить хоть часть Космета.

Однако благодаря «умелой» российской дипломатии, свои сектора получили американцы, британцы, французы и итальянцы, но не россияне (подобно туркам, голландцам, норвежцам и арабам из ОАЭ). Даже запланированной смены голландцев россиянами в Ораховце не произошло, хотя сербы в этом городке были в полном окружении албанцев, но россиянам преградили путь албанские баррикады. Понятно, что это была намеренная провокация УЧК и то по заказу Запада, дабы еще раз унижить русских и показать сербам, кто хозяин Космета. Оправдание же было найдено типичное – русские наемники настолько много здесь убили гражданских лиц, что албанцы ненавидят всех русских. Российское же командование сразу же проглотило наживку УЧК, и стало оправдываться «мол, надо же видеть разницу между уголовниками из России и честными солдатами». Хотелось бы спросить: почему русские добровольцы были сразу зачислены в уголовники, и

на каком основании? Насколько известно, наркотиками и рэкетом по Европе занимается как раз албанская мафия.

Воевать едут те, кто хочет именно воевать, и тут есть люди всех положений и убеждений. Вся демагогия о том, что российские десантники не смогли войти в Ораховац из-за русских наемников, была смешна, ибо британцы сербские баррикады в Косово Поле за полчаса разобрали, избивая сербов, хотя те требовали внимания к судьбе сербов, захваченных УЧК уже после прихода сюда НАТО. Российский же контингент, имеющий в международной полиции сто своих земляков из МВД, не мог разобрать баррикады албанцев из-за того, что его многие командиры это сделать просто не могли в силу отсутствия приказов сверху, но никак не из-за русских добровольцев. Албанцы держали ведь баррикады на дорогах, а в лесу их не было, вот бы и сделали десантники ночной марш через горы в Ораховац. Вообще было неясно, почему в контингенте, собранном штабом ВДВ, нет вертолетов. Ведь парашютные десанты дороги и редки, а вертолеты куда более эффективный транспорт. Российское командование в состоянии было организовать такой десант прямо на Ораховац, тем более российскому контингенту на Космете вождь УЧК Дреницы Сами Люштраку открыто, угрожал, а чеченские «братья» УЧК одно время со своим флагом разъезжали вокруг аэродрома Слатина. То, что здесь делали русские добровольцы, чеченцев явно не интересовало, в отличие от того, что российские войска делали в Чечне.

Конечно, среди русских добровольцев попадались разные люди. Были и те, кто действительно занимался настоящим разбоем, а были и те, кто ничем особо на фоне общей массы сербов не выделялся (разве что пьянством). Но все же среди местных сербов большая часть русских добровольцев «марку держала», а стоит напомнить, что тогда против сербов воевали и силы специального назначения НАТО, и моджахеды в рядах УЧК. При этом воевать сербам приходилось в условиях превосходства противника в воздухе, так что пропагандистский «шаблон» о диких балканцах здесь никак не подходит.

Как пример можно привести действия русской группы в танковом батальоне. Вообще-то ребята просились в разведку, а почему их отправили к танкистам – вопрос к штабу нашей бригады, как и к военной безопасности.

Когда мы узнали о существовании русской группы в этом батальоне то я и Слава, вдвоем, решили использовать свободное время и сходить к ним в гости. Встретили мы двоих: Колю из Екатеринбурга и Давида, который был гражданином Израиля (правда, родом из Баку). В Полянцы они прибыли со своим комбатом на разведку. Что тот мог разведывать здесь, где была кухня его батальона, я не знаю, но потом, после часа шатаний, он позвал двоих наших новых знакомых, и мы, недолго думая, присоединились к ним. Добравшись до села, где стояла одна рота, комбат, человек довольно самоуверенный, повел человек десять на пригорок, откуда все они в бинокли стали рассматривать полусожженное село на горе через глубокую лощину и,

видимо, для них это и называлась разведкой. Комбат потом сказал нашим новым товарищам, что, мол, сходите в село на полчаса и проверьте, но никого не трогайте, там, мол, живет мой «шиптар», копающий нам траншеи, и после этого пошел пить кофе и ракию.

Внимательно наблюдая в бинокль за селом, мы увидели, что опушка леса прямо над ним весьма сомнительна и там виднеются какие-то темные провалы и целлофан. Решили, в конце концов, идти в обход справа, держа в поле видимости село, и одновременно прикрываясь кустарником. «Моторол» мы, естественно, не получили, но все равно разделились на две группы, в одной двое ребят из батальона должны были идти краем леса, а во второй мы вдвоем и один резервист с пулеметом делали бы более глубокий обход; мы договорились о месте встречи в лесу. Выйдя на нужное место, мы сразу обнаружили там блиндаж и траншеи, а затем продолжили путь. Как это и бывает в горах, расстояние было обманчиво, а мы к тому же по пути были вынуждены перейти одну лощину. На подходе к селу мы вышли на место отдыха шиптар, которые, не желая спать в уязвимых домах, здесь оборудовали шатры и несколько стрелковых позиций, хотя и пустых, но полных свежих следов. Шли мы шиптарскими тропами, что было самое бесшумное, быстрое и безопасное дело и, выйдя на грунтовую дорогу, шедшую по опушке леса, как и предполагали, нашли несколько выкопанных ячеек огневых позиций. В селе никого не было, но и здесь было много следов, а в сарае стоял конь. Пройдя через рощу во вторую половину села, где жил, якобы, «лояльный» шиптар комбата, в первом же доме мы нашли семью в человек десять, но мужчин здесь не было. Молодая женщина, месившая хлеб, увидев нас, перепугалась, но на все вопросы лишь пожимала плечами, мол, не понимаю сербский. Махнув рукой, мы пошли дальше, опять разделившись на две группы. Там было найдено несколько жилых домов, в каждом по десятку детей (плодовитость «лояльного» шиптара просто поражала, но самого его мы так и не нашли). В одном дворе была выкопана ячейка, направленная прямо на село, где находился штаб батальона, и в ней была набросана свежая солома. В нескольких домах были найдены запасы продуктов и лежанки на десяток человек.

Особых сомнений в том, что отсюда действовала группа УЧК, не было, и мы местных ни о чем и не спрашивали. Тропа с края села вела как раз в том направлении, откуда они не раз вели огонь по дороге.

Неожиданно в этом направлении, примерно в полукилометре от нас, раздалась стрельба, что произошло, мы из-за отсутствия радиосвязи не знали. Потом выяснилось, что в засаду попала одна из наших машин, на которой офицеры штаба шли на разведку места будущего наступления: был убит один «заставник» (прапорщик) из штаба, а шиптары смогли взять не только документы, но и пулемет.

Мы же, возвратившись в первый дом, выпили воды и перекусили хлебом, вынесенным местными женщинами. Нас встретившей женщины мы

уже не нашли: видимо, та побежала предупреждать своих в лесу. Делать нам было уже нечего, и я, присев отдохнуть у дерева, поднял голову и вдруг увидел сидение на ветках, к которому вела лестница, но не с земли, а с нижней толстой ветки. Отсюда хорошо просматривались позиции танкового батальона, но, разумеется, никто здесь из шиптар не понимал по-сербски – даже сказанных мною слов об УЧК, которые обычно они хорошо понимали. Махнув на все это дело рукой, мы пошли назад напрямик, договариваясь о месте будущей засады. А что касается комбата, он нас, естественно, ждать не стал. Впрочем, засады не получилось, ибо командование начало «капать на мозги» ребятам из танкового батальона – их комбат жаловался в штабе, что его «русы» вышли из-под контроля, хотя контроль, по его понятию, заключался в несении сторожевой службы. Борьба с шиптарами здесь понималась в избиении кого-нибудь из трех-четырех десятков пленных албанцев, которые были размещены как рабочая сила в танковом батальоне, к тому же по соседству с русскими.

Возможно, комбат в глубине души надеялся, что «русские криминальцы» кого-то из них убьют, но у русских не было никакого желания этого делать, тем более что тут «героев» хватало, в отличие от боевых ситуаций. Что касается нас, то мы встретили хороший прием у капитана Бояна, до этого уже воевавшего где-то в Краине и Боснии и бывшего командиром одной из рот танкового батальона, ставшего неформально командиром «русской» группы, в которую вошли шестеро из десяти русских, до этого уже тоже воевавшие где-то в Краине и Боснии. Главным препятствием в планировавшейся засаде были приборы ночного видения (ПНВ). Комбат и его «пенсионеры», если бы и имели их, то не дали бы, а командование нашей разведроты, имея семь таких приборов, по какой-то странной логике не давало их никому, хотя использовалось лишь три из них, и то для стражи (службе на позициях), словно ее не могли вести без них, как и в пехоте. Не помогли просьбы ни наши, ни капитана, да и мы сами при выходе на дозор ни разу не могли их получить, а если и получали, то с незаряженными батарейками. Помню: однажды, когда я и Слава опять вдвоем ночью залезли в отдельно стоящий дом в 500 – 600 метрах от наших позиций в одном селе, то сначала один командир взвода выключил свою «Моторолу», когда мы уже вообразились в дом, хотя я долго трудился перед выходом, объясняя ему и его подчиненным, каковы ориентиры и каковы сигналы. Потом у нас закончились батарейки в ПНВ, и вся надежда была на находившиеся рядом минные поля и на мину, поставленную на нашем первом этаже, да на какого-то пса, почему-то ставшего нести вокруг дома стражу. Скорее всего, мы уже тогда так пропитались запахом местных домов, что ничем для него не отличались по запаху от шиптар, его хозяев, которые, как мы слышали, находились рядом; но так как в полночь у нас разрядились батарейки в ПНВ, то об этом наверняка знать мы не могли. Ходили в такие засады и русские добровольцы из танкового батальона. Один раз вчетвером или впятером вместе со своим капитаном Бояном, зайдя в албанское село, два часа не могли из него выйти, отбиваясь от полутора

десятков шиптар, а все те герои из их батальона, кричавшие о том, что «шиптары – пички» (п. . . ды по-русски), что-то к ним не пришли на помощь, хотя танки батальона были недалеко.

Все же повоевать вместе с остальными русскими нам пришлось.

В какой-то мере закономерно, что это произошло в ходе, пожалуй, самой большой операции нашей бригады в этой войне, в районе тогда еще албанского «анклава» УЧК, охватывающего села Обриня, Полужа, Резала, Тырстеник. Для нашего последнего, майского, наступления на этот анклав были отправлены силы двух бригад 37 и 58 и отряды специальной полиции, и отряд САЙ.

Операция эта прошла быстро и удачно, в том числе и потому что еще было немало тех, в том числе и офицеров, кто считал, что ради общего дела, жалеть силы и жизнь не следует.

Как перед этим доносили я и Слава в наш штаб, на основании наблюдений в приборы ночного видения, УЧК имела в лесу много траншей, из которых албанцы могли обстреливать дорогу. Впрочем, вначале сопротивления на нашем участке почти не было. Наступала наша разведрота с левым крылом, завязанным на военную полицию, а правым крылом на специальную полицию. После нескольких часов медленного продвижения, когда людей приходилось постоянно подталкивать и доходило порою до идиотизма: командир взвода добровольцев нашей роты уложил своих людей цепью на середине поляны, хотя при этом был слышен шум бегущих людей, по которым сразу все начинали стрелять. Разведрота дошла до первой речки, точнее, ручья. Здесь движение остановилось, так как сводная группа тыловых подразделений настолько отстала, что военная полиция не могла держать связь с ними (занимавшими левое крыло), и с нами, разведчиками. Тоже самое происходило по всей линии наступления, что можно было понять по радиопереговорам, когда многие подразделения не могли найти своих соседей. Сама практика, когда в одной линии шли и тыловики и артиллеристы и даже бойцы ПВО вместе с пехотными ротами, а также разведчиками, интервентными взводами военной полиции и пехоты специальной полицией и САЙ, приводила к тому, что шли мы очень медленно.

К тому же противник начал сопротивляться, и наш взвод срочнотружеников был вынужден прийти на помощь военной полиции, остановленной огнем перед одним селением. И хотя несколько бойцов УЧК здесь было убито и ранено, движение это задержало, а тут же произошло нападение со стороны двух групп противника на взвод резервистов нашей роты, с которым шли тогда я, Слава и Михаил. Албанцам, приблизившимся к нам на 10-15 метров, но находящимся, правда, под склоном, густо заросшим лесом, чуть-чуть не хватило хладнокровия, дабы прорвать наше кольцо окружения, ибо опять у нас стреляло человек пять, а десять отлеживалось, и противника удалось отогнать лишь ручными гранатами. Впрочем, как

выяснилось через пару недель, противник смог пройти здесь: мы потом обнаружили в одном патруле, что между резервистами и взводом срочнотружущих и военной полиции оставалось метров 300 густо поросшего пространства, которое никто не проверил – именно там были найдены блиндажи. О наличии блиндажей можно было командирам догадаться еще в ходе акции, когда мы нашли землянку (склад с мукой) и ясно было видно, что часть мешков была вынесена за пару часов до нашего прихода. Однако что-то сделать по своей инициативе было тяжело, а командование было озабочено своевременным занятием намеченных позиций на карте, хотя все эти сплошные линии на ней на деле напоминали решето. Движение продолжалось до большой поляны, где находилась конечная точка разведроты – селение Беженич. Было ясно, что двигаться следовало колоннами по одному через лес слева от поляны, что я и предложил командиру роты. Вместо этого движение было продолжено цепью через открытую поляну, и при этом на середине поляны оно было остановлено по приказу сверху – и то в нескольких сотнях метрах от домов. Более того, кто-то из штаба роты притащил кому-то посылку из дома с пивом и соком прямо на поляну. Все это было настолько глупо, что, казалось, превзойти такую глупость было невозможно, но это только казалось.

Парадоксально, но на душе стало легче, когда послышался характерный звук стрельбы из китайских автоматов УЧК в лесу слева: было понятно, что они уже прорвались сквозь наше кольцо. Как оказалось, УЧК напала с тыла при выходе из кольца на военную полицию и выпустила по ней одну или две 60 миллиметровые мины. Наши решили не остаться в долгу, и сами саданули по лесу из минометов, хотя точно было неизвестно, где военная полиция, а где шиптары. Хорошо, что перед этим левое крыло ротной цепи, неизвестно что ждавшей на поляне, подтянулась к центру, ибо одна наша мина легла как раз на место, где был левый край цепи (и где стояли до этого я и Слава). Выяснилось потом, что миномет плохо очистили.

Наконец, решили входить в Беженич колонной, хотя пошли скорее толпой, но на входе в него по нам был открыт огонь из одного – двух карабинов, и два-три десятка человек из взводов резервистов и срочнотружущих были вынуждены залечь в кустах, не зная, откуда стреляют. Связь с добровольцами, шедшими правее лесом, была потеряна, не было и радиосвязи. Попытка выйти на них не увенчалась успехом. Мы двинулись к горящим домам на опушке леса на высоте справа, но выскочившие оттуда люди, чью форму в сумерках было трудно различить, заняли оборону вокруг одного дома и, хотя им кричали, что мы – «свои», они не отзывались. Потом выяснилось, что это была группа специальной полиции, вообще потерявшая связь и со своими, и с нами, разведчиками.

Ночью мы, опять вдвоем со Славиком, вошли в село, бросив на подозрительный шум ручную гранату. Когда мы возвратились, узнали, что в село будет рота входить под утро, и после малоприятного сна на природе мы

опять попёрлись в село, после чего наконец-то оно было занято, и кроме семидесятилетнего деда там уже никого не было.

Опять началось надоевшее «сидение» на позициях и я со Славой отправился в танковый батальон, который согласно плану операции и должен был нанести удар в центр «анклава».

Но и в танковом батальоне дело шло по схожему сценарию. Несколько танков с пехотой из состава этого же батальона также шли от точки к точке совместно с отрядом САЙ, а впереди – сербский капитан Боян со своим танком с сербским экипажем и с ударной русской группой в шесть человек на броне. Здесь, кроме шиптар, действовала и авиация НАТО. Командир танкового батальона русских невзлюбил, ибо они действовали вместе под командой еще более им нелюбимого сербского капитана, чем вызвали еще большое раздражение комбата. Все же в той операции их группа, занимая ключевые точки, перед движением цепи обеспечила хороший темп наступления. Однако в самом начале операции, когда войска шли цепью на первое село, оттуда шиптары открыли огонь и один тромблон (винтовочная граната) попал в «Прагу» (спаренную 30 миллиметровую зенитную самоходную установку) и отбил одному парню ногу. Вскоре под чьи-то пулеметы попала и полиция, потеряв четырех человек убитыми. Потери были и в 1-м пехотном батальоне и в других подразделениях. В середине операции, отряд «Крушевацкой» бригады самовольно покинул свои позиции, а вскоре и все шестьсот человек из этого отряда самовольно покинули Космет, устроив демонстрации в Крушевце, требуя «современное» оружие, хотя албанцы воевали с китайскими автоматами и гранатометами против танков и бронетранспортеров.

В конце концов, с русской группой танкового батальона мы вошли в Обринье и смогли сверху наблюдать, как наша пехота и полиция в лощине поросшей лесом под нами пытаются загнать группу УЧК в ловушку. Албанцы отстреливались и несколько раз пускали в воздух черные сигнальные ракеты, давая знаки друг другу. Не знаю почему, но поддержки танков никто не попросил, хотя лощина была как на ладони и группа, в конце концов, ушла. Мы попытались сами проследить, куда ушли шиптары и следы вели вправо в лощину, где внизу село, якобы, было занято нашими войсками. Было непонятно, куда делось до тысячи бойцов УЧК, о которых говорили в штабе и которые действительно держали линию фронта против сербских войск. По окончании операции из сел были выведены лишь колонны женщин, детей и стариков.

Не знаю, сколько во всей операции было точно убито и взято в плен шиптар из УЧК, всего несколько десятков, а куда делась тысяча остальных – можно было только догадываться. Между тем, когда мы вдвоем перед операцией ходили в ночные разведдозоры, то в прибор ночного видения только на участке селения Истог-махала села Полужа, длиной приблизительно в 400 - 500 метров, в лесу было обнаружено девять дымов, а потом выяснилось, что в

местах, откуда исходили дымы, находились траншеи и блиндажи. Понятно, что костры жгли не женщины и дети, а вооруженные бойцы УЧК, и вероятно, по три-четыре человека у каждого костра. Не были найдены места, где были спрятаны грузы, ни вообще какие-либо документы и средства связи. Найденный позднее подземный тоннель не только не был уничтожен, но и даже не заминирован. Куда делась УЧК, обнаружилось уже по возвращении, когда все русские танкового батальона вместе с сербским капитаном и двумя его бойцами, были посажены в небронированный грузовик, долженствующий идти впереди, обеспечивая дорогу, а за ним шла бронированная «Прага», три танка и бронетранспортер командира батальона.

До выезда на дорогу Глоговац – Сырбица все шло нормально, хотя зрелище места, где незадолго до этого подорвался на mine бронетранспортер полиции, было не из приятных. Наш маленький грузовик был переполнен людьми, а какой-то тип сюда запихал найденный им сварочный аппарат, который, в конце концов, один наш сербский товарищ с матом вышвырнул по дороге.

Выехав на автодорогу, наш грузовик неожиданно встал, так как в двигателе закончилось масло. Подумав немного, наш капитан Боян сказал, что, мол, давайте пройдемся пешком, ибо до поворота в село Морина, где была база танкового батальона, осталось немного. Стоило нам сделать пару десятков шагов как из леса справа, с расстояния в несколько сотен метров, по нам ударило несколько очередей. Мы растянулись тогда уже в колонну на 20 – 30 метров и пули били как по нам, так и по грузовику. Шедшие впереди капитан и шесть русских сразу скрылись на левой обочине, а мы вдвоем со Славиком забрались в дом, стоящий у дороги. Остальные же сербы, вместе с одним добровольцем из Белоруссии, заняли позицию на обочине у грузовика. Противник вел огонь, не переставая. Было их, скорее всего, человек двадцать, разделенных на две группы, так что останься мы в грузовике – без потерь вряд ли бы обошлось. Мы отвечали огнем, а потом стал бить и танк, стоящий у грузовика, но никаких результатов это не дало. Более того, одна группа противника стала приближаться лесом справа от нас к грузовику, и выстрелы становились все слышнее. От командира батальона не было ни слуху, ни духу. Вероятно, он со всем своим штабом под прикрытием «Праги» ждал, пока мы «победим» УЧК. До победы было далековато, к тому же группа во главе с капитаном оказалась отрезанной от нас, и пришлось мне лезть на броню танка и, подогнав его к этой группе, вместе с ней за броней танка бежать еще пару сотен метров, ведя из-за него огонь, меняясь с бывшим российским десантником Сашей. Едва передохнули, как пули засвистели с левой стороны, и пришлось опять бежать до следующего полуразрушенного дома, откуда опять пришлось вести огонь. Полтора десятка полицейских, дежуривших у выезда на дорогу, толком не стреляли, хотя их пост стоял совсем рядом. В конце концов, капитан дал знак колонне проезжать, и танки пошли на базу, стреляя на ходу по лесу из пушек, но это, видимо, не причинило вреда бойцам

УЧК, укрывавшимся в траншеях, которые войска в ходе «зачисток» не уничтожали. Командир батальона уехал на своем бронетранспортере, не только ничего не сказав, но и сбив шлагбаум перед въездом в базу, а мы, вскочив в два грузовика, выбрались последними.

Думается, что уже на основании таких фактов командир батальона должен был поблагодарить ребят, а не писать на них доносы в военную безопасность. Там же эти доносы пришлись как нельзя кстати, так как уже в середине мая она получила указание отправлять восвояси добровольцев, в первую очередь – иностранных, так как «разработку» о «славянским единством» надо было сворачивать в связи с готовящимся подписанием мира.

Интересно, как при этом иные лица в армейских верхах, еще во время войны стали порочить всех без исключения добровольцев, сваливая на них все те грабежи и убийства, что произошли на Космете. Однако подобная версия, успехом даже на Западе пользоваться не могла. Вряд ли кто-то там поверил, что только разрозненные группы (до 20-30 человек) добровольцы, которых, допустим, в нашей бригаде насчитывалось около двух сотен (да и в других подразделениях не больше), виновны в убийстве тысяч человек и изгнании десятков тысяч в Македонию и Албанию. Ведь в операции «чищение» (зачисток) шли все: и резервисты, и срочнслужашие, и контрактники, и добровольцы, а эти операции проводились по приказам армейских и полицейских штабов. Войска шли цепями через горы и леса, входя в села с боем или без боя. Солдаты просто выбивали двери ногой, а то и бросали гранаты в окна, а в населенных пунктах жителям был или дан приказ выйти из домов и собраться в колонны, либо выйти из домов во дворы, пока шел обыск домов.

Если села были предусмотрены для размещения войск, то колонны выводились и передавались специальной полиции, если нет, то жители оставались дома, дабы защитить штабы и войска от ударов авиации. Что такое размещение войск по частным домам, тем более без хозяев, известно по каждой войне. Тем более, здесь иные села «зачищались» по два-три раза. Тут не то, что имущества, а крыш не оставалось. Естественно, что многие люди «обрастают» трофеями, но это относилось ко всем, а не только добровольцам, среди которых, как и среди других были и те, кто этим занимался профессионально, кто по нужде, а кто вообще ничего не хотел брать.

У войны своя логика и ее тяжело понять тому, кто не был на ней, но любому понятно, что за любое дело, а тем более, военное, платить надо. Здесь же зарплата у военнслужаших нашей бригады была 1200 динаров, то есть 60 долларов в месяц и плюс суточные где-то в 5 долларов, но их многие получали через несколько месяцев после войны, и при этом после демонстраций.

Что же касается трофеев, то их вывоз командованием был запрещен; но естественно, на практике это нарушалось, однако, автомашины

вывезти рядовым солдатам было тяжело, и многих это раздражало, особенно при виде сжигаемых и расстреливаемых тракторов.

Армейские подразделения колонны гражданских передавали специальной полиции. А та их сопровождала в Албанию или в Македонию. Военноспособные мужчины также передавались полиции, хотя тут всякое бывало, однако стоит заметить, что те горы документации, которые собраны в международном трибунале в Гааге, то это дело рук как раз сербских «органов», так как неграмотные албанцы часто не могли отличить армию от полиции, а не то, что определять фамилии командиров и номера частей.

Впрочем, вряд ли те, кто на Западе принимал решения о войне против Югославии, не знали, что может произойти в Косово и Метохии. Имея опыт войны в Боснии и Герцеговине, осмелюсь предположить, что военные преступления были нужны кому-то на Западе, ибо в противном случае международному трибуналу в Гааге пришлось бы ограничиться Боснией и Герцеговиной и Хорватией, и тем самым несколько сократить «фронт работ»

Велась та война со стороны НАТО для разгрома Югославии, а не для защиты албанцев. На последних командованию НАТО было наплевать, тем более что десятки тысяч албанских беженцев, выгоняемых югославскими армией и полицией с Космета в Албанию и Македонию, должны быть за это благодарны именно Западу. Тот отлично знал, что при авиаударах НАТО будет организовано югославской властью выселение албанцев из Косово и Метохии, тем более что прецеденты в Боснии и Герцеговине уже были.

Глава 15. Особенности действий Югославской армии и УЧК

Я не склонен преувеличивать боевой дух шиптар, но все же они выстояли перед наступлением югославской армии и сохранили УЧК. Конечно, часто тактика их была примитивна: «выстрелил – убегай». Но не раз бывало, что они воевали довольно упорно, а это говорит, что среди них все же есть не так уж мало хороших бойцов. Уже то, как они передвигались ночью без лишнего шума, перекрикиваясь голосами животных, в особенности подражая петухам, при этом не в сотнях, а в десятках метрах от наших позиций, иногда даже без автоматов, должно было бы заставить относиться к ним серьезнее как к армии.

Дело здесь не в потерях югославской армии и полиции, как хотели бы это представить некоторые представители УЧК. Потери конечно были. Наша 37 моторизованная бригада, размещенная в области где-то от Сырбицы до Глоговца, то есть в центральной части Дренице, за два с половиной месяца имела приблизительно до полусотни погибших и где-то в два раза больше раненных (все это по официальным данным). Далеко не все потери произошли

в результате действий УЧК, так как свою роль играла и авиация НАТО, а также и несчастные случаи и сознательные «самострелы» вносили свой вклад.

В то же время здесь гибли и военнослужащие других частей, по тем или иным причинам оказавшиеся в зоне ответственности бригады, а также из подразделений и частей армии и полиции, временно придаваемые нашей бригаде.

Даже если учесть другие потери (максимум, два-три десятка погибших и вдвое-втрое большее число раненых из состава других частей), все равно они никак не могли быть ощутимыми для боеспособности 37-й бригады. Ведь она насчитывала только на Дренице до 4–5 тысяч человек, и при этом имела еще несколько сотен человек в Рашке, большинство из которых вообще на Космете не побывало. Речь идет о бригаде, направленной в самый центр албанского сопротивления и поэтому провозглашенной после войны одной из трех лучших бригад Югославской армии по результатам боевых действий на Космете. Наша 37-я моторизованная бригада, вместе с 125-й и 549-й моторизованными, 63-й парашютной бригадой, а также 124-й интервентной полицейской бригадой МВД была награждена орденом Народного Героя, как одна из самых отличившихся в этой войне. Лишь она из этих трех армейских бригад находилась во внутренних районах Космета, тогда как две другие бригады находились на границе. Следовательно, именно 37-я бригада вела наиболее интенсивные боевые действия противопартизанского характера, и именно это сыграло одну из важнейших ролей в борьбе с УЧК. Ведь югославские силы стратегически вели наступательные действия, тогда как УЧК оборонялась, хотя в тактическом плане была часто обратная ситуация. Югославские армия и полиция должны были лишить УЧК всякой опоры, тогда как УЧК думала не столько о нанесении урона противнику, сколько стремилась сохранить себя саму и вела боевые действия, либо обороняясь в ходе операций по «чищению» (зачистке) югославских сил, либо нападая отдельные, небольшие группы югославских военных или полицейских, как правило, при их передвижении на автомашинах. Вела УЧК также снайперские действия и использовала противотанковые и противопехотные мины. Возможно, конечно у иных военных и политиков на эту войну был иной взгляд, но, как правило, этот взгляд исходил в лучшем случае из Приштины.

При этом следует разделить Космет по театрам боевых действий в зависимости от их характера.

Так на границе боевые действия были позиционного характера: югославские силы оборонялись против сил УЧК, нападавших преимущественно из Албании при поддержке самолетов, а порою, и вертолетов НАТО с воздуха, и собственной артиллерии. Пограничная полоса была отнюдь не однородной по интенсивности боевых действий, и здесь выделялся участок границы с Албанией, и, прежде всего караулы в горах Юника и Паштрика, через которые УЧК пыталась прорваться в Косово. Несколько раз, надо признать, им это удалось и во время войны, что означало куда более

свободный, чем официально признавалось, проход их караванов с оружием и боевых отрядов. Бои здесь случались довольно тяжелые, при том, что УЧК здесь применяла артиллерию, а авиация НАТО – кассетные боеприпасы. Югославские силы были вынуждены, в принципе, соблюдать суверенитет Албании из-за угроз НАТО, хотя власть этой Албании не в состоянии была этот самый суверенитет обеспечить.

Однако это относилось лишь к случаям глубоких прорывов. А что касается непосредственно пограничной полосы, то с границы по огневым точкам, да и вообще по любым целям югославской стороны, шли действия не только огнем, но, и если можно так выразиться, и мечом, ибо порою случались вылазки отдельных отрядов югославских вооруженных сил в эту пограничную полосу. О таких вылазках сербов мне рассказывал Дима «Дьяк», мой старый знакомый по русскому добровольческому отряду в Сараево, воевавший как раз на границе. Известно и о том, как сербы взяли в плен трех американских солдат, но умалчивалось, что их взяли опять-таки в ходе подобной вылазки в Македонии. Но, вообще, югославские военные здесь держали оборону, предотвращая прорыв УЧК и готовясь к обороне от сил НАТО. Но и эта оборона, отнюдь, не была легким делом. Особо характерен здесь случай с пограничным караулом Кошаре, взятым силами УЧК где-то в апреле, и удерживаемым УЧК до вывода с Космета югославских вооруженных сил. Тогда при нападении на караул Кошары югославская армия понесла потери около сотни человек убитыми, ранеными и пленными. С ранеными оттуда мне как раз пришлось недельку полежать в Приштинской больнице, и они мне говорили о весьма неудачных попытках контрударов югославских войск (в том числе 63 парашютной бригады) которые заканчивались налетами авиации НАТО.

Одно такое нападение захлебнулось перед линиями укреплений, уже выстроенных УЧК с помощью иностранных советников и обороняемых не только албанцами, но и наемниками и моджахедами. УЧК в районе границы была хорошо вооружена и имела средства противотанковой борьбы, в том числе ПТРК, зенитные пушки, минометы, артиллерийские орудия и даже бронетехнику, но в полной мере это использовано быть не могло из-за технического и организационного превосходства югославской армии, и дело нередко сводилось к пехотным атакам. Что касается личного состава, то он в УЧК попадал в значительной мере путем добровольно-принудительной мобилизации в лагерях албанских беженцев в Албании и Македонии, и после короткой подготовки (несколько недель) подобные добровольцы слались на фронт и потери, естественно, несли существенные в ходе попыток прорывов югославской обороны. Куда рачительнее использовались уже обученные и обстрелянные бойцы, в своем большинстве добровольно вступившие в УЧК еще до весны 1999 года. Они представляли собой костяк УЧК, и их командование старалось беречь.

Впоследствии нами были отслежены передвижения небольших (по 5-6 человек) групп вооруженных албанцев по одним и тем же маршрутам в районе Глоговца, то есть в паре километров от штаба бригады. Ночью албанцы проходили дворами даже через сам Глоговац, так как от оставшихся в домах соплеменников получали точные сведения, где наши посты.

Свидетельствами связи с базами в Албании были как появление новых типов вооружения и снаряжения в мае-июне, так и появление у нас иностранцев в рядах УЧК.

В ходе одного нападения на неприятельскую базу, когда мне пришлось ставить Славу на левом фланге нашей роты он не выстрелил по проходившим людям, потому что те говорили между собой по сербско-хорватски. Как раз в тот момент Винко сказал ему, что ему передали по рации, что взвод добровольцев вышел из села, где была размещена рота, к нам на помощь. Естественно Слава тогда стрелять в общей неразберихе не стал, хотя добровольцы в тот раз отмечали какой то очередной праздник, и выйти из дома, где они жили, просто были не в состоянии. Правда, выстрелить винтовочными гранатами где «воевали» мы с УЧК, они все же попытались, однако первый же «трюмблон» разорвался на стволе автомата, в результате чего был ранен один доброволец из Воеводины. Хотя и тот, кто стрелял и все остальные, в том числе и наш «рус» Миша, бывший тогда у них, обходили ту тему, было ясно, что вместо холостого из автомата выстрелили боевым патроном. Тем самым проверить, откуда точно были говорившие по сербско-хорватски Слава не смог, но так как албанцы категорически не приемлют сербский язык, то это были, вероятно, мусульмане из Боснии.

Нам сообщил капитан Боян, что по данным военной разведки, здесь же находился офицер британских сил специального назначения, командовавший группой УЧК, и честно говоря, тогда мне хотелось этого капитана поймать и я был к этому довольно близок.

Также осетин Альберт говорил мне, что в районе Призрена ему пришлось говорить по рации с мусульманами из Боснии, которые сказали ему что вот, мол, у них есть и чеченцы, и русские. Как ни странно, через пару дней на связь вышел русский, говоривший, по мнению Альберта, без всякого кавказского акцента и пообещавший ему, что «он до рассвета не доживет»

Впрочем, на стороне УЧК встречались даже сербы (из Вальево), и трупы двоих из них, были с документами найдены на границе, согласно словам офицеров из военной безопасности нашей бригады. Под Клиной были взяты в плен и двое черногорцев.

Однако главной иностранной силой в рядах УЧК были моджахеды, действовавшие при тесной координации с командованием УЧК. Группы моджахедов действовали в основном, все же в пограничной полосе, и не стоит много о них писать, ибо сила и организация их известны, как и влияние в их среде людей Усамы Бен Ладена, уделявшего большое внимание просторам бывшей Югославии. Один его египтянин еще в 1998 году был арестован

американскими спецслужбами в Тиране и выдан Египту. Командование НАТО прекрасно об этом знало, но тогда им надо было усилить боеспособность УЧК, и моджахеды могли в этом помочь, что собственно и признали после событий 11 сентября 2001 года, представители небезызвестной американской частной военной компании MPRI, занимавшиеся в 1999 году подготовкой УЧК.

Что касается целей НАТО, я ее бы их подробно касаться не стал, так как к штабной и политической деятельности тогда отношения не имел.

К тому же сами авиаудары НАТО на ведение боевых действий югославских вооруженных сил против УЧК особо не влияли, ибо ограничивали, да и то редко, лишь применение бронетехники и авиации. Война же на Космете, где местность была довольно гористой, велась в основном пехотой, которой бронетехника, (танки и зенитные самоходные установки калибров 20 и 30 миллиметров), выделялись далеко не всегда. Авиация НАТО, и то по данным и с Запада, и из Белграда уничтожила всего несколько десятков единиц, а вовсе не 60% бронетехники югославской армии, как самонадеянно заявлял американский генерал Уильям Кларк. Югославская армия, надо отдать ей должное, после первых потерь стала серьезнее относиться к приказам о мерах маскировки. Здесь использовались и макеты, и маскировочные сети, и разжигание костров, а то и пожаров, и искусственное уменьшение теплового фона, в том числе доливанием водой чехлов и прочие меры, как оптической и тепловой, так и электронной защиты. Кроме того, авиация НАТО все же большую часть вылетов тратила на остальную часть Югославии, а на Космете ударам подвергались часто объекты административного (как, например, управление полиции или военный штаб в Приштине) или промышленного (как рудник Белашевец у Глоговца). При этом последний, где тогда стояла наша пехота, авиация НАТО бомбила не час, как было объявлено югославским радио, а почти 12 часов, что мы видели с позиций нашей роты.

Хотя ущерб Югославскому государству был нанесено немалый, на ход боевых действий против УЧК это не сильно отражалось.

Немногими повлияло на эти действия и бомбежки казарм, ибо войска были выведены из казарм еще перед началом бомбежек. Это же касается и уничтожения мостов в Сербии, в том числе на дорогах, ведущих на Космет, так как войска были передислоцированы заранее и разрушение мостов могло бы помешать Югославии лишь при обороне от наземного нападения НАТО, но не в ходе противопартизанской войны. На Космете, надо также заметить, далеко не все объекты инфраструктуры вообще бомбились, что, видимо, означало полную уверенность командования НАТО в скором размещении там своих войск.

Помимо всего этого авиаударам, прежде всего, подвергались войска, стоящие на границе, а они активную противопартизанскую деятельность не вели, а лишь предотвращали прорыв на Космет боевых групп УЧК из Албании и Македонии, как раз и поддерживаемых с воздуха НАТО.

Стоит тут отдать должное и пилотам югославских самолетов, которые, несмотря на недостаток запчастей к самолетам (эмбарго тут большой роли не играло) все-таки атаковали авиацию НАТО, многократно их превосходящую, а также нанесли несколько успешных наземных ударов по боевикам УЧК в ходе некоторых наших операций. Следует упомянуть и югославских зенитчиков, чьи дивизионы вели войну нередко самостоятельно, но все равно умудрялись сбивать самолеты противника, в том числе знаменитый, якобы неуязвимый и невидимый F-117, сбитый 27 марта 1999 года над Буджановцами

Вообще же, авиация НАТО не могла коренным образом влиять на борьбу югославских сил против УЧК, ни спасти ее от поражения, ни, тем более, обеспечить ей победу. По большому счету, исход этой войны зависел не от военных, а от дипломатов, и, возможно, и был предопределен, но эта уже отдельная тема.

В тоже время следует отметить, что у УЧК появились приборы для лазерной и радарной подсветки целей, которыми они (либо спецназовцы НАТО) на нас наводили авиацию. Много раз мы видели в приборы ночного видения светящиеся точки в домах как будто бы своей территории, а днем, при проверке, оказывалось, что речь идет о нежилых помещениях. Как раз перед бомбежкой здания рудника Белашевац, мы в течение нескольких дней наблюдали подобные факты, о чем нами сообщалось и командиру роты и непосредственно в штаб бригады.

Также мною лично было доложено командованию, как раз перед нашей майской операции на Обринье, о том, что нами были замечены ночью три вертолета, шедшие без слышимого шума со стороны границы. Мы тогда вели наблюдение в «ночник» за албанцами и просто изумились, увидев как три светящиеся точки пролетели над Глоговцем, а затем вертикально спустились одна за другой как раз в районе, где был размещен дивизион ПВО нашей бригады. Это меня, конечно, не удивило, так как я уже знал, как служат в этом дивизионе по рассказам Славы и Миши, которые до того как попали в нашу разведроту были с недельку в этом дивизионе. Правда, винить тут сербов нельзя, так как «идейным генератором» такого карьерного роста был еще один мой знакомый по отряду «Белые волки» русский доброволец «Боцман». У «Боцмана» был гениальный план – сбить самолет НАТО, поймать пилота и продать его «кому-нибудь» за миллион долларов. Правда, этой «идее» помешало то, что бойцы ПВО ничего сбивать особо то не хотели, и держали свои «Стрелы-2» под ключом, дабы не вызвать на себя удар самолетов НАТО, а заодно не отвлекаться от забот по поимке домашней живности албанцев, как и «зачистке» оставленных ими домов, но в особенности огородов и дворов, где те имели обычай закапывать им нужные вещи (то есть «бунарить» от слова бунар-колодец, что было очень популярным занятием югославских войск на Косово и Метохии).

«Боцману» не удалось переубедить «зенитчиков» в том, что его дело более прибыльное. Так как именно он перетянул Славу и Мишу в ПВО, представив себя и их, по словам Негоша, телохранителя нашего комбрига, как больших специалистов в области борьбы с самолетами, то им пришлось все же присоединиться к «работе» ПВО, заключающейся в том, что они должны были ходить в «зачистки». Заодно ребята самостоятельно организовали пару засад на албанцев, в одной из которых погиб сербский доброволец Мирослав. После этого Миша и Слава перебрались ко мне, а «Боцман» вскоре отправился в Рашку, где так же безуспешно пытался организовать ПВО, а затем назад в Боснию. Как тогда выяснилось, он поторопился, так как, видимо, в тех вертолетах народу для него было не на один миллион. Правда, в последнем случае пока мы дозванивались до штаба бригады, над которым эти вертолеты пролетели, и пока убеждали дежурного, что это не НЛЮ, последние улетели, так как, очевидно, все наши переговоры радиоэлектронной разведкой НАТО прослушивались.

Насколько мне тогда уже было известно (не знаю насчет наших штабов) под командованием штаба сил «специальных операций» (USSOCOM) США в составе авиагрупп (командование AFSOC) имелся целый ряд типов самолетов и вертолетов, для низких ночных полетов при пониженном собственном шумовом уровне (MC – 130E; MH – 53; MH – 47E; MH – 60K). При этом транспортный самолет MC-130E может перебросить до сотни человек или около 17 тонн грузов, а транспортные вертолеты MH-53 и MH-47E приблизительно вдвое меньше, а MH-60K где-то вшестеро меньше десанта и грузов соответственно. Так как УЧК и НАТО были союзниками, то видимо УЧК во внутренних районах Косово и Метохии пользовалось поддержкой с воздуха AFSOC, получая и боеприпасы, и подкрепления.

Так же перед началом майской операции на Обриня, наш доброволец Нешо мне сказал что в «ночник» видел, как недалеко от нас самолеты выбрасывали парашютные контейнеры, что я сообщил лично комбригу и офицеру штабу корпуса.

Правда, странно, что вскоре после этого, все бойцы нашей группы (кроме, как ни странно, Славы) находившейся в этом месте, стали испытывать приступы рвоты и болей в животе, хотя впрочем, это было, скорее всего, следствием зараженности источников, откуда мы брали воду, вследствие большого количества трупов животных.

УЧК уже в середине апреля стала оправляться от первоначального шока, с помощью своих зарубежных покровителей. Увидев, что склонность албанских вождей к хищениям (а это болезнь Востока, так как здесь бог-«золотой телец») отражается на боеспособности УЧК, руководство последней, видимо, утихомирило аппетиты своих командиров и навело относительный порядок в своих рядах. В Дреницу в конце апреля пошло современное оружие и снаряжение, пусть и не в достаточном количестве.

Естественно, албанцы должны были активизировать свои действия.

Уже в районе дислокации нашей разведроты, перемещенной в конце мая в село Полужа, было зарегистрировано две группы УЧК в радиусе пару километров. Одна, насчитывавшая до двух десятков хорошо обученных бойцов, находилась в соседнем лесу. Отсюда она периодически обстреливала как нас, так и на дорогу Глоговац – Сырбица, а также организовывала засады. При этом, несмотря на потери, понесенные и на минном поле, и в результате наших поисковых действий, позиции она не меняла, что говорит о наличии дисциплины и единого командования в УЧК.

Другая группа, находившаяся от Истога-Махала через дорогу Глоговац – Сырбица, в июне 1999 года вообще перестала скрываться, и Славик, «Мырча» и пару других наших солдат рассматривали вооруженных албанцев в домах на склоне противоположной горы. За несколько дней только в одном месте этого села было насчитано около десяти вооруженных боевиков, вслед за которыми появились и гражданские, вывесившие сразу же белый флаг. На их удивление наш начальник разведки, заявил, что вообще ничего там не видит, что можно было понять в силу всем все более очевидного отступления с Косово. Никто, естественно, в это село не входил, хотя именно с этого направления не раз велся огонь по дороге Глоговац – Сырбица.

Схожее положение было и в Шиполье, пригороде Косовской Митровицы, в котором, из-за нападений УЧК дорога Косовская Митровица – Сырбица постоянно полицией перекрывалась для движения.

К тому времени у нас фактически появился четвертый командир роты, так как наш резервный капитан «Жути» задержался в Рашке. В силу этого командир взвода срочнослужащих «поручик» (старший лейтенант) Винко стал исполнять обязанности командира роты. С ним я имел хорошее взаимопонимание, и в силу своего независимого положения командира разведгруппы, чье создание было одобрено комбригом по просьбе «Жутого» смог подбить Винко на более активные действия. Ни наград, ни денег, ни благодарности мне это не принесло, но зато наша разведрота несколько раз успешно провела операции по поиску албанских групп. Это сразу же дало хорошие результаты, и вот тут то шиптар нередко охватывала паника, и они несли потери. К сожалению, сделав основную часть, т. е. выйдя по следам к месту базирования неприятеля, и вступив с ним в близкий бой и даже развернувшись в боевые порядки, мы упускали противника, ибо остальные наши молодые срочнослужащие солдаты, оставались на месте в бесполезной перестрелке. Добровольцы и резервисты с нами тогда ходить не хотели, а за срочнослужащих Винко, как и каждый офицер нес большую ответственность, так что когда в одном бою наш снайпер Савва, пошел было со мною вперед, это вызвало крики в его адрес нашего «водника» Видича и мне пришлось Савву вернуть назад.

К тому же, когда мы таким же образом несколько раз вступили в бой с противником на высоте соседней месту нашей дислокации, то наши

соседи из инженерного батальона (саперы и строители) расположенные всего в 300 – 400 метрах под нами рядом с дорогой Глоговац – Сырбица не то что нас не поддерживали, но и не пытались предложить помощь, так как не знали неделю, где мы вообще расположены, и не пытались провести обычную телефонную связь.

Иногда дело доходило до абсурда. Так, когда я и еще четверо сербских добровольцев из Воеводины, в апреле месяце, когда еще ротой командовал капитан «Струя» вошли в село под Чичавицей в котором албанцы уже вывесили белый флаг, так как бойцы УЧК из него ушли, не дождавшись нашего нападения, то мы на обратном пути вывода колонну гражданских албанцев обстреливались одним сербским «малоумником», добровольцем из нашей роты, который за день до этого поджег амбар, с пшеницей обозначив наши позиции не только УЧК, но и авиации НАТО. Другой раз, когда уже комротой был «Жутый», который попросил нас проверить причину стрельбы, ведшейся средь бела дня практически в самом Глоговце, то из всей роты, а в особенности из многочисленного штаба пошло нас четверо человек, я со Славой и двое сербских добровольцев – Перо и «Булат». Подойдя к двум – трем десяткам полицейских, занимавшим пост у дороги, мы узнали о двух вооруженных шиптарах в селе между нами и Глоговцем, где был штаб бригады. Одного из них ранил полицейский снайпер, и в «зачистку» села пошло нас двое – я и Слава. Дойдя до сомнительного дома, нам пришлось посылать одного албанца лет сорока с белым флагом к полиции за подкреплением (так как в этом селе было полно боеспособных мужчин). На помощь пришел лишь Перо, которому полицейские не дали даже «Моторолы». Заставив албанцев махать белыми флагами, дабы сидевшие в домах впереди, слева и справа не открыли огонь, мы, ради очистки совести, проверили сомнительные дома. Неясно, почему полиция месяц назад ушла из села –там могла скрываться целая рота УЧК, тем более что именно сюда часто вели следы и отсюда несколько раз подавались сигналы. Однако кого хватать из десятка мужчин, обнаруженных нами, мы не знали, да и ответственности брать на себя было нельзя. Если бы мы вывели из села группу албанских молодых мужчин, то полиция вполне могла бы их тут же «пустить в расход», дабы отличиться в поимке «террористов» (а в случае «чего» все бы свалили на «русов»).

Вообще-то я не был сторонником подобных мер и считал, что моя обязанность заключается в максимально прилежном исполнении задач по борьбе с УЧК. Если же кто-то считал, что врагом был весь албанский народ, то ведь надо было учитывать, и существовавшее в мире политическое положение. Мне была абсолютно непонятно, зачем гражданских албанцев выгоняют из их домов и колонами отправляют в Македонию и Албанию. К тому же подобное указание выселять всех албанцев где-то в Косово действовало, а где-то нет, и стоило, видимо, югославским верхам поучиться, как это надо делать, у Сталина, выселявшего целые народы полностью и в течение нескольких дней.

Если же врагом считать лишь определенное политическое движение, то с ним следует бороться куда более изощренными методами, а не посылать в зачистки всех подряд – от добровольцев и резервистов до срочнотружущих армии и сотрудников полиции, дабы они там вели себя подобно ордам Тамерлана.

Я помню случай с селом Глобары рядом с Глоговцем. Сначала там в ходе наших патрулей мне удалось показать людям, кто хозяин положения. Разумеется, албанские старейшины были не так уж глупы и стремились сразу солдат ввести в дом и разговорами обо всем чем угодно и мелкими услугами отвратить их от хождений по селу. Я все же брал с собой несколько человек, в основном Славу и «Сурчинца», и, обойдя село и подходы к нему, увидел и протоптанные тяжелыми ботинками тропы, и следы оружия на земле; отсюда же ночью подавались сигналы, видимые лишь в приборы ночного видения. Когда же все это было доведено до сербов, некоторые командиры сначала перепугались, но потом, когда все успокоилось, они воспряли духом и, назвав себя «воеводами», тоже решили пойти в патрули. В итоге они стали обделывать свои «коммерческие» делишки в селе, и все выродилось в насилия и грабежи. Узнав об этом, ходить я туда уже не стал, а потом нашу роту вообще здесь сменили, но нападения на наши войска отсюда были, в том числе во время вывода, когда было убито несколько полицейских.

По большому счету сама тактика «чищения» (зачисток) могла принести успех лишь при многократном превосходстве над противником. Счастье сербских войск, что УЧК мало использовала мины, в первую очередь выпрыгивающие («ПРОМ») или аналогичные типы мин иностранного производства, и тогда мы несли бы куда большие потери.

Давно замечено, что бой по-иному видится из боевых порядков и из штаба, потому что ситуация в бою настолько быстро менялась, что приказы из штаба, пусть и толковые, очень часто оказывались ненужными, а то и вредными из-за опоздания в сроках или недостатка полной информации о происходящем у командиров.

В «зачистки» мы ходили часто, и все они были приблизительно одинаковы: «суперменов» в них не было, да и быть не могло, ибо стоило «супермену» побежать вперед, как его могли по ошибке срезать огнем его же соседи справа и слева относительно быстро. В то же время это приводило к тому, что двигались войска медленно и группы УЧК от них частенько ускользали.

Примеров подобного рода операций можно привести немало. К ним относится «акция» на село Васильево, где вместе с разведротой действовали военно-территориальный отряд из Косово Поля, пехота и полиция опять прошла в том же духе. Пока шла артподготовка, пока где-то кто-то связывал боевые порядки, пока кто-то решал идти его подразделению вперед или подождать, целая группа УЧК в полсотни человек ушла из села, вступая лишь в короткие перестрелки, и хотя акция шла еще 5–6 дней, почти вся она ушла из кольца окружения. Лишь раз ребята из взвода срочнотружущих убили

одного шиптара и то, судя по его внешнему виду и карабину в руках, не принадлежавшему к элите. При этом он сам был виноват в своей смерти, так как вместе со своими несколькими товарищами не только приходил спать в уже занятое село, но еще и вздумал утром пройти через него.

Из Васильева шел длинный оросительный канал, переходящий на выходе из села в подземный тоннель, выходявший через десять километров на Чичавице. Этот тоннель мы вдвоем со Славой потом исследовали до подножия горы и обнаружили, что там вход в него открыт, воды в нем уже не было, а зато были следы людей.

Перед началом операции я получил приказ взорвать этот тоннель. Так как я не знал, о чем идет речь то, получив две мины направленного действия МРУД (типа советской МОН-50 и американской «Claymore» M18), я тогда подумал, что мне хватит двух их зарядов пластичной взрывчатки по 900 грамм, для того чтобы завалить тоннель. На деле же это было сооружение с 30 сантиметровыми железобетонными плитами два метра высотой и 4 метра шириной для чего требовалось не два, а сто килограмм взрывчатки. Впрочем, это никого не волновало, главное, было, отметится, и я, как идиот, по колено в воде полчаса устанавливал взрывчатку, дабы получить лишь полуметровый разрыв в верхнем стыке боковой и верхней плиты. Потом мне офицер из штаба бригады пообещал взрывчатку и я, было, обрадовался, когда узнал, что меня зовет командир роты, получивший якобы взрывчатку. На деле мне дали две ручные гранаты со слезоточивым газом, дабы я бросил, куда считаю нужным, и выкурил всех шиптар из тоннеля. Так как простые математические вычисления говорили, что от подножия горы до выхода тоннеля на Чичавице было 80 тысяч кубометров воздушного объема, то не помогла бы мне ни тысяча таких гранат, а не то что десяток, который нам послала военная полиция, но 8 из которых наш старшина запасливо складировал. Впрочем, не без оснований, так как его потом в Рашке допрашивала полиция как подозреваемого в продаже оружия.

Под конец нам перестали давать в дозоры, в которые мы шли самоинициативно, но по одобрению командира роты, даже приборы ночного видения, и мы были вынуждены выходить без них.

Еще хуже прошла следующая июньская операция «зачистки» местности вправо от дороги Глоговац – Сырбица до горного массива Чичавица включительно. Здесь вообще операцией командовал штаб корпуса. В связи с этим было собранно кроме нашей, еще две бригады, разведывательно-диверсионный отряд корпуса, многочисленные отряды полиции, и я уже не знаю, кто еще. Карта плана операции была настолько густо заполнена точками различных рубежей, что мы шли со скоростью один километр в один день. Скажм, разведотряду корпуса надо было полдня стрелять из минометов по какому-то лесу, откуда его обстреляли шиптары. Затем еще полдня вся бригада не могла заставить командира какого-то сводного взвода тыловиков войти в одно село, уже почти со всех сторон окруженное нашими войсками. Артиллерия, в свою очередь, целый день вела огонь по зданию какой-то

школы, у которой утром кто-то видел нескольких вооруженных шиптар. Наконец, полиция целый день не захотела сдвинуться с места, и мне подумалось, что это своеобразное надувание мыльных пузырей, когда кто-то в штабах зарабатывает очередную звездочку. Это мнение у меня укрепилось, когда я рано утром услышал очереди из китайских автоматов уже за спинами танкового батальона, с которым перед этим наш взвод срочнслужущих едва ошибочно не вступил в перестрелку. Было ясно, что шиптары прошли, но так как никого это уже и не интересовало, мы, сплунув, отправились на базу, дабы зря не мерзнуть по лесам.

Подобная тактика еще была бы оправдана, действующ шиптары группами по 200 – 300 человек, но ведь их группы насчитывали 10 – 15 человек и разбивались при том на подгруппы! С ними нужно было бороться ротами, в которых можно было установить и связь, и плотное взаимодействие, а также избежать междоусобных обстрелов, которых я стал бояться больше шиптарских.

Все это долго мне действовало на нервы, и так как в детстве я пристрастился читать «книжки о войне», да еще все-таки поверил отчасти в «славянское единство», то я досаждал штабным офицерам различными предложениями, хотя на. . . н им они были нужны: ни новых чинов, ни денег не сулили, а только возможность героически сложить голову, либо рисковать своей должностью. Тем не менее, я все-таки накропал служебную записку с предложениями изменить нашу тактику. Что я точно там писал, уже не помню, но, в общем, суть моего предложения сводилась к следующему.

Необходимо было составлять ударные отряды (усиленная рота/батальон), подчиненные оперативно, а то и организационно разведслужбе, которые являлись основной силой тактических групп, заменивших прежние батальоны. Их командиры должны были иметь реальный опыт командования в прошлой войне каким-нибудь ударным отрядом (взводом или ротой). В помощники им надо было подбирать людей из числа добровольно вызвавшихся офицеров и бойцов с доказанным боевым опытом и заслугами. Им бы командир и мог поверить командование боевыми группами, создаваемыми в соответствии с боевыми задачами. Комплектоваться такие отряды должны только из добровольцев. Такие бойцы должны иметь льготы, но дисциплина должна твердо поддерживаться при выполнении боевых задач. Эти ударные отряды должны быть оснащены всеми видами стрелкового оружия (в особенности пулеметами), автоматическими гранатометами и минометами, а также иметь на вооружении бронированные грузовики и бронетранспортеры (если необходимо – и другую бронетехнику, в первую очередь – БМП, танки и эффективные при действии по пехоте ЗУ и ЗСУ). Большое внимание следовало уделять при оснащении группы средствам связи и приборам ночного видения (которые, разумеется, должны быть исправными, например, отказы «Моторол» нередко помогали уйти противнику), радарам (имевшийся в разведроде переносной радар мы так и не получили в пользование).

Обязательно было использование собак, как ищеек для обнаружения по следу партизан, так и сторожевых (для охраны позиций); надо заметить, что шиптары в отличие от нашей армии собак использовали, выпуская ночью их перед селом. Нужны были и минно-розыскные псы, натренированные к обнаружению и оружия, как для проверки дорог, так и дворов и домов албанцев, нередко имевших склады оружия и взрывчатки. Даже в обычном разведдозоре очень нужны две-три собаки: это помогает в выполнении боевых задач, а также предотвращает неожиданные нападения и избавляет от многих потерь (в том числе от мин). Остальные войска должны в качестве боевого охранения распределяться по наиболее важным населенным пунктам и постам (с оперативным подчинением тому или иному командиру ударного отряда). Фактически нужна была своеобразная наковальня, которую надо было подводить под неприятельские группы, нанося удар по ним молотом ударного отряда. Этому отряду требовалась также артиллерия.

Подобная схема могла бы меняться в названиях и соотношениях, но суть должна остаться той же, и командование операцией шло бы с передовой в тыл, а основой организации были бы сплоченные боевые группы из людей, желающих воевать и знающих, за что воюют. Общая схема действий должна была выглядеть так: сначала – разведработа, затем посылались бы РДГ (разведывательно-диверсионные группы), по следу выходившие на базы противника. Затем ударные отряды скрытно бы выдвигались на исходные позиции либо, высаживаясь десантом с бронемашин или вертолетов, и разворачивались бы в боевые порядки и нападали бы на командные центры противника, с последующим нападением остальных войск по всему фронту. Достаточно важную роль играло бы использование минно-взрывных устройств, которые давали бы возможность эффективно перекрывать пути отступления противнику.

Конечно, ту записку в штабе офицеры прочитали, но естественно на этом дело и закончилось. Я же тогда уже думал, как написать еще одну такую записку о реорганизации разведслужбы. Уже тогда было видно, что служба безопасности нужна каждому подразделению, занимающемуся активно борьбой с партизанами. Таких подразделений в бригаде было не так уж много разведрота, военная полиция и отдельные временно создаваемые в ходе боевых действий интервентные взводы в составе отдельных, дивизионов и батальонов нашей бригады. Именно их и следовало привести в единообразный вид и подчинить службе военной безопасности. При этом лучше всего иметь единую хорошо развитую службу разведки и контрразведки, чем две наших разделенных службы, одна из которых – разведывательная, – неизвестно, чем вообще занималась, а от службы военной безопасности мы нужных сведений о конкретном противнике почти не получали, хотя почти все наши разведданные бралась наверх – уж не знаю, для какой отчетности.

Проблемой было и наличие двух служб безопасности на Космете – госбезопасности ДБ [Державна Безбедност – примеч. ред.] и военной

безопасности. Мы в своих действиях никакой информации от ДБ не получали, зато было много случаев массовых избиений шиптар разъяренными солдатами, в которых пострадали и те шиптары, что сотрудничали с ДБ. Куда разумнее было бы создать единую службу безопасности обладавшей бы сетью агентов в местной среде, взаимодействовавших с разведывательно-диверсионными группами, скрытно размещенными по лесам.

При организации противопартизанских операций подобная спецслужба, по моему мнению, была бы эффективнее громоздких воинских частей и она лучше всего бы могла командовать операциями. Потому она должна была бы или заменить штабы частей, либо сами эти штабы должны были быть подчинены ей.

Охваченную боевыми действиями территорию надо было разделить по округам, держа под контролем определенную область. Ту же Дреницу должны были бы или полностью держать силы МВД, либо же туда должны быть направлены 63 парашютная и 72 разведывательно-диверсионная бригады. Не знаю, зачем их было держать в районе Призрена, когда первым ударом НАТО эти бригады, не оснащенные толком бронетехникой и находящиеся практически в первом эшелоне были бы уничтожены, тогда как с Дреницы они могли быть направлены в самое тяжелое место на фронте, где сохранялась бы возможность просочиться в тыл наступавших сил НАТО.

К тому же аэродром Слатина был в двух десятках километров от Глоговца, а и на самой Дренице можно было устроить несколько вертолетных площадок, и уж не знаю, почему здесь вертолеты не использовались. Чтобы бороться с партизанами надо находится там, где они действуют, что может и просто для понимания, но только сложно для применения. Каковы не были недостатки войск размещенных по таким областям, но самые ответственные задачи по борьбе с УЧК несли как раз они. Та же 37 бригада была вынуждена выполнять то чем в югославских армии и полиции должны были заниматься «специальные формирования» (спецназ). Все же и эта бригада могла быть изменением в организации и тактики приспособлена к противопартизанской борьбе.

Послесловие

Мне тогда казалось, что главная цель как этой, так и любой другой войны заключалась в том, что сами люди должны были доказать, что они достойны победы.

Что касается боевого духа в югославской армии, то не хотелось, чтобы возникло ошибочное мнение о том, что, якобы, сербы – плохие солдаты. Вообще-то сербское общество охвачено войной с 1991 года, и о каком бы народе ни шла речь, но за такое время, раз люди еще готовы воевать, и нередко добровольно, то хорошие боевые кадры всегда появятся. К тому же сербы, как показывает история, не раз отличались на поле боя, в особенности, упорством и неприхотливостью. В конце концов, миротворцы разных стран, прошедшие

Югославию, не доказали свое качественное превосходство над сербскими солдатами на поле боя, а истории о десятках положенных ими в одном бою «четниках» столь же достоверны, как и фильмы «про Рембо». На деле же, самое крупное столкновение миротворцев и сербов произошло в Сараево, где десять сербов взяли в плен двенадцать французских морских пехотинцев и легионеров, а потом, обороняясь против целой французской роты легионеров, убили и ранили больше десятка тех, при этом потеряв двоих убитыми и четверых пленными. На Космете войска НАТО появились лишь после начала отступления отсюда югославской армии и «блестящий подвиг», по словам американского генерала Уильяма Кларка, был обычным вводом войск, при поддержке отрядов УЧК шедших в их авангарде.

Я хотел бы избежать шовинизма в оценках любых солдат, и поэтому думается, что любая современная армия, а в том числе и российская, на месте югославской армии вела бы себя схожим образом. В любой армии успех – дело коллективное. И здесь на одном денежном интересе далеко «не выехать». В армии без идеи, объединяющей людей, каждый, в принципе, является одиночкой. Что касается югославской армии, то влияние на нее патриотической кампании, развернутой в прессе Югославии, было блеклым. Все эти призывы к борьбе с «новым мировым порядком» звучали отвлеченно, так как что мог сделать обычный боец? Стрелять по самолетам из автомата ведь было делом бессмысленным, а выискивать добровольно террористов УЧК – еще и неблагодарным. К тому же сами пропагандисты на Космет ехать не спешили, а солдаты, которые сюда попали, через пару недель начинали задумываться о житейских проблемах: зарплата была мала и выплачивалась она с опозданием; а между тем карточек, применявшихся в ходе Второй мировой войны в том же СССР, не существовало, и возникал вопрос – чем же кормить семьи? Под конец войны стали приходить счета к оплате, вопреки обещаниям о том, что те, кто воюет на Косово, от оплаты счетов будут освобождены. Хорошо оплачиваемой работы дома не было, ни до войны, за исключением разве что правящего чиновничьего класса и приближенных ему бизнесменов и бандитов.

Последним война, а в особенности разнообразные бизнес-проекты «Во благо Отечества» дали возможность кататься «как сыр в масле», а куда потом шли товары с продуктами питания, горючим, военной формой и оружием, – для иных из них было не столь важно. Не платила армия – заплатила бы УЧК или какие-нибудь «партнеры» этой УЧК.

Конечно, большинство людей верили, что, находясь здесь, защищают свое Отечество, но во всем том бардаке, что царил здесь, главной задачей они стали видеть честно отбыть положенное и возвратиться домой либо вообще пораньше отбыть отсюда.

По большому счету, официальная пропаганда и не могла здесь достичь успеха, по крайней мере, в Дренице, ибо газеты сюда не доходили, а телевизор могли смотреть лишь те, у кого был «агрегат». Если же и смотрели

телевизор, то в основном, видеокассеты, найденные вместе с видеотехникой в албанских домах. Единственным источником информации было радио, но тут искали «западные голоса», дабы узнать о том, какой город и когда бомбили самолеты НАТО. В то время, когда шла война, по телевизору показывали какие-то песни и пляски, хотя где-то люди гибли, и как бы плохо война на Космете организована не была, как бы плохо она не велась, все-таки это была война. Здесь, по крайней мере, на Дренице, когда люди видели эти концерты по телевизору, то, как правило, телевизор выключали.

Конечно, все это было подано в более «сыром» виде. Возможно, имело немало недостатков, только мне и тогда было странно позиция многих военных профессионалов (и эта позиция присуща далеко не только сербам), согласно которой они ставили себя в позицию эдаких судей того, насколько то или иное предложение «профессионально»

А какого черта все эти профессионалы так лихо брали на себя ответственность в ситуации, когда на их же глазах гибло их же государство, бесплатно их обучившее, и, наконец, платившее им деньги не только за дисциплинированность, но и согласно воинскому уставу, за проявление инициативы! Вот чего-чего, а инициативы у нас явно не хватало, и поэтому «всех» и устроила картина «героической борьбы за сохранение Югославии», созданная после войны, так как все можно было списать на беспорное преимущество в силе противника.

Нельзя всю эту большую трагедию списывать на якобы «балканские специфичности». Особенно поражало, когда это делали те кто, прибыв из России так и не удосужился разобраться, кто с кем воевал, но зато всегда имел ответ, почему, мол, воевали. Эта война сербами велась не столько ради территории, сколько ради сохранения себя как нации и по большому счету сама по себе война со стороны сербов, в общем, была справедлива, несмотря на все военные преступления в Косово. Сербия была суверенным государством, а военные преступления тут были только предлогом, тем более что их большая часть, согласно статистике того же трибунала в Гааге, была совершена после того как НАТО приняло в марте решение о войне против Югославии. Бессмысленны ныне разговоры о бессмысленности этой войны для сербов. Ни одна война не бессмысленна. На таком основании можно объявить бессмысленной всю кровопролитную борьбу сербов в XIV–XV веках с турками. Все равно, мол, «турки всех покорили почти до Вены». Любая война чревата поражением, но сербы были поражены еще до войны, поражены своей слабостью воли. В эту войну упадок сил достиг, возможно, низшего уровня во всей сербской истории, хотя физическая мощь народа и государства была как никогда велика для сербской истории и, по крайней мере, достаточна, чтобы закончить с УЧК. На деле произошло наоборот.

Сил для войны у сербов хватало, были у них и люди, которые смогли бы воевать еще, но вот идеи, поведшей их бы в этой войне, у них не было, и поэтому приходилось поражаться элементарной неспособности многих

бойцов. Нельзя, конечно, все сводить к делению на храбрых и трусливых. Такого резкого деления нет, и все люди в большинстве имеют приблизительно одинаковые способности. Однако, и для того, чтобы чему-то учиться и для того, чтобы преодолевать свой страх, и нужна воля, исходящая из определенной идеи, что и рождает воинский долг.

Конечно, здесь были хорошие профессионалы, были храбрые бойцы и хорошие друзья, а немало было и тех, кто готов был воевать. То, что их маловато, тоже не проблема, это присуще всем армиям. Но очень тяжело, почти невозможно было людей поднять на что-то общее. Они были готовы терпеть какого-то идиота, как своего командира, но лишь бы он позволял им без лишних хлопот отбыть свое время на войне. Из-за подобного индивидуализма в военных вопросах сербские возможности так и не использовались, как надо.

Это очень хорошо виделось русским добровольцам, которые поэтому, хотели они того или нет, были вынуждены действовать вместе, ибо с сербами это на постоянной основе было невозможно. На войне они действовали не столько по личным симпатиям, сколько в силу необходимости, вызванной определенным непониманием сербской среды. У сербов с весьма развитым чувством родовых и земляческих связей подобного военного товарищества было маловато. Но даже эти группы бюрократическая система стремилась разобщить, и даже тех, что были составлены из профессиональных военнослужащих или полицейских.

Первое и главное деление было довольно известно для многих войн, когда бойцы подразделений, чаще «ходящих» в «акции» были явно недовольны теми, кто просидел всю войну в одном селе. Так как достаточного количества «интервентных» (штурмовых) групп командование не создало, то выполнение ответственных заданий поручалось различным, временно создаваемым сводным «интервентным» группам из различных подразделений. Это приводило к неравномерному распределению тяжести войны и к несправедливому распределению льгот внутри уже самих подразделений, а тем более в отношениях между самими подразделениями, одни из которых давали свои группы для заданий раз в месяц, а иные в несколько раз чаще.

Это недовольство справедливо, особенно – на фоне вида немалого количества бойцов, сутками проводящих время за резней кур, коров, овец и прочей живности, а иные из них отличались даже выстрелами по кошкам. В паузах же между подобной охотой они рыскали по домам или играли в карты. Конечно, есть всем хотелось, как и спать в тепле и на теплых постелях. Плохо было то, что никакого уважения или простой благодарности к тем, кто ходил в атаки и разведку, не было. Срочнослужащие, вынужденные выполнять все, даже самые идиотские приказы своих командиров, хотя многие из них со временем стали высказывать скрытое, а то и открытое неповиновение, были раздражены часто и на командиров, и на резервистов, имеющих возможность

хоть раз в месяц на пять дней отправиться домой, и при этом имевших командиров своих земляков – резервных офицеров. Сами резервисты были злы на командование, оторвавшее их от домашних работ, тогда как все обещания власти о льготах остались пустым звуком, как и о своевременной оплате. К тому же в Югославии мобилизация проводилась, как всегда, половинчато. Даже не упоминая о многочисленных случаях уклонения или отказов от военной службы, следует указать, что сам принцип выборочной региональной мобилизации был ошибочен. Так, из Черногории, Воеводины, да и всей центральной Сербии, как и из приграничных ее областей, на Космет никто из мобилизованных не посылался, а в том же Белграде мобилизации почти вовсе не было.

Естественно, что характер войны различался на Космете и в остальной Югославии, в которой в боевых действиях участвовали в основном авиация, ПВО и инженерно-строительные подразделения, а отчасти гражданская оборона, и различные специализированные службы, тогда как нужды в массовой мобилизации в армию не было. Вообще не ясно, зачем нужна была подобная выборочная мобилизация, когда можно было обойтись призывом разве что тех, кто из армии демобилизовался, максимум. 8 лет назад, то есть, имел какой-то боевой опыт и еще хоть как-то знал современные типы вооружения, или же тех, чья гражданская специальность была нужна вооруженным силам.

Помимо этого, можно было получать при той волне патриотизма тысячи сербских, а также русских добровольцев (в Москве тогда в ряды будущих добровольцев записалось до пятидесяти тысяч человек).

На деле же резервисты из общин Южной Сербии, где прошла полная мобилизация, были недовольны и властью и остальной Сербией, тем более что мобилизовались здесь только сербы, а мусульмане Санджака от нее, по существу, откупились.

Примерно так же дело обстояло и с местными сербами, которые считали, что те, кто попал на Космет с войной, не знают его проблем и часто больше позерствуют, а последние отвечали им, что они толком и не воюют. В армии нередко плохо отзывались о полиции, считая, что та избегает тяжелых задач, перекладывая их на армию. В полиции, прежде всего в специальной, создалось мнение, что в армии бардак. Впрочем, по большому счету, бардак царил везде, но полиция была на особом положении, так как прибывала на Космет со всей Сербии уже организованными группами, и при том лучше оплачиваемыми и снабжаемыми, чем армия. При этом, естественно, главные боевые задачи поручались как раз армии. По моему мнению, посылка на Космет полиции в том виде была неразумна, и лучше было не создавать сводные подразделения, а просто пополнять обычной полицией отряды «особой» полиции с лучшим оснащением техникой, что дало бы хорошо подготовленные и обкатанные формирования. Посты же на дорогах, в особенности вдоль границы и на Дренице, надо было передать тем армейским

частям, что были распределены в данной области, или же, наоборот, и посты и сами области передать полиция – двойное командование везде вредно и его следовало бы избегать.

Но не было, как уже несколько раз повторялось, воли к победе, что влияло на действия – не только простых солдат, но и генералов. Почему этой воли не было – отдельный вопрос. Но никак нельзя все списывать на, якобы, традиционную славянскую суть. В 1912 году сербская армия, несравненно меньшая по численности, нежели югославская, быстро разгромила турецкую армию в Косово и Метохии, подавив всякое албанское сопротивление. Да и что такое эта славянская суть, и в чем она выражается? Если в генотипе, то он у сербов и у тех же русских порою различен. Славянской крови очень много у немцев, а немало и у турок, и даже у албанцев, да и, в конце концов, хорваты и мусульмане в Югославии тоже ведь являются славянами. Главное отличие сербов от большинства соседних народов заключалось именно в православии.

Нельзя сказать, что у сербов его нет, но та легкость, с которой народ воспринял потерю Космета, не пройдет без последствий для него самого, в особенности, для его будущего. На другие народы здесь не надо оглядываться. Уже то, как встретили, дома тех, кто воевал в Косово и Метохии, хорошо показывает, что в действительности представляет собой общество. Неважно, каковы были те, кто воевал на Космете, и даже как они там воевали, ибо тут неважно, кто и что может, но лишь то, кто и что сделал. Встретили же этих людей так, словно тем, кто остался в Югославии, было едва ли не тяжелее, чем тем, кто был на Космете. Были уравниены в правах те, кто воевал в Косово и те, кто провел всю войну в Воеводине или в Белграде, ибо всем в справках указывалось, что они «выполняли боевые задачи», а где и как – неважно.

Таким образом, все воевали одинаково, по крайней мере, так получалось по документам. Понятно, что те, кто остался в Сербии, возможно, и должны были остаться, но все же хоть какую-то грань тут провести было можно. Еще более показательным оказалось отношение к добровольцам в югославской армии. Добровольцы здесь в основном были из Сербии, то также и те резервисты, что выразили свое желание участвовать в боевых действиях на Космете, хотя должны были быть распределены или вне него, или вообще не были еще призываемы, или были освобождены от военной службы.

Мотивы тут были разные. Были люди, шедшие ради защиты Отечества, а были люди, шедшие или пограбить, или снять с себя перед законом те или иные «темные пятна». Однако сами мотивы были не столько важны, сколько само желание и умение воевать, хотя знание тактики и техники не помешало бы. Все же на общем уровне смотрелись они вполне приемлемо, хотя я, конечно, не знаю всех, а сужу по своей разведротности и по нескольким интервентным группам. Были, конечно, добровольцы, по одному виду которых было ясно, что это сброд, и именно они больше всего скандалили и создавали эксцессы.

Возможно, что кого-то в военных верхах корбило от одного слова «доброволец», на основании опыта общения с подобным сбродом, но все-таки необходимость в той или иной личности для армии определяется тем, как человек действует в боевой обстановке, а не тем, как ведет себя в тылу. В конце концов, существовала в Югославской армии и военная полиция, и прав она при провозглашении военного положения получила предостаточно.

Конечно, во всем этом моем тексте часто описываются нереализованные возможности. Отчасти так оно и есть, и современные российские «продвинутые» поклонники Запада (а иного слова тут не подобрать) могут с полным правом позлорадствовать. Только в те годы приходилось выбирать: либо не делать ничего ради успеха в войне (и оправданий можно было найти предостаточно), либо все-таки попытаться хоть что-то сделать, используя все, пусть даже весьма ограниченные возможности. В той ситуации, которая сложилась в Югославии, местные поклонники Запада практически самоустранились от ведения войны, словно не понимая, что это их любимый и дорогой Запад равнодушно бомбит сообщество столь «продвинутых» персон.

А между тем, дело-то не в бомбежках, которые на самом деле велись достаточно выборочно, и командование НАТО действительно старалось избежать гражданских жертв. Дело в том, что, разрушая государственный аппарат Югославии, чьей опорой была Югославская армия, НАТО способствовал УЧК, которой не было дела ни до «демократических ценностей», ни до прав человека. Многие албанцы восприняли ту войну как своеобразное наказание за то, что при турках или при Гитлере они не добились до конца местных сербов, а после ухода отсюда югославской армии попытались это дело «исправить». Счастье сербов в Белграде, что албанцев было два миллиона, а не десять, иначе и им пришлось бы стоять в очередях за гуманитарной помощью, подобно столь ими не любимым сербам-«косоварим», но уже где-нибудь в Новом Саде – и то либо в Венгрии, либо в Хорватии.

Сейчас, конечно, читать об этом скучно, и, вероятно, так же скучно когда-то сербам в Приштине было читать о планах по созданию «Великой Албании».

Но я в каком-то смысле спокоен, ибо попытался сделать все, что мог, причем больше всего препятствий воздвигали на моем пути сами же сербы. Меня, конечно, тут никто не обманывал, и в целом я доволен. Ну, а сербы, видимо, лучшие палачи самих себя, так как по-иному трудно объяснить то, что происходило в ходе этой войны.

В сущности, ничего тут сверхъестественного не было, ибо тогда себя в полном объеме проявило то настроение, что десятками лет весьма усердно насаждалось в народе – политика шкурного интереса. И нет смысла связывать эту политику с обществом «демократии и благосостояния». С таким

же успехом «политика собственного интереса» может привести к тирании и войне, а там уже дело будут определять интересы верхов, а вовсе не «широких масс» или отдельного независимого человека.

Вообще-то, как говорили древние римляне, «если хочешь мира, готовься к войне». Это мир увидел сегодня не только на примере Югославии, это и Ирак, и Афганистан, и...

Кто следующий, подумываю я...